

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Ю. С. Степанов

ИМЕНА
ПРЕДИКАТЫ
ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Семиологическая
грамматика

Из книг
А.М. Шахнаровича

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА

1981

В книге рассматриваются две универсальные сферы Языка — Семантика и Синтаксис. Анализ проводится в новом разрезе, утверждающемся в лингвистике в последние годы, — на основе базовой единицы Языка — предложения; прослеживаются отражения его частей — предикатов и имен (термов) в Словаре (лексиконе). На этом пути наиболее естественно устанавливается связь между лингвистическими и логическими понятиями и проблемами (значение и экстенционал; смысл и интенционал; предикаты и категории Аристотеля; предложение о реальном и о «возможном» мире в смысле Лейбница—Витгенштейна; грамматика и «теория типов» Рассела и др.). Рассматривается отношение универсальных категорий Семантики и Синтаксиса к исторически изменчивой «технике» языков — морфологии. На этой основе разграничиваются понятия эволюции Языка и истории конкретных языков. Книга снабжена кратким Словарем-указателем семиологических терминов.

Ответственный редактор
доктор филологических наук
Ю. Н. КАРАУЛОВ

Юрий Сергеевич Степанов

Имена, предикаты, предложения
(Семиологическая грамматика)

Утверждено к печати Институтом языкознания АН СССР

Редактор издательства *В. С. Матюхина*. Художник *А. Г. Кобрин*
Художественный редактор *Т. А. Поленова*
Технический редактор *О. Г. Ульянова*
Корректоры *Л. Д. Собко, Л. П. Стульчик*

ИБ № 2204

Сдано в набор 23.10.80. Подписано к печати 23.02.81. Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага № 2. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л. 18,9. Уч.-изд. л. 20,7. Тираж 4700 экз. Тип. зак. 2023. Цена 2 р. 70 к.

Издательство «Наука», 117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография
издательства «Наука», 199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

ПРЕДМЕТ И МЕТОД

1. ПРЕДМЕТ

Не правда ль: милые предметы. . .

(Пушкин. Евгений Онегин, III, 27)

Главные предметы этой книги — имена, предикаты и предложения. Но лингвисты (и автор в том числе) уже привыкли к тому, что главными предметами в лингвистических теориях выступают семантика и синтаксис. Каково отношение первых объектов ко вторым? Наконец, языковеды предыдущего поколения, возможно, еще более сжились с мыслью, что главными предметами языкознания являются лексика и грамматика, а также фонетика. Каково отношение первых и вторых к третьим?

Ответ на подобные вопросы — об изменении предмета лингвистики — сам по себе составляет еще один предмет семиологии, которая является теорией языка, а также метатеорией и эпитеорией¹ одновременно. Семиологический ответ в известном смысле предрешен, поскольку семиология сама состоит из трех частей — семантики, синтактики, прагматики. С этой точки зрения семантика и синтаксис остаются, вообще говоря, главными предметами. Но в настоящей книге предлагается их новый разрез, пересекающий семантику и синтаксис одновременно и под новым углом зрения. Этот новый угол зрения — предложение-высказывание.

Подобно этому членение предмета языкознания на лексику и грамматику, причем в последней на первое место выдвигалась морфология, тоже было для своего времени достаточно новым и полезным взглядом — по существу на тот же самый, универсальный и вечный объект, семантику и синтаксис. (Поскольку, таким образом, речь идет о двух основных сферах языка вообще, следовало бы писать эти

¹ Об этих понятиях см. гл. I, 2.

названия с большой буквы — Семантика и Синтаксис, как и Словарь, что мы в дальнейшем иногда будем делать ².)

Предложение-высказывание берется здесь все еще — в отличие от возникшей в последние годы «лингвистики текста» — в довольно большой абстракции от функционирования языка, скорее как «предложение», чем как «высказывание». И все же мы надеемся, что это достаточно полезная и новая точка зрения. Она обязывает к некоторому определенному плану книги.

Предложение — в виде структурной схемы или пропозициональной функции, одним словом в виде типа, — является основным и исходным предметом. Именно в нем воплощена прежде всего Семантика языка. Но вне предложения имеется другая сфера — Словарь. В нем также заключена семантика. Эту сферу — семантику словаря — следует рассматривать как достаточно автономную и прежде всего потому, что отражение объективной действительности фиксируется как общественное достояние именно в словах, единицах словаря. В семиологической грамматике сначала устанавливается систематика типов предложений — таксономия Синтаксиса, а затем «челночной процедурой» выявляются зависимые от предложений семантические сущности Словаря — таксономия Словаря. Абстракциями предложения в сфере Словаря как раз и являются Имена (как соответствия «термов» в составе предложения) и Предикаты (как соответствия «предикатов», или отношений, между терминами в составе предложения); имена подразделяются далее на функциональные классы — «индивидуальные имена», «общие имена» и др. и на более независимые от синтаксиса семантические классы — «Вещи», «Растения», «Животные», «Люди». Порядок изложения, конечно, необязательно должен повторять порядок исследования или копировать иерархию важности. В данной книге мы начинаем с таксономии Словаря (гл. II и III), но вся она пронизана исходными линиями, берущими начало в Синтаксисе (гл. IV).

Новшеством, отличающим данную книгу, является, пожалуй, то, что под таксономию Синтаксиса подводится некоторая более простая система — таксономия Предикатов. (Исходя из предположения, что она тоже универсальна, мы употребляем здесь заглавную букву.) Послед-

² Об употреблении заглавных букв для отличения категорий метаязыка и эпитеории см. гл. III, 2.

няя, в свою очередь, совпадает, как оказалось, с перечнем «Категорий» Аристотеля, которые до сих пор лингвистически рассматривались лишь как «части речи» (гл. III).

Тот факт, что в лингвистике последних лет проблемы семантики и синтаксиса вышли на первое место, лингвисты мотивируют по-разному: либо тем, что благодаря ориентации на семантику и синтаксис, а следовательно, и на логику лингвистика возвращается от суетных, эфемерных вопросов к непреходящим, вечным проблемам; либо тем, что таково требование научно-технической революции, автоматизации систем управления и разработки для этих целей искусственных языков; либо тем, что лингвистам удалось наконец решительно обновить язык своих собственных описаний и заметно продвинуться в создании метаязыка, универсального семантического языка, или кода. Все эти мотивировки в той или иной мере верны одновременно. Но уже их разнообразие говорит о том, что они лишь субъективные выражения более общего объективного факта. Действительное основание, по которому семантика и синтаксис заняли первое место, заключено в самом языке. Лингвисты разных стран, совершив в последние десятилетия как бы коллективное открытие, обнаружили в этих двух областях подлинно универсальные черты Языка вообще. Стало очевидным, что если могут быть языки с простой или сложной морфологией глагола, с пышным или отсутствующим склонением имени, с сильно или слабо развитой морфологией вообще, то не может быть языка со слабо развитой или отсутствующей семантикой, со слабо развитым или отсутствующим синтаксисом. Какой бы язык мы ни взяли, восточный или западный, литературный или бесписьменный, «культурный» или «примитивный», семантика и синтаксис в нем всегда, по отношению к его собственной системе, развиты вполне. В семантике, с одной стороны, в синтаксисе — с другой, и в общих чертах их соединения, т. е. соединения между наиболее глубинным содержанием и наиболее поверхностным выражением, в-третьих, приоткрываются теперь наиболее общие, универсальные закономерности Языка вообще.

Иными словами, мы можем сказать, что если семантика и синтаксис вышли в современном языкознании на первое место, то это произошло благодаря тому, что на первое место вышла также третья, наиболее общая проблема — проблема Языка вообще.

Следует добавить, что сама эта точка зрения была бы невозможна, если бы в круг изучения лингвистов не были вовлечены в последние десятилетия сотни новых (как предмет изучения) языков самых разных систем. В этом свете по-новому обрисовалось место морфологии и лексики. Вопрос стоит теперь так: каким образом универсальные закономерности языка, проявляющиеся в сфере Семантики и Синтаксиса, обслуживаются более частными, национально-специфическими средствами морфологии? Из универсальной характеристики языка (вспомним старинные опыты морфологической классификации языков) морфология стала — как раздел языкознания — учением о национально-специфическом и исторически изменчивом в языке. Точнее, по-видимому, было бы определить теперь морфологию как дисциплину о национально-специфических и исторически изменчивых типах связи между семантикой и синтаксисом в разных языках, как дисциплину о технике языковой системы. Конечно, морфология включает также вопрос об устойчивых чертах, константах в этой технике. Аналогично решается вопрос о лексике. Если морфология, скорее, техника синтаксиса, то лексику можно определить как технику словаря. И именно поэтому та и другая тесно связаны.

В сфере Семантики и Синтаксиса господствуют универсальные закономерности, подчиняющиеся лишь законам эволюции. Но как проявляются эти закономерности в конкретном историческом языке, определяется его собственной системой и историей. Важно, следовательно, прежде всего различить эволюцию и историю (гл. X и XI). В словаре любого языка имеются группы слов, соответствующие субъектам, и группы слов, соответствующие предикатам синтаксиса. Это соответствие универсально и принадлежит Языку вообще. Но будет ли оно подчинено противопоставлению в синтаксисе «активного» и «неактивного» начал, или «субъекта» и «объекта», или каких-либо еще, зависит от типа языка: «активного», как многие языки североамериканских индейцев, в первом случае, «номинативного», как русский, английский и другие индоевропейские, во втором. Наконец, степень подробности в таких группах определяется различной историей отдельных языков даже одного и того же типа. Так, славянские языки среди индоевропейских наиболее последовательно противопоставляют «лицо» и «нелицо», тогда как близкородственные им балтийские не знают такого

противопоставления ни в именах, ни в местоимениях. И все подобные различия отражаются в лексике и морфологии.

Кроме того, лексика языков различна в силу случайности названия, в том смысле, что случайны признаки, выбираемые для названия предметов даже одной и той же универсальной группы. Достаточно универсальное понятие «рынок» восходит в русском и других славянских языках к германскому заимствованию *ginc* 'круг', 'круглая площадь'; в английском *market* к латинскому заимствованию *mercatus* 'торг', которое, в свою очередь, связано в латинском с глаголом *mercari* 'покупать'; в древнегреческом *ἀγορά* к глаголу *ἀγειρόω* 'собирать' и означало вначале 'место, где собирается народ', и т. п.

Целесообразно уже в термине отличать лексику как технику от того, техникой чего она является; последнее мы и называем Словарем (англ. *Vocabulary*). Следовательно, Словарь — это универсальная таксономия Семантики, и его техникой в каждом отдельном языке выступает лексика.

В лингвистике последних лет создалась опасная двойственность. В самом деле, Семантика описывается в настоящее время (также и в этой книге) прежде всего в терминах предложения и через призму предложения: в таких терминах, как «индивидуальные имена», «общие имена», «метаимена», как «субъекты» и «предикаты», как «кванторы» и «отрицания» и т. д. Между тем форма и техника все еще описываются исключительно в терминах морфологии, таких, как «парадигмы» склонения и спряжения, «морфологические классы» глаголов и имен и т. д. Семантики в настоящее время совершенно не готовы к ответу на такие, например, вопросы: каков морфологический статус общего имени? каковы особенности его морфологического строения и образования? имеются ли какие-либо достаточно типичные морфологические отличия у общих имен по сравнению с индивидуальными, в пределах хотя бы индоевропейских языков? Со своей стороны морфологи еще менее готовы ответить, например, на вопросы: как будет вести себя в синтаксисе имя того или иного морфологического класса? как связан морфологический класс глагола и семантика предиката? В этой книге мы по мере возможности старались преодолеть подобный дуализм (начало этой линии — в гл. V и завершение — в гл. XII).

В соответствии со сказанным выше семантико-синтаксическая система языка понимается в семиологической

грамматике как статическая. «Статика» в противопоставлении «динамике» нередко рассматривается как нечто застывшее, неподвижное, метафизическое; если «динамика» — почти синоним слов «прогресс, развитие», то «статика», скорее, кажется синонимом «застоя» и «прошлого». Для такого понимания статике нет никаких научных оснований. Семантико-синтаксическая организация языка рассматривается в семиологии как статическая система потому, что сам язык рассматривается как знаковая система, а всякая система относительно стабильна. Нельзя смешивать понимание языка как знаковой системы и понимание языка как «системы знаков», свойственное, например, структурализму и его подходу к таксономии. Ведь в таком случае язык представляется в виде некоторой совокупности отдельных знаков, хотя и достаточно сложно организованной. Понимание же языка как знаковой системы вовсе не предполагает, что эта система представляет собой совокупность отдельных, хорошо определенных знаков. Семиологическая грамматика в своем понимании языка отличается и от генеративной грамматики, в которой язык рассматривается как совокупность правил. В семиологической грамматике язык понимается как некоторая совокупность знаков и связывающих их правил. При этом рассуждении язык понимается как конкретный, данный национальный исторический язык. Именно применительно к нему можно сказать, что он совокупность правил и знаков, поскольку слова, составляющие лексику, и морфемы, составляющие морфологию, являются знаками.

Но как определить язык, если имеется в виду не какой-либо конкретный, национально-исторический язык, а человеческий Язык вообще? Очевидно, хотя бы в силу сказанного выше о лексике и морфологии как технике, его уже нельзя определить таким же образом, потому что конкретные слова и морфемы являются знаками только какого-либо конкретного языка и нет слов и морфем, общих для всех языков, присущих Языку как таковому. Для определения Языка вообще существенны те более общие категории, техникой которых в каждом отдельном языке выступают лексика и морфология. Назовем их именно *категории* — категории Семантики (Словаря) и Синтаксиса. Таким образом, Язык вообще можно определить как совокупность категорий и правил.

Центром так понимаемого языка является предложение. Исходя из высказывания как центра, исследователь с помощью «челночной процедуры» совершает операции абстрагирования от синтаксиса к семантике, от семантики снова к синтаксису и обратно, пока — в процессе расширяющейся абстракции — не установит, по крайней мере гипотетически, все связи семантики и синтаксиса, т. е. систему в целом.

На этом этапе можно более определенно показать отличие семиологической грамматики от генеративной. Последняя включает словарь и правила, а предложения порождаются как результат совокупного применения подстановок слов из словаря и правил. Например, пусть дано правило: « $S \rightarrow T + N + V + T + N$ » и классы слов, которые это правило предполагает в словаре:

$T = \{\text{the}\}$
 $N = \{\text{man, dog, chimpanzee...}\}$
 $V = \{\text{bites, eats, opens...}\}$

Грамматическое правило, символизированное стрелкой, означает инструкцию заменить, или «переписать», элемент, находящийся слева от стрелки, элементом или последовательностью элементов, находящихся справа от стрелки. Правило подстановки, символизированное знаком равенства, означает инструкцию: «Замени X, где X — переменная, принимающая значение всех грамматических классов, упоминаемых в генеративной системе (например, T или N), на x, где x — любой член класса X». Последовательное применение инструкции о подстановке превратит $T + N + V + T + N$ в некоторое предложение типа *The dog bites the man* '(Эта) собака кусает (этого) человека' [Лайонз 1978, 173].

Таким образом, в генеративной грамматике, вообще говоря, семантика заключена в словаре и в правилах, а результат применения грамматики — предложение — является именно результатом, просто производным от чего-то, находящегося вне его самого. Предложение и в генеративной грамматике, конечно, не стоит вне семантики, но его отношение к семантике выглядит именно таким образом, и это нечто существенно иное, чем понимание предложения, исходной точки, в грамматике семиологической.

Собственно, уже сказанного было бы достаточно, чтобы обосновать право грамматики, которая подходит к пред-

ложению столь отличным от других грамматик способом, называться каким-нибудь отличным именем. Если кому-либо не нравится название «семиологическая грамматика», то можно предложить называть ее как-нибудь иначе, например «логиосемическая» или «миоселогическая», подобно тому, как Брехт предложил критикам своего театра называть его не «театр», а, например, «таетр». Однако из всех возможных наименований «семиологическая» будет все же наиболее подходящим.

Причина заключается прежде всего в том, что (при всех различиях) имеется глубокая аналогия между семантическим строением имени (отдельного слова) и семантическим строением предложения. И поскольку знаковый подход к имени не вызывает сомнений, он должен быть применен и к предложению. Обрисовать эту аналогию — значит, в сущности, изложить, пусть в самых общих чертах, некоторую семантическую теорию. Это и делается в следующих абзацах.

Довольно распространен взгляд — несемииологический, — что аналогия между семантическим строением имени и семантическим строением предложения могла бы заключаться только в «принципе именованя», т. е. только в том случае, если согласиться, что предложение именуется нечто подобно имени. Но большинство современных семантиков — и вполне справедливо — не признает за предложением способность именовать подобно тому, как именуется имя, и тем более не признает за предложением способность именовать действительность «поэлементно», в отличие от Витгенштейна, который писал: «Конфигурации простых знаков в пропозициональном знаке соответствует конфигурация объектов в положении вещей» [Витгенштейн 1958, 3. 21]. Предложение не является знаком, подобным имени. На этом основании сторонники указанного выше взгляда отказываются от аналогий между семантическими теориями имени и семантическими теориями предложения-высказывания и предлагают строить последние на некотором новом фундаменте, достаточно независимом от семантических теорий имени. К концепциям, провозгласившим такой отказ, относятся семантические исследования логической ориентации — Оксфордской школы начиная с 30—40-х годов XX в., ряда американских логиков и семантиков и некоторые другие [см.: Арутюнова 1976а].

Однако из отрицания «принципа именованя» применительно к предложению не вытекает необходимости отрицания других сходств между семантическим строением имени и семантическим строением предложения, а следовательно, аналогии и преемственности между соответствующими теориями. Эти аналогии — наиболее естественный путь к построению семантической теории предложения и высказывания.

В слове внешний элемент — последовательность звуков или графических знаков, означающее — связан — в системе языка и в сознании его носителей — с двумя другими элементами: с одной стороны, с предметом действительности, т. е. с вещью, явлением, процессом, называемым денотат, референт, экстенционал; с другой стороны, с понятием или представлением об этом предмете, называемым (в разных теориях по-разному) означаемое, сигнификат, концепт, интенционал. В современной лингвистике термины референт, референция (англ. reference) употребляются обычно как синонимы терминов первой группы, а термин смысл (англ. sense) — как синоним терминов второй. Что касается слова «значение» (англ. meaning), то оно употребляется в обоих смыслах.

Связать слово с предметом возможно лишь при условии, что предмет так или иначе опознается человеком. Поэтому денотат, являясь предметом объективной действительности, кроме того, еще и выступает в виде некоторого отражения предмета в сознании, как и сигнификат, но в отличие от сигнификата это отражение с минимальным числом опознавательных признаков, зачастую бессистемное и не совпадающее с понятием (ср. сказанное выше о случайности названия). Например, для слова «прямая» сигнификатом (понятием) является «кратчайшее расстояние между двумя точками», в то время как денотат связан лишь с представлением о «линии, которая не уклоняется ни вправо, ни влево, ни вверх, ни вниз».

□ Аналогично слову в предложении-высказывании также выделяются две семантические сферы: с одной стороны, экстенционал, денотат, или референт, как обозначение факта действительности; с другой стороны, интенционал, сигнификат, или смысл, как некая мысль об этом факте.

Еще стоики открыли, что у высказывания два предмета: во-первых, вещь или факт реального мира, по их терминологии «тело», и, во-вторых, некая специфическая мыслительная сущность — не сочетание абстрактных

понятий, субстанции и атрибутов, а нечто единое и значительно более богатое, слияние понятий, представлений и эмоций человека; стойки называли эту сущность *лектон*. Лектон является особой формой знания, более общей, чем утверждение или отрицание. Сходную категорию джняна-нани 'знание' устанавливали древнеиндийские логики. Первая сущность стоек, очевидно, аналогична экстенционалу, а вторая — интенционалу. Между прочим, это обстоятельство подчеркивает, что интенционал, смысл предложения — это нечто более общее, чем истина или ложь, нечто, что может соответствовать или истине, или лжи. Сущность интенционала можно — до некоторой степени — пояснить на примере двух связанных сложных предложений: *Верно, что (в Арктике живут белые медведи)*; *Неверно, что (в Арктике живут белые медведи)* — часть, взятая в скобки, есть в более или менее «чистом» виде интенционал, или смысл, тогда как все высказывание в целом есть одно истина, другое ложь. Таким образом, смысл предложения лежит в интенциональной области, в то время как «истина» или «ложь» — в экстенциональной. Иными словами, истинность или ложность есть не проблема смысла, а проблема значения предложения.

Сами термины «экстенционал» и «интенционал», даже когда их применяют к предложению, восходят — немаловажное обстоятельство — к описанию отдельного слова-понятия. Еще в традиции средневековой логики объем понятия, т. е. объем его приложений к предметам, покрываемая предметная область, назывался термином *extensio* букв. 'растяжение', а содержание понятия, т. е. совокупность мыслимых под этим объемом признаков, — словом *intensio* букв. 'внутреннее натяжение'.

Аналогично слову и предложению организована вся семантика в целом, т. е. все содержание, информация, передаваемые языком или какой-либо его единицей. Семантика распадается на две сферы: предметную, или денотатную, экстенциональную, и сферу понятий, или смыслов, сигнификатную, интенциональную. Обе сферы семантики в языке вообще строятся довольно симметрично, причем интенциональная, понятийная в значительной степени копирует в своей структуре экстенциональную, предметную. В некоторых фрагментах системы это проявляется особенно отчетливо: в таксономии имен родо-видовые отношения понятий являются в сущности отражением отношений между особями в природе (гл. II, 3); различ-

ные грамматики в пределах одного языка соответствуют различию предметных сфер объективного мира, осваиваемых человеком в ходе истории (гл. XII); до некоторой степени аналогично этому разделение стилей в языке (там же); примеры можно умножить.

Однако полный параллелизм между сферами семантики отсутствует, и ряд ключевых проблем семантики получает решение только применительно к каждой сфере в отдельности. Так, предметная или денотатная синонимия, экстенциональное тождество выражений необязательно влечет за собой сигнификатную или понятийную синонимию, интенциональное тождество, и наоборот. Существует два типа преобразований языковых выражений, параллельные и сходные, но не тождественные — *трансформации* в экстенциональной сфере и *перифразы* в интенциональной. Примером трансформаций могут служить изменения залога: *Рабочие строят дом — Дом строится рабочими*. Первое предложение ориентировано на рабочих как на объективный денотат, или референт; второе — на дом, но смыслы того и другого предложений одинаковы. При трансформациях вообще сохраняется смысл предложения (или иного языкового выражения), но могут происходить смещения относительно денотата (референта). Примером перифраз может служить: *Иван купил козу у Петра — Петр продал козу Ивану*; при перифразировании остается тождественным денотат, или референт, предложения, но меняется его смысл (см. гл. V и VI, а также гл. IV, 4).

Из сказанного ясно, что методом семиологической грамматики являются некоторые взаимные замещения, в частном случае преобразования, языковых выражений, инвариантные то относительно «референта», то относительно «смысла». Эти замещения и преобразования можно назвать *методом абстракции*. Работа с ним, очевидно, заключается одновременно в постоянном обобщении групп фактов до некоторого общего целого и снова в конкретизации общего на группах фактов. В этом методе не было бы, однако, еще ничего специфически семиологического (так поступают в самых разных науках), если бы возникающие абстракции не обладали некоторым особым качеством, присущим только семиологии языка и обусловленным природой самого языка. Эти абстракции в некотором смысле существуют как факты самого языка.

Когда биолог утверждает, что данная особь принадлежит к такому-то виду, роду и семейству, то он понимает, что последние реально существуют как совокупности особей³. Но когда лингвист утверждает, что данный звук принадлежит к такой-то фонеме, то дело обстоит не так просто. Только часть лингвистов (например, американские дескриптивисты 40—50-х годов XX в.) считает, что фонема реально существует лишь в виде совокупности или класса звуков. Большинство лингвистов — генеративисты, семиологи и многие другие — хотя и по разным основаниям — убеждено, что речь идет о чем-то большем, чем просто «класс чего-то». Фонемы и другие сущности, соответствующие, с одной стороны, «классу чего-то», несомненно, существуют, с другой стороны, как о с о б ы е с у щ н о с т и, хотя и на ином уровне языка. Еще сложнее или, скорее, еще определеннее обстоит дело в семантике. Когда класс слов или значений называется общим словом, то значение последнего существует не как совокупность значений членов класса. Психолингвист также согласится, что это так. В частности, различные типы афазий показывают, что у человека может разрушиться отождествление объектов в виде имен, но могут сохраниться места для них в структуре предложения; следовательно, место, отведенное имени в системе, есть некая сущность иного рода, чем совокупность заполняющих его имен.

Таким образом, возникает общий вопрос: если существуют классы языковых явлений, то как они существуют? Если, например, есть разные формы дополнений — «разные падежи», то в каком смысле существует «падеж дополнения», «аккузатив» вообще? Еще более остро стоит этот вопрос применительно к категории «падеж» вообще, «индивидуальное имя» вообще и равным образом применительно к другим категориям такого общего типа. Очевидно, что эти вопросы уже нельзя решать, не решая одновременно, каким образом мы устанавливаем эти категории. Мы подошли, следовательно, к проблеме введения и устранения лингвистических абстракций, которая составляет уже содержание метода.

³ См., однако, высказывания Н. И. Вавилова о виде (гл. II, 3).

2. МЕТОД

Тут они все *подумали хором* (надеюсь, вы понимаете, что такое *подумать хором*, — я, признаюсь, не понимаю): «Лучше уж совсем ничего не говорите. Язык стоит тысячу фунтов за слово!»

(Кэрролл.
Алиса в Зазеркалье, III)

Может быть, больше, чем в предмете, своеобразие семиологического подхода раскрывается в методе. Основной метод семиологической грамматики представляет собой класс различных знаковых замещений, или иначе — *введения и исключения абстракций*.

Его прообраз задан самим языком. Каково значение общих имен существительных типа «человек», «город», «дерево»? Если «город» — это общее имя для *Москва, Варшава, Париж*, то не является ли оно «именем над именами»? Или оно означает «город вообще» — некоторое отождествление разных городов по их общим свойствам? Не так ли обстоит дело, например, в предложении: *Петушки теперь — это не село, а город?* Или оно означает класс всех предметов, таких, что каждый из них может быть назван городом? Или, наконец, оно означает не «город вообще» (не абстракцию города) и не класс городов (не многие города), а неопределенный город? И если так, то не точнее ли всего определить его значение — в таких, например, высказываниях, как *Всякий город имеет городское управление*, — как п е р е м е н н у ю, подобную переменной в математической логике? Каждая из упомянутых точек зрения имела своих сторонников. Последняя, по-видимому истинная или наиболее близкая к истине, восходящая к знаменитой работе Б. Рассела «Об обозначении» («On denoting», 1905) [см.: Russell 1956], как раз подводит к понятию абстракции, о котором идет речь. Употребление слова *город* и слов такого типа в естественном языке во многих случаях оказывается аналогом операции введения и исключения абстракций в формализованных языках.

В семиологической грамматике с такими операциями приходится иметь дело на каждом шагу. Установление категорий, таких, как «Сущность», «Свойство», «Отношение»; установление грамматических категорий, таких, как «взвешенный падеж», «будущее время», «множественное

число», наконец, категорий «падеж» вообще, «время» вообще, «число» вообще (в грамматике), следовательно, вопросы о существовании этих категорий: существует ли «Падеж» вообще? существует ли будущее время в данном языке? применимы ли термины «объект», «прямой объект» к языкам эргативного строя? и т. п. — все это вопросы, связанные с введением и исключением абстракций типа слова «город». Структурная схема предложения, играющая столь важную роль при описании синтаксиса, представляет собой абстрактную схему, могущую быть обозначенной сочетанием буквенных символов, таких, как $N + V$ (имя существительное + глагол), и, следовательно, возникают вопросы о том, каковы значения этих символов, правила их определения, введения и устранения (при переходе от схемы к реальному предложению), — вопросы того же порядка. Наконец, перифразы и трансформации предложений, хотя и играющие здесь подсобную роль (сравнительно с их местом в генеративных концепциях) и рассматриваемые, скорее, как некоторые статические эквивалентности, также оказываются связанными с проблемой абстракций. Семиологическая грамматика пронизана операциями введения и исключения абстракций. Но их в ней не только больше, чем в других системах описаний, — метод абстракции связан с самым ее существом. На этой особенности следует остановиться подробнее.

Если бы проблема абстракций сводилась в грамматике данного типа только к классификациям, т. е. к таксономическим проблемам, то и тогда она составляла бы важнейшую часть проблемы метода. Но здесь семиологическая грамматика не составляет исключения. Так же обстоит (или, во всяком случае, должно обстоять) дело в других таксономических системах, например в теориях, имеющих дело со структурными схемами предложений. Как описать переход от структурной схемы $N + V$ к конкретному русскому предложению? Следует ли только определить область переменной N , указав, какие имена допустимы на ее месте, и область переменной V , указав то же самое для глаголов на ее месте? Или этого недостаточно и необходимо указать еще и «область определения» самого сочетания $N + V$, отметив, например, что эта схема неприменима для выражения состояния (или по крайней мере отметив, чем состояние, выраженное в этой схеме, — *Я заблну*, отличается от нормального выражения состояния

Мне яблоко)? В самом деле, как мы увидим ниже (гл. IV, 2), требуется второе решение.

Но в семиологической грамматике дело здесь не ограничивается классификациями. По самому существу своего предмета (см. гл. I, 1) эта грамматика имеет дело с постоянным переходом от таксономических классификаций к сущностям иного рода — высказываниям. А это ставит проблему введения и исключения абстракций еще и в ином плане. Обратимся к конкретному анализу.

Если, например, как это в одном случае было сделано выше для слова «город», мы определили слово «человек» со словарной стороны как имя класса, то соответствует ли это определение поведению имени «человек» или аналогично определенному имени «обезьяна», в реальных высказываниях (не содержащих определения «всякий» при этих словах)? Если соответствует, то высказывание *Человек пользуется орудиями, а обезьяна — нет* может быть семантически перифразировано как «Любой, какой бы то ни было, человек, любой представитель класса людей способен пользоваться орудиями, любая же обезьяна, любой представитель класса обезьян не способен». Но если этот анализ верен, то почему языки, имеющие артикль и использующие его как средство или генерализации, или индивидуализации, различают употребление этих, казалось бы аналогичных, имен, и, например, по-английски эта же пропозиция будет выражена так: *Man, but not the ape, uses instruments.* (Интересный, хотя не бесспорный, анализ таких высказываний см. [Vendler 1971, 128].)

Это несоответствие абстракции, введенной в таксономическую словарную систему, и абстракции, введенной в синтаксическую систему, говорит о том, что абстракции введены не вполне адекватно, а потому и не могут быть корректно исключены — мы не можем с их помощью дать непротиворечивое семантическое истолкование приведенного высказывания, т. е. перейти с абстрактного на более конкретный уровень. В смысле, ясном из этого примера, мы и говорим, что метод абстракции связан с самим существом семиологической грамматики.

Дело в том, что, как уже было отмечено выше, семантико-синтаксическая система языка понимается в семиологической грамматике как «спокойная», статическая, инвариантная. А для того чтобы выявить, по прекрасному выражению С. А. Яновской, «инвариантное, спокойное

существо дела», приходится решать прежде всего проблемы введения и исключения абстракций. Они являются достаточно общими проблемами современной логики науки. «Без введения абстрактных понятий и объектов, — продолжает Яновская, — нельзя сформулировать ни одного общего закона или правила. Но чтобы применить этот закон на практике, абстрактные объекты нужно заменить их конкретными представителями: нужно их исключить. Нельзя съесть абстрактный „плод“, можно съесть только конкретный объект, подпадающий под это общее понятие» [Яновская 1972, 235].

Можно было бы показать, что невозможность во многих случаях применить генеративные теории на практике к описанию языка, связана как раз с нерешенностью и даже неясностью вопроса об исключении абстракций. Но это — также общая трудность логики науки. Если, как это обычно делается в логике, назвать переменную (т. е. общее имя типа «город»), областью определения которой являются индивиды, абстракцией первого порядка, то уже она ставит логиков и лингвистов, как мы только что видели, перед большой проблемой. Еще бóльшие трудности связаны с абстракциями более высоких порядков, такими, как «множество», «свойство», «отношение», «функция», а также «падеж», «объект» («дополнение») и т. п. В настоящее время можно вполне определенно утверждать, что неудачи в адекватном описании, например, эргативных языков связаны с применением к их описанию таких понятий, выработанных на материале языков другого (номинативного) типа, как «объект» («дополнение»), «прямой объект», «деятель, агент» и т. п. [ср.: Кибрик 1979]. Но для того чтобы их исключить, нужно хорошо представлять себе, что именно они означают. Нужна, следовательно, их формализация.

На проблему формализации в лингвистике иногда (особенно критики) смотрят очень упрощенно, считая, будто формализация призвана только ввести абстракции разного рода, заморозить их в сфере лингвистики и тем самым навсегда оторвать лингвиста от его «кормильца» — естественного языка. Между тем формализация призвана не только вводить, но и исключать абстракции. Как раз для того, чтобы изгнать — из, казалось бы, самых уважаемых и традиционных подходов — такие вовсе «пустые абстракции», как «прямое дополнение» в применении к эргативным языкам, необходимо эти понятия форма-

лизовать; приходится, следовательно, прочитывать как конструктивные самые неконструктивные теории (в частности, созданные противниками формализации).

В той мере, в какой семиологическая грамматика ставит и решает эти вопросы, она принадлежит к конструктивному направлению⁴. Такой подход является в настоящее время также достаточно общим: «Поскольку, однако, — пишет Яновская, — под такие абстракции (как указанные выше. — Ю. С.) мы не умеем подводить непосредственно какие-нибудь материальные объекты и фактически (физически) осуществимые операции с ними, с проблемами их исключения могут быть связаны значительные трудности. По существу эти проблемы представляют собой задачу выявления конструктивного содержания неконструктивных теорий» [Яновская 1972, 237].

Из сказанного совершенно ясно, что С. А. Яновская (как и мы) говорит о принципе абстракции в широком смысле. В этом смысле он охватывает употребление абстрактных слов типа «плод» вместо более конкретных «яблоко», «груша», «вишня» и т. д.; употребление выражений типа «все X », «для всякого X », т. е. выражений с квантором общности; употребление выражений «существует такое X , что. . .», т. е. выражений с квантором существования, и др. Именно в таком широком смысле принцип абстракции и играет важнейшую роль в семиологии. Мы хотим сказать, что сужение принципа абстракции до какого-либо одного типа случаев из указанных выше делает его малосущественным для семиологии.

Такое сужение применяется, например, в теории множеств, где принцип абстракции, иначе называемый там принципом свертывания, формулируют лишь в виде утверждения: «Каждое свойство определяет некоторое множество». Мотивировкой сужения служит то, что в интуитивной теории множеств могут быть получены противоречия и «источником этих неприятностей является неограниченное употребление принципа абстракции» [Столл 1968, 17]. Самым простым из теоретико-множественных

⁴ Мы не определяем здесь, что такое конструктивное направление в современной науке, полагая, что оно достаточно известно фактически (к нему принадлежат, например, теория алгоритмов, конструктивная математика, генеративные теории языка и вообще всякий научный подход, смотрящий на свой объект как на реально «построемый»), а его теоретические определения нетрудно найти в разных соответствующих работах.

противоречий является известный «парадокс Рассела», открытый им в 1901 г.

Семиологическая грамматика, в частности, и исследует возникновение такого типа парадоксов на основе неупорядоченного применения принципа абстракции, заложенного в самой природе языка. Именно поэтому целесообразно рассматривать вначале принцип абстракции в широком смысле, чтобы затем перейти к его сужениям как к частным случаям.

Вообще говоря, введение абстракций, о котором идет речь, может рассматриваться как основная задача построения семиологической теории, хотя бы при этом и не ставился вопрос об исключении абстракций. По крайней мере некоторые крупные теоретики лингвистики и по крайней мере в некоторый период именно так смотрели на существо лингвистической (и семиологической) теории, например Л. Ельмслев. «Теория в нашем смысле сама по себе независима от опыта. Сама по себе она ничего не говорит ни о возможности ее применения, ни об отношении к опытным данным. Она не включает постулата о существовании (курсив наш. — Ю. С.)» [Ельмслев 1960, 274]. В настоящее время с таким пониманием теории вряд ли кто согласится. «Научный смысл имеют только абстракции, которые отражают какое-либо существо дела и поэтому заведомо приложимы к чему-нибудь, т. е. которые можно исключать» [Яновская 1972, 241]. Проблема исключения абстракций есть проблема приложимости теории к практике⁵.

Но за 20 лет, прошедших со времени написания цитированной работы С. А. Яновской (1961), проблема исключения абстракций приняла еще и другое, теоретическое направление в «логике существования». В рамках этого направления подвергается логическому анализу, экспликации и, в определенном смысле, операции устранения абстракции само понятие существования [см.: Целищев 1976]. Для семиологии это лишь еще один, такой же случай появления и исключения абстракции, что и остальные. Ведь в конечном счете семиология утверждает на этот счет только одно: всякая абстракция, возникшая в сфере языка, естественного или логического, рано или поздно подвергнется операции введения и исключения, притом на

⁵ Даже вопрос о примерах в грамматике, как мы увидим ниже (гл. I, 3), — часть этой проблемы.

путях, указанных самим языком. (Теперь уже вряд ли есть необходимость добавлять, что «исключение абстракции» — это термин, значение которого в системе вовсе не тождественно бытовому выражению «изгнать» или «запретить абстракции» в науке о языке.)

Метод абстракции — неотъемлемая часть всякой семиологии, принимает ли она форму теории, «независимой от постулата о существовании», или форму теории, связанной с практикой, или, наконец, форму теории, в которой существование само становится теоретическим, абстрактным объектом. Но конкретное применение этого метода различно в разных теориях.

Последовательное, системное применение абстракций выливается в две формы — или *метатеорию*, или *эпитеорию*. Их различие чрезвычайно существенно для семиологии. Покажем его сначала на простом примере.

Если взять за отправную точку какой-либо естественный язык, то — выходя за рамки его обычного употребления, что и является абстрагированием в данном смысле, — можно двигаться по двум линиям. С одной стороны, язык можно использовать для выражения каких-либо духовных ценностей, не являющихся обычным содержанием языка, например духовного мира отдельной личности — писателя. В этом случае в общий язык вносятся некоторые изменения — преимущественное употребление одних слов, отказ от других, особое расположение слов во фразе, особые сцепления фраз и т. д., результатом чего и будет то, что обычно называется «стиль данного писателя» и — в общем виде — *стилистика*. В этом случае, следовательно, совокупность духовных ценностей (ранее не выражавшаяся данным языком) становится *планом содержания*, а данный язык в целом — лишь *планом выражения* для этого содержания. Здесь лежит начало, прообраз того пути, который в развитых формах становится эпитеорией.

С другой стороны, язык можно использовать как предмет рассуждения или описания, чем он также никогда не является при его обычном употреблении. В этом случае сам данный язык становится лишь *планом содержания*, а *планом выражения* для его описания становится какая-либо другая семиологическая система, например искусственный формализованный язык. (В частном случае, с определенными ограничениями и при постоянном напряженном внимании к его особому употреблению, в этой роли

может остаться и тот же самый естественный язык, который, следовательно, тогда будет употребляться как предмет описания — язык-объект и как средство описания — метаязык). Этот путь является прообразом метатеории.

Языковые истоки обоих путей подробно рассмотрены нами в книге «Семиотика» [Степанов 1971а, 91—101]. Теперь очень важно подчеркнуть, что развитие семиологической грамматики по линии абстракции, по линии «метода абстракции», идет в настоящей книге в общем по пути эпитории. На этом пути вводятся и исключаются абстракции, причем акцент делается на исключении абстракций. В отличие от этого на пути метатеории, как, например, в генеративном направлении, развитие пошло в сторону все большего абстрагирования, с акцентом на введении абстракций, в направлении все более формализованного метаязыка. Различие делается очевидным в нижеследующих разделах о формализации, но проявляется уже и в самом стиле.

3. СТИЛЬ

. . . «Стиль» — это отнюдь не только «почерк» (то есть нечто, не касающееся других пишущих).

(Брест Пятидесятилетнему
Георгу Кайзеру)

Из слов, которыми мы закончили предыдущий раздел, можно было бы заключить, что стиль — это методика. Действительно, если есть метод, то должны быть и приемы его реализации, методика. Методика есть стиль. С этим определением применительно к научной работе, пожалуй, можно согласиться. (Возможно, оно подходит и для искусства: если есть, как считают, художественный метод, то должна быть и художественная методика, и это, скорее всего, стиль.)

С другой стороны, вспоминают изречение Ж. Бюффона: «Стиль — это сам человек». Вряд ли оно верно в применении к человеку (скорее, мы смотрим теперь на стиль как на приспособление к среде, следовательно, как на нечто переменное). Но оно во многом верно применительно к сочинению по грамматике. Стиль грамматики — это ее форма приспособления и добрая половина ее самой.

Известны скромные стили. Акад. Л. В. Щерба говорил: «По моему мнению, ни на чем, впрочем, не основанному. . .». Это не помешало ему выдвинуть фундаментально

обоснованные концепции. Известны стили догматические — акад. Н. Я. Марра, Л. Витгенштейна. Утверждая свои взгляды, Марр часто стучал кулаком, это отразилось в его письменном стиле. Витгенштейн в начале своего «Трактата» заявил: «. . . я потому не указываю никаких источников, что мне совершенно безразлично, думал ли до меня кто-либо другой о том, о чем думал я. . . . Напротив, истинность изложенных здесь мыслей кажется мне неопровержимой и окончательной. Следовательно, я держусь того мнения, что поставленные проблемы в основном окончательно решены». Это не помешало ему через полтора десятилетия почти полностью изменить свои взгляды. Догматические стили, скорее, вредны: они незаслуженно облегчают задачу пишущего и затрудняют читателя.

Существенная черта стиля — указание (или, напротив, сокрытие) источников. Стил ь семиологической грамматики — по возможности полное указание источников. Такой стиль выполняет критическую функцию: он противостоит моде. Заставляя учитывать источники идей (зачастую отдаленные), он обеспечивает более надежный фундамент, чем тот, который способна обеспечить модная — следовательно, противопоставленная традиции — концепция.

Но вернемся к стилю как методике. Здесь, в гл. I, остановимся только на одном, достаточно общем вопросе стиля — давать или не давать примеры? Если давать, то какие и сколько? Удовлетворимся ли мы такими примерами, как в аппликативной грамматике, говоря, что аналогично выражению *раздался звук* образуется **раздался запах* (→ *запахло*)? Это вопрос, связанный с исключением абстракций, а следовательно, с приложимостью теории к практике, — вопрос об экзemplификации.

Экзemplификацию нередко понимают только как «ученое выражение» для простого существа дела — приведения примера; экзemplифицировать — «привести пример» (подобно этому говорят, например, верификация вместо «проверка»). В семиологической теории это не синонимы. Привести пример можно для любого объяснения, и традиционные концепции как раз и ограничивались приведением некоторого, обычно небольшого, количества примеров для теоретических понятий, таких, как «падеж», «дополнение» и т. п., которые тем самым уже и казались окончательно подтвержденными.

В настоящее время в лингвистике отдельные примеры не доказывают ничего. Формой доказательства является лишь концепция. «Истинной формой, в которой существует истина, может быть лишь научная система ее» [Гегель, 1959, 3]. Экземплификация есть приведение примеров в рамках определенной, достаточно цельной и доступной формализации, системы. Иными словами, экземплификация — это способ исключения абстракций для отдельных, но практически важных случаев.

Однако с логической точки зрения при экземплификации дело обстоит не так просто. Р. Карнап, например, утверждает, что «экземплификация в опыте требуется только для первичных предикаторов, с помощью которых интерпретируются другие», — для обозначений свойств и классов [Карнап 1959, 54]. Иными словами, если речь идет о формализованном языке, выражение «экземплифицируется» (англ. «is exemplified») значит: «существуют объекты, для которых данный предикатор удовлетворяется», «существуют объекты, обладающие данным свойством».

Но как быть в случае сложного выражения, например, предложения, составленного из более простых выражений? Можно ли привести для него «пример», т. е. реальный объект, удовлетворяющий этому предложению? И что может быть таким объектом — ситуация? Или только соответствие факту, т. е. «истина» или «ложь»? Карнап колеблется, и его колебания отражают неопределенность логической и семиологической теории в этом пункте. Иногда Карнап склоняется к тому, чтобы допустить, что выражение языка (у него «десигнатор») может первично выражать смысл (у него «интенционал») только в том случае, если оно имеет экземплификацию. Но если даны такие выражения, имеющие первичный смысл (интенционал), то мы можем образовать из них сложные выражения, у которых будут сложные, производные смыслы (интенционалы), и применительно к последним, по мнению Карнапа, мы уже не нуждаемся в экземплификации, чтобы понять их смыслы, потому что смысл сложного выражения устанавливается семантическими правилами системы с помощью смыслов составляющих выражений и того способа, которым эти выражения соединены [Карнап 1959, 69]. Такой взгляд ведет к тому — вообще говоря, правильному — тезису, что предложение не «отражает ситуацию», т. е. не устанавливает взаимнооднозначного соответствия

своих компонентов компонентам ситуации: имен — объектам, предикатов — отношениям объектов.

Тогда как предложение-высказывание связано с ситуацией? Карнап, как и Фреге, склоняется к тому, чтобы считать, что экземплификацией предложения является «истина» или «ложь» (т. е. что предложение-высказывание так связано с ситуацией, что либо истинно по отношению к ней, либо ложно). И эту точку зрения мы также считаем правильной.

Но в таком случае, как же понять приведенное выше утверждение Карнапа, что предложения (и вообще сложные выражения, составленные из первичных) не нуждаются в экземплификации? Мы полагаем, что они, так же как и все прочие выражения, нуждаются в экземплификации, что, следовательно, суть предложения не только в его «смысле», но и в его «значении» — истинности или ложности по отношению к действительности. Но мы видим одновременно, что установить при этом способ экземплификации — непростая задача. Таким образом, проблема метода перерастает в проблему содержания теории. Это снова возвращает нас к теоретическому вопросу — о соотношении семиологической грамматики с логикой и математикой.

4. ФОРМАЛИЗАЦИЯ. ОТНОШЕНИЕ К ЛОГИКЕ И МАТЕМАТИКЕ

Нелогичность раздражает. Избыток
логики наводит тоску.

(А Жид Дневник, 12 5 1927)

Логика — это молодость математики,
а математика — возмужалость логики.

(Рассел.
Введение в философию математики)

Семиология вообще и лингвистика в частности выросли из логики. Учение Аристотеля в значительной части (как мы увидим уже в следующей главе) является логико-лингвистической концепцией. То же можно сказать о логике стоиков или индийской логике навья-ньяя. Но эти связи логики и лингвистики носят теперь уже исторический характер. Говоря о связях, мы будем иметь в виду не их, а отношение семиологической грамматики к современной, а следовательно, и к математической логике.

Что касается отношения семиологической грамматики к математике, то оно устанавливается лишь опосредованно, через логику и не играет большой роли. Однако поскольку есть грамматические концепции, которые имеют очень существенные связи с математикой или даже являются частью математики, то на этом вопросе целесообразно остановиться подробнее. Здесь мы имеем в виду *теоретико-множественные и алгебраические модели языков*.

По общему движению мысли — «челночному» движению от синтагматики к парадигматике и обратно — названные модели похожи на семиологическую грамматику. Но определяющее отличие заключается в том, что семиологическая грамматика основывается главным образом на синтаксических свойствах в синтагматике и на лексических свойствах в парадигматике, т. е. прежде всего на свойствах семантических. Напротив, теоретико-множественные модели (например, С. Маркуса) и алгебраические модели (например, Ю. К. Лекомцева) основываются на той информации, которую лингвист может получить, устанавливая соотношения между дистрибуцией в синтагматике и парадигмой в парадигматике, т. е. прежде всего на свойствах формальных. Говоря точнее, в теоретико-множественных моделях лингвист исследует соотношения между классом слов, имеющих одинаковую дистрибуцию (он называется семейством), и парадигмой словоизменения [Ревзин 1972, 144]. Поэтому такие модели наилучшим образом приспособлены для описания системы словоизменения и различных в ней форм — падежа, рода, числа (см. работы В. А. Успенского, О. С. Кулагиной, А. А. Зализняка, С. Маркуса [краткий обзор см.: Степанов 1975б, 47 и след., 243 и след.]). И с этим естественно связано то обстоятельство, что математический аппарат более или менее прямо и непосредственно применяется к данным дистрибуции и парадигматики.

В алгебраических моделях Ю. К. Лекомцева производится некоторое расширение аппарата для охвата семантических явлений, развиваются соответственно «система различения» и «синтаксис» (ср. их более узкие аналоги — понятия «парадигма словоизменения» и «дистрибуция»). Эти модели позволяют формально описать некоторые существенные семантические аспекты предложений, связанные с семемным анализом, структуру семантических полей в словаре и др. [Лекомцев 1974; 1979]. В целом алгебраические модели сохраняют черты названного класса

моделей — непосредственное использование математического аппарата.

В семиологической грамматике математический аппарат не используется, но зато всюду, где только возможно, устанавливаются непосредственные связи с логикой. Это может проходить различными путями. Остановимся уже в этой, вводной главе на нескольких из них и воспользуемся этим обстоятельством, чтобы ввести еще некоторые логико-лингвистические термины.

Всякие отношения с логикой для лингвиста начинаются с того, что в распоряжении исследователя имеется некий исходный язык. «Пусть L — язык, на котором выражены элементарные высказывания, — пишет Х. Карри. — Теперь возможны два различных направления формализации. Первое заключается в том, что мы используем L как O -язык (язык-объект. — Ю. С.) некоторой синтаксической системы; этот метод мы назовем *метасемиозисом*, а полученную при этом систему — *метасистемой* относительно первоначальной дисциплины (или L). Второе направление состоит в том, что мы продолжаем использовать L в U -языке, но изменяем его значение или „абстрагируемся“ от его значения, так что L становится A -языком (базовым языком. — Ю. С.) формальной системы; этот второй метод мы назовем *абстракцией*. Новая формальная система может быть либо синтаксической, либо об-системой⁶; она может быть абстрактной или же мы можем предпочесть иметь в виду представление или какую-нибудь интерпретацию.

. . . Принимая метасемиотический метод, нужно избрести некоторый новый A -язык, скажем M , для ссылки на язык L . . . В противоположность этому, если применяется метод абстракции, то продолжают использовать знакомый язык — во всяком случае, способами, напоминающими нам его первоначальный смысл» [Карри 1969, 102].

По поводу терминов Карри замечает: «. . . префикс „мета“ означает, что абстракция производится посредством метасемиозиса, и использование этого префикса в контекстах, где нет явного указания на метасемиозис, привело бы к путанице. В связи с этим. . . был введен новый термин „эпитеория“» [Карри 1969, 186].

⁶ Идет речь о разных типах формальных систем; в связи с лингвистикой они рассматриваются в книге: [Степанов 19756, 265—271].

Первый путь для сближения лингвистики с логикой состоит в том, чтобы представить теперь естественный язык как некое приближение (аппроксимацию) к идеальной норме. Эта норма идеальна в том смысле, что она абстрактна и описывается некоторым формальным языком логики, не знающим противоречий. Отношение между естественным языком и формальным языком при этом вполне можно уподобить, например, отношению работы землемера к геометрии: действия землемера являются аппроксимацией к системе геометрии [Church 1964, 437 и след.]. Формальные языки такого типа можно специально создавать, но для семиолога естественнее использовать какой-либо язык, уже созданный логиками, и здесь мы используем главным образом систему А. Черча. В ряде случаев мы не отказываемся от некоторых понятий и других формальных языков.

Черч различает логистическую систему и формализованный язык. Первая представляет собой абстрактно формулируемое исчисление, для которого не указывается интерпретации; таким образом, эта система имеет синтаксис, но не имеет семантики (в этом же смысле Р. Карнап говорил о «логическом синтаксисе» и Л. Ельмслев о «семиотике, являющейся операцией», т. е. о семиотике, не имеющей «другого» плана — плана содержания). Второй, формализованный язык является логистической системой вместе с заданием значений для ее выражений. Формализованный язык и становится способом логического описания естественного языка (или описания употребления естественного языка, что в данном случае одно и то же) через посредство представлений об идеальной норме, или аппроксимации. Это и будет базовый А-язык по Карри.

Прежде чем перейти к описанию формализованного, или, как мы будем дальше говорить, формального, языка, главным образом по Черчу, отметим существенный вопрос⁷, который у Черча остается в тени. Является ли сам формальный язык той аппроксимацией к идеальной норме, без которой невозможно логическое описание естественного языка? Или сам по себе формальный язык —

⁷ Существенным остается и общий вопрос: является ли формальный язык только языком или теорией? В общем виде мы высказали свою точку зрения в другом месте [Степанов 1971, 163; 1975б, 265 и след.]: формальный язык обычно связан с некоторой теорией и может быть теорией. Но в данном случае мы рассматриваем формальный язык просто как язык — средство описания.

просто язык особого рода, так же как естественный язык — язык особого (другого) рода, а в качестве аппроксимации между первым и вторым мы должны представлять себе нечто третье? Черч, как мы сейчас увидим, неявным образом, по-видимому, склонялся к первому ответу, поскольку он просто переводил некоторые выражения естественного (английского) языка на формальный язык. Но дело обстоит, кажется, сложнее, так как для такого перевода, даже в маленьком фрагменте Черча, необходима предварительная обработка естественного языка, чего Черч как бы не замечает: прежде всего происходит оперирование не связным текстом, а изолированными предложениями, т. е. абстракцией реального употребления языка.

В качестве основы логистической системы достаточно задать: 1) список исходных (primitive) символов — «примитивов», или словаря (vocabulary); обычно он задается вместе с классификацией «примитивов» на категории, что в дальнейшем используется для формулирования правил образования выражений и правил вывода; в словаре имеются *предметные постоянные* (singular terms), соответствующие собственным именам естественного языка, и *предметные переменные* (variables), соответствующие общим именам, таким, как «человек», «лошадь», «город»; предметные постоянные и предметные переменные, вместе взятые, называются *термами* (terms; nominals); помимо термов в словаре могут выделяться *предикаты* или *предикаторы*, соответствующие до некоторой степени глаголам естественного языка⁸; 2) правила образования правильно построенных *выражений* (well formed expressions); в выражения включаются *предложения* (sentences); если в список исходных символов входили переменные, то эти правила должны определять также, какие вхождения переменных являются *свободными* (free variables), а какие — *связанными*, или *кажущимися* (bound or apparent variables); 3) *трансформационные правила*, или правила вывода (transformation rules or rules of inference); эти правила указывают, в частности, как из некоторых предложений-посылок можно вывести предложения-следствия, причем и первые и вторые предложения, а также сама их связь при этом понимаются в некотором формальном смысле, отличном от другого типа связи предложе-

⁸ О различии между предикатами, предикаторами и глаголами см. гл. III, 1.

ний — «семантического следования» (entailment), который будет рассматриваться ниже; 4) некоторые утвердительные предложения, или *аксиомы*.

Чтобы получить формальный язык, нужно к перечисленным выше *синтаксическим правилам* (или *правилам синтактики*) добавить *семантические правила* (или *правила семантики*), приписывающие правильно построенным выражениям системы некоторые значения. После этого можно будет сказать, что трансформационные правила являются формальным аналогом трансформаций, а правила «семантического следования» — формальным аналогом перифраз.

В дополнение введем термины, полезные для логического описания предложений. Будем различать: *высказывание* (англ. utterance) как реально произносимое предложение в реальной ситуации общения; *предложение* (англ. sentence) — как высказывание вне ситуации и контекста; *суждение* (англ. judgment) — как логическое содержание предложения; *пропозицию* (англ. proposition) — как общее, инвариантное содержание нескольких логически эквивалентных предложений. Термин «пропозиция» может одновременно употребляться вместо термина «суждение», когда не требуется тонких различий.

Семантические правила формального языка, конечно, связаны с той или иной семантической теорией. А. Чезе, следуя Г. Фреге, исходит из сходств семантического строения имени и предложения, как это принимается и в настоящей книге.

Поскольку, как уже было сказано, введение и исключение абстракций составляет суть основного семиологического метода, постольку для различных положений своей концепции мы ищем и находим аналоги в некоторых других системах формальной логики. Эти аналоги интерпретируются (или — теперь мы можем выразиться более точно — *экземплифицируются*) материалом естественного языка, и, таким образом, описание последнего получает в этих пунктах выход к формализации. Так, например, мы используем обычное понятие пропозициональной функции для формализации понятия структурной схемы предложения; элементы «теории типов» Рассела для формализации таксономической системы языка в некоторых ее разделах; элементы системы Карнапа для различения трансформаций и перифраз, в частности «семантического следования», для их систематизации, и некоторые другие.

Второй путь для сближения лингвистики с логикой — иной. Уже выше — хотя мы и исходили из идеи А. Черча, т. е. из первого пути, — можно было заметить и другую основу. Мы как бы «обернули» отношения между естественным языком и формальным и рассматривали естественный язык как аппроксимацию к формальному и, следовательно, рассматривали не формальный язык как формализацию естественного, а наоборот — естественный язык как способ описать особенности формального языка. Языком-объектом при этом оказывался по существу формальный язык, а метаязыком для его описания — естественный язык. В этом суть второго пути, ведущего к эпитеории.

Таким путем шел Р. Карнап, когда использовал английский язык для описания построенных им специальных логических языков. Однако этот путь не только разъясняет ряд логико-лингвистических проблем, но ставит и новые. Или, вернее, он видоизменяет, иногда упрощает, иногда усложняет проблемы, возникающие уже при первом пути. Остановимся на некоторых примерах, начав с примеров Карнапа — с его переводов выражений языка S_1 на английский язык (мы будем сразу переводить на русский).

Перевод часто может быть формулирован различными способами. Положим, дано атомарное предложение (формального языка) Ns , где предикатор N имеет экстенционалом класс «Человек» (Human), а интенционалом свойство «Человек»⁹; терм s значит «Скотт». Наиболее простым переводом будет:

«„Скотт — человек“ (1).

Имеются два других перевода Ns , являющихся с некоторой точки зрения более явными благодаря употреблению слов *свойство* или *класс*:

„Скотт имеет свойство Человек“ (2);

„Скотт принадлежит классу Человек“, „Скотт есть элемент класса Человек“ [Карнап 1959, 49] (3).

Одна из возникающих здесь проблем является, скорее, чисто логической, она отмечена выше (гл. I, 2), когда мы говорили о суженном принципе абстракции (класс определяется свойством).

⁹ Об отношении свойства к классу см. ниже, об употреблении заглавных букв см. гл. III, 2.

Другая проблема связана с понятиями смысла и референта предложения. Напомним, что, по Карнапу, термину «смысл» соответствует термин «интенционал»; интенционалом предложения является выражаемое им суждение. Так, интенционалом предложения *Hz* является суждение, что Скотт есть человек. Термину «референт» у Карнапа соответствует термин «экстенционал»; экстенционалом предложения является логическая валентность (value) того, что выражаемое им суждение истинно (точно так же, как по Фреге и Черчу). Так, экстенционалом предложения *Hz* является истинность суждения, что Скотт есть человек. Таким образом, по Карнапу, как и по Черчу, оказывается, что сама пропозиция «Скотт есть человек» (интенционал) ни истинна, ни ложна. Они — интенционал, пропозиция — ни истинны, ни ложны совершенно так же, как не является ни истинным, ни ложным понятие без временного отношения к действительности (хотя об истинности или ложности понятия можно говорить в другом смысле). Абстрактность пропозиции является важным качеством, способствующим построению теории модальности (модальность рассматривается как нечто, лежащее вне пропозиции, у Карнапа, как «модальная рамка» у А. Вежбицкой, аналогично и в этой книге). Но это же качество пропозиции является отрицательным, когда речь идет об описании реальных речевых произведений-высказываний (вызванную этим критику см. ниже при разборе «третьего» пути).

Еще одна проблема особенно существенна для семиологии языка. Она связана с попыткой обобщить различные переводы предложения *Hz* на естественный — английский или русский — язык. Прежде, вслед за Карнапом, добавим еще несколько переводов. Это можно сделать, если иметь в виду, что интенционалом индивидуального выражения является выражаемый им индивидуальный концепт¹⁰. Так, интенционалом *s* является индивидуальный концепт Вальтер Скотт. Тогда можно добавить еще переводы:

«Индивидуальный концепт Вальтер Скотт принадлежит к классу Человек» (4);

«Индивидуальный концепт Вальтер Скотт подводится под свойство Человек» (5).

Поскольку все переводы логически выражают одно и то же, мы можем сопоставить их друг с другом и задать

¹⁰ Понятие «индивидуальный концепт» подробнее рассматривается в гл. II, 4.

вопрос: как же выразить их содержание наиболее точно и вместе с тем наиболее естественно на самом естественном языке? Тенденция современной логики заключается в том, чтобы рассматривать как основной факт наиболее точное семантическое описание: с этой точки зрения переводы (4) и (5) являются описаниями менее точного (1). Иными словами, описания предложения *Скотт — человек* как (5) и другие подобные, например (4), являются *глубинными структурами* предложения *Скотт — человек*.

Таким образом, мы ввели понятие глубинной структуры. Ею является логическое описание пропозиции (или смысла слова, если речь идет о глубинной структуре слова) в терминах того же, т. е. естественного, языка. Описание глубинной структуры не может быть сделано *ad hoc*, им всегда является описание в некоторой логической системе. В данном случае — в системе Карнапа.

Таков вкратце второй путь сближения лингвистики с логикой и связанные с этим путем некоторые проблемы и трудности.

Третий путь возник на основе критики второго пути в связи с его абстрактностью и, значит, неполным соответствием реальным высказываниям в реальной речи. Критиками выступили ученые Оксфордской школы и близкие к ним представители американской логики и логической лингвистики — В. О. Куайп, Дж. Остин, П. Стросон, Дж. Серл, З. Вендлер и др. [см., например: Quine 1970]. Их многочисленные работы по различным вопросам частично используются здесь (например, при рассмотрении индивидуальных и собственных имен).

Вообще, как показывают специальные исследования о направлениях современной логики, например книга Н. Ресчера «Topics in logic» (1968), последняя характеризуется богатством течений и подразделений, очень многие из которых так или иначе ориентированы на лингвологические проблемы — модальные логики, нестандартные системы импликаций, нестандартные системы квантификации, логическая семантика, логическая прагматика, логика вопросов и ответов, «эпистемическая логика» (исследование убеждений, верований, утверждений и т. п.) и др. [Rescher 1968].

Если сгруппировать эти подразделения в некоторые более крупные направления, то, как полагают логики, можно считать, что критику классической логики дают: 1) ситуационистская (конструктивистская) логика, 2) тео-

рия логического следования, 3) многозначная логика, 4) «логика микромира». Эти направления в совокупности образуют ту часть современной формальной логики, которая называется неклассической логикой. «Развитие неклассической логики не упраздняет классическую логику. Неклассическая логика развивается не вместо классической, а как разработка новых проблем и изобретение новых средств логического исследования» [Неклассическая логика 1970, 5, 11].

Семиологическая грамматика находит логические аналогии своих проблем и решений во многих течениях неклассической логики, но все же мы полагаем, что фундамент отношений между грамматикой и логикой на современном этапе следует создавать на основе классических учений, и здесь мы ориентируемся прежде всего на концепции Витгенштейна (с критикой некоторых его положений), Рассела, Карнапа и Черча.

5. ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ. ОТНОШЕНИЕ К ПСИХОЛОГИИ

Логик выступает как геометр, дедуктивно конструирующий пространство, а психолога можно уподобить физику, измеряющему пространство самого реального мира.

(Лиаже Психология интеллекта, II)

Чаще всего психолог — это стыдливый философ. Философ же — это психолог, который сам того не знает.

(Лагаш. Французская энциклопедия, XIX, 26, 9)

Ни одна лингвистическая теория в настоящее время не может обойти вопроса о психической реальности своих объектов. Если теория не является, заведомо и сначала, теорией психического бытия языка, языка в действии и в порождении, а всего лишь моделью описания (как, например, теоретико-множественные модели языка, теории морфологических моделей и т. п.), то и в этом случае вопрос о психической реальности не снимается. Он лишь решается иначе: к модели описания подбирается какая-либо параллель — психолингвистическая модель.

Зачастую таким же путем, только с противоположной стороны, идут психологи и психолингвисты: они подбирают

параллель к своим гипотезам в какой-нибудь лингвистической модели. Если последняя оказывается моделью описания, а не моделью самого объекта, то может возникнуть противоречие: психологи начнут экспериментировать на основе модели, созданной совсем для других целей (например, дедуктивной модели). К сожалению, не всегда ясно с самого начала, какова природа той или иной лингвистической теории и для каких целей она создана. Так, возникло было целое экспериментальное психолингвистическое направление на основе дедуктивной генеративной модели (или по крайней мере дедуктивной части этой концепции), что, конечно, не могло привести психологов к успеху и прояснить вопрос о порождении высказываний в психическом, а не в алгоритмическом и дедуктивном смысле [см.: Фрумкина, 1978, 329]. В известной мере этому соблазну поддался даже В. О. Куайн: в качестве психолингвистического аналога своей логической концепции он принимал по существу дистрибутивную модель американской дескриптивной лингвистики 50-х годов XX в., которая является типичной моделью описания, или, что то же самое, моделью структуры языка, а не моделью языка в действии.

Несмотря на явную ошибочность такого способа установления параллелей между языком и мышлением, он до сих пор продолжает применяться: логическое описание синтаксиса истолковывается как модель, непосредственно отражающая психические процессы, происходящие в голове человека при порождении речи.

Вопрос о психической реальности, разумеется, важен и для семиологической грамматики, в частности и в ее аналитическом варианте. Однако мы не видим никаких оснований истолковывать логическое или семиологическое описание как непосредственную модель психических процессов. Путь, на котором мы ищем контактов с психологией, другой. Как и в отношениях с логикой (хотя там эти отношения гораздо более тесные), мы будем стараться устанавливать аналоги семиологических категорий и систем в психических реальностях, независимо установленных и описанных психологами. В этом смысле вопрос о психической реальности сводится к вопросу о психологической реальности, к реальности объекта в рамках определенной научной теории — психологической или психолингвистической. Уже из сказанного выше ясно, что среди последних нашей концепции наиболее от-

вечают те психологические и психолингвистические концепции, в которых исследуются психические корреляты одновременно языковых и логических форм.

В семиологической грамматике эта тема возникает на каждом шагу, и прежде всего в связи с проблемой категорий. Слово и понятие, вообще категории языка и категории мышления, формы мысли и содержание мысли, априорное и опытное знание, интуиция и опыт, «наблюдение» и «концепт», вообще психическое и логическое — все эти противопоставления и дихотомии, выдвинутые с разных точек зрения и в разные эпохи, пересекаются в проблеме категорий, составляя ее сложное современное содержание.

Если сейчас резюмировать проблему в такой же общей форме, в какой она здесь поставлена, то следует сразу сказать, что категории понимаются в этой книге как наивысшие обобщения одновременно в трех сферах — мышления, психики и языка. Только эта тройная принадлежность обеспечивает адекватное освещение категорий. С материалистической точки зрения это равносильно утверждению, что в основе категорий лежит в конечном счете отражение и обобщение явлений объективного мира.

Рассмотрим, однако, вопрос в некоторых подробностях на примере категорий пространства и времени. Воспользуемся для этого приемом, используемым в современных философских и лингвистических словарях, — непосредственным сопоставлением мнений специалистов в форме цитат. Мы обнаружим в этом вопросе, по-видимому, четыре основные точки зрения. (Они были предельно четко отмечены уже в очерке Т. А. Афанасьевой-Эренфест «Геометрическая интуиция и пространственный опыт» 1928 г., незаслуженно забытом.)

«I. Геометрическая интуиция заложена в нас до всякого опыта (априорна), она не подвержена его влиянию и дает нам поэтому (!) более истинное представление о пространстве, чем опыт, который лишь в идеальном случае абсолютной точности измерений дал бы нам как раз те соотношения, на которые указывает эта наша интуиция», — например, что каждый из углов квадрата в точности прямой [Афанасьева-Эренфест 1928, 6]. Условно эту точку зрения можно назвать а п р и о р и с т и ч е с к о й. Однако сама по себе она еще не предрешает характера связи интуиции и объективного мира.

Интуиция может быть изначально, имманентно адекватной сущностям объективного мира, в то время как опыт дает соответствия лишь изменчивым внешним явлениям, феноменам. По-видимому, так понимал И. Ньютон отношения между понятием «истинного, абсолютного, математического времени» и «относительного, кажущегося, наблюдаемого времени», и эта дихотомия имеет определенные параллели в лингвистике [см.: Степанов 1975а, 215]. Интуиция может мыслиться и как независимая от объективной реальности. Нам кажется, что так следует истолковывать слова Карри о Гильберте: «Основная его мысль состояла в том, что трансфинитные понятия математики являются идеальными конструкциями человеческого разума. Он допускал, что существуют определенные «финитные» интуитивные рассуждения, которые априори абсолютно верны; трансфинитные понятия, не укладывающиеся в рамки таких рассуждений, он считал продуктами мысли, примерно так же относящимися к финитным интуитивным процессам, как мнимые числа к действительным. Мы можем свободно образовывать такие идеальные продукты, подчиняясь только одному основному ограничению — не впадать в противоречия. Гильберт предложил метод установления непротиворечивости обычной математики, основанный на рассмотрении языка, средствами которого формулируется математика» [Карри 1969, 31]. С именем Гильберта связывается наиболее известная разновидность формалистического направления в математике. Представители другого течения в математике, известного под названием платонизма, «утверждают, по сути дела, что понятия числа и множества существуют в действительности, независимо от нашего знания о них» [Там же, 27]. Лингвист без труда увидит соответствие гильбертовской точки зрения некоторым течениям структурной и генеративной лингвистик (например, так называемой лингвистике фокусничества — название, принятое среди американских языковедов [см.: Степанов 1975б, 4]). С другой стороны, можно увидеть определенную аналогию между математическим «платонизмом» и теми течениями в лингвистике, в особенности советской, представители которых видят в идеальных «конструктах» (например, в понятии фонемы) отражение объективной реальности языка, более глубокой, чем реальность непосредственно наблюдаемых фактов [см.: Лосев 1968, 75—78].

«II. Геометрическая интуиция априорна (как и по первому толкованию), но при этом она своеобразно связана с опытом: не она от него зависит, а напротив, она определяет характер наших восприятий (вроде того, как цветное стекло, помещенное перед глазами, определяет цвет видимых нами предметов), поэтому наш опыт ни в коем случае не может дать результатов, противоречащих тому, что нашему воображению априори представляется очевидным» [Афанасьева-Эренфест 1928, 6]. Кажется, с этим нужно сопоставить «интуиционизм» в математике. «Доктрина эта исходит из существования так называемой изначальной интуиции, с помощью которой человеческий разум „строит“ натуральные числа и континуум. Согласно этой доктрине, существуют только те математические объекты, которые человеческий разум строит указанным способом» [Карри 1969, 30]. «В диссертации Брауэра, — продолжает далее Карри, — изначальная интуиция связывается с интуицией времени, но я не знаю, до какой степени интуиционисты считают эту мысль существенной. Однако они, кажется, все еще постулируют следующие характерные черты своей изначальной интуиции: (1) это мыслительная деятельность человеческого мозга; (2) она не зависит от языка; интуиционистское построение не нужно связывать с каким-либо языковым выражением, и хотя язык необходим для сообщения результатов, этот язык может дать только несовершенное воспроизведение чистой мысли, которая одна лишь является точной; (3) она не может быть адекватно описана никакими заранее составленными правилами; . . . независимо от того, каковы данные правила, можно найти правильное доказательство, которое не согласуется с этими правилами; (4) она имеет априорный характер — в том смысле, что не зависит от опыта; (5) она имеет объективный характер и одинакова у всех мыслящих существ» [Там же, 30]. По-видимому, трудно указать прямые лингвистические параллели, но сходные взгляды используются, например, критиками генеративной теории языка; довольно распространен взгляд, что базовые процессы мышления предшествуют языковому оформлению. Имеется также прямое сходство между генеративными грамматиками и ранее сформулированной теорией «машины Тьюринга» и теорией алгорифмов А. А. Маркова [см.: Марков 1951; 1954], а некоторые положения последних близки положениям интуитивизма.

«III. Геометрическая интуиция не априорна, она есть продукт нашего опыта, поэтому черты представляемого нами пространства вполне зависят от свойств того пространства, в котором мы живем: если поставить человека в такие условия, при которых он постоянно наталкивался бы на переживания, соответствующие аксиомам Римана (например, измеряя углы квадрата, постоянно констатировал бы, что каждый из них на значительную величину больше прямого; идя неуклонно вперед по прямой, замечал бы, что приходит в то место, откуда вышел, и т. п.), то у него сложились бы в воображении столь же ясные и цельные образы геометрии Римана, как наши образы геометрии Евклида. Из этого последнего взгляда следует, что если мы фактически представляем себе лишь одно пространство Евклида, то это потому, что наши переживания соответствуют аксиомам Евклидовой геометрии» [Афанасьева-Эренфест 1928, 6]. К такому взгляду склоняется, по-видимому, и Х. Карри: «Неевклидова геометрия опровергает априорную интуицию пространства» [Карри 1969, 30, сноска 2]. Однако ни сама Т. А. Афанасьева-Эренфест, ни Ж. Пиаже, ни многие современные советские авторы к этой точке зрения — ее условно можно назвать *а п о с т е р и о р и с т и ч е с к о й*, — как мы увидим ниже, не присоединились.

Но прежде нужно сказать, что такой взгляд на категории (как на итог многократных повторений опыта) применялся и применяется для объяснения возникновения понятий числа, времени, пространства, возникновения логических законов и для — упрощенной — критики кантовского априоризма в понимании категорий времени и пространства. Так, еще А. Фулье в предисловии к известной работе М. Гюйо «Происхождение идеи времени» писал: «Свойства наших представлений в такой же мере нельзя признать априорными свойствами, априорными законами, априорными интуициями или априорными формами, в какой нельзя признать априорной ту форму, которую волна воды принимает в действительности. Не будем же принимать способ или постоянный результат нашего опыта за условие, которое предшествует опыту и стоит над ним» [Гюйо 1899, 8]. Сравним еще: «Логические законы сложились в сознании людей в результате многократного наблюдения в процессе общественно-производительной деятельности наиболее обычных, часто встречающихся общих закономерностей бытия» [Конда-

ков 1971, 269]. (Как если бы человеческое наблюдение и общественно-производственная деятельность были возможны без логических законов.)

Как бы прямо отвечая на это, основатель «генетической эпистемологии» Ж. Пиаже писал: «„Для ассоцианизма категории являлись бы результатом повторных ассоциаций, ставших неразрывными; но опять-таки наблюдение показывает, что, когда ассоциация достигает максимума автоматизма (инстинкт, привычка), индивид не отдает себе отчета в категориях, потому что, не испытывая затруднения, он не ставит себе и вопроса“ (цитата из Э. Клаппареда в тексте Пиаже. — Ю. С.). . . Факт осознания категории преобразовывает ее в самой ее природе» [Пиаже 1932, 224]. Через 30 лет Пиаже еще раз подтвердил это на более широком материале: «Точка зрения, по которой такие неосознанные структуры являются суммированием прошлого опыта, представляется совершенно неприемлемой» [Пиаже 1969, 605].

Т. А. Афанасьева-Эренфест также не присоединилась к указанной выше (III) точке зрения, отмечая, что слишком скоро и легко допускают обращение этого положения: если образы возникают только тогда, когда есть известное воздействие извне, то это еще не значит, что всякий раз, как имеется известное воздействие, так неизбежно должен возникнуть и соответствующий ему образ. Ультрафиолетовые лучи воздействуют на человеческий глаз так же давно, как и световые, а наш глаз до сих пор не научился реагировать на них ощущением света. «Если же существо с нашей организацией постоянно получало бы воздействия, соответствующие пространству Римана с резко выраженной кривизной, то оно хоть и привыкло бы к ним приспособляться в своем поведении, но не было бы в состоянии частичные геометрические восприятия объединить интуитивно в единое целое, в образ Риманова пространства» [Афанасьева-Эренфест 1928, 9].

IV. Последняя точка зрения, наиболее адекватная и соответствующая современным данным психологии и логики, была в заключение удачно сформулирована этим автором: «Таким образом, согласно предлагаемому здесь взгляду, наша геометрическая интуиция утрачивает роль высшей инстанции в суждении о свойствах физического пространства, какую она играла в прежних априористических теориях. . . Однако от априористических теорий сохраняются две черты: это способность интуиции при

обработке восприятий присоединять некоторые не содержащиеся в опыте элементы и с их помощью объединять результаты частичных опытов в единый образ и, во-вторых, определенность типа этого образа, обуславливаемая какими-то внутренними свойствами нашей организации» [Там же, 10—11]. (См. далее о различении «действительных» и «возможных миров» в гл. VII о формализации и психологической реальности предложений.)

Если в контексте современных данных материалистически прочесть положения Канта о форме и содержании знания, то в нем, по-видимому, следует признать родоначальника учения о форме содержания. На первой странице «Введения» к «Критике чистого разума» Кант пишет: «Но хотя всякое наше познание и начинается с опыта, отсюда вовсе не следует, что оно целиком происходит из опыта. Вполне возможно, что даже наше опытное знание складывается из того, что мы воспринимаем посредством впечатлений, и из того, что наша собственная познавательная способность (только побуждаемая чувственными впечатлениями) дает от себя самой, причем это добавление мы отличаем от основного чувственного материала лишь тогда, когда продолжительное упражнение обращает на него наше внимание и делает нас способными к обособлению его» [Кант 1964, 105]. Здесь и далее Кант различает «материю» и «форму» содержания — различие необходимое, без которого невозможно было бы рассуждать о форме и содержании применительно к словам, понятиям, предложениям (см. далее гл. II, 5 и гл. VII).

Но кантовская трактовка самих этих понятий и их взаимоотношения, конечно, не может быть принята. Под материей содержания Кант понимал лишь «сырую материю чувственных впечатлений», а под формой — внутренние законы, категории и формы мышления, независимые от опыта, — прежде всего априорную категорию времени как форму внутреннего чувства и априорную категорию пространства как форму внешнего чувства.

Между тем сама организация психики человека как отражающей объективную реальность системы является результатом эволюции в материальном мире. В этой связи один из советских историков философии пишет: «Если в первом приближении подчеркивается только зависимость продукта отражения от отображаемого объекта (ср. выше

Фулье и др. — Ю. С.), то при более глубоком рассмотрении отражательного процесса становится необходимым учитывать зависимость содержания указанного продукта от природы отображающей системы и ее особенностей в данный период (ср. точку зрения Афанасьевой-Эренфест. — Ю. С.). Лишь при этом условии можно с большой степенью точности выделить такое содержание, которое действительно независимо от субъекта. Прямолинейное выведение всех свойств отображения только из внешнего объекта как раз и приводит зачастую к субъективизму и грубым заблуждениям» [Дубровский, 1971, 179].

Развивая это философское положение в специальной сфере, историки математики отмечают, что крупнейшее направление в современной математике — конструктивное направление, к которому, заметим, восходят основные идеи генеративной лингвистики, — развивалось прежде всего как исследование возможностей строгого мышления, общих для всех людей и не зависящих от особенностей индивида.

Ближе всего к нашей концепции семиологической грамматики психологическая теория Ж. Пиаже и его школы — так называемая функциональная, или генетическая, психология. Именно в ней детально изучен вопрос о генезисе логических категорий и структур.

В работе «Логика и психология» (1953) Пиаже сформулировал проблему в общей форме. Отмечая, что большинство современных логиков не касается вопроса о том, имеют ли законы и структуры логики какое-либо отношение к психологическим структурам, Пиаже последовательно ставит этот вопрос и отвечает на него положительно. Стремясь выявить психические сущности, соответствующие логическим структурам, отмечает Пиаже, мы обнаруживаем, что в процессе постепенной формализации логики были даны четыре возможных объяснения по этому поводу: 1) платонизм, свойственный ранним работам Б. Рассела и А. Уайтхеда, согласно которому логика соотносится с системой универсалий, существующих независимо от опыта и непсихологических по своему происхождению; 2) конвенционализм, полагающий, что существование логических сущностей и их законы определяются системой соглашений или общепринятых правил; 3) концепции «правильно построенного языка», выдвинутые Венским кружком и различающие эмпирические истины

и синтаксические отношения, которые с помощью семантических правил могут быть использованы для выражения эмпирических истин; 4) операционализм как теория логических отношений. Только этот четвертый подход обеспечивает, по мнению Пиаже, действительную основу для связи логики и психологии [Пиаже 1969, 575].

Систематизация Пиаже вполне соответствует приведенной нами выше: «первая» точка зрения там и здесь одна и та же; «вторая» и «третья», по Пиаже, — то же самое, что разновидности «второй» концепции, указанной ранее, Пиаже лишь детализирует ее; приведенная выше «третья» точка зрения, «апостериоризм», не нашла места в обзоре Пиаже: он уже ранее отбросил ее как неприемлемую (см. выше); что касается современной, «четвертой» точки зрения, то в обеих систематизациях это в сущности один и тот же подход. Однако здесь имеется и существенное различие, благодаря которому обе разновидности выступают как взаимодополнительные: намеченный нами выше подход — от статических категорий, у Пиаже — динамический подход, «операционализм».

Нужно, однако, заметить, что здесь Пиаже слишком скромно и узко смотрит на исторические связи своей концепции. Во-первых, от операционализма Бриджмена Пиаже воспринял только идею операционального подхода к мышлению, но вовсе не философские выводы [см.: Лекторский и др. 1969, 639]. Во-вторых, точнее было бы говорить о связи концепции Пиаже не только с операционализмом, но вообще с конструктивным течением в науке, с конструктивизмом (специфической разновидностью которых является и операционализм). Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что собственная концепция Пиаже начала оформляться еще в начале 1920-х годов, до появления операционализма. С другой стороны, следует подчеркнуть, что конструктивизм как основа для соотношения математики, логики и психологии был провозглашен и разработан также и в советской логике и методологии науки [см.: Марков 1951; 1954]. Точка зрения Пиаже близка к положениям указанных советских работ. Именно в операциях — элементах логики, с одной стороны, и психологии — с другой, устанавливается основа для соединения обеих сфер. «С психологической точки зрения операции — это действия, которые перенесены внутрь. . . которые, прежде чем они стали выполняться

на символах, выполнялись на объектах» [Пиаже, 1969, 579]. Ядром этого комплекса операций оказываются, по Пиаже, пропозициональные структуры. Таким образом, психологическое обоснование семиологического подхода приводит к понятию категорий и к понятию пропозициональных структур — основным понятиям логики, психологии и грамматики, снова смыкая тем самым в единое целое три науки.

Из такого же ядра вырастают и «антенны» в различные новые сферы в виде семиологической информатики В. В. Мартынова [Мартынов 1966; 1974; 1977] и системологии Г. П. Мельникова [Мельников 1978]. Все это развивающиеся области семиологии [см.: Stepanov 1974].

ИМЕНА, ИЛИ ТЕРМЫ

Имена суть следствия вещей.

(Данте Новая жизнь, XIII, латинская цитата)

Как непомерна разница
Меж именем и вещью!

(Пастернак.
Из поэмы «Лейтенант Шмидт»)

1. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ К ТАКСОНОМИИ

Таксономия (англ. *taxonomy* и *taxonomy*, фр. *taxinomie* и *taxonomie*) — теория классификаций [Lalande 1972, 1054]. Однако в семиологии вообще и в лингвистике в частности, в отличие от систематики в других науках, хорошо установленные классы явлений обычно соответствуют реально существующим особым сущностям. Так, например, класс звуков речи, или аллофонов, существует в виде фонемы. О подобных отношениях мы упоминали и в связи с семантикой (гл. I, 2). Из этого общего свойства семиологической таксономии проистекает, в частности, то, что в ней таксономические термины постоянно расщепляются: «грамматика» означает и объективно существующую грамматическую систему языка, предмет описания, и науку об этом предмете; точно так же обстоит дело с названиями всех областей языкознания — «стилистика», «фонология», «синтаксис» и т. д. Не составляет исключения и термин «таксономия». Поэтому, в отличие от других наук, семиологическая таксономия — это и теория классификаций и предмет этой теории — сам инвентарь языковых единиц. Говоря здесь о словаре, мы начинаем с таксономии в этом последнем смысле, тогда как таксономия как теория будет мало-помалу вырисовываться по мере описания инвентаря.

Таксономия берет факты в их наиболее простом виде, отвлекаясь от их — возможных или действительных — преобразований. В словаре такими фактами являются, конечно, слова. Хорошо построенная таксономия должна быть систематикой слов. Иначе говоря, зная описание слова, мы должны увидеть место слова в системе, и, напротив, зная место слова в системе, заключать о содержании описания слова. Вряд ли следует особо подчеркивать, что такая таксономия может быть только семантической.

Возможны, конечно, таксономии, основанные не на семантическом, а, например, на фонетическом, алфавитном принципе: слова могут быть классифицированы по начальным звукам (буквам) — таков порядок обычного алфавитного словаря; они могут быть классифицированы по алфавиту конечных звуков и букв, как это делается в обратном словаре; они, наконец, могут быть, по крайней мере до известной степени, классифицированы по порядку некоторых срединных звуков и букв, выбранных определенным образом, как предполагал поступить Ф. де Соссюр при изучении анаграмм, созвучий в древней поэзии, или как делают теперь при изучении информационных свойств слова. Такие таксономии не лишены объективного содержания — слова, сгруппированные, например, по начальной букве «а», реально существуют и действительно образуют группу слов языка. Но эта группировка лишена глубинного основания: слова, начинающиеся с «а», не обладают никаким семантическим сходством и в предложении ведут себя вовсе не единообразно и вовсе не так, чтобы вся эта группа отличалась по синтаксическому поведению от группы слов, начинающихся на «б» или на любую другую букву. Другая возможная таксономия лексики основана на этимологическом принципе и отражена в этимологических словарях. Она вскрывает некоторое более глубокое объективное содержание, обнаруживая некогда существовавшие исторические связи происхождения одного слова от другого, одной группы слов от другой и в конечном счете исторические отношения называния, словообразования и словопроизводства. Этимологическая таксономия частично затрагивается ниже в связи с трансформациями. И все же из всех возможных таксономий семантическая является для семиологической грамматики важнейшей.

Следует, однако, сразу отказаться от мысли построить семантическую систематику слов на каком-либо одном, последовательно проведенном основании. Такое пожелание соответствовало бы представлению о лексической системе языка как об однородной системе, наподобие, например, плиточного пола, на котором хотя и могут быть выложены весьма сложные рисунки, но все они в конечном счете сводимы к комбинациям однородных элементов — плиток. Лексика каждого языка, а поэтому и Словарь вообще не является такой системой. Ниже мы намерены показать следующее:

1. В Словаре пересекаются таксономические линии двух типов, равно обусловленные не классификационными усилиями лингвиста, а объективной системой Языка. Одни линии идут от отражения в словах предметов объективного мира и образуют основные таксономические классы — «Вещи», «Растения», «Животные», «Люди», которые, вообще говоря, не зависят от Синтаксиса. Именно в этом смысле мы и говорили в гл. I о сфере семантики как относительно самостоятельной. Таксономические линии второго рода идут от синтаксиса и представляют как бы словарную проекцию основных синтаксических отношений — субъекта и предиката предложения: денотатные и сигнификатные группировки; индивидуальные и общие имена; классы предикатов. Порядок изложения таксономии, который мы ниже принимаем, обусловлен только удобством самого изложения.

2. Сквозь всю лексику проходит различие «денотатных» и «сигнификатных» группировок слов: первые отражают группировки предметов объективного мира, прежде всего «Вещей»; вторые, не переставая быть отражением предметов объективного мира, одновременно являются группировками понятий — прежде всего о «Растениях», «Животных», «Людах» и о «Мире человека». Первые несут в себе прообраз функциональных отношений понятий — о предмете и его материале, предмете и его функции, предмете и его действии, предмете и результате его действия и т. д.; вторые несут в себе прообраз родо-видовых отношений понятий. Кроме того, первые, денотатные, и вторые, сигнификатные, группировки различаются мерой «индивидуальности» и «общности» входящих в них имен, они связаны, таким образом, с другой таксономической классификацией — на индивидуальные имена, общие имена, метаимена. Наконец, денотатные и сигнификатные группировки непосредственно отражают различие субъекта и предиката предложения. Хотя и нельзя сказать, чтобы это отражение было взаимно-однозначно, т. е., например, таково, чтобы все слова денотатных группировок тяготели только к функции субъекта предложения, а все слова сигнификатных группировок — только к функции предиката, однако, не будучи однозначным, это отношение между функцией в предложении и группировкой в словаре все же весьма определено. Пользуясь некоторыми типами предложений как инструментом (например, предложениями тождества и предложениями идентификации),

можно вполне четко отличить денотатные группировки от сигнификатных. Таким образом, таксономическое деление на денотатные и сигнификатные группировки, не решая задач таксономии, служит тем не менее хорошим введением в круг ее проблем. Оно приводится здесь первым.

3. Основную таксономию Словаря составляют естественные классы, отражающие классы объективно существующих предметов, — «Вещи», «Растения», «Животные», «Люди»; кроме того, имеется класс слов, не отражающих никакого объективного множества, но обслуживающих потребности самой лексической системы (таких, например, как слово «совокупность»); мы назовем их *метаименами*; все эти классы постоянны и универсальны, хотя состав их элементов может в некоторой степени меняться.

4. Сквозь всю лексику проходит различие индивидуальных имен, общих имен, метаимен (последние выделяются, таким образом, в двух различных группировках); эти различия соотносительны; естественный язык обладает несколькими системами, применительно к которым соотношение индивидуальных и общих имен разрешается в языке по-разному; эти системы совпадают с разрядами имен, являющимися одновременно семантическими сферами, — «Вещи», «Растения», «Животные», «Люди», указанными выше; различие индивидуального и общего все еще универсально, поскольку понятия индивида и индивидуального имени в языке отражают явление «особи» в объективном мире; что касается «общего имени», то его содержание не является простым коррелятом «множества особей» или «класса», оно в большей мере определяется системой языка и в этом смысле отходит от универсального.

5. Сквозь всю лексику проходит различие имен «предметов» и имен «процессов», отражающееся в ней как различие «имен» в узком смысле слова — имен существительных, с одной стороны, и предикатных слов — глаголов и предикативов — с другой; с существенной оговоркой относительно значения слова «именовать»¹ можно сказать, что это противопоставление соответствует различению «имен субъектов» и «имен предикатов»; подобно другим

¹ В обычном смысле этого слова предикаты не именуют. Подробнее об этом см. ниже (гл. III, 1).

указанным выше противопоставлениям, оно универсально по форме, так как в каждом отдельном языке можно с уверенностью отличить класс имен от класса предикативов, но в высшей степени относительно по содержанию: то, что в одном языке именуется как «предмет», в другом может быть поименовано как «процесс», например «дождь» как объект в индоевропейских языках и «дождь» как процесс «он спускается» в американоиндейском языке хупа; даже в пределах одного какого-либо языка можно найти формы, не являющиеся определенно ни именем существительным, ни глаголом; например, в русском языке прилагательное является именем в определительном сочетании с существительным — *мокрая поляна* и предикативом, подобным глаголу, в предикативной функции — *Здесь мокро*.

Во всех разделах этой главы речь идет о таксономии имен в собственном смысле слова. Понятие глагола предварительно вводится лишь так, как это обычно делается в идеографических словарях-тезаурусах; в гл. III глаголы рассматриваются по существу.

Вообще, систематизация здесь во многом похожа на таковую в словарях-тезаурусах. При этом необходимо иметь в виду, что конечным элементом идеографического тезауруса является не слово (лексема), а одно значение слова и что, таким образом, слова, имеющие несколько достаточно различных значений, будут входить в тезаурус (и здесь) в различные группы. Только при этом условии можно построить универсальную таксономию Словаря — ведь ее предметом должна быть не «техника» языка, лексика, а его семантические категории. Эта система таксономии опирается на объективную организацию Языка: многие отдельные значения отдельных слов универсальны, но их группировки, собиравшиеся в «пучки» под одной лексемой своеобразны в каждом конкретном языке. Так, семантическая сущность Словаря «палец ноги» в русском языке сгруппирована с семантическими сущностями «палец руки», «палец лапы» и входит одним из значений в лексему *палец*; во французском языке первая составляет семантическую сущность саму по себе — лексему *orteil* (хотя, кроме того, сгруппирована и аналогично русскому под лексемой *doigt*). Другой пример: «рыбья кость» в русском языке входит одним из значений в слово *кость*, а во французском одним из значений — в слово *arête*, под которым собраны еще значения «ость, колючка на

стебле ржи или пшеницы», «гребень крыши или горы» [см.: Степанов 1971, 61].

Аналогично смотрят на этот предмет исследователи лексики. Так, Р. А. Будагов привлек внимание к тому обстоятельству, что «родственные языки могут отличаться друг от друга не только лексически, но и тем, какие значения имеют общие для них слова в одном языке сравнительно со значениями этих же слов в другом языке. Такая постановка вопроса сложнее, чем простой подсчет слов, но она и существеннее для понимания подлинных лексических отношений между языками» [Будагов 1963, 35]. С. Г. Бережан отмечает, что «синонимия — это тождественность не слов, а отдельных элементов их смысловой структуры, названных в литературе элементарными значениями, или лексико-семантическими вариантами» [Бережан 1973, 87; ср.: Шмелев 1964, 140]. Мы будем строить таксономию, в общем, также на основе одного значения слова, признаваемого главным значением. Конечно, это предполагает, что мы умеем отделять главное значение от неглавных (вопрос, способный, вообще говоря, вызвать дискуссию), но мы просто идем в этом отношении за толковыми словарями. В таксономии слово входит лишь в одну рубрику, по его главному словарному значению (другие вхождения слова, по его неглавным значениям, могут, по-видимому, составить расширение таксономии, но это особая задача, которую мы здесь не рассматриваем).

2. ДЕНОТАТНЫЕ И СИГНИФИКАТНЫЕ ГРУППИРОВКИ

В устройстве отдельного слова соотношение денотатной и сигнификатной частей лучше всего, хотя и огрубленно, иллюстрируется схемой семантического треугольника. От фонетического слова (например, рус. *петух*) одна связь идет через сознание к предмету внешнего мира (реальным петухам, обобщенным в класс «петух»), другая связь — к понятию о петухе. Класс петухов — это денотат, понятие о петухе — это сигнификат. Поскольку петух как реальный объект присутствует в сознании, конечно, не материально, а в виде отражения, постольку этот класс тоже — как и сигнификат — представлен некоторыми признаками. Но денотат ограничивается минимумом признаков, необходимых для отличения того, что им обозначается. Понятие же, сигнификат, включает всю отработанную обществом совокупность признаков содержания,

хотя эта совокупность может реализоваться в разном объеме, в разных своих частях. Как говорят лингвисты, в разных употреблениях слова сигнификат актуализирует разные семы из своего набора; это значит: признаки, образующие понятие, связанное с данным словом, в разных условиях употребления выступают в разных наборах. В частном случае — в случае употребления слова в функции субъекта высказывания — реализуется минимальный набор признаков, необходимый и достаточный для отождествления имени с предметом действительности, внешнего мира (вопрос о денотате и сигнификате в отдельном слове детально рассмотрен в работах: [Степанов 1975, 8—14, 30, 59; Уфимцева 1974, 42—45], и мы здесь не будем на нем более задерживаться; см. также полный обзор (до 1968 г.): [Комлев 1969]; в свете проблем коммуникации: [Мельников 1977; Якушин 1979]). На этой основе мы и подойдем к таксономии словаря в данном разделе.

В конечном счете, таксономия должна показать, как различные разряды слов участвуют в построении предложения, или, более конкретно, его субъекта и предиката. Таксономия имеет и обратную задачу — показать, как запечатлеваются в словарной системе языка различия субъекта и предиката предложения.

Содержанием данного раздела является эта обратная задача — движением от Синтаксиса к Словарю показать, что имеются семантические различия субъекта и предиката, что они отражаются в Словаре в виде денотатных и сигнификатных группировок и что эти последние в отличие от групп основной таксономии (гл. II, 3) являются не абсолютными, а относительными и подвижными, не группами, а группировками — объединениями групп. Одновременно это позволит уточнить характер общих имен, называющих группы, и даст основания для перехода к конкретным языкам.

В последнее время утвердилась та точка зрения, что субъект предложения соотносит предложение с внешним миром, а предикат — с миром понятий, что субъект указывает на нечто во внешнем мире — устанавливает референцию и одновременно выделяет это нечто из ряда ему подобных, производит индивидуализацию. При этом предполагается, что функция референции и функция индивидуализации реализуются в субъекте одновременно. (Хотя допускается, что в «предыстории» субъекта — в процессе порождения предложения — эти функции могут осуще-

ствляться раздельно и предшествовать одна другой.) Это положение вполне справедливо для большого количества предложений.

Однако, как мы попытаемся показать ниже, предложения, для которых справедливо указанное положение, составляют лишь один тип, или класс, предложений. Существует еще тип, или класс, предложений, в котором субъект выполняет преимущественно функцию индивидуализации, — это предложения с субъектом «я», самим говорящим; и существует тип предложений, в котором субъект выполняет преимущественно функцию референции к внешнему миру, не производя сколько-нибудь существенной индивидуализации, — это предложения, весьма употребительные, например, в современном русском языке, где субъект обозначает в широком смысле место, «локус» действия: *На дворе холодно; Там темно; На улице слякоть; В купе накурено; У нас скучно; С детьми этого возраста трудно* и т. п. Два указанных типа — полярные типы: между ними нельзя установить естественных семантических перифраз, преобразующих одно высказывание в другое. Это связано с невозможностью отождествления субъектов тех и других предложений: «я» не может быть отождествлено с «на дворе», «там», «дети», т. е. невозможны высказывания: *Я — это на дворе, Я — это дети* и т. п.

Интересно, что различие двух полярных типов субъектов ощущалось, по-видимому, уже Аристотелем. Во всяком случае, в «Категориях» он говорит, что одно дело «сказываться о подлежащем», другое дело — «находиться в подлежащем»; так, например, «отдельная грамматика находится в душе как подлежащем, но не сказывается ни о каком подлежащем» (Аристотель 1939, II, 1а). По-видимому, здесь же лежит первый источник различия двух смыслов слова «субъект», или «подлежащее», — как «того, что несет в себе нечто», и «того, о чем лишь утверждается нечто»; как «я» и «все, что вне я».

Странным образом в современной логике, стремящейся к предельной точности, субъект высказывания определяется двумя различными способами, причем остается незамеченным, что в одном случае происходит чрезмерное обобщение, экстраполяция функции индивидуализации (соответствующей «я»-предложениям естественного языка), а в другом случае — такое же чрезмерное обобщение функции внешней референции (соответствующей «локус»-предложениям естественного языка).

Примером определения первого рода может служить следующее (вообще говоря, справедливое) утверждение: «. . . новая точка зрения. . . позволила обобщить традиционное понятие структуры суждения на основе понятия логической (или пропозициональной) функции, значениями которой являются предложения, или их истинностные значения. Так, предложению „Сократ есть человек“ в традиционном понимании соответствовала схема „S есть P“, теперь же следует в этой схеме S и P понимать как переменные, имеющие различные области значений, или как переменные различных семантических уровней, или разного сорта, или, наконец, принадлежащие к различным алфавитам: S — как переменную на области „индивидуальных имен“, а P — как переменную на области „понятий“» [Новоселов 1970, 160]. Тем самым в общем виде вопрос, казалось бы, в основном решен: индивидуальное имя тяготеет к позиции субъекта, а общее имя и метаимя — к позиции предиката, и эта линия будет рассмотрена в гл. II, 4.

Но, как мы уже видели выше, таксономия Словаря не сводится к одной-единственной классификации — на индивидуальные имена, общие имена, метаимена. Имеется еще чисто предметная классификация — «Вещи», «Растения» и т. д.; вопрос об индивидуальности решается в этих классах различно, и индивидуальность стоит в них в самой тесной связи с референтностью. Это обстоятельство заставляет вспомнить совершенно иные определения субъекта, в основе которых лежит по существу (не всегда названное) понятие референтности.

Примером определения второго рода служит положение из логики отношений, согласно которому субъект стоит вне суждения, в реальном мире, суждение же в целом представляет собой предикат, или, точнее, предикцирование. Так, например, в безличных предложениях типа русского *Морозит* субъектом будет нечто, определяемое словом «погода». «Вместо того чтобы говорить, что субъект находится внутри суждения, мы охотно скажем, что суждение находится внутри субъекта» [Serrus 1945, 153]. Иными словами, «субъект» предлагается логикой Ш. Серрюса в том смысле, как говорит А. Лаланд, «в каком говорят о сюжете книги, т. е. в смысле предварительного полагания некоторой вещи, о которой идет речь и без которой не было бы ни истинного, ни ложного» [цит. по: Асмус 1969, 269].

Как уже было сказано, это определение соответствует реальности одного типа предложений, например таких русских предложений, как *На дворе холодно; Там темно; Там страшно*. В естественном языке есть и другие случаи, которым полностью соответствует описанное понимание субъекта. Таковы, например, некоторые подписи под картинами: «Дети, убегающие от грозы», что семантически должно быть описано так: «То, что мы видим здесь, — это дети, убегающие от грозы»; левая часть предложения тождества, выраженная словами «То, что мы видим здесь» (и могущая быть выраженной иными словами), есть словесное замещение субъекта, которому в реальной ситуации — вне всякого семантического описания — соответствует изображение на картине. Так же «Запорожцы пишут письмо турецкому султану» равняется «А вот это — запорожцы, пишущие письмо турецкому султану». В русском языке такие названия картин редки, предпочитают статичные, номинативные, максимально обобщенные названия, даже когда изображен динамичный момент вроде рушащихся стен — «Последний день Помпеи» К. Брюллова или только что произнесенной фразы персонажа — «Сватовство майора» П. А. Федотова. Но некоторые языки имеют для этого специализированные формы; например, в испанском здесь обычны конструкции с герундием *Los niños jugando* букв. 'Дети играя', *César pasando el Rubicón* букв. 'Цезарь переходя Рубикон' — они подчеркивают, что перед нами «вечное настоящее». Русские назывные предложения в реальной, устной ситуации общения — *Снег!*; *Луна. . .* и т. п. — естественно трактовать таким же образом. (Те же предложения в книжной речи, например, как начало рассказа, являются их дальнейшим усложнением: материальный субъект ситуации замещается представлением или понятием о нем.) Представители логики отношений по существу лишь обобщают, экстраполируют особенности этих крайних типов высказываний на все случаи вообще.

Очевидно, таким образом, что функция референции и функция индивидуализации, в одном, хотя и массовом, типе предложений представленные совместно (*Петя — ученик; Отец работает; Все пишут статьи* и т. п.), в двух других типах представлены отдельно и поэтому могут быть и теоретически разделены.

Итак, при определении категории «субъект», «подлежащее» в общем виде необходимо сначала разграничить

три разные семантико-синтаксические сферы и определить указанные категории применительно к каждой из трех раздельно; затем можно будет выработать определение, которое покрывало бы все три случая:

1) «я»-предложения, где субъект отождествляется с самим говорящим; он бывает выражен местоимением, окончанием глагола (иногда только тем или только другим);

2) «локус»-предложения, или «оно»-предложения, где субъект ни в коем случае не может быть отождествлен с говорящим, а обозначает — в широком смысле — место (или время) в объективном мире: *Сегодня холодно* и др.; если сейчас не касаться проблемы универсалий, а ограничиться только русским языком, то такой субъект чаще всего бывает выражен не именем в именительном падеже, а именной группой наречного характера или наречием и занимает первое место в предложении с нейтральным (неэмфатическим) порядком слов; к такой трактовке подлежащего в этих случаях склоняются в настоящее время исследователи в теоретической грамматике русского языка [Шмелев 1976, 39; Золотова 1979, 16]; такие предложения будут подробнее рассмотрены ниже в связи с таксономией предикатов (гл. III, 2) и перифразами (гл. IV, 5);

3) «классические» номинативно-глагольные предложения с субъектом-именем в именительном (или в других языках в ином «субъектном») падеже: *Лес шумит; Все пишут статьи; Жучка — собака* и т. п.

Очевидно, что «классическое» определение подлежащего, даваемое на морфологической основе, применимо только к последнему типу и не может быть экстраполировано на все типы вообще. Поэтому в дальнейшем мы предпочитаем термин «субъект», который, следовательно, означает любое подлежащее — всегда грамматическое, но не всегда морфологическое; по отношению к «субъекту» термин «подлежащее» можно сохранить за частным случаем, указанным выше, где определение подлежащего можно давать как на семантико-синтаксической, так и на морфологической основе. Следует, впрочем, сказать, что при данном здесь определении «субъекта» (или «подлежащего» в общем случае) субъект будет — по-видимому, всегда — и грамматическим и логическим одновременно.

В этом разделе мы уделим главное внимание «классическому» типу предложений и соответствующему им определению субъекта и предиката. Такое понимание субъекта

и предиката суждения мы находим у русского логика М. И. Каринского, в его знаменитом сочинении «Классификация выводов» (1880). Определение субъекта у Каринского, замечательное само по себе, совершенно соответствует современной точке зрения лингвистики. «Суждения (утвердительные), — пишет Каринский, — часто определяют как такую операцию мысли, в которой понятию приписывается (аналитически или синтетически) известное определение (свойство или отношение). В подобных определениях есть некоторая неточность, которая может сильно затемнять дело. Легко можно подумать в таком случае, как это часто и бывает, что субъектом суждения служит то понятие или представление, которое с совершенно определенными чертами выступает перед нашим сознанием, когда мы слышим термин, обозначающий субъект. На самом деле далеко не так. Истинным субъектом суждения всегда служит неопределенно мыслимый предмет, о котором всегда предполагается, что его содержание никак не исчерпывается сполна тем свойством, каким он характеризуется в подлежащем. Этот неопределенно мыслимый предмет ставится в суждении нашей мыслью в качестве некоторого X, чего-то такого, что в пределах этого суждения остается неисчерпанным с многих сторон и что может быть исчерпано сполна в своем содержании лишь в целом ряде суждений. Определенное представление, которое непосредственно соединяется с термином подлежащего, имеет своей целью только указать на этот предмет, только сделать, так сказать, намек на то, на что направлена мысль, чему намереваются приписать известное определение. Подлинный смысл суждений всегда таков: предмет, который ближайшим образом характеризуется для нас такой-то совокупностью признаков (т. е. теми представлениями, которые непосредственно соединяются с термином подлежащего), имеет кроме того еще такие-то признаки (соединяемые непосредственно с термином сказуемого). Определенное представление, соединяемое непосредственно с термином подлежащего, составляет в сущности только часть содержания предмета, оно может быть даже таким же несущественным признаком предмета, каким часто бывает представление, соединяемое с термином сказуемого. Они различаются друг от друга только тем, что одно берется как указание на предмет, т. е. как такой признак, который в состоянии остановить на нем наше внимание, другое — как признак, теперь

прилагаемый к предмету. . . Этим отчасти объясняется, почему мы отлично понимаем друг друга при взаимной передаче мнений о предметах, тогда как термины, обозначающие предметы, часто вызывают далеко не сходные представления у различных людей. Важно не то, что один с термином „человек“ непосредственно соединяет представление о разумно-нравственном существе, другой — известный видимый образ, что даже этот образ очерчивается далеко не тождественно в представлении различных людей, например в мысли зрячего и слепого; важно не то, что метка оказывается неодинаковой; взаимное понимание вполне обеспечено, если разные метки указывают на одни и те же предметы, на одну и ту же неопределенную полноту содержания, из которой они взяты для ее же характеристики, так как в суждении ей именно приписывается определение, а не тому определенному понятию, которое соединяется (точнее было бы сказать — может соединяться. — Ю. С.) с термином подлежащего» [Каринский 1956, 61—62].

Это замечательное рассуждение М. И. Каринского комментирует Н. Д. Арутюнова: «Составы предложения различны именно по характеру знаковой функции: субъект служит знаковым заместителем предмета действительности, а предикат лишен референции к предмету, он — его означающее — есть субститут отвлеченного понятия, т. е. относит только к своему означаемому. Субъект принадлежит миру, а предикат — мышлению о мире» [Арутюнова 1976б, 378].

К этому нужно добавить, что одно и то же имя, помещаемое в предложении в разные позиции — субъекта или предиката, по-разному реализует свое семантическое содержание. На это радикальное различие обратил внимание еще Г. Фреге: «Понятие, в том смысле, в котором я употребляю это слово (в настоящее время это общепризнанное употребление. — Ю. С.), предикативно. Что касается названий вещей, т. е. имен собственных, то они совершенно неспособны выступать в роли грамматических предикатов. . . В предложениях *Это есть зеленое*; *Это есть млекопитающее* *есть* выступает в роли логической связки, формообразующего элемента высказывания. В таких случаях это слово можно иногда заменять просто на личное окончание, например: *Этот лист есть зеленый* и *Этот лист зеленеет*. Тогда мы говорим, что тот или иной объект подпадает под некоторое понятие и что при

этом грамматический предикат обозначает это понятие» [Фреге 1978, 190]. Рассуждение Фреге можно продолжить. Если, например, в предложении классификации *Этот лист есть зеленый лист*, которое в русском языке в поверхностной форме омонимично предложению качества (выражается в одинаковой с ним форме) *Этот лист — зеленый*², слово *лист* входит в предложение два раза — первый раз в качестве субъекта, второй — в качестве предиката, то в каждом из двух случаев оно совершенно по-разному реализует свои семантические потенции: в качестве субъекта оно денотатно и называет предмет внешнего мира, в качестве предиката оно сигнификатно и называет понятие.

Естественно предположить, что субъектами высказываний предрасположена быть та часть словаря, которая имеет денотатное содержание, т. е. обозначает прежде всего предметы внешнего по отношению к мышлению и языку человека материального мира, в то время как предикатами высказываний предназначена служить главным образом сигнификатная часть словаря, т. е. слова, ориентированные на обозначение «внутренних сущностей» мышления и языка — понятий о внешнем мире. Таким образом, мы должны с самого начала обратить внимание на различие соответствующих двух группировок слов. Действительно, такое различие, хотя и без данных названий, проводилось уже давно. Так, еще представитель Казанской лингвистической школы Н. В. Крушевский в 1883 г. писал: «Мы не должны никогда терять из виду основной характер языка: слово есть знак вещи. Представление о вещи и представление о слове, обозначающем эту вещь, связывается законом ассоциации в неразлучную пару. . . Если представление о вещи неразлучно с представлением о соответствующем слове, то что же из этого следует? Слова должны классифицироваться в нашем уме в те же группы, что и означаемые ими вещи» [Крушевский 1883, 67]. Здесь речь идет определенно (и даже несколько утрированно) о денотатных группах.

Основоположник (наряду с М. Бреалем) семантики М. М. Покровский также преимущественное внимание уделял таким группировкам слов, объединенных принадлежностью к одной профессиональной среде, например к сфере торговли, ярмарки, рынка, к системе мер и весов,

² Семантический анализ таких омонимов см. в гл. IV, 2.

к области игр и зрелищ и т. п. С другой стороны, однако, Покровский определенно наметил, хотя и в меньшей степени изучал, объединения слов другого типа, которые мы назвали бы теперь сигнификатными и которые сам Покровский называл «одной и той же сферой представлений». Он же отмечал, что общие законы изменения значений слов связаны с законами употребления слов в предложении [см.: Виноградов 1959, 4—8].

И все же дать общий ответ на поставленный выше вопрос было бы очень трудно, и, собственно говоря, и самый вопрос не был поставлен, пока предметом семантического исследования лингвистов и логиков являлись отдельные, хотя и типовые, слова или отдельные небольшие группы слов. Но в настоящее время, когда в связи с составлением идеографических словарей-тезаурусов предметом обследования стала практически вся лексика языка и лингвист получил возможность (при необходимости — с помощью электронно-вычислительных машин) оперировать массивами слов в тысячи и десятки тысяч единиц, на поставленный вопрос можно дать вполне определенный ответ. В словаре любого языка, на основе внутренних семантических связей словаря, слова естественным образом соединяются в две группировки различного характера: 1) *денотатную лексику*, тяготеющую к обозначению предметов внешнего мира, денотатов, и 2) *сигнификатную лексику*, тяготеющую к обозначению понятий, сигнификатов. Как и при всяком ответе такого типа, когда речь идет о классах единиц, про некоторые отдельные единицы можно сказать, что их отнесение к тому или другому классу неопределенно или они относятся одновременно к обоим, тем более что в данном случае речь идет о группировках относительных и подвижных. Это обстоятельство, однако, несколько не умаляет объективности самих группировок. Ниже мы рассматриваем ряд вопросов — антонимии, синонимии и т. д. — в свете данного подхода к таксономии. Обратимся к опыту составителей идеографических тезаурусов³.

Подводя группы слов, «поля» под более общие термины, составитель сталкивается с семантическими отношениями двух типов. С одной стороны, эти более общие термины

³ Обычно их работа протекает в «парадигматическом плане», без всякого отношения к анализу предложения, но этим только подтверждается независимость их выводов от синтаксического подхода.

могут быть словами типа *одежда* (для подводимых под них слов *юбка, рубашка, носки* и т. д.), *мебель* (для слов *стол, стул, шкаф* и т. д.), с другой стороны, такими словами, как *двигаться* (для слов *ехать, идти, бежать, ползти* и т. д.) или *животное* (для слов *волк, лисица, корова* и т. д.). Между первыми и вторыми типами группировок есть существенная разница. Первые носят ярко выраженный предметный, денотатный характер и предполагают перечисление их составных частей по принципу «часть — целое»; подчиняющий общий термин является названием определенной ситуации, а подчиненные ему слова составляют тематический класс; элементы такого класса неравноправны, не могут быть — в изолированном виде — подставлены один вместо другого и вместо общего термина: *палец* не заметит *ногу*, а *носки* — *рубашку*; такие слова называют неравнофункциональные элементы ситуации.

Вторые группировки имеют понятийный, сигнификатный характер и подчиняются логическим отношениям рода и вида; в них, по отношению к подчиняющему родовому термину, все подчиненные слова равноправны и каждое — в изолированном виде — может выступать заместителем родового термина, поскольку обладает основными его свойствами, которые повторяются на всем множестве; так, *цветком* будет и *ландыш*, и *лилия*, и *гвоздика*; каждая из птиц — *тиркушка, авдотка, лопатень, шилоклювка* — равно *кулик* [см.: Караулов 1976, 132].

Имеются и такие денотатные группы, в которых отношения «целое — часть» совпадают с родо-видовыми. Таковы, например, конкретные собирательные имена с подчиненными им словами: *древесина* — *бревно, горбыль, щепка, дранка*; *крестьянство* — *бедняки, середняки, кулаки* и т. п. Однако в таких группах, по-видимому, и подчиненные слова являются своего рода собирательными — либо в форме неизменяемого единственного числа (*бревно*), либо в форме неизменяемого (в этом значении) множественного числа (*бедняки* 'беднячество'). Здесь возникают особые проблемы, связанные с обозначениями совокупностей (см. ниже).

Можно было бы предположить, что если определять значения слов более детально, вводя большее количество семантических признаков, вообще — применив некоторые ухищрения в определениях, например давая входящим в них словам родо-видовые определения, то, может быть, удалось бы все денотатные группы переформировать

в сигнификатные. Для некоторых денотатных групп это действительно удается, да, собственно говоря, обычно составители идеографических тезаурусов к этому и стремятся. Достаточно упомянуть в этом отношении словари Роже, Халлига—Вартбурга и др. И однако в целом — и именно это важно здесь отметить — такая задача оказывается невыполнимой: денотатные группы принципиально неустранимы. (Ю. Н. Караулов отмечает, что для построенного им «минимального идеографического словаря» русского языка из 3000 слов и 340 групп число групп, являющихся тематическими, денотативными, составило 10—15%, это — «город», «жилье», «дом», «мебель», «почта» и т. п.)

При построении идеографических тезаурусов у составителей, естественно, возникает вопрос о предпочтении в качестве названий групп общих слов того или другого типа — денотатных или сигнификатных, чтобы, если бы это оказалось возможным, сделать словарь более единообразным. В этой связи исследователь идеографических словарей Ю. Н. Караулов пишет: «В случае превращения всех имен полей в денотативные сами поля становятся тематическими группами, а словарь из идеографического преобразуется в тематический, включающий в основном имена типа *больница, магазин, университет, рынок, столовая, общежитие* и т. п. (т. е. имена, являющиеся одновременно именами ситуаций. — Ю. С.). . . Исчерпывающее перечисление чревато превращением, по мере накопления признаков, одной ситуации в другую, часто в противоположную. Так, если встать на путь максимального учета элементов, отвечающих потенциальному ядру „дом“, то в эту группу придётся включить и слова *театр, почта, тюрьма, сумасшедший дом* и *Белый Дом*. . . Можно отказаться полностью от имен денотативного характера и расформировать все тематические группы, образовавшиеся после I этапа. Тогда, скажем, слово *носки* должно попасть в поле „нога“ (если такого поля нет, его придётся открыть), а *шляпа* войдет в состав нескольких полей, если учесть, что она может быть „емкостью“ для чего-то, служить „защитой“ от непогоды, должна, как правило, иметь „форму“ и т. д. . . . Ясно, что подобное разбиение было бы искусственным, а его результат неудовлетворительным и с теоретической точки зрения, и с позиций его практического использования. Кроме того, как показывает опыт, „расформирование“ денотативных групп нельзя провести до

конца: на месте расформированных появляются новые, предполагающие перечисление. Например, в гипотетическую группу „нога“, включившую *носки*, должно входить перечисление составных частей — *бедро, колено, голень, ступня, палец*, если же мы захотим избавиться от денотативной группы „нога“, включив это слово в поле „шагать“ или „идти“, то нераспределенными останутся перечисленные слова, в том числе *носки*. . . Таким образом, денотативные (тематические, ситуативные) группы в идеографическом словаре принципиально неустраимы» [Караулов 1976, 133—134]⁴.

Как уже можно предполагать на основании общих свойств обеих группировок, в них существенно различными оказываются отношения синонимии, а также антонимии. Остановимся на более изученных отношениях а н т о н и м и и. Антонимия денотатных слов в значительной степени определяется экстралингвистическими факторами — географической средой, социальной средой, возрастом и профессией говорящего, его положением во времени и пространстве в момент речи. Так, у детей в возрасте 3—4 лет как антонимы отмечаются слова *дядя—тетя, рука—нога*; для горца антонимом к *гора* оказывается *долина*, а для жителя равнинной местности — *равнина*; для крестьянина являются антонимами *сев* и *жатва*; к слову *целый* антонимом будет для стекольщика *разбитый*, для портного *кроеный* или *распоротый*, для мясника *рубленый* и т. п. Зачастую подобрать антонимы к денотатным словам, т. е. установить антонимию в пределах денотатных групп, очень трудно — и она кажется искусственной — или невозможно [Новиков 1973, 17]. Это свойство денотатной антонимии (как, по-видимому, в какой-то степени и денотатной синонимии) можно обобщить следующим образом: антонимия денотатных слов устанавливается на основании противопоставления денотатов в данной ситуации по их отношению к говорящему человеку (или, если ситуация достаточно типична, к человеку вообще); таким образом, предметом денотатной антонимии являются предметы внешнего мира, а ее критерием — человек.

⁴ При чтении работы Ю. Н. Караулова нужно иметь в виду, что автор употребляет термин «денотативный» вместо «денотатный» «десигнативный» вместо «сигнификатный»; общий термин, покрывающий группу слов идеографического тезауруса, «ядро» или «пмя поля» (другие авторы иногда называют его «заглавное слово»)

Антонимия в сигнификатных группах слов определяется на логических основаниях. В настоящее время большинство авторов сходится в установлении по крайней мере трех следующих основных типов сигнификатной антонимии. *Дополнительная* (комплементарная) *антонимия* — когда оппозиция основана на отношении контрарности понятий, члены оппозиции в совокупности покрывают все родовое понятие, а между содержащими их высказываниями возможна двусторонняя импликация, например: «женатый» — «холостой»; *Ее брат женат* предполагает *Ее брат не холост* и наоборот — *Ее брат холост* предполагает *Ее брат не женат*. *Градуальная* (или качественная) *антонимия* основана на отношении противоречия (контрадикторности) понятий, члены оппозиции не покрывают родового понятия, между ними возможно неопределенное количество промежуточных членов; такие антонимы часто выражаются с помощью отрицательной частицы типа рус. *не*; между высказываниями, содержащими члены такого ряда, в общем случае возможна лишь односторонняя импликация, например: «старый» — «нестарый»; возможны промежуточные члены «немолодой», «пожилой» и т. п.; высказывание типа *Ее отец стар* предполагает *Ее отец немолод*, но обратное *Ее отец нестар* не предполагает, что он молод⁵.

Свойства сигнификатной антонимии можно, по-видимому, обобщить так: антонимия сигнификатных слов устанавливается на основе различных логических противоположностей понятий, но без отношения к говорящему человеку и ситуации говорения.

Если использовать термины формализации, то следует сказать, что денотатная антонимия лежит в экстенциональной сфере семантики, а сигнификатная антонимия — в интенциональной сфере.

Третьим типом является *конверсная антонимия*, или конверсия, как в случаях типа «снять шапку» — «надеть шапку»; «купить» — «продать», «склеить» — «расклеить» и т. п. [о типах антонимии см.: Новиков 1973, 34; Апресян 1974, 260, 288 и след.; Лайонз 1978, 485].

С точки зрения различения денотатных и сигнификатных групп в лексике логические основания конверсной

⁵ Эти отношения являются разновидностью отношений «семантического следования» (entailment), которые подробнее рассматриваются в гл. VI и VII.

антонимии еще недостаточно изучены; ее можно, скорее (в отличие, по-видимому, от точки зрения Новикова [1973, 35]), отнести к денотатному (ситуативному) типу. В реальной практике языка антонимы-конверсивы обычно описывают одну и ту же ситуацию, рассматриваемую с различных точек зрения, причем во многих случаях можно видеть, что говорящий как бы присоединяется то к одному участнику ситуации, то к другому (явление эмпатии). Так, высказывания *Петр продал машину Ивану* и *Иван купил машину у Петра* выражают одну и ту же объективную ситуацию, следовательно, имеют в некотором смысле тождественные денотаты, но в первом случае говорящий стоит, скорее, на точке зрения Петра, а во втором — Ивана. Ср. еще: *Джон постоянно бьет жену* — *Жена Джона Клара постоянно подвергается побоям мужа*, где эмпатия говорящего совпадает с подлежащим.

В конверсной антонимии стирается различие между собственно антонимией и синонимией и одно и то же противопоставление высказываний может быть оценено и как их антонимия, и как их синонимия. Тем самым конверсная антонимия оказывается материальным, содержательным аналогом абстрактного логического свойства предложения — его нахождением между *тавтологией*, с одной стороны, и *противоречием* — с другой (см. гл. VII, 3).

Что касается отношений с и н о н и м и и, то ограничимся лишь несколькими замечаниями. Денотатные слова типа «мебель», «одежда», «театр», «рынок», «промышленность», «суд», «почта» и т. п. подчиняют себе нижестоящие слова (по значению — предмету обозначения) как части целому, и эти нижестоящие слова в логическом отношении более или менее равноправны между собой, т. е. находятся в отношении сочинения. Сигнификатные же слова типа «животное», «растение», «цветок», «движение», «профессия» и т. п. последовательно подчиняются по принципу «вид — род» все более общим терминам «вверх», как, например, *авдотка* → *кулик* → *птица* → *животное*, а в отношении сочинения находятся между собой только слова одного яруса, как правило низшего или, во всяком случае, невысокого. Так, равноправны между собой *авдотка*, *тиркушка*, *лопатець*, *шилоклювка* — все это *кулик*; равноправны между собой *кулик*, *утка*, *синица*, *коршун* — все это *птица*; но подобрать равноправный термин к слову *птица* или тем более к слову *животное* очень трудно или даже невозможно.

До сих пор мы рассуждали о денотатных и сигнификатных различиях на основе главным образом существительных. Но могут ли быть таким же образом разделены глаголы? Или, говоря точнее, могут ли быть глаголы разделены на денотатные и сигнификатные группы вообще каким бы то ни было образом? Денотатное и сигнификатное разбиение глаголов будет неоднократно возникать в дальнейшем изложении (в частности, при описании глагольных видов русского языка). И однако в общем виде мы в настоящее время не готовы дать ответ на поставленный вопрос. Представляются возможными несколько решений.

При первом из них задачу о разделении глаголов мы сводим к уже решенной задаче о разделении имен, а именно: глаголы, способные в данном языке сочетаться с денотатными именами как субъектами, будут денотатными глаголами; глаголы же, способные в данном языке сочетаться с сигнификатными именами как субъектами, будут сигнификатными глаголами. Например, в русском языке *дышать*, *есть*, *говорить*, *таять*, *раскалываться*, *ломаться* будут денотатными глаголами, так как в главном, непереносном значении они сочетаются только с именами классов «Вещи», «Животные», «Люди»; напротив, *кинофицировать*, *механизировать*, *театрализовать*, *военизировать* и т. п. будут сигнификатными, так как они в главном значении сочетаются с именами сигнификатного характера. Глаголы типа *двигаться*, *изменяться*, *сопровождать* и т. п. должны будут при этом остаться вне групп, так как они равно сочетаются со всеми типами имен.

При втором решении задача также сводится к уже известной классификации имен на денотатные и сигнификатные и денотатные глаголы определяются, как и в первом случае; сигнификатными же будут, во-первых, те же глаголы, что и в первом случае, но также еще и глаголы, способные сочетаться со всеми именами, т. е. *двигаться*, *изменяться*, *сопровождать* и т. п. Денотатная группа оказывается при этом решением «признаковой», а сигнификатная — «беспризнаковой».

При третьем решении различие «признаковости» — «беспризнаковости» можно провести более последовательно и считать сигнификатными только глаголы, сочетающиеся со всеми группами имен, т. е. те, которые при первом решении остаются вне групп; для сигнификатных же глаголов первого решения следует придумать какое-либо

мовое обозначение. Возможны, вероятно, и иные решения, и вопрос об их числе и адекватности остается открытым.

Аналогичные вопросы возникают в отношении прилагательных и вообще предикативов, так как одним из самых характерных их свойств, по крайней мере в индоевропейских языках, является нейтрализация различий между денотатными и сигнификатными характеристиками. В русском языке прилагательные на *-ный* и *-тельный*, образованные от основ глагола и отглагольного существительного, обычно выражают и признак вещи и признак произведенного ею состояния человека, его духа и тела, например: *голодный обед, голодный стол, голодный год — голодный человек, я голоден; сонное зелье* 'вещество, вызывающее сон' — *сонный ребенок* 'находящийся во сне, спящий', *у меня сонное состояние*; *пьяное вино* — *пьяный человек*; *веселый праздник* — *веселое настроение*; *бедная изба* — *бедная Лиза* 'Лиза, которую жалко'; *живая вода* 'оживляющая' — *живой человек, он жив*; *трудная работа* — *трудный больной* первонач. 'больной, которому трудно', ср. *мне трудно*; *ненадежный больной* 'не внушающий надежды на выздоровление' — *ненадежный* 'не надеющийся', ср. *будьте надежны!* и т. п. [Потебня 1968, 396; Покровский 1959, 224 и след.]. Ср. еще: *Он нашел его лежащего на диване в беспамятстве, нераздетого. . . Он опасен? — спросил Берснев. — Да, очень, — отвечал доктор. — Сильнейшее воспаление в легких. . .* (Тургенев, Накануне).

Поэтому в чисто предикатной функции такие прилагательные возможны только при их сигнификатном значении, как характеристика внутреннего состояния человека или предмета с точки зрения говорящего; в современном языке только при этом возможна краткая форма прилагательного, ср.: *Мне трудно; Я пьян, весел; но Это положение трудное* (т. е. *Это положение — трудное положение*) — предложение тождества. Отметим редкий пример, когда объективное состояние характеризуется с субъективной точки зрения говорящего, и тогда использована краткая форма: *Р а к и т и н. . . Признаюсь, мое положение довольно смешно. . . почти презрительно* (Тургенев, Месяц в деревне, II).

Уместно поставить теперь важный для таксономии вопрос, не освещенный составителями идеографических тезаурусов: распространяется ли квалификация «денотатный», «сигнификатный» только на всю группу в целом, на

«класс как целое» или также на каждое входящее в нее слово в отдельности? И если верно последнее, то равным ли образом применимы эти характеристики к рядовым словам и к заглавному слову группы — общему термину? Как мы увидим ниже, попытка ответить на эти вопросы подводит к особенностям индивидуальных, общих и метаимен, особенностям, мало исследованным вообще и обнаруживающимся именно в связи с данными вопросами.

На пути к такому продолжению таксономии лежит еще одно, вспомогательное, но важное звено — проявление денотатно-сигнификатных различий в толкованиях обычных толковых словарей. Рассматривая таксономию в плане идеографического тезауруса, мы идем «сверху», от масс слов к отдельному слову. Членение масс, как мы видели, подчиняется различению «денотатного» — «сигнификатного». Но соотношение этих понятий при характеристике отдельного слова, как мы тоже видели, при этом остается не вполне ясным. Рассматривая словарные описания толковых словарей, мы идем «снизу», от отдельного слова. И если указанное различение имеет какой-либо смысл и в применении к отдельному слову (мы убедимся, что это так), то пути «сверху» и «снизу» должны совпасть и создать более ясную картину.

То, что отдельные слова можно сгруппировать по преобладающим чертам — именно в значении каждого отдельного слова — в денотатный и сигнификатный типы, в настоящее время хорошо известно [см.: Уфимцева 1974, 103 и след.]. Но нас теперь интересует, насколько поддаются этому массы слов, конкретно описанные в толковых словарях. Для этого необходима хотя бы самая начальная типология толковых словарных определений, которую мы суммарно очертим, используя работу Е. Н. Толикиной [Толикина 1976].

В определениях толковых словарей можно выделить (мы не говорим: разнести все определения без остатка) две большие группы по характеру обобщающего слова. В одной группе обобщающие слова таковы: «инструмент», «орудие», «средство», «устройство», «приспособление», «агрегат», «одежда», «обувь», «мебель». Их можно назвать (достаточно условно) «словами-определителями»; определения со словами-определителями классифицируют, это — определения классифицирующие. В другой группе обобщающие слова носят такой характер: «совокупность», «группа»; столь же условно их можно назвать «словами-

идентификаторами», а соответствующие определения — идентифицирующими. Если определения первой группы мотивированы предметным миром и составляют тематические группы, то определения второй — мотивированы миром понятий. Сопоставив слова *комфорт*, *общество*, *репертуар*, *набор*, *кампания* и т. п., которые равно определяются через обобщающее слово *совокупность*, мы, очевидно, придем к заключению, что они «не составят тематической группы. Как содержательные отдельности, как жесткие предметы или (что одно и то же) как обозначаемые в таком, а не в ином объеме, они сформировались языковой деятельностью номинации. Следовательно, мы имеем дело не с предметным объемом, как в словах конкретной лексики, а с объемом номинации. . . с классами слов, в которых соотношение семантических параметров признака в объема формируется языком» [Толикина 1976, 49].

В первом из описанных типов определений, классифицирующем, мы находим прямое соответствие денотатным группам идеографических словарей. Что касается второго типа, идентифицирующего, то в нем угадывается какое-то соответствие сигнификатным группам идеографических словарей, но его еще предстоит обнаружить.

Для этого проследим определения каждого типа несколько дальше «вверх» и «вниз». Возьмем сначала определения классифицирующие. В словаре С. И. Ожегова *рубашка* определяется как «одежда из легкой ткани. . . и т. д.»; *одежда* же определяется как «*совокупность* предметов, которыми покрывают, облачают тело»; таким образом, мы столкнулись с обобщающим словом *совокупность* на следующей вверх ступени определения. Еще примеры того же рода: *стамеска* — «столярный инструмент. . . и т. д.»; *инструмент* — «1. Орудие (преимущественно ручное) для производства каких-нибудь работ. 2. Собирательное. *Совокупность* таких орудий». Примеры можно умножить, но всякий раз слова типа «совокупность» будут появляться на близких ступенях определения.

Возьмем теперь слова, определяемые в другом типе — идентифицирующем, и при этом с помощью слова *совокупность*: «*Репертуар* — 1. *Совокупность* пьес, музыкальных и иных произведений, идущих в театре. . . и т. д. 2. *Совокупность* исполняемых кем-нибудь театральных ролей, музыкальных произведений»; «*Кампания* — 1. *Совокупность* военных операций, война на одном опре-

деленном театре военных действий. . . и т. д.»; «Команда — . . . б. Спортивный коллектив»; «Коллектив — группа лиц, объединенных общей работой, общими интересами»; «Группа — . . . 2. Совокупность людей, объединенных общностью интересов. . . и т. д.». И здесь на определенной ступени определений появляется слово *совокупность*.

Сопоставим теперь — хотя этот прием и достаточно условен — слова, находящиеся на ступенях определений непосредственно под словом *совокупность*; мы получим при этом слова одного уровня таксономии в обеих группах определений. Ими будут *одежда*, *инструмент* и т. п. из первой, классифицирующей группы; *репертуар*, *кампания*, *группа* (лиц) и т. п. из второй, идентифицирующей. Только слова одного уровня таксономии и могут быть предметом непосредственного сопоставления. Мы видим теперь, каким образом и какие именно слова противопоставляются денотатным терминам *одежда*, *инструмент*, *мебель* и т. п., это — *репертуар*, *кампания*, *группа*, *набор*, *общество* и т. п.; последние и составляют сигнификатные группы, которые присутствуют, таким образом, и в толковом словаре и обнаруживаются благодаря тому, что они составляют непосредственный предмет определений посредством общих терминов типа «совокупность».

Если теперь рассмотреть слова типа «одежда», «мебель», с одной стороны, и слова типа «репертуар», «кампания» — с другой, с точки зрения их отношения к нижележащим словам, то на этом пути «вниз» мы обнаружим полное соответствие семантическим различиям, присутствующим в ч у т р и денотатных и сигнификатных групп в идеографическом словаре. В самом деле, если отношение *стакан* к инструменту или *стола* к мебели определяется как отношение части к своему целому (также по толковым словарям: *обод* — часть колеса, *рукав* — часть предмета одежды и т. п.), то *пьесу* никто не будет определять в толковом словаре как часть репертуара, *бой* — как часть кампании, *лицо* — как часть группы, *предмет* — как часть набора и т. д., хотя в понятийном плане эти отношения как раз таковы и в научных целях зачастую описываются именно таким образом ⁶.

⁶ Так, теоретик военного дела К. Клаузевиц полтора года назад писал: «Если мы вообразим себе государство и его вооруженную силу как единство, то самым естественным представлением для нас будет мыслить и войну как единичный большой бой; в условиях первобытных взаимоотношений диких народов это прибли-

Общие имена типа «совокупность», которые, как мы только что видели, равно используются при определении денотатных и сигнификатных групп, т. е. «увенчивающие» термины, очевидно, сами не принадлежат ни к тем, ни к другим. И с этой точки зрения мы также не видим для них лучшего термина, как «метазнаки».

Итак, в заключение следует сказать, что различение денотатных и сигнификатных слов относится не в целом к группам, определяемым в идеографических словарях «по вертикали», а к заглавным словам этих групп, к общим терминам типа «одежда», «мебель» против терминов «репертуар», «организовать». (Отсюда постоянное смешение, например, в работе Ю. Н. Караулова, денотатно-сигнификатных характеристик групп слов — «полей» и их именованных — имен, «ядер» [ср.: Караулов 1976, 132, 134 и др.]) Это термины не самой высокой степени общности. Выше них лежат термины типа «совокупность», являющиеся словарными метазнаками; ниже, в составе самих групп, — слова типа «стамеска», «молоток», «пьеса», «бой», «лицо (человек)» и т. п., относительно которых вопрос «Денотатные ли это имена или сигнификатные?» снова, как и для высших ступеней, теряет смысл и которые получают более полную характеристику в связи с «индивидуальными именами». Мы вернулись, таким образом, к иерархии в таксономии словаря и к различению в ней «по вертикали» индивидуальных имен, общих имен, метаимен, что составит один из следующих разделов таксономии.

Индивидуальные имена по самой своей природе, к какой бы предметной группе таксономии они ни принадлежали, преимущественно способны быть субъектами предложений. Общие имена, называющие денотатные группировки, способны быть субъектами в большей степени, чем предикатами. Общие имена, называющие сигнификатные группировки, напротив, способны быть скорее предикатами,

[зительно так и было. В действительности же наши войны состоят из множества крупных и мелких, одновременных и последовательных боев, и это раздробление деятельности на множество отдельных актов имеет своим основанием великое разнообразие отношений, из коих у нас возникает война» (Клаузевиц К. О войне. Пер. с нем. М., 1934, с. 167). Толковый словарь под ред. Д. Н. Ушакова определяет *лицо* как: «4. Человек вообще, человек как отдельный индивидуум», но словарь С. И. Ожегова, что вообще характерно для этого словаря, удаляется от определения толкового словаря в сторону научного и определяет *лицо* не как исходное, независимое, а как часть целого: «3. Человек как член общества».

чем субъектами. Метаимена в простых нетранспонированных предложениях способны быть только предикатами.

Конкретные соотношения такого типа рассматриваются ниже на материале разных языков, и поскольку денотатные и сигнификатные группировки соотносительны и подвижны, их конфигурация характеризует тип языка. Иными словами, тип языка характеризуется в конечном счете специфическим для него выбором таксономических групп (в общем, универсальных) для роли субъектов предложений и выбором других групп для роли предикатов (см. гл. X).

Намеченные в этом разделе общие и во многом еще смутные при современном состоянии лингвистики отношения будут, хотя бы отчасти, уточнены в последующих разделах таксономии имен.

3. ОСНОВНАЯ ТАКСОНОМИЯ — «ВЕЩИ», «РАСТЕНИЯ», «ЖИВОТНЫЕ», «ЛЮДИ»

Отличие неживых предметов, вещей от живых — растений, животных, людей — интуитивно ясно и научно определимо. Наша задача — показать, что оно отражается в различной организации соответствующих имен в лексике языка. Поскольку родовые названия, в частности указанные в заголовке, составляют особую проблему, целесообразно начать не с названий групп, а с «подчиненных» им слов — названий предметов, входящих в эти группы. Таким образом мы приходим к понятию индивида и предвосхищаем отдельный — но не независимый — вопрос об индивидных именах.

Термин *индивид* означает объект, который — если рассматривать его в данной системе — не является множеством [Карри 1969, 41]. *Индивидное имя* — имя существительное, именующее такой объект. Подход от предмета обозначения, от денотата — путь, которым мы сейчас идем, — предполагает, что сначала определяются особенности предмета, а затем все остальное, что касается семантики обозначающего его слова. Нужно, однако, иметь в виду, что в семантике определение предмета также всегда происходит в рамках некоторой системы, а в ней, какова бы она ни была, индивид — это объект наинизшего типа, не являющийся множеством.

В теоретическом понимании такого объекта мы сталкиваемся с целым рядом проблем. Если определять его

в иерархии «родов и видов», между которыми существуют непрерывные отношения включения более низких ступеней в более высокие посредством введения различных признаков определений, то наинизший объект, индивид выпадает из этой непрерывности: между ним и ближайшим видом — скачок, прерывание последовательности. Дело в том, что вид отделяется от ближайшего рода одним признаком, или, во всяком случае, конечным числом признаков, тогда как индивид отделяется от низшего вида потенциально бесконечным числом признаков: конечным числом признаков индивидуальное неопределимо. Поэтому многие исследователи считают, что объектом наинизшего типа в иерархии родов и видов является не индивид, а тоже вид, хотя и «вид наинизший» (*species infima*). Г. В. Лейбниц, напротив, полагал, что — за исключением потенциальной бесконечности анализа — индивид не отличается от вида, что «всякий индивид есть наинизший вид» («*omne individuum est species infima*») [Lalande 1972, 496]. Но и ввиду этой дискуссии вполне удовлетворительным оказывается определение по Карри, которое гласит, что индивид есть объект, который — при определении в данной системе — не является множеством. С лингвистической точки зрения проблема, как мы попытаемся ниже показать, заключается в том, что естественный язык обладает в своем словаре несколькими системами, в каждой из которых соотношение индивида и множества разрешается различно.

В типологическом плане вообще тесно связаны проблема индивидуности имен и проблема именных классификаций в языках мира. Для нас подход к указанному общему решению был связан с обнаружением языка, обладающего почти идеальной гаммой ранжированности имен по степени индивидуности и одновременно с последовательной предметной классификацией. Таким языком оказался испанский. Л. Н. Степанова, исследовавшая категорию рода в нем, отмечает: «Лексико-семантическая система испанского языка, описанная с точки зрения категории рода, предстает как совокупность нескольких лексико-семантических разрядов (классов) слов. Все разряды организованы вокруг одной и той же элементарной значимой оппозиции, но с особым в каждой группе отношением маркированности — немаркированности членов и с особой дополнительной семантической нагрузкой основной элементарной оппозиции. . . Лексико-семантические классы испан-

ского языка, организованные вокруг категории рода, систематизировались в следующей классификации⁷. Все имена существительные: 1) Неживые (вещи, имена действия, абстрактные имена) — Живые: 2) Неодушевленные (растения) — Одушевленные: 3) Нелица (животные) — Лица: 4) Непрофессии (родство, собственные имена, фамилии) — Профессии (специальность, род деятельности, занятие)» [Степанова 1972, 13].

Отмеченное своеобразие испанского языка — непрерывность именной классификации — объясняется особым строением категории рода в этом языке. Дело в том, что в генетическом предшественнике испанского языка — латинском языке — на определенном, сравнительно позднем этапе его истории суффиксальные родовые классы имен существительных, унаследованные в своей основе от индоевропейского состояния, стали деградировать, суффиксальные различия между ними сглаживаться, а на смену последним пришло в качестве показателя рода согласование с прилагательным. В поздней народной латыни род существительного обнаруживался не столько морфологическим показателем — суффиксом существительного, сколько окончанием согласованного с существительным прилагательного; в общем случае — всякое имя, с которым согласовывалось прилагательное на *-um* > *u* (в исп. *-o*), было именем муж. рода, всякое существительное, с которым согласовывалось прилагательное на *-a* (в исп. *-a*), было именем жен. рода (средн. род исчез). Эта тенденция существовала во всех романских языках, но в испанском она проведена особенно последовательно. В конечном счете в испанском языке различие показателей *-o/-a* стало определять также различие родов самих лексем существительных и развилось огромное количество парных существительных, имеющих, подобно прилагательным, общую основу и различающихся только показателем *-o/-a* (или нулем/*-a*), например: *hermano/hermana* 'брат' — 'сестра'; *maestro/maestra* 'учитель' — 'учительница'; *obrero/obrero* 'рабочий' — 'рабочая' (т. е. женщина-рабочий); *trabajador/trabajadora* 'трудящийся' — 'трудящаяся' (т. е. женщина-трудящийся). В других языках в таких случаях, как правило, имеется различие основ (ср. рус. *брат*—

⁷ Здесь графическая схема дихотомического дерева дается нами в словесной форме, при этом двоеточие соответствует переходу от высшего яруса к низшему, а тире разделяет рубрики одного и того же яруса.

сестра) или полное различие суффиксов (ср. рус. *учитель—учительница*). Это обстоятельство и обеспечило таксономическую непрерывность в лексике испанского языка, позволяющую представить последнюю в дихотомической классификации.

Естественная таксономия испанского языка, изложенная в виде дихотомии, полностью соответствует классификации субстанций, или сущностей, Аристотеля, в том

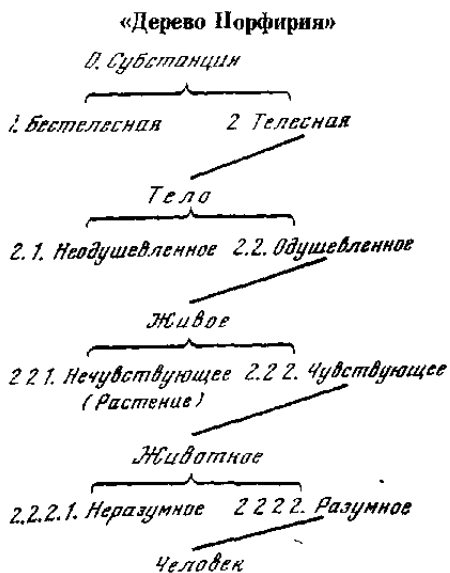

Рис. 1.

виде, как ее представил комментатор Порфирий, — «дереву Порфирия» [Порфирий 1939] (рис. 1).

Для лингвистических целей, однако, «дерево Порфирия» должно быть модифицировано. Модификация заключается прежде всего в устранении промежуточных наименований между ярусами — «тело», «живое», «животное». Дело в том, что, если имена, содержащиеся в рубриках ярусов, являются именами анализируемого языка, то названия ярусов в «дерево Порфирия» — это имена мета-языка. Различие тех и других само по себе составляет весьма сложную проблему, которую мы здесь не рассматриваем (и к которой частично вернемся ниже); ясно только, что метаимен в классификации должно быть как

можно меньше: имена между ярусами излишни. Однако совсем устранить метаимена невозможно; в частности, они должны остаться в наименованиях рубрик. При этом метаимена рубрик (левых) с нечетными номерами — «неживые», «неодушевленные», «нелица» — являются грамматической номенклатурой, обычной в лингвистике. Но вместо этих метаимен — обстоятельство весьма примечательное — могут быть употреблены имена существительные общего значения, принадлежащие самому описываемому языку, например рус. *вещи, растения, животные*. Что касается метаимен, служащих наименованиями четных (правых) рубрик, то подобрать им соответствующие имена естественного языка гораздо труднее. Но зато, поскольку каждая правая рубрика, кроме последней, подвергается дальнейшему делению, ее наименование (метаимен) является в некотором смысле менее необходимым, чем наименование соответствующей левой рубрики, и может быть, вообще говоря, исключено (процедура «исключения абстракции», см. гл. 1, 2). Эта возможность на схеме обозначена квадратными скобками (рис. 2).

Модифицированное «дерево Порфирия» представляет собой таксономию имен существительных естественного языка — их семиологическую классификацию. Оно обладает по крайней мере следующими четырьмя примечательными особенностями: 1) будучи классификацией имен, оно отражает вместе с тем естественную, т. е. данную в природе, классификацию объектов — на «Вещи», «Растения», «Животные», «Людей». Классификация таким образом подчеркивает, что, как гласил еще средневековый тезис, «имена суть следствия вещей» (*Nomina sunt consequentia rerum*); 2) оно построено по родо-видовому принципу; причем каждая рубрика, имеющая четный номер, позволяет продолжить деление по тому же дихотомическому принципу, и это одновременно деление рода на виды, в то время как каждая рубрика с нечетным номером в известном смысле является тупиком и не позволяет продолжить деление на тех же основаниях. Чем меньше нечетный номер, тем сильнее это отрицательное свойство рубрики. Рубрика «Вещи» выбывает из классификации уже на втором этапе, и следует ожидать, что она резко отличается по указанным принципам деления от последующих групп (что мы в действительности сейчас и увидим); 3) поскольку все следующие за группой «Вещи» рубрики подчиняются родо-видовому принципу и одновременно это группы ка-

тегории «Живые», то можно сформулировать кардинальное для языковой семантики положение: родо-видовой принцип классификации (чего бы то ни было) является абстракцией отношений рода и вида в живой природе. Отсюда делается понятным, почему «Вещи», как правило, не поддаются родо-видовой классификации; 4) рубрики приведенной классификации как раз и являются теми

Семиологическая таксономия имен существительных

(Модифицированное «дерево Порфирия»)

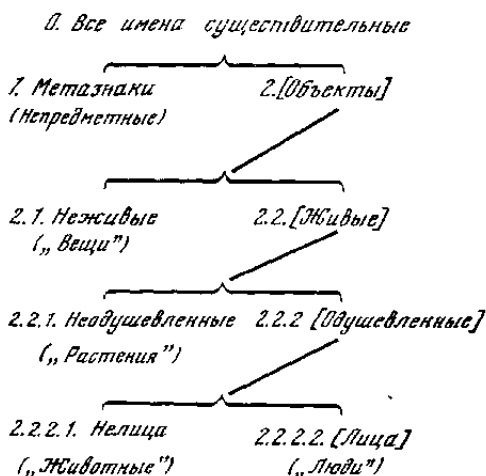

Рис. 2

различными «системами», о возможности которых мы упомянули выше и в которых отношение индивида и множества решается совершенно по-разному. В общем виде: чем больше порядковый номер группы, тем большую степень индивидуности она задает (и требует) в языке для входящих в нее имен. Возвращаясь к третьему свойству, это же положение можно высказать и иначе: понятие индивида в таксономии языка является абстракцией категории «особи» в живой природе и различно в зависимости от типов последней; особь в мире растений отличается степенью и качеством индивидуности от особи в мире животных.

Лингвистическая таксономия в виде модифицированного «дерева Порфирия» открывает возможности различ-

ных применений, но, учитывая тему данной главы, мы остановимся только на одном из них — на мере индивидуности имен в соответствии с разными группами таксономии.

В е щ и. Прежде всего нужно сказать, что имена вещей, как правило, исключены из процесса языковой индивидуализации: слова типа «стамеска», «молоток», «шкаф», «стол», «стул», «пальто», «кухня», «дача» и т. п. являются одновременно и именами класса и именами индивидов этого класса. Лишь в исключительных случаях они индивидуализируются. При этом индивидуализация происходит чаще всего путем персонификации, т. е. на основаниях иной рубрики — «Человек», и совершается по особым правилам. Вкратце их можно свести к двум основным: либо предмет уподобляется лицу и тогда получает собственное имя, подобное имени лица, например: *Олифант* — рог Роланда, *Дюрандаль* — его меч в «Песни о Роланде»; иногда предмет, созданный в одном экземпляре, получает имя своего создателя как его детище — *Цепелин* (дирижабль), *Монгольфьер* (воздушный шар); если при этом имя допускает вариации в грамматическом роде, то эта особенность используется; так, во французском гильотина (*guillotine*) — жен. рода с суф. -e как дочь изобретателя-мужчины *Guillotin*; либо — в другом типичном случае — индивидуализируется, уподобляется лицу не отдельный предмет, а вид в целом и соответственно все его экземпляры. У англичан, нации мореходов, корабли как исключение из всех других названий предметов являются существительными жен. рода, корабль — «она», *she*, тогда как все другие предметы — «оно», *it*; в русском языке названия марок автомобилей зачастую подобны именам лиц и по мере индивидуализации приобретают формы словоизменения имен лиц — первоначальное *Он моет свой «Москвич»* становится необычной формой и сменяется новой *Он моет своего «Москвича»*; купили «Москвича». Но как только индивидуное имя дается вещи, оно тут же подпадает под действие тенденции к обобщению на класс: поэтому *автомобиль «Москвич», «Лада», гарнитур «Светлана», туалетный крем «Наташа»* и т. п. — это названия классов, а не индивидов.

Большой материал дают наблюдения над опытами исследовательской систематизации лексики в идеографических словарях-тезаурусах. При этом выясняется, что дихотомическое разбиение по принципу «дерева Порфирия» осуществимо на всем множестве слов, входящих

в такой словарь⁸. Нас особенно интересует, однако, не столько сам по себе этот факт (которого следовало ожидать), сколько следующее примечательное различие, предвидеть которое было бы значительно труднее. Группа слов, которые можно считать названиями «Вещей» в собственном смысле слова, т. е. материальных объектов, созданных человеком или имеющих непосредственное отношение к человеку, — названия различных инструментов, орудий, зданий, профессий, социальных положений, общественных событий, бытовых предметов и т. п., не поддается упорядочению по родо-видовому принципу. Такие слова образуют особые, по преимуществу так называемые денотатные группировки (см. выше) и требуют внутреннего упорядочения в группе на иных основаниях: по отношениям части и целого; практического назначения; материальной основы; способа изготовления; способа применения; способа воздействия на организм человека, его тело и органы чувств и т. д. [ср.: Караулов 1976, 132 и след.; Толикина 1976, 50 и след.].

Таким образом, предметные группы «Вещей» отличаются от всех остальных содержательных групп таксономии особым характером внутренних отношений в группах, это отношения «целого — части», «причины — следствия», «цели — средства», «функции» и ее более частных характеристик — «действие», «объект действия», «инструмент», «действительность» и т. д. Предметные группы «Вещей» допускают исчерпывающее семантическое определение своих видовых имен в терминах этих отношений. И с этой стороны также определения индивидуальных имен в указанных группах не составляют никакой сложности: как уже было сказано, индивидуальные имена в большинстве случаев совпадают с видовыми, например: «*Стамеска — столярный инструмент со стальным плоским заточенным концом*» (Словарь Ожегова 1972); «*Дрель — механизм для вращения сверла при сверлении малых отверстий*» (Там же); «*Лестница — сооружение в виде ряда ступеней для подъема и спуска*» (Там же); «*Стремянка — легкая переносная или подвесная лестница*» (Там же); «*Синхронизатор — устройство, обеспечивающее синхронное действие чего-нибудь*»

⁸ См. об этом: [Морковкин 1976, 183]. Автор не упоминает, что предложенная им схема является просто немодифицированной схемой Порфирия.

(Там же); «*Фотоэлемент* — электронный прибор, в котором электронный поток или электрический ток управляется светом» (Там же).

Примечательно, что различие, сходное с различием «Вещи» — «Невещи», обнаружено в таком специальном словаре-тезаурусе, как тезаурус лингвистики. Отношения между единицами такого словаря, или «функции», «разбиваются на две большие группы по типу информации, которую они выражают. Первая группа — синонимы, корреляты, родо-видовые отношения — являются общелогическими отношениями включения и тождества. Вторая группа функций несет информацию о предметной области, которая описывается в тезаурусе. . . Это разделение на „понятийные“ и „предметные“ отношения» [Никитина 1978, 44].

Все эти словарные наблюдения являются независимыми свидетельствами правильности отделения группы «Вещи» от групп «Живые» — «Растения», «Животные», «Люди, Человек».

Р а с т е н и я. Растения, грибы, фрукты, овощи обычно идентифицируются «с точностью до вида» [Арутюнова 1976б, 307]. Название вида одновременно служит индивидуальным именем. *Рыжик, боровик, ромашка, антоновка, морковь* и т. п. означают одновременно и класс и любую особь этого класса. (В лучшем случае противопоставляются не индивид и класс, а отдельный предмет и масса вещества: *морковка — морковь, картофелина — картофель* и т. д.) Однако названия растений, особенно важных в хозяйстве, могут получать индивидуальные имена в качестве названия сорта, в известной степени аналогичного собственному имени человека, например название сорта груши *ренклод* из фр. *reine-claude* по имени королевы Франции, *la reine Claude*.

Отсутствие и даже невозможность индивидуализации с точностью до особи в этой группе отвечает объективным особенностям систематики растений. Родоначальник систематики К. Линней описывал виды как однородные единицы. Однако очень скоро было установлено, что крупные виды — так называемые линнеоны — распадаются на множество разновидностей, различающихся десятками признаков, связанных с листьями, цветами, зернами и т. д. Наиболее последовательные ботаники начали в соответствии с такими признаками дробить линнеоны на мелкие виды. Их назвали элементарными видами, или жорданонами, по имени французского ботаника А. Жор-

дана, который, изучая травку крупку (семейство крестоцветных), разделил этот вид более чем на 200 наследственных форм, дав каждой название. Это было своего рода рекордом, однако очень скоро самые рьяные дробители поняли, что процесс выделения жорданонов практически бесконечен. Для наиболее хорошо изученных культурных растений — пшеницы, ржи, ячменя, овса число жорданонов стало достигать уже многих тысяч. Единство линнеевского вида сказалось в другом: «Огромный фактический материал привел нас к концепции линнеевского вида как сложной системы форм, состав которой подчиняется закону гомологических рядов» [Вавилов 1931, 118]. Вид, сказали бы мы, определяется не только изнутри — интегральными признаками и извне — дифференциальными признаками, но и более сложным включением в систему целого — гомологическими рядами.

Те более частные названия растений, которые в языковой таксономии могут подводиться под низшее видовое имя, оказываются зачастую, по-видимому, разными наименованиями одного и того же, и различие между ними состоит лишь в том, что они употребляются в разных коллективах говорящих или — это особенно частый случай — в разных местностях. *Пльвун, деряга, зеленица, змеиный мох* — это все одна и та же трава *плаун*. Однако поскольку и жорданоны и линнеоны объективно несколько различаются в разных местностях (вид, по Н. И. Вавилову, еще и понятие «ареальное»), то с подобными различиями в именах могут связываться и некоторые объективные различия растений. (Иногда они достигают очень большой степени: например, *подснежником* в разных областях России называют совершенно различные виды.) В общем, такие частные названия, подводимые под общелитературное видовое, оказываются «денотатными (или денотативными) синонимами» [Степанов 1975а, 32]; они подобны «денотатным антонимам» (см. выше). В связи с индивидуализацией таких явлений в языке возникают по крайней мере две интересные проблемы.

Первая проблема: обусловлена ли слабая мера индивидуности только соответствующей слабой мерой потребности человека различать индивиды в этой сфере, т. е. субъективно? Или имеются объективные основания? Несомненно, и то и другое. Гегель и Гете, прозорливо подметив слабую объективную степень индивидуности в растительном царстве, связывали ее с малой противопо-

ставленностью одной особи другой и, что особенно интересно, с малой противопоставленностью частей в пределах организма одной особи. Действительно, если индивидуализация человека по внешнему облику происходит прежде всего путем различения и противопоставления частей его тела (различны рост, комплекция, форма носа, разрез глаз, их цвет, рисунок губ и т. д.), то в организме отдельного растения сами части недостаточно противопоставлены друг другу. «Растение как первый суций для себя субъект, возникающий прямо из непосредственности, есть, однако, лишь слабая младенческая жизнь, еще не поднявшаяся в самой себе до различия. . . Господствующий в растительном царстве рост есть поэтому умножение самого себя как изменение формы; наоборот, рост животных есть лишь изменение величины, при котором образ остается одним и тем же. . . Рост растения. . . это не приход к себе в виде индивидуума, а размножение индивидуальности; единая индивидуальность является, таким образом, лишь поверхностным единством многих» [Гегель 1975, 399]. Сравним сходную мысль Гете: «Чем совершеннее становится существо, тем менее похожими друга на друга становятся его части» [Там же, 667]. Если «индивид» есть отражение объективного явления «особи», то в какой степени понятие индивида является определяемым? Сразу сформулируем общий ответ: понятие индивида в языковой таксономии является неопределимым, но степень неопределимости и соответственно неопределенности зависит от системы или уровня в таксономии (в указанном выше понимании последних); она, следовательно, различна для индивидных имен вещей, растений, животных, людей.

Здесь в нашем рассуждении появилось слово «неопределимость», и мы должны о п р е д е л и т ь (неизбежная игра слов!), в каком смысле оно будет употребляться дальше. С одной стороны, «неопределимый» означает «не могущий быть разъясненным словами». В таком смысле употреблял этот термин еще Дж. Локк, указывая, что цвета невозможно разъяснить слепому человеку, что знать значения слов «красный», «зеленый», «голубой» и т. д., можно, только увидев соответствующие цвета, и что точно так же обстоит дело со вкусами, запахами и звуками. «Пусть тот, кто думает иначе, попробует, могут ли какие-нибудь слова дать ему вкус ананаса или составить ему верную идею вкуса этого превосходного плода. По-

сколькx ему будут говорить, что этот вкус похож на какие-то вкусовые ощущения, идеи которых, запечатленные нечуждыми его небу чувственными объектами, он уже имеет в своей памяти, постольку он может достигнуть приближения к этому вкусу в уме своем. Это, однако, не дает нам данной идеи посредством определения, а вызывает у нас другие простые идеи посредством их известных названий, и эти идеи всегда будут весьма отличаться от истинного вкуса этого самого плода. Со светом и цветом и всеми другими простыми идеями бывает то же самое, ибо значение звуков не дано от природы, а только приложимо (людьми), и притом произвольно» [Локк 1960, 423]. С этим пониманием неопределимости мы в этой книге, подобно всем современным семантикам, не будем иметь дела в дальнейшем, кроме гл. VIII.

С другой стороны, «неопределимый» значит «несводимый к значениям других слов и, следовательно, неразложимый на более простые смыслы». Языковые названия локковских «первичных идей» — цветов, вкусов, запахов, звуков — в этом смысле являются как раз вполне определяемыми. Они прекрасно определяются в толковых словарях путем отсылки к смыслам других слов языка, например: «зеленый — цвета травы, листвы» (Словарь Ожегова 1972); «соленый — обладающий вкусом соли» (Там же) и т. п. Второе понимание неопределимости очень важно в современной семантике, так как является одним из оснований составления списка первичных неопределяемых терминов, из которых могут строиться определения всех остальных слов. (Возможны, конечно, слова, неопределимые в этом смысле, но вместе с тем не помогающие описанию других слов, — собственные имена; подробнее о них см. ниже.) Основы этого подхода были разработаны Лейбницем, составившим первое словарное семантическое описание такого рода — «Tabulae definitionum» («Таблицы определений») ⁹.

Индивид в лингвистическом смысле является в разной степени для разных классов особей неопределимым, но его отличие от множества особей очевидно. Мы всегда умеем отличать особь от множества особей и никогда их не смешиваем. В самом деле, мы прекрасно отличаем одну со-

⁹ Работа Лейбница недавно вновь издана по инициативе А. Вежбицкой в обширных отрывках с параллельным польским переводом [Słownik 1975, 8—89].

баку от стаи собак, один цветок от цветочного поля или букета, одного человека от толпы.

Вторая проблема состоит в определении класса в этой сфере. В самом деле, если мы не можем лингвистически достаточно индивидуально определить особь, то можем ли мы по крайней мере лингвистически определить класс? И что с лингвистической точки зрения является здесь классом? В настоящее время следует, по-видимому, признать, что эта проблема также является неразрешимой.

Исходя из понятия семантической неопределимости во втором, лейбницевском смысле, А. Вежбицка описала обширные фрагменты лексики, универсально представленной в разных языках. Для нашей цели особенно важны следующие наблюдения польской исследовательницы. Конкретная лексика может быть разделена на две различные группы в зависимости от того, может или не может слово быть объяснено, прямо или опосредованно, в терминах 15 или около того «неопределяемых» (речь идет о списке исходных неопределяемых семантических сущностей, выработанном Вежбицкой). Имеются слова, которые — по крайней мере в некотором смысле — не могут быть объяснены таким образом. Среди могущих быть объясненными слов находятся названия частей тела, названия природных объектов — «море», «река», «поле», «лес», «облако», «гора», «ветер» и т. п., названия изделий — «стол», «дом», «книга», «бумага» и т. п., а также родовые названия живых существ — «птица», «рыба», «насекомое», «растение», «животное» и т. п. — названия основных рубрик таксономии. Слова, которые не могут быть объяснены, — это слова, обозначающие «виды» (в самом широком смысле термина): «кошка», «роза», «яблоко», «береза», «золото», «соль» и т. п. [Wierzbicka 1972, 21].

Понятие «класс» в этой сфере как раз обычно совпадает с понятием «вид» в его приблизительных ботанических соответствиях. То же справедливо и для большинства названий домашних животных. Но логическое определение значений таких имен в рамках системы языка всегда не завершено и в принципе не может быть завершено: определение ограничивается обычно указанием ближайшего рода и затем некоторым, как правило небольшим, перечнем индивидуальных признаков вида. Это соответствует и обычной практике толковых словарей, ср.: *Кулик* — небольшая болотная птица с длинными ногами

(Словарь Ожегова 1972). Полное определение значения таких слов требует не словарных дефиниций, а энциклопедических сведений. А. Вежбицка справедливо считает, что такие слова, как «кошка», «роза», «яблоко» и т. п., по своей семантической структуре аналогичны собственным именам типа *Иван, Джон, Лондон*. Подобно тому как *Джон* значит в сущности лишь «человек, которого называют *Джон*», слово *кошка* также значит лишь «животное, которое в данном языке называют *кошка*». Поэтому, строго рассуждая, перевод таких слов в двуязычных словарях семантически имеет такой вид: «рус. *кошка* „животное, которое в русском языке называют *кошка*“ соответствует англ. *cat* „животное, которое в английском языке называют *a cat*“». Напротив, перевод слов рубрики «Вещи» типа «стамеска», «отвертка» может быть дан на основе обычной словарной семантической дефиниции, поскольку за ней стоит очевидное тождество референции.

Ж и в о т н ы е. Многие животные, особенно не домашние, индивидуализируются с той же степенью, что и растения, т. е. до вида, и возникающие при этом лингвистические проблемы те же самые. Здесь, однако, играет роль степень подобия человеческому существу. Мелкие нетеплокровные животные занимают дальний полюс на этой шкале, они обычно выпадают даже из классификации по роду, поскольку обычный человек, не специалист-зоолог, не в состоянии уловить их половые различия. Поэтому, например, в русском языке одни слова — *букашка, черепаха, змея* и т. п. — всегда жен. рода, другие — *червяк, жук, комар* и т. п. — всегда муж. рода, но это различие, подобно роду в названиях вещей, не имеет видимого логического основания. При необходимости индивидуализировать их для каких-нибудь специальных целей прежде всего прибегают к различению по полу с помощью добавления соответствующих слов-определителей: *змея-самец, самка комара* и т. п. Л. Н. Степанова отмечает, что в испанском языке, отличающемся, как уже было сказано, плавной родовой классификацией, подобные характеристики в разговорной речи легко используются для индивидуализации людей, названных общим именем профессии, например: *asistente-hembra* 'женщина ассистент', *asistente-macho* 'мужчина ассистент', букв. 'ассистент-самка', 'ассистент-самец', как *gusano-hembra, gusano-macho* 'червяк-самка', 'червяк-самец'. Домашние животные, особенно крупные, индивидуализируются по-

средством кличек, аналогичных собственным именам людей. При этом также играет роль отмеченное выше подобие человеку: в общем случае собаки индивидуализируются больше, чем кошки, кошки — больше, чем козы, козы — больше, чем куры, куры — больше, чем голуби, и т. д. Но в кличке степень индивидуализации меньше, чем в имени человека, которое сопровождается фамилией или еще и отчеством. При необходимости дальнейшей индивидуализации животного его отличают по имени и фамилии владельца *Буренка* (корова) — *Буренка Петровых*.

В определенных условиях в некоторых языках индивидуальным именем может выступать и название всей группы; так, во франц. *ma bête* 'моя кошка' или 'моя собака', букв. 'мое животное'; ср. рус. *инструмент* или *мой инструмент* в среде профессиональных музыкантов для обозначения своего, «неповторимого» инструмента.

Отношения имен типа *авдотка*, *тиркушка*, *лопатень*, *шлюкляювка*, подчиненных видовому слову *кулик*, подобны «денотатным синонимам» в группе растений и ставят проблему, упомянутую выше.

Л ю д и. Человек, разумеется, индивидуализируется в максимальной степени, и это обстоятельство ставит особую лингвистическую проблему, которая будет рассмотрена в следующем разделе. Там же будут затронуты метаимена.

4. ИНДИВИДНЫЕ ИМЕНА, ОБЩИЕ ИМЕНА, МЕТАИМЕНА

Как мы видели в предыдущем разделе таксономии, индивидуальное имя по преимуществу развито в семантической сфере «Человек». Вопрос стоит, следовательно, так: имеет ли система языка какие-либо достаточно типизированные, постоянные способы различать индивиды под общей рубрикой «Человек»? Исследователи отвечали на него несколько различно. Если воспользоваться схемой семантического треугольника, то можно сказать, что объективно существуют возможности для трех различных подходов, и все они в исследовательской практике действительно были использованы.

1. Подход от предмета обозначения, от денотата предполагает сначала описание предмета в рамках определенной системы, которая сама должна быть таксономической. С этой точки зрения (хотя факти-

чески она не всегда при этом формулировалась) было предложено несколько решений, из которых мы упомянем четыре, на наш взгляд особенно важных.

Древние отвечали на поставленный выше вопрос, по-видимому, отрицательно. «Таким образом, — писал Порфирий, — как субстанция стояла на самом верху, потому что раньше ее не было ничего, и являлась родом в наивысшей мере, так и человек представляет собою вид, за которым уже нет другого вида или чего-нибудь, способного дальше делиться на виды, но за этим видом уже идут те или другие индивидуальные вещи (ибо нечто индивидуальное есть Сократ и Платон и вот этот белый предмет), и он оказывается исключительно только видом, или — как мы сказали — видом в наивысшей мере» [Порфирий 1939, 57]. Если считать, что под рубрикой «Человек» идут уже только собственные имена людей, то это равносильно такому решению, как у Порфирия.

Однако наблюдения над таксономией имен в естественном языке подводят к иному, второму ответу. Испанский язык, обладающий великолепной естественной и формально выраженной таксономией имен, скрывает непосредственно под именем «Человек» не только собственные имена людей, но и организованные на том же основании названия профессий. В этом языке аналогично и симметрично противопоставлены «брат — сестра», «учитель — учительница», «мужчина-филолог — женщина-филолог», «птичник (лицо) — птичница», «молочник (лицо) — молочница» и т. п.: *hermano — hermana, maestro — maestra, filólogo — filóloga, gallinero — gallinera, lechero — lechera* и т. п., и собственные имена людей: *Claudio — Claudia, Emilio — Emilia, Nicolás — Nicolasa, Pablo — Pabla, Manuel — Manuela* и т. п. [Степанов 1971б]. Но в случае профессий одно из парных имен, а иногда и оба равно могут выступать также названиями соответствующих предметов — инструментов, орудий, помещений и т. п.: *молочник* — это и человек и сосуд, *птичник* — и человек и помещение и т. д.

Решение, навеянное испанским языком, представляется достаточно общим, а отличия между языками в этом отношении — заключающимися не в существе, но лишь в степени последовательности такого же решения. Сравним названия лиц и одновременно предметов человеческой деятельности в русском языке: *расклеиватель, крошитель, загуститель, расщепитель, уплотнитель, черпатель, рых-*

литель, посыпа́тель, силосова́тель, изве́сткователь, зум-зумитель и др. В современных индоевропейских языках такие обозначения различаются суффиксальными показателями, которые прежде всего выражают противопоставление по функциональной характеристике, например мужские профессии в противопоставлении женским профессиям. Вообще, основные разбиения этих групп соответствуют основным суффиксальным классам, а они несут прежде всего функциональные характеристики. В группе «Вещи» в русском языке будут преобладать обозначения действующих предметов с суф. *-тель, -ник, -щик, -ор* и т. п.; результатов действий и операций с суф. *-ение, -ство, -ость* и др. В группе «Человек, Люди» обозначения деятеля в основном не будут отличаться от обозначений действующего предмета (почему для обоих и подходит обобщенное обозначение «действитель»): слова с суф. *-тель, -ник, -щик, -ор* и т. п. обозначают любого действителя. Таким образом, на последней ступени таксономии, в группе «Человек, Люди» индивидуализация на объективном основании переключается с родо-видового принципа классификации на функциональный, характерный для группы «Вещи», и происходит на принципах именования вещей, открывая тем самым почти безграничные возможности индивидуализации лиц. Сближение групп «Вещи» и «Человек, Люди» на последних ступенях иерархии (при отсутствии особой близости между остальными группами, например «Вещи» — «Растения» и т. д.) является их своеобразной характеристикой.

Третье решение предложено А. Вежбицкой. По мнению польской исследовательницы, имя «человек» и соответственно подчиненные ему индивидные имена, в частности собственные имена людей, скрывают две различные семантические сущности. Одну из них можно описать как «тело человека», а другую, если сейчас избегать слишком сложного толкования, можно просто противопоставить первой, т. е. определить отрицательно, как «то в человеке, что не является только его телом». Однако ее нельзя свести к «духу», скорее, вторая семантическая сущность — это «тело и дух человека» одновременно. Различие между обеими сущностями вскрывается путем подстановок. Так, предложение *Адам лежит на кровати* семантически тождественно «Тело Адама лежит на кровати». Напротив, предложение *Адам получил диплом о высшем образовании* семантически не может быть описано

как «Тело Адама получило диплом о высшем образовании». Во втором случае перед нами, следовательно, другая семантическая сущность, скрывающаяся под именем *человек, Адам* и т. п.

Четвертое решение, которое мы можем предложить как достаточно общее, во всяком случае как способное объяснить многие семантические и грамматические явления естественных языков, заключается в том, чтобы семантические сущности, скрывающиеся под именем «человек», разделить на два класса, или «вида». К первому из них относится «я», показатель лица говорящего, ко второму — все остальное. Это разделение особенно важно для классификации не столько имен, сколько глаголов и иных предикатов, в которых опосредованно вскрывается индивидуальность именного выражения-субъекта, связанного с ними в предложении. В самом деле, только часть предикатов может быть, в своем основном значении, приписана к лицу «я». Таковы, например, так называемые перформативные глаголы — «клянусь», «обещаю», «обязуюсь» и т. п. Они являются актом клятвы, обещания, обязательства и т. д. только в том случае, когда произносятся от лица «я». Выражения же в 3-м лице типа «Он клянется» значат нечто совсем иное: «Он нечто говорит, и то, что он говорит, звучит как клятва».

Некоторые предикаты не могут быть — в своем основном, непереносном значении — приписаны лицу «я». Таковы глаголы «плавиться», «литься», «течь», «трескаться», «раскалываться», «лопаться», «лущиться», «ломаться» и др. Имеются языки, как, например, литовский (и, возможно, таким был протоиндоевропейский), где подобные глаголы отличаются особой морфологической формой спряжения. Так же различаются модальные глаголы (см. гл. VIII, 2).

Индивидуальность, которую система языка скрывает под именем «человек», имеет полюс, индивидуальность в высшей степени — «я» самого говорящего, и язык постоянно оперирует этим полюсом как мерой индивидуальности имен, субъектов предложений и соответственно их предикатов.

С о б с т в е н н ы е и м е н а должны рассматриваться как специальный, частный случай индивидуальных имен. Собственные имена несут две совмещенные функции: они обозначают, во-первых, индивиды, во-вторых, индивиды, которые еще и не похожи ни на какие другие индивиды, т. е. не входят в множества или образуют множества из одного элемента. Этот специальный случай следует рас-

сма­тривать в за­ви­си­мо­сти от раз­ря­дов ин­ди­вид­ных имен в ра­м­ках об­щей си­сте­мы так­со­но­мии.

У­пот­реб­ляе­мый в не­ко­то­рых ра­бо­тах и сло­вар­ях тер­мин «ин­ди­ви­ду­аль­ный» дву­смы­слен: он озна­ча­ет ли­бо «ин­ди­вид­ный», ли­бо «е­ди­нич­ный». Тер­мин «ин­ди­вид­ный» опре­де­лен вы­ше. Что ка­са­ет­ся тер­мина «е­ди­нич­ный», то он озна­ча­ет «от­но­ся­щий­ся к ин­ди­ви­ду, не по­хо­же­му ни на ка­кие дру­гие ин­ди­виды, е­ди­но­ст­вен­ный в сво­ем ро­де (к­лас­се, мно­же­стве)». В э­том зна­че­нии ему со­от­вет­ст­вует ан­глий­ский тер­мин *singular, singular term* и фран­цуз­ский *singulier*, «син­гу­ляр­ный тер­мин». Тер­мин «соб­ст­вен­ное имя» яв­ля­ет­ся его эк­ви­валентом, об­ыч­но упо­т­реб­ляе­мым в лин­г­ви­стике.

Разу­ме­ет­ся, пред­мет, на­зван­ный соб­ст­вен­ным именем, е­ди­нич­ным именем, син­гу­ляр­ным тер­ми­ном, может вхо­дить в ка­кие-ли­бо мно­же­ства, или клас­сы, быть по­хо­жим на дру­гие пред­ме­ты, но это будет сход­ство в дру­гом ро­де и ви­де, в ко­то­рые дан­ный пред­мет будет вхо­дить в ином от­но­ше­нии, не­жели то, в ко­то­ром он взят по­сред­ством соб­ст­вен­ного имени. Тер­мин «е­ди­нич­ный», кроме то­го, упо­т­реб­ля­ет­ся для об­оз­на­че­ния суж­де­ний опре­де­лен­ного ти­па и, на­ко­нец, связан глу­бо­кими фи­ло­со­ф­ски­ми ас­со­ци­а­ци­ями, яв­ля­ясь членом ря­да «е­ди­нич­ное» — «осо­бен­ное» — «все­об­щее».

Та­ким об­ра­зом, ос­нов­ным оста­ет­ся тер­мин «ин­ди­вид­ное имя». Рас­с­ма­тривая ин­ди­вид­ные имена, мы ос­ве­тим так­же ос­та­ль­ные.

2. Под­ход к ин­ди­вид­ным именам от по­ня­тия о пред­ме­те об­оз­на­че­ния, от с и г н и ф и к а т а тесно связан с пре­ды­ду­щим. В са­мом де­ле, если по­ни­ма­ние ин­ди­ви­да как об­ъ­ек­та за­ви­сит от си­сте­мы опре­де­ле­ния, то еще более за­ви­сит от по­след­ней по­ня­тие об ин­ди­ви­де. В извест­ной ме­ре по­ня­тие об ин­ди­ви­де, «ин­ди­вид­ный кон­цепт», яв­ля­ет­ся неест­вен­ным. Если по­ня­тие во­об­ще есть со­во­куп­ность об­щих и су­щес­т­вен­ных при­зна­ков пред­ме­та, то по от­но­ше­нию к ин­ди­ви­ду, ко­то­рый вы­па­да­ет из не­прерыв­ной си­сте­мы опре­де­ле­ний и оста­вляет по­тен­ци­аль­ную воз­мож­ность для неог­ра­ни­чен­ного пе­ре­чи­сле­ния при­зна­ков, лю­бое пе­ре­чи­сле­ние все­гда будет в боль­шей или мень­шей сте­пени (и чаще все­го в очень боль­шой сте­пени) произ­воль­ным и по­то­му «ин­ди­вид­ный кон­цепт» — неест­вен­ным.

В се­ман­ти­че­ском плане воз­ни­каю­щие здесь труд­ности могут быть очень ве­ли­ки. Когда се­ман­тик рас­суж­да­ет

в плане денотатов (т. е. в денотатной, или экстенциональной, сфере семантики), то он легко может выразить отношение индивида к классу, сказав, что индивид принадлежит данному классу. Например, «Индивид Автор Веверлея принадлежит к классу Человек» (см. также гл. I, 4 и гл. VII, 2). Когда же семантик обсуждает план сигнификатов (т. е. сигнификатную, или интенциональную, сферу семантики), то выразить параллельное отношение между понятиями очень трудно. Можно было бы выражаться так: «Индивидуальный концепт Автор Веверлея подводится под свойство Человек». Но индивидуальный концепт сам является некоторым свойством или некоторой совокупностью свойств (притом, как уже было отмечено, в силу неустранимой неестественности индивидуальных определений — совокупностью, как правило очень небольшой или даже сведенной к одному свойству). Таким образом, здесь приходится производить довольно неестественную операцию подведения одного свойства под другое.

По поводу этой трудности Р. Карнап пишет: «Поскольку непривычно говорить об индивидуальных концептах, постольку в обычном словоупотреблении нет слова для обозначения отношения между индивидуальным концептом и свойством, соответствующего отношению принадлежности между индивидом и классом; для этого отношения мы употребили здесь слово „субсумируется“ (в смысле „правильно субсумируется“), но мы не будем употреблять его дальше» [Карнап, 1959, 83]¹⁰. Отмеченная трудность стоит в некоторой связи с общей проблемой, которую мы условно обозначаем так: «Предикаты не именуют».

Перейдем к описанию индивидуальных имен с третьей точки зрения, возможной согласно со схемой семантического треугольника, в соответствии с которой мы построили композицию данного раздела.

3. Подход к индивидуальным именам от третьего элемента знака — имени и его синтаксического поведения, в отличие от предыдущих, был разработан главным образом в англо-американской традиции. Он начинается анализом дистрибутивных особенностей индивидуальных и собственных имен (дистрибутивный подход, по крайней мере как обязательная исходная точка, довлеет над всеми представителями англо-американской

¹⁰ От английского глагола to subsume что значит «относить к какой-либо категории».

школы) и заканчивается проблемой «Поиски референта». Для семиологической таксономии этот подход является, в общем, вспомогательным, но достаточно важным.

Как уже можно видеть из итогов таксономического обзора, индивидуальные имена занимают колеблющееся положение между двумя полюсами — собственными именами и общими именами. Синтаксический анализ выявляет еще и другие особенности.

Собственные имена почти не знают ограничений на семантическую сочетаемость в предложении, кроме тех, которые накладываются чисто грамматическими правилами (например, собственное имя, о котором известно, что это имя женщины, не допускает согласования или сочетания со словами грамматического муж. рода, нельзя сказать *Елена, он. . .* и т. п.). Этому синтаксическому свойству почти неограниченной семантической сочетаемости соответствует максимальная парадигматическая независимость собственного имени — оно не включено в семантические рубрики словаря и лишено постоянной референции.

Однако указанную свободу собственного имени как в синтаксическом, так и в словарном плане нельзя понимать как абсолютную, она все же ограничена, хотя и в очень слабой степени. Дж. Серл показал, что собственные имена устанавливают референцию, хотя и некоторым расплывчатым образом, и что они также имеют некоторый расплывчатый смысл. Так, из употребления имени *Аристотель* мы можем и в некоторой степени уяснить, что речь идет о каком-то ученом муже, жившем в древности. Серл удачно выразился: собственные имена — не дескрипции, но они «колышки, на которые навешивают дескрипции» [Searl 1971, 139—140].

Собственные имена не допускают дальнейшей индивидуализации путем присоединения ограничителей «тот, та» и т. п. Если такие ограничители фактически употреблены, то это значит лишь, что собственное имя является в данной ситуации или контексте недостаточно индивидуальным, т. е. не собственным. Например, *Та Оля, которая. . .* может значить только, что в данной ситуации было больше, чем одна Оля, и они различались по каким-то иным признакам, нежели имя *Оля*.

В языках типа английского, имеющих артикль, обычным ограничителем, «ограничительным адьюнктом» (*restrictive adjunct*) имени существительного выступает соче-

тание с артиклем типа the boy 'этот мальчик' или сочетание типа the . . . which (who, that) 'тот . . . который'. Любое имя существительное, употребленное с таким ограничителем, является в данном контексте индивидуальным именем. Если такая фраза в тексте фактически отсутствует, но может быть получена путем трансформации или перифразирования, то это является признаком того, что текст содержит в соответствующем месте индивидуальное имя.

На этом основании З. Вендлером предложены семантические перифразирования (типа перифраз А. Вежбицкой) для выявления индивидуальных употреблений имен (singular terms) в английском языке:

The mouse is a rodent = 'the [animal that is a] mouse is a rodent' — *Мышь — это грызун* = 'То животное, которое является мышью, является грызуном';

The tiger lives in the jungle = 'the [animal that is a] tiger lives in the [place that is a] jungle' — *Тигр живет в джунглях* = 'То животное, которое является тигром, живет в месте, которое является джунглями';

The Incas did not use the wheel = 'the [people that is] Incas did not use the [instrument that is a] wheel' — *Инки не знали колеса* = 'Тот народ, который является инками, не знал инструмента, который является колесом'.

Проблема заключается, однако, в том, что некоторые употребления общих имен, ничем не отличающиеся по видимости от подобных, не допускают такого же семантического описания. Так, например, можно сказать:

Euclid described the parabola = 'Euclid described the [kind of curve that is a] parabola' — *Эвклид описал параболу* = 'Эвклид описал род кривой, который является параболой';

Euclid described curves — *Эвклид описал кривые*, но нельзя сказать:

**Euclid described the curve* — **Эвклид описал кривую*.

Причина этих различий заключается, по-видимому, в степени иерархии рода, в «степени родовости»: имена, являющиеся «слишком родовыми», не допускают употребления в ед. числе в качестве индивидуальных имен. В приведенных примерах имя *кривая*, *curve*, является «слишком родовым». З. Вендлер заключает: вопрос о том, является ли имя с ограничителем индивидуальным именем, нельзя окончательно решить на основании того предложения, в котором оно употреблено. (Заметим, что это соображение заведомо

ясно для тех, кто исходит не из дистрибутивного анализа, а из словарной таксономии: в конечном счете индивидуное ли данное имя или нет, определяется его положением в таксономической иерархии — наличием определенных терминов выше и ниже его.)

Вендлер, однако, в дополнение к сказанному вводит очень полезное положение: выражение «тот X, который» является индивидуным именем тогда и только тогда, когда имеется возможность перифразы «есть такой X, который» (англ. «the X wh. . .»), семантически выводимой (entailed) из широкого контекста. Импликация в виде данной фразы устанавливает связь данного употребления имени с реальностью, подтверждая его индивидуность. В конечном счете речь идет о том, чтобы связать имена и употребления имен, относительно которых неясно, индивидуальные они или нет, с некоторыми базовыми словами, о которых заведомо известно, что они обозначают реальные индивидуальные факты. Так, если я говорю *Мне снился дом, в котором я родился. Этот дом. . .* и т. д., то термином, устанавливающим индивидуность имени *этот дом* (англ. *the house*), будет не *снился*, а *родился* [Vendler 1971, 115 и след.]. Таким образом, анализ индивидуальных имен по этой линии приводит к проблеме, известной под названием «Поиски референта» [подробнее см.: Степанов 1977, 332, 334]. Продолжая рассуждение в этом направлении, мы рискуем удалиться в область, хотя и важную саму по себе, но второстепенную для таксономии, — в область контекстных индивидуальных имен, или употреблений имен как индивидуальных.

Для лингвистической таксономии важны некоторые общие принципы, или рамки, позволяющие установить меру индивидуности имени и, значит, способ его употребления в предложении. С этой целью можно предложить следующие, не претендующие на полную точность и окончательность, положения:

1) мера индивидуности имени стоит в зависимости от его принадлежности к рубрике таксономии («дерева Порфирия»);

2) более индивидуное имя тяготеет к обозначению вещи, предмета, денотата и к выполнению в предложении функции субъекта. Менее индивидуное имя тяготеет к обозначению понятия, сигнификата и к выполнению в предложении функции предиката (некоторые авторы, как, например, Г. Фреге, употребляют выражения «предикатный» и «понятийный» как синонимы);

3) окончательно мера индивидуности — и соответственно функция быть субъектом или быть предикатом — устанавливается для имени в предложении; предложение вне контекста не предпрещает какого-либо единственного его членения на субъект и предикат, но более индивидуальное из двух имен тяготеет к нормальному прочтению его как субъекта, а менее индивидуальное — как предиката.

Первые наблюдения на этот счет были сделаны еще Фреге в 1892 г. Он установил некоторые основные положения, хотя сделал это слишком категорично, поскольку оперировал полярными случаями. Фреге, в частности, указывал: «Понятие, в том смысле, в котором я употребляю это слово, предикативно. Что касается названий вещей, т. е. имен собственных, то они совершенно не способны выступать в роли грамматических предикатов» [Фреге 1978, 190]. Это утверждение могло бы показаться неверным, поскольку вполне можно сказать *Это есть Александр Македонский*, точно так же как *Это есть млекопитающее*. Отвечая на возможное недоумение, Фреге показал, что в первом случае мы имеем дело с предложением истинного тождества, в котором связка *есть* обозначает то же самое, что знак равенства в арифметике, а отношения правой и левой частей симметричны. Во втором же случае имя «млекопитающее» является именем понятия, связка *есть* — лишь часть сказуемого-предиката, а отношения между правой и левой частями несимметричны и необратимы. Фреге сформулировал (применительно к немецкому языку) первые правила того типа, которые в упомянутых выше работах формулируют Серд и Вендлер. Так, Фреге отметил «закономерность, согласно которой в единственном числе определенный артикль ставится перед названиями вещей, в то время как неопределенным артиклем оформляются имена понятий» [Фреге 1978, 192]. Вместе с тем наблюдения Фреге стоят в более тесной, чем у американских лингвистов, связи с постоянной, внетекстовой, как мы сказали бы — таксономической, системой языка.

Продолжая линию, намеченную Фреге, следует подчеркнуть, что очень важным критерием различения индивидуальных и общих имен служит употреблением имен в предложениях «условного» тождества. В этом разделе мы ограничимся лишь несколькими примерами различного поведения имен из разных таксономических групп, т. е. из разных ветвей «дерева Порфирия». Слова сигнифи-

катной направленности, т. е. принадлежащие группам с большим номером, в соответствии со своим предназначением могут употребляться в предикате предложения тождества сами по себе, например: *Кошка — животное*; слова же денотатной направленности, предназначенные служить главным образом субъектами предложений, могут выступать в роли предиката не сами по себе, а при посредстве некоторых «шарнирных» слов, например: *Стол — предмет мебели*; *Стол — часть мебели* и т. п., но нельзя сказать **Стол — мебель*.

Есть слова, которые могут выступать в одном своем значении как денотатное, а в другом — как сигнификатное имя. Таково, например, рус. *тело*: 1. тело человека — денотатное имя, опознавательная подстановка *Нога — часть тела*, но не **Нога — тело*; 2. отдельный предмет в пространстве, сигнификатное имя, опознавательная подстановка *Камень — тело*; 3. в третьем его значении *тело* в противопоставлении духу нельзя определенно отнести ни к той, ни к другой группе, ср.: *Человек — это не тело, но тело и дух*. Так же слова *село*, *город*: 1. в сигнификатном значении — аналогично слову *животное* как родовому термину: *В XIX веке Мытищи были селом, а теперь Мытищи — город*; 2. в денотатном значении — как обозначение объективной ситуации: *Город помогает селу, село — городу*.

Различие денотатных и сигнификатных слов ярко проявляется также в «обращении» предложений тождества. Обычное, «прямое» предложение тождества строится так, что его субъектом является слово из денотатной группы, а предикатом — слово из сигнификатной группы: *Стол — это предмет мебели*. «Обращенное» же предложение тождества в реальной практической речи весьма необычно: (*Этот*) *предмет мебели — стол*¹¹.

Что касается слов типа *совокупность*, *множество*, *группа*, *предмет*, *изделие*, *часть*, *принадлежность* и т. п., служащих посредниками в определениях, то они входят в особую группу, которую мы назвали — с точки зрения таксономии словаря — метазнаками.

Такие слова являются средствами внутриязыковой классификации, служат целям самого языка в сфере лексики и призваны обеспечить ее существование как системы. Следует обратить внимание на то, что они являются

¹¹ Рассмотрение предложений тождества в синтаксическом плане продолжается в гл. XI, 2.

в то же время средствами построения предложений тождества, говоря точнее — отражением предиката предложения тождества в сфере лексики, как бы лексической проекцией предиката тождества. Подобно этому, денотатная лексика является лексической проекцией субъектов, а сигнификатная лексика — лексической проекцией предикатов более обычных предложений. Предложения же тождества, а именно те из них, которые заключают в себе определение, дефиницию (подобные приведенным выше примерам), в известной мере неестественны. Справедливо отмечается, что «определение всегда является предметом семиотики, так как оно по природе своей не может быть отнесено просто к естественному функционированию языка как особого общественного явления. Понятно поэтому стремление некоторых ученых „изолировать“ его от естественного человеческого языка, строить его на основе искусственных семиотических систем» [Ахманова, Тер-Мкртчян 1976, 63].

Сказанное выше можно выразить и иначе: предложения тождества и соответствующие их предикатам лексические единицы типа слова *совокупность* являются семиотическими, внутриязыковыми средствами самого языка, призванными обслуживать его собственное существование и являющимися «метаязыковыми вкраплениями» в языковой системе.

Кроме того, в группу таксономии, называемую мета-знаками, естественно отнести результаты некоторых преобразований, а именно трансформаций одной лексической единицы в другую, например: *белый* → *белизна*. Условием такого отнесения является, однако, неперемное тождество смысла исходной и конечной единиц, в результате чего конечная единица, как, например, *белизна*, появляется в виде отдельной словарной единицы именно и единственно в силу своей новой по сравнению с исходной формы — ведь смыслы у обеих единиц одинаковы. Но если вторая единица оказывается новой формой для уже имеющегося содержания, то она как раз и выступает как метазнак. Конечно, метазнаки, не имея отличной от исходной семантики, имеют отличную функцию — они выступают главным образом средством построения предложений, или, говоря точнее, средством получения новых, более сложных предложений из более простых. Такие метазнаки рассматриваются поэтому под названием трансформаций в разделе о предложении. Мы подошли, таким образом, к проблеме имен предикатов.

5. ФОРМАЛИЗАЦИЯ

Назначение этого раздела — представить не некоторый завершённый подход к формализации, а наблюдения и материалы для такого подхода, осветив, хотя бы в какой-то мере, один вопрос — о форме единицы в таксономии Словаря.

Форма содержания в языке не тождественна форме вообще, или поверхностной форме. Последней является в конечном счете звуковая форма высказывания или слова. Форма же содержания — это часть содержания. Формой содержания служит та часть содержания, которая непосредственно ассоциируется с поверхностной звуковой формой. Устанавливать эти ассоциации — трудная лингвистическая задача. Например, английское слово *breakfast* значит 'завтрак', что и является его содержанием. Однако непосредственно звуковой ряд этого слова выражает нечто иное, а именно *break-* — основа со значением 'ломать, прерывать' и *-fast* — основа со значением 'пост', что в сложении буквально значит 'прерывание поста' (в свободном виде оба элемента сохранились в выражении *to break one's fast* 'прервать, окончить пост; разговесться'). 'Прерывание поста' и есть форма содержания (значения) 'завтрак' в английском языке с исторической точки зрения. Однако в настоящее время эта форма говорящими не осознаётся и лингвистически не действует. Лингвист должен искать более реальные, синхронные и действующие семантические связи.

Если в словаре «завтрак» определяется как 'утренняя еда, первый прием пищи на протяжении дня' (в отличие от «обеда» — 'дневной еды, второго приема пищи', и «ужина» — 'вечерней еды, третьего приема пищи'), то можно полагать, что семантический признак 'еда' окажется действительной формой содержания для слова «завтрак» в настоящее время. Такие семантические ассоциации могут совершенно не осознаваться говорящими: неосознанность — свойство формы содержания вообще (см. гл. I, 5). Их выявление — лингвистическая задача.

Прежде чем продолжить рассуждение о форме и материи в мыслительном содержании, сделаем небольшое отступление от теории в историю вопроса. Для русского лингвиста учение о «внутренней форме» связывается прежде всего, конечно, с концепцией А. А. Потебни, и

в значительной степени это справедливо. Потебня сформулировал в основе своей верное, но незаконченное учение о внутренней форме. Под нею он понимал «способ представления прежнего содержания в новом слове», если речь идет об отдельном слове [Потебня 1926]. Так, в слове *подснежник*, означающем цветок определенного вида и рода, представлено и прежнее содержание, т. е. содержание нескольких других слов, — *снег, под*, букв. 'нечто, находящееся под снегом'. Таков же приведенный выше пример с английским словом, означающим «завтрак». С этой точки зрения внутренняя форма — это этимология слова, но только такая этимология, которая может быть ясна говорящему. Слова, воспринимающиеся как непроезженные, тем самым лишены и внутренней формы, например: *лев, заяц, плакать*.

В другом месте Потебня расширяет свое понимание внутренней формы до вообще «способов представления внеязычного содержания» в языке. «То, что по отношению к данному слову есть этимология, то по отношению к предшествующему (в речи. — Ю. С.) — синтаксис» [Потебня 1958, 47]. Потебня хочет здесь сказать, что синтаксис в плане речи, так же как этимология в историческом плане, оформляет для говорящего и слушающего предшествующее знание, но синтаксис оформляет предшествующее лишь непосредственно данному моменту в речи, в высказывании. Здесь Потебня близко подошел к учению о логической форме мысли в акте высказывания, но, по-видимому, не развил его. Тут же он включает в понятие внутренней формы и иное разделение — на «вещественное значение» и «грамматическую форму». С точки зрения этого расширения понятия внутренней формой будет уже значение грамматической формы; например, в русском языке слово *подснежник* — имя существительное муж. рода, иными словами, предмет, относящийся к разряду предметов муж. рода, и это грамматическое значение оформляет все остальное содержание слова. Таким образом, в учении Потебни намечены все аспекты понимания внутренней формы, но они не приведены в ясную связь друг с другом. Напротив, учение Канта о форме и материи мысли получило развитие (см. выше, гл. I, 5).

Разработку этого учения в применении к содержанию слова, попятно — что для нас особенно важно в связи с предшествующими вопросами о субъектах, предикатах, денотатах и сигнификатах — мы находим в работе рус-

ского логика середины прошлого века В. Н. Карпова «Систематическое изложение логики» [Карпов, 1856].

Выше на примере со словом «завтрак» мы видели, что его ближайшей ассоциацией по содержанию является слово «еда», которое по отношению к содержанию слова «завтрак» выступает уже в форме одного из его семантических признаков, ограниченного признаком 'первая в день' или 'утренняя'. Как бы предвосхищая подобные наблюдения, В. Н. Карпов пишет: «Если всякое понятие рассудок мыслит под одним общим признаком и ограничивает его другими, в том же роде представлений как бы частными и отличительными, то чрез это он указывает нам в своем понятии форму и матерю. *Формой* понятия называется тот общий признак представлений, по отношению к которому они найдены сходными с представлением понимаемого предмета и под которым этот предмет теперь мыслится» [Там же, 89].

Форма понятия разъясняется следующим примером. Положим, представление Россиянина сравнивается с представлениями о Германце, Французе, Итальянце¹² и т. д., уподобляется им по признаку «Европеец» и, выходя таким образом из круга представлений в ранг понятий, мыслится под общим признаком «Европеец». В этом случае признак «Европеец» становится формой понятия «Россиянин». Такой признак, описывая круг однородных в данном отношении представлений, называется также *объемом*. Указанный признак в этом своем значении показывает, что все перечисленные представления (т. е. Германец, Француз, Итальянец) вместе с понятием «Россиянин» находятся, как выражается Карпов, «в понятии». Этот признак иначе называется внешней величиной, *quantitas extensiva*, понятия (ср. соврем. «экстенционал»).

Материю понятия составляют те признаки, которые, в отношении к иным родам представлений, были бы также общими, а теперь, относясь к уподобленным представлениям, являются частными и, как частные, служат ограничениями или отличительными чертами понимаемого представления. Так, например, признаки Россиянина, что он живет между Балтийским морем и Восточным океаном, что

¹² В соответствии с орфографией своего времени В. Н. Карпов пишет названия национальностей с большой буквы и в соответствии со своим собственным взглядом последовательно различает имя представления — без кавычек и имя понятия — в кавычках.

он принадлежит к племени Славян, исповедует православную христианскую веру и проч., надобно почитать материальными чертами понятия о нем, потому что они заимствованы не от сходства Россиянина с Германцем, Французом, Итальянцем и проч., а от сходства его с представлениями другого рода. Так как подобные признаки входят в самый состав понятия и из всех представлений в его объеме принадлежат ему одному, то понятие чрез них и в них получает свое *содержание*, а те роды представлений, по отношению к которым они удерживают значение признаков общих, заключаются уже не в понятии, но *под понятием*. Например, признак, что Россиянин есть Славянин, содержится в понятии Россиянина, а Болгарин, Серб, Морав и проч., с которыми он был сравниваем, чтобы принять черту Славянина, заключаются под понятием «Славянин» [Там же, 90]. Материю, или содержание, понятия Карпов называет также внутренней величиной, *quantitas intensiva*, понятия (ср. соврем. «интенционал»).

При кажущейся простоте учение Карпова о понятии представляет собой достаточно сложную и гибкую систему, хорошо отвечающую лингвистическим задачам (сам Карпов не был чужд языковедческих склонностей и в другом месте своей книги дает интересную семантическую классификацию имен). Главная лингвистически существенная черта этого учения — относительность определения понятия, но относительность не безграничная. Мы уже видели выше (и специально исследовали этот вопрос в другом месте [Степанов 1977]), что значение (точнее — смысл) одного и того же слова в различных системах описания, в различных словарях может быть определено до некоторой степени различно при одном и том же составе признаков. Разница будет зависеть от иерархии признаков, или, выражаясь термином Карпова, от распределения формы и материи понятия. Так, *лев* может быть определен как: 1) хищник, 2) очень крупный, 3) с желтой гривой и т. д., или как: 1) млекопитающее, 2) хищное, 3) очень крупное и т. д., или же как: 1) животное, 2) млекопитающее, 3) хищное, или, наконец, как: 1) животное, 2) хищное и т. д.

Вообще, различие рода и видового отличия в известной степени относительно: видовое отличие можно истолковывать как признак рода, а род — как видовое отличие. Возьмем в качестве примера определение *Вороной* — *это лошадь черной масти* (1). Семантически его можно описать (т. е. разложить, проанализировать) так: ‘Вороной — это

лошадь черного цвета'. Если истолковать признак «черный цвет» как класс — что вполне обычно, — то окончательный анализ будет следующим: «Вороной — есть лошадь, входящая в класс предметов черного цвета». После этого понятия, входящие в предикат определения, можно поменять в ранге, т. е. истолковать род как видовое отличие, а последнее как род, и сказать: «Вороной есть предмет черного цвета, являющийся лошастью» (2). Однако между определением (1) и определением (2) есть существенное различие. В то время как «лошадь» объективно существует как класс — в природе, в общественной практике людей и соответственно в таксономии Словаря (в группе «Животные»), «предметы черного цвета» объективно существуют лишь в виде множества — вороны, галки, скворцы, уголь, черные глаза, смола и т. п., но как целое, как класс не выделены в практике людей и отсутствуют в таксономии Словаря [ср.: Клаус 1960, 232]. Здесь как раз и видна относительность самого явления «относительности определения» вообще и определения понятия в частности.

Относительность определения понятия, а следовательно, и значения слова как положительный фактор неоднократно подчеркивалась и другими логиками, но иногда и абсолютизировалась. Так, например, А. И. Введенский подчеркивал относительность необходимых и достаточных, т. е. существенных, признаков понятия в зависимости от точки зрения [Введенский 1923, 59—60]. Если не понимать при этом точку зрения как индивидуально-субъективную, то с тезисом об относительности определения понятия и значения слова в указанном выше смысле вполне можно согласиться. В частности, в связи с данными различных словарей мы говорили о том, что один и тот же термин-понятие в одном и том же общем или толковом словаре может получать различные определения в зависимости от сферы той или иной науки, ср. в «Большом Академическом Словаре русского языка»: *ванадий* — 1. В химии. Химический элемент, принадлежащий к группе фосфора. 2. В металлургии. Твердый металл, имеющий применение при изготовлении высококоротной стали.

Сочетаемость свойства слова обычно связаны прежде всего с начальными, верхними ярусами иерархии его семантических признаков — с формой его семантического содержания. Так, например, сочетаемость слова *завтрак* в русском языке связана главным образом с тем, что это:

1) еда, 2) первая или утренняя еда, и в гораздо меньшей степени связана с тем, что это: 3) еда, не содержащая супа, и т. д. Поэтому для лингвистики очень важно привести в соответствие иерархию семантических признаков слова, описываемого как единица словаря, с его семантической сочетаемостью в предложении. Именно в этом и может помочь различение формы и содержания понятия и значения (смысла) слова и понимание относительности этого противопоставления.

Если ограничиться сейчас самым главным, то можно сказать, что семантическая характеристика слова, изложенная в виде иерархии семантических признаков, должна — в общем и целом — отвечать месту этого слова в таксономии словаря.

Поскольку могут существовать разные системы словарной классификации, в частности перемещение признаков в системе одного и того же словаря, а также разные идеографические словари, то очевидно, что этими различиями и будет устанавливаться относительность определения понятия и значения слова. Вместе с тем при таком подходе делается вполне ясным и то, что эта относительность не имеет ничего общего с концепцией относительности, релятивизма познания. Предел относительности в определении, о которой идет речь, кладется самой объективной системой языка: относительность определения ограничена набором и системой общих имен данного языка, а это достаточно определенный и конечный набор. Сама же объективная лексико-семантическая система языка, в значительной степени недоступная непосредственному наблюдению, будет тем инвариантом, который стоит за различными вариативными системами словарей-тезаурусов или перемещений в рамках одного и того же словаря.

Против относительности определений понятия иногда выдвигались возражения. Таково мнение Е. К. Войшвилло [Войшвилло 1967, 149] (с концепцией которого в остальном мы вполне согласны). Кажется, однако, что эти возражения не вытекают из основного тезиса автора и что, напротив, с ним согласуется концепция относительности понятия и его определения в том виде, как сказано выше. Дело, по-видимому, в том, что на объем Войшвилло смотрит иначе, чем В. Н. Карпов. Для последнего объем понятия — это его внешняя величина, в полном соответствии с латинским значением термина *quantitas extensiva*

‘сила растягивающая’ (т. е., например, для понятия «Россиянин» — это признак «Европеец» вместе с ограничивающими признаками), прежде всего ближайший род; содержание же понятия — величина внутренняя в соответствии с латинским значением термина *quantitas intensiva* ‘сила напрягающая, стягивающая’. Для Е. К. Войшвилло объем — это как бы внутренняя величина, хотя и ее «крайняя» часть: «Объемом понятия называют класс обобщаемых в нем предметов. Отдельные предметы этого класса (предметы, мыслимые в понятии, объекты мысли) называются элементами класса или частями объема понятия» [Там же, 164]. Если мыслить понятие (как Карпов) в его возможности подведения под различные более общие величины, роды, то, конечно, таких величин, родов и подведений может быть очень много, отсюда и относительность понятия и его определения — положение вполне естественное для лингвистики, поскольку она всегда мыслит слово с его значением как элемент некоторой более широкой системы. Если же мыслить понятие (как Войшвилло) как отражение некоторого класса предметов по их собственной сущности, вне отношения к чему-то более широкому и общему, лежащему вне этого класса, то, конечно, концепция относительности понятия неприемлема. Выражаясь лингвистически, можно сказать, что Карпов мыслит понятие, скорее, в виде «класс как целое», тогда как Войшвилло — в виде «класс как множество» (об этом различии в лингвистике см.: [Степанов 1975, 217—218]). Войшвилло выражает достаточно распространенную в математической логике точку зрения.

Почему мы склонны считать, что и при такой, как у Войшвилло, трактовке объема можно принять тезис об относительности понятия? Ответ на этот вопрос заключается в следующем. «Нетрудно видеть, что объем понятия — это не что иное, как множество истинности предикатного выражения, служащего словесной формой выражения данного понятия» [Войшвилло 1967, 165]. С этим положением естественно согласуется тезис о многообразии форм понятий: «Каждое понятие представлено всегда некоторым общим именем. Однако одно и то же понятие может быть выражено в разных знаковых формах. . . Мы не связываем понятие с какой-либо определенной знаковой формой. . . Вообще говоря, любому имеющему определенный смысл n -местному предикату $A(x_1, \dots, x_n)$, где $n \geq 1$, соответствует понятие $(x_1, \dots, x_n) A(x_1, \dots, x_n)$ »

[Там же, 173], т. е. понятие о таком предмете, который описывается соответствующим предикатом.

Но принятие этих двух тезисов как раз и равносильно положению об относительности понятия и его определения в изложенном выше смысле. Ведь если «одно и то же понятие может быть выражено в различных знаковых формах», а эти формы есть предикатные выражения, то дальше мы можем задать себе вопрос: чем могут различаться разные выражения, в частности разные предикатные выражения, для одного и того же понятия? И чем могут различаться выражения понятий разных уровней таксономии, например индивидных, общих и метаимен, в предикатной форме?

«Куайн неоднократно указывал, — пишет Р. Карнап, — на тот важный факт, что если мы хотим выяснить, какие объекты кто-либо признает, то мы должны обратить внимание больше на употребляемые им переменные, чем на постоянные и замкнутые выражения. „Онтология, к которой обязывает человека употребляемый им язык, охватывает именно те объекты, которые он рассматривает как входящие. . . в область значений его переменных“ (Quine W. V. Notes on existence and necessity. — «Journal of Philosophy», vol. 40, 1943, p. 118). По существу, я согласен с его взглядом» [Карнап 1959, 84]. Дальнейшее показывает, что Карнап согласен с Куайном в некотором специфическом смысле, по существу исключая вопрос о реальности «областей значений переменных» и тем самым об отношении языка к действительности и сохраняя за глаголом «быть» особое значение — «быть — значит быть значением переменной», т. е. в пределах данной языковой — естественной или искусственной — системы. Карнап переносит это положение на науку вообще: «существовать в научном смысле — значит быть элементом системы» [Там же]. Но для естественного языка утверждение Куайна должно быть признано справедливым.

О том же писал и Л. Витгенштейн: «В том смысле, в каком мы говорим о формальных свойствах, мы можем теперь говорить и о формальных понятиях. (Я ввожу это выражение, чтобы сделать ясной причину смешения формальных понятий с собственно понятиями, которое пронизывает всю старую логику.) Тот факт, что нечто подводится под формальное понятие, как его объект, не может быть выражен предложением. Но это обнаруживается в знаке самого этого объекта. (Имя показывает, что оно обозначает

объект, знак числа — что он обозначает число, и так далее.) . . . Выражение формального понятия есть пропозициональная переменная, в которой постоянным является только эта характерная черта. Эта пропозициональная переменная обозначает формальное понятие, а ее значения обозначают те объекты, которые подходят под это понятие. *Каждая переменная есть знак формального понятия* (курсив наш. — Ю. С.). Потому что каждая переменная представляет постоянную форму, которой обладают все ее значения и которая может пониматься как формальное свойство этих значений. Так, переменное имя „Х“ есть собственно знак псевдопонятия *объект*. Там, где всегда правильно употребляется слово „объект“ („предмет“, „вещь“ и т. д.), оно выражается в логической символике через переменные имена. . . Это же относится и к словам „комплекс“, „факт“, „функция“, „число“ и так далее. Все они обозначают формальные понятия и изображаются в логической символике переменными, а не функциями или классами (как думали Фреге и Рассел) [Витгенштейн 1958, 4.126—4.127].

Поскольку более общие в таксономической иерархии имена могут в определенных условиях выступать как переменные, они являются в этих условиях формальными понятиями для подводимых под них имен-понятий подчиненного ранга. Эти условия определяются типами предложений, в которых употреблена соответствующая переменная в виде общего имени, т. е. условия определяются некоторыми видами предложений. Так, предложение типа *Человек смертен* содержит слово *человек* как переменную, которая может быть заменена любым именем подчиненного в таксономии ранга — *Петр, завхоз, актер* и т. д. Напротив, предложение *Человек — животное, обладающее речью* содержит имя *человек* как обозначение целого класса, и последнее не может быть заменено в общем случае любым представителем (именем) класса. В третьем случае *Васья — человек, а не кот* слово *человек* несет значимое содержание, в некотором отношении равносильное признаку и, возможно, содержанию метазнака. В первом случае имя *человек* является «формальным понятием» для подчиненных имен, в двух других — нет. Поскольку мы говорим о языковой таксономии, все сказанное о «формальных понятиях», включая и положения Витгенштейна, следует здесь понимать в семантическом смысле. Иными словами, указанные положения относятся к семантической

форме и семантической правильности. Что касается логической правильности (которую имеет в виду Витгенштейн), а также фактической правильности, то они требуют специальных, более жестких определений.

Употребленное здесь выражение «формальное понятие» означает форму понятия в одной из ее разновидностей; оно является, следовательно, одним из видовых терминов по отношению к родовому термину «форма понятия», или «форма содержания», которые рассматриваются в соответствующем разделе (см. гл. VII, 3) (напротив, оно совершенно нетождественно выражению «формальное понятие», вызвавшему резкое возражение Н. И. Кондакова [Кондаков 1971, 398]).

Другой из названных выше вопросов, связанных с относителем понятия, т. е. с тем, чем различаются разные предикатные выражения одного и того же понятия, влечет за собой переход к проблеме синонимии предикатных выражений. Ею специально занимался Р. Карнап. Введя понятия «интенционал» (в соответствии с понятием «содержание») и «экстенционал» (в соответствии с понятием «объем»), Карнап показал, что «два предикатора имеют один и тот же экстенционал, если и только если они эквивалентны. Два предикатора имеют один и тот же интенционал, если и только если они логически эквивалентны» [Карнап 1959, 51]. Отсюда следует, что если два предикатных выражения описывают один и тот же объем, т. е., по Войшвилло, являются разными выражениями одного и того же понятия, а по Карнапу — эквивалентны, то отсюда еще не следует, что они логически эквивалентны. Иными словами, строго говоря, два предикатных выражения будут выражать одно и то же понятие, только если они логически эквивалентны. Существуют, кроме того, такие предикатные выражения, которые эквивалентны, но не логически эквивалентны; такие выражения должны рассматриваться как выражающие не одно и то же, а разные, хотя и близкие, понятия. (У Войшвилло эквивалентные и логически эквивалентные понятия в этом смысле, кажется, не различаются¹³.)

Если рассматривать предикатное выражение — по крайней мере простое, одноместное и первого уровня — как выражение некоторого объективного «свойства» — что

¹³ В лингвистике этому различению иногда способствует выражение «оттенок понятия» в отличие от «синоним к. . .».

вполне естественно и обычно делается в логике, — то это выражение однозначно задает некоторый класс, но обратное в общем случае неверно: одному и тому же классу может соответствовать несколько свойств и, следовательно, несколько предикатных выражений в одном и том же языке. Эта констатация является более простым выражением того же, что сказано в предыдущем абзаце. В своих терминах Карнап выразил это так: «каждый интенционал единственным образом устанавливает экстенционал, но не наоборот» [Карнап 1959, 173].

Нет, однако, никаких оснований к тому, чтобы ограничивать выражение свойства, а следовательно, определение понятия одноместным предикатом. Напротив, мы знаем, что наиболее распространенной формой связи понятий являются многоместные предикаты, и они же наиболее распространенная форма синтаксических связей слов. Естественно рассматривать многоместные предикаты тоже как форму — хотя и более опосредованную — выражения понятий. Поскольку в многоместном предикате несколько мест для термов, то, следовательно, каждый терм в той или иной степени определяется через свое вхождение в предикат и, значит, через свое отношение к другим термам в нем. Этому логическому подходу естественно соответствует в определенной мере дистрибутивный подход к анализу значения (значение каждого слова определяется через его сочетаемость, в данном случае — через сочетаемость в рамках предиката).

Нужно обратить внимание еще и на другую лингвистическую параллель предикатного способа определений. Речь идет о том, что места термов в многоместном предикате всегда соответствуют некоторым падежам — падежам в прямом смысле термина, если язык флективный, как, например, русский, или падежам в глубинно-семантическом смысле (например, в смысле Ч. Филлмора), если язык нефлективный, например английский. Исходя из этого, можно рассматривать падежную форму каждого слова как самостоятельное слово. В таком случае в словаре должны были бы фиксироваться как отдельные словарные единицы не только *стол, дом, человек* и т. д., но и *столу, дому, человеку; стола, дома, человека* и т. д. Конечно, этот теоретический подход очень противоречит нашему интуитивному представлению о слове.¹ Однако противоречие не так велико, если мы подумаем о значениях слов и о понятиях. Практически и теоретически несомненен тот факт,

что значений в лексической системе языка гораздо больше, чем слов. Но чем же, говоря вообще, различаются разные значения одного имени существительного, как не различными вхождением в предикатные сочетания прежде всего?

Таким образом, намеченный подход не так уж странен и для лексикологии, и он, во всяком случае, не странен для анализа понятий в лексической системе. Ведь состав семантических признаков понятия, как было показано выше, существенно различается в зависимости от того, выступает ли данное слово-понятие в роли субъекта или в роли предиката. Но вхождение имен существительных в качестве термов в разные места многоместного предикатного выражения и есть основная форма этого различия. Идя от лингвистических наблюдений, мы подошли к тому же, что с логической точки зрения утверждал уже Л. Витгенштейн: «Установление значений пропозициональной церемениной есть указание предложений, общим признаком которых является переменная. Установление значений есть описание этих предложений» [Витгенштейн 1958, 3.317]. Этот принцип, во всяком случае, должен был бы учитываться при анализе категории падежа.

Подведем некоторые итоги рассуждений о форме и содержании. Под содержанием в лингвистике в настоящее время понимают обычно совокупность семантических признаков, определенным образом упорядоченную, иерархизированную, — применительно к слову и предикатное выражение или некоторую совокупность предикатных выражений — применительно к высказыванию. Под формой содержания в семиологической грамматике естественно понимать некоторую часть этих признаков, непосредственно ассоциирующуюся с выражением (форма есть часть содержания). Эта часть признаков определяется в некоторой системе, которая может быть различной (тезаурусно-идеографической для слова; или системой типа исчисления предикатов, или системой типа системы Карнапа, или их менее формальных эквивалентов — для высказывания и др.). В семиологической таксономии форма определяется на двух осях — в системе таксономической иерархии как место в ней данного слова и в сопоставленном ему предикатном выражении, пропозициональной функции, которая типизирует основную синтактико-семантическую роль слова. Таким путем могут быть оформлены и семантические сущности, не имеющие отдельного словесного выражения, т. е. не представленные в данном языке в виде

отдельной лексемы. С содержательной стороны — по отношению ко всему семантическому содержанию слова — формой содержания будут признаки, стоящие в начале иерархии, или, точнее, предшествующие в ней месту данного слова (см. гл. V и VI).

6. ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Известно по крайней мере четыре или пять основных методов, которыми психологи и психолингвисты исследуют близость семантических единиц: 1) шкалы [см.: Miller 1971, 570]; 2) ассоциации [Osgood, Suci, Tannenbaum; о них см.: Ахманова 1957; Степанов 1965, 220]; 3) субституции [Harris 1976]; 4) классификации (см. ниже).

Каждый метод в известной степени отвечает определенному теоретическому взгляду на язык. Субституции как метод эксперимента возникли под влиянием дистрибутивной теории языка и связаны с ее характерными ограничениями. Так, например, подстановка в диагностическое окружение . . . *покрыт(-а, -о) чехлом* способна выявить семантическое сходство таких слов, как *диван, тахта, софа, кушетка, кресло, стул, машина*. Но, с другой стороны, подстановка в окружении *Мы изучали. . . математику* слов *высший* и *элементарный* может привести к ложному заключению об их синонимии. Субституции используются и в настоящее время в достаточно тонких лингвистических анализах, например связанных с выяснением природы собственных имен, индивидуальных имен, общих терминов и вообще роли имен в пропозициональных функциях. Но при этом всегда требуется уточнение того, в каком смысле неизменным должно оставаться диагностирующее окружение — в семантическом, грамматическом, стилистическом, в смысле тождества референции, истинности и т. д. Нередко эти уточнения влекут за собой гораздо более громоздкие исследования, чем сам метод субституций. Кроме того, у метода субституций есть неустранимый порок, особенно существенный при детальном исследовании семантики: в плане синтаксиса субституции помогают вскрыть сочетаемостные свойства слова, но не вскрывают его лексического ядра. Если этот недостаток сформулировать в плане лексической системы, то это равносильно тому, что субституции вскрывают дифференциальные семантические признаки слова, но не вскрывают

его интегральных признаков. Интегральные признаки — это лексическое ядро слова.

Теория языка (в частности, семиологическая грамматика), в которых требуется более тонкое различение — дифференциальных и интегральных семантических свойств слова, его сочетаемостных признаков и лексического ядра, требуют иных экспериментальных методов. Здесь для доказательства психологической реальности тех группировок в лексике, о которых шла речь в предыдущем разделе, мы воспользуемся независимыми данными, полученными с помощью метода классификаций. Мы излагаем их по работе Дж. Миллера [Miller 1971, 574—585], где применен метод «гроздевой классификации» (cluster analysis). С помощью этих данных мы хотим показать, что: а) взрослые и оворящие классифицируют имена существительные очень близко или даже тождественно с таксономической схемой, изложенной нами выше; б) дети предпочитают денотатные группировки сигнификатным; следовательно, с возрастом значительная часть денотатных группировок перестраивается в сигнификатные; это естественно сравнить с расформированием денотатных групп в пользу сигнификатных при составлении тезаурусных словарей; в) исследователь, классифицирующий данные эксперимента, действует в духе группировок, названных нами выше сигнификатными.

В методе Миллера и его сотрудников каждому участнику испытания — арбитру дается по пачке карточек, на каждой из которых напечатано по одному слову — *стул*, *корова*, *страх*, *мать*, *камень* и т. д. Арбитр на основании собственного представления о семантической близости раскладывает карточки в группы, образуя столько групп, сколько он найдет нужным, и соединяя в одну группу любое количество слов по своему усмотрению. На каждого арбитра заводится карточка-матрица, в которой испытуемое множество слов отражено два раза — по вертикали и по горизонтали. На пересечении соответствующих колонок и строк отмечается то соединение слов, которое произвел данный арбитр. Например, если арбитр сложил в одну группу карточки со словами *корова*, *мать*, *тигр*, то на его матрице это будет отмечено в клетках *корова—мать*, *корова—тигр*, *мать—тигр*, читая по вертикали, и еще раз в соответствующих клетках, читая по горизонтали. Таким образом, это — квадратная и симметричная матрица (об этом типе матриц см.: [Степанов 1975, 67, 196 и

след.]). Затем показания всех арбитров суммируются в одной матрице, где на соответствующих пересечениях колонок и строк отмечается общее количество одинаковых группировок. На рис. 1 приводятся данные Миллера для трех арбитров и восемь английских слов — chair 'стул', cow 'корова', fear 'страх', mother 'мать', rock 'камень', tiger 'тигр', tree 'дерево', virtue 'достоинство'. Арбитры

	<i>Стул</i>	<i>Корова</i>	<i>Страж</i>	<i>Мать</i>	<i>Камень</i>	<i>Тигр</i>	<i>Дерево</i>	<i>Достоинство</i>
<i>Стул</i>				3			1	
<i>Корова</i>				2		3	1	
<i>Страж</i>								3
<i>Мать</i>		2				2	1	
<i>Камень</i>	3						1	
<i>Тигр</i>		3		2			1	
<i>Дерево</i>	1	1		1	1	1		
<i>Достоинство</i>			3					

Рис. 3

соединили слова следующим образом. 1-й арбитр: (корова, тигр) (стул, камень) (страх, достоинство); (дерево, мать); 2-й арбитр: (корова, мать, тигр, дерево) (стул, камень) (страх, достоинство); 3-й арбитр: (корова, мать, тигр) (стул, камень, дерево) (страх, достоинство) (рис. 3).

На втором этапе эксперимента матрица переводится в дерево. Общий принцип этой процедуры виден на рис. 4. Группы слов, получившие наибольший индекс в матрице (см. рис. 3), располагаются внизу дерева, на уровне, соответствующем их индексу — в данном случае 3. Группы слов, получившие следующий в порядке убывания индекс, располагаются на более высоком уровне — 2 и т. д. Если исследователь допускает более слабые требования к образованию «гроздей» (clusters), например требует согласия

только двух, а не трех арбитров, то вместо пяти классов (см. рис. 4) (три класса на низшем уровне, один — на втором, один — на первом) будут образованы только четыре класса (*мать* соединится с *корова* и *тигр*). Если исследователь будет требовать для определения грозди мнения хотя бы одного арбитра, то получится только три класса (к классу *мать*, *корова*, *тигр* присоединится *дерево*). Отмечается, что уровень узла, соединяющего две ветви,

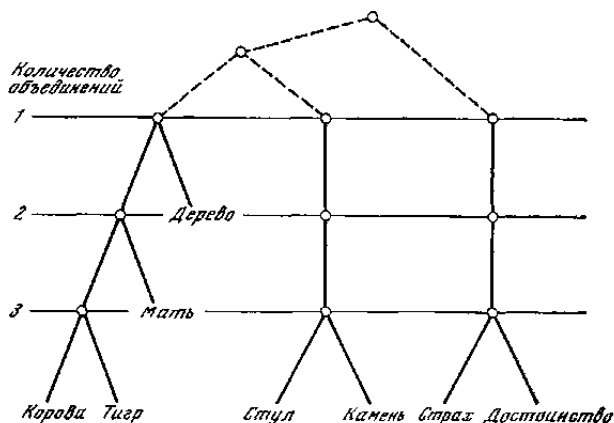

Рис. 4

может быть интерпретирован как мера их сходства. Пунктирные линии на рис. 4 соответствуют гипотезе о том, что при увеличении количества данных высшие уровни классификации совпали бы с дихотомией «предмет—непредмет».

Уже на этом этапе анализа Г. Миллер высказал предположение о том, что: а) с увеличением числа данных выявляемая у испытуемых психологическая классификация совпадает с таксономической классификацией лексики в лингвистике; б) вершинные узлы дерева могут получить — при их интерпретации экспериментатором — такие обозначения, которые совпадут с семантической рубрикацией в лингвистической лексической таксономии.

Для проверки этого предположения было выбрано 48 английских слов, достаточно разнообразных, но заведомо относящихся к двум резко противопоставленным семантическим областям — «предметы—непредметы» (концепты, понятия): fish, knight, mother, hedge, label, quilt, iron, inch, honor, deal, yield и т. д. Эти слова, расписанные

по одному на карточки вместе со словарным определением того (единственного в эксперименте) значения слова, в котором оно взято, были предъявлены 50 арбитрам. Экспериментаторы полагали, что если такие существенные и противопоставленные признаки классификации, как «предмет—непредмет», не будут выявлены в эксперименте, то вообще он вряд ли может выявить что-либо существенное.

Эксперимент, проводившийся по описанной выше процедуре, подтвердил самые смелые предположения. Были отчетливо выявлены следующие группировки: 1.1. Предметы — 1.2. Непредметы; 1.1.1. Живые предметы: 1.1.1.1. Живые предметы люди; 1.1.1.2. Живые предметы нелюди; 1.2.1. Непредметы количественные (quantitative) (inch, number, scale и т. п.); 1.2.2. Непредметы личностные (personal) (honor, ease, urge, thrill и т. п.); 1.2.3. Непредметы социальные (social) (yield, exhaust, deal, battle, labor и т. п.).

Таким образом, с точки зрения нашей терминологии полученная в этом эксперименте классификация является сигнификатной. Однако проступают и элементы денотатной (по нашей терминологии) классификации. Это видно из следующего комментария Г. Миллера. 48 из 50 арбитров соединили в один класс *растение* и *дерево*; 42 и более — *растение*, *дерево* и *корень*; 40 и более — *растение*, *дерево*, *корень* и *изгородь*. Последняя группировка является явно тематической, ситуационной. *сад*, *парк*.

Такие денотатные, ситуационные группировки явно преобладают у детей в возрасте от 8,5 до 12 лет, что было выявлено Миллером в отдельном эксперименте. Так, например, дети обнаружили тенденцию группировать *яблоко* и *есть*; *воздух* и *холодно*; *нога* и *прыгать* и т. п. При понятийной, сигнификатной тенденции эти пары должны были бы быть разбиты по разным группам.

Наконец, из данных Миллера мы можем извлечь весьма существенное для семполога наблюдение: сам экспериментатор, желая дать рубрикации выявленных им у испытуемых группировок, называет их «совершенно интуитивно» (quite intuitively) «живые предметы», «неживые предметы», «количественные понятия», «личностные понятия», «социальные понятия». Но это также типичные общие рубрикации таксономических тезаурусных и идеографических словарей.

Приведенные данные достаточно подтверждают психологическую реальность указанных группировок.

ПРЕДИКАТЫ, ИЛИ ОТНОШЕНИЯ

Единственная подлинная роскошь — это отношения между людьми.

(Сент-Экзюпери. Земля людей)

1. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ К ТАКСОНОМИИ

Проблема заключается в том, что с некоторой точки зрения предикаты вообще не именуют. Между тем в языке имеются, казалось бы, специальные имена предикатов — глаголы. Каково их место в таксономии словаря? Очевидно, что уже в силу связи глаголов с предикатами это вопрос не только таксономии словаря, но и организации предложения. В этом разделе на него будет дан — с точки зрения семиологической грамматики — лишь общий и предварительный ответ. Мы намерены показать, что:

1) предикаты действительно не именуют, или, во всяком случае, глагол «именовать» — если говорить, что предикаты «именуют», — употребляется в слишком широком и расплывчатом смысле; другими словами, понятие «именовать» (и равным образом «называть», «обозначать») оказывается слишком приблизительным и грубым для обозначения всех семиологических отношений, обычно подводимых под него;

2) тем самым, будучи «именами предикатов» (в старом смысле слова), глаголы не могут быть классифицированы в той же схеме, что и остальные, подлинные имена; они должны быть выделены — с этой теоретической точки зрения — в особую рубрику;

3) однако, с другой стороны, в языке огромную роль играет явление «семантического согласования» в предложении (которое подробно рассматривается в гл. IX) — семантические признаки подлинных имен — субъекта и объекта (главным образом первого) распространяются на предикат-глагол: *Человек гнется* и *Ветка гнется* в некотором смысле гнутся различно, и, следовательно, глагол *гнуться* имеет здесь различные значения, определяемые в части компонентов различными признаками субъектов; *есть яблоко* и *есть яичницу* содержат один глагол *есть* также в некотором смысле в различных значениях, зави-

сящих от различия признаков объектов. В огромном количестве случаев, в отличие от приведенных, подобные различия во всех языках так или иначе выражаются лексически — глагол несет в себе указание на сочетаемость с тем или иным классом имен — субъектов или объектов. Так, в русском языке глаголы *ходить*, *дышать*, *пить*, *мерзнуть* и т. п. (в своих первых, главных значениях) сочетаются только с тем классом имен субъектов, которые в таксономии находятся под рубрикой «Одушевленные». Эта особенность подсказывает решение — в таксономии присоединять глаголы к соответствующим рубрикам имен. Но это практическое решение имеет под собой теоретическое основание.

Глагол мы определим как сложную (комплексную) единицу Словаря, обозначающую, во-первых, некоторый предикат¹, во-вторых, некоторый семантический признак имени (терма-субъекта или объекта), входящего в этот предикат в цельном предложении. Таким образом, в отличие от имен и предикатов, которые имеют собственные классификации (таксономии), полная классификация глаголов должна найти себе место в разделе о предложении (частично это сделано применительно к русскому языку в гл. XI, 3), и такая классификация, вообще говоря, вряд ли может быть универсальной — она всегда классификация в пределах какого-то конкретного языка. С чисто семантической точки зрения это решение равносильно тому, чтобы рассматривать глаголы (а также прилагательные) как имена признаков, или атрибутов, соответствующих субстанций, причем субстанции выражаются именами существительными;

4) однако и при таком теоретическом и практическом решении остается один существенный вопрос: нет ли — хотя бы небольшого — числа глаголов, значение которых невозможно свести к значениям соответствующих имен? С семантической точки зрения этот вопрос равносильен следующему: не существует ли некоторого числа семантических сущностей, которые отражают «действия как таковые», «действия в чистом виде»? Если будет показано, что дело обстоит так, то в таксономии должна быть открыта особая рубрика «Действия», аналогичная рубрике «Тело» (если называть ее сейчас для краткости в номен-

¹ Точнее было бы сказать, что глагол есть «предикатор». См. об этом ниже.

клатуре «дерева Порфирия»). Вопрос остается открытым. Однако типологические исследования на их теперешнем уровне, скорее, отрицают такую возможность. Таково краткое резюме проблемы.

Переходя к ее более полному изложению, целесообразно начать с последнего пункта и объяснить, почему невозможно выделить группу «Действия» (в иной терминологии — «Процессы») на объективном основании, подобном основанию для рубрик «Растения», «Животные», «Люди», «Вещи» (в иной терминологии — «Объекты»).

Уже древние считали это, по-видимому, невозможным. Теоретически Аристотель оставил вопрос как будто бы открытым: установив десять «высших родов», или Категорий, — Сущность (Субстанция), Количество, Качество, Отношение, Где? (Место), Когда? (Время), Положение, Обладание, Действие, Претерпевание, он только для первого из них — Сущности, или Субстанции, — намекнул на возможность полной родо-видовой иерархии. Так смотрели на этот вопрос и позднейшие комментаторы; например, Порфирий, излагая свое «дерево», показывает его только на примере этой одной категории [Порфирий 1939, 57]. Так как в полном виде «дерево Порфирия» включает пять ярусов, то, если бы его было возможно применить ко всем десяти Категориям, мы имели бы априори исчислимую классификацию 5×10 из 50 классов. Однако это не было сделано никем, кажется в принципе невозможным, и причина заключается как раз в том, что Категории Аристотеля представляют собой не что иное, как определенную классификацию *предикатов*. Таким образом, классификация имен (Субстанций) и классификация предикатов, во всяком случае, лежат в разных плоскостях.

Потерпели неудачу и попытки лингвистов-типологов создать универсальную классификацию глаголов, по крайней мере универсально отличить имя от глагола на морфологической основе. Пожалуй, наилучшим образом итог «досемиологического» этапа таксономии подвел Э. Бенвенист: «Противопоставление „процесса“ и „объекта“ не может иметь в лингвистике ни универсальной силы, ни единого критерия, ни даже ясного смысла. Дело в том, что такие понятия, как процесс или объект, не воспроизводят объективных свойств действительности, но уже являются результатом языкового выражения действительности, а это выражение не может не быть своеобразным в каждом языке. Это не свойства, внутренне присущие природе, которые языку остается

лишь регистрировать, это категории, возникшие в некоторых языках и спроецированные на природу. Различие между процессом и объектом обязательно только для того, кто рассуждает, исходя из классификаций своего родного языка, которые он превращает в универсальные явления; но даже такой человек, если его спросить, на чем основано это различие, вынужден будет скоро признать, что если „лошадь“ — объект, а „бежать“ — процесс, то это потому, что первое — имя, а второе — глагол. Определение, которое стремится к „естественному“ обоснованию того способа, при помощи которого тот или иной конкретный язык организует свои понятия, обречено вращаться в порочном кругу. Впрочем, достаточно приложить такое определение к языкам другого типа, чтобы увидеть, что отношение между объектом и процессом может оказаться обратным или даже вообще исчезнуть, а грамматические отношения останутся теми же. Так, в языке хупа. . . активные или пассивные глагольные формы 3-го лица употребляются как имена: папуа „он спускается“ — название „дождя“; nillii „он течет“ — означает „ручеек“, паховилло⁴ „прикреплено вокруг него“ — значит „пояс“ и т. п. В языке зуни имя уätoкä „солнце“ представляет собой глагольную форму от уäto- „проходить, пересекать“. И обратно, глагольные формы могут закрепляться за понятиями, которые не соответствуют тому, что мы назвали бы процессом. В языке скуслав. . . частицы типа waha „снова“, уä³ха „много“ спрягаются как глаголы. Во многих американоиндейских языках спрягаются прилагательные, вопросительные местоимения и числительные. Как же тогда лингвистически определить объекты и процессы? . .

Известны языки, как, например, хопи, где глагол не подразумевает абсолютно никакой временной отнесенности, имея только видовые различия; в других языках, например в языке тубатулабал (той же ютоацтекской группы, что и хопи), наиболее отчетливо прошедшее время выражается не в глаголе, а в имени: haní·l „дом“, han·pí·l „дом в прошлом“ („то, что было домом и больше им не является“). . . Из этого следует, что различие имени и глагола нельзя основывать на эмпирическом анализе фактов морфологии. То, как имя и глагол различаются в том или ином языке (специальными морфемами или сочетаемостью и т. д.), или тот факт, что в каком-то третьем языке имя и глагол формально не различаются, — все это

не дает никакого критерия для определения их различия и не позволяет даже сказать, действительно ли такое различие необходимо существует. . .

Поэтому для характеристики противопоставления глагола и имени как таковых, независимо от типа языка, мы не вправе использовать ни такие понятия, как объект и процесс, ни такие категории, как время, ни морфологические различия. Тем не менее искомым критерий существует, и он носит синтаксический характер. Он связан с функцией глагола в высказывании. Мы определим глагол как необходимый элемент построения законченного утвердительного высказывания. . . Глагольная функция (в том виде, как мы ее определили) оказывается в известной степени независимой от глагольной формы, хотя часто они совпадают» [Бенвенист 1974, 168—170].

Точка зрения на этот вопрос семиологической грамматики вырастает из предшествующей типологической точки зрения, удачно резюмированной Э. Бенвенистом. Отличие заключается в том, что противопоставления «действия» и «вещи», или «глагола» и «имени», Э. Бенвенист, по крайней мере в начале приведенной цитаты и статьи, рассматривает как симметричные, считая, что если поступать, как это делала традиционная грамматика, то имеются равные и симметричные основания не выделять ни «имя», ни «глагол». Семиологическая грамматика рассматривает эти противопоставления как несимметричные: в то время как выделение «имени» опирается в конечном счете на отражение явлений объективного мира — в виде «индивидов» и «особей» и, следовательно, имеет объективные, «внеязыковые» основания, выделение «глагола» основано прежде всего на устройстве предложения, и объективное основание является здесь «внутриязыковым», хотя также универсальным. Это положение возвращает нас к проблеме предикатов.

Уже Л. Ельмслев в 1948 г. заявил: «Наша теория отличается от классического учения в двух существенных пунктах. С одной стороны, мы отрицаем глагольный характер морфем спряжения и рассматриваем эти морфемы как характеризующие не глагол, а все предложение. С другой стороны, мы признаем наличие таких морфем даже в чисто именном предложении, которое, таким образом, не может рассматриваться как лишенное глагольных элементов в классическом смысле этого термина» [Hjelmslev, 116]. Э. Бенвенист, как это видно в конце приведенной

цитаты, полностью присоединился к положению Л. Ельмслева, развив его в некоторых пунктах. Это положение служит исходным в семиологическом решении [Степанов 1973б, 354].

С семиологической точки зрения разделяются и различаются «глагольная функция» и «глагольная лексема (глагольное слово)». «Глагольная функция» является не чем иным, как предикатом предложения любого типа (включая безглагольные предложения, именные предложения и проч.); ее полная характеристика включает в себя не только описание самого предиката, но и описание (в общем виде) тех имен, которые он соединяет в рамках предложения — субъекта и объектов; таким образом, «глагольная функция» совпадает с понятием предиката в «структурной схеме предложения» (как она понимается в этой книге), и в дальнейшем употребляется только этот последний термин, а также общий термин «предикат».

«Глагольная лексема», или «глагольное слово», является фиксацией некоторых сторон структурной схемы предложения в виде отдельного, а именно глагольного, слова; в глагольном слове фиксируется, как правило, некоторый семантический признак вместе с его «местами» для имен, основной для данного предиката, а следовательно, для всей структурной схемы предложения, которую оформляет этот предикат; кроме того, в глагольном слове фиксируется, как правило, некоторый семантический признак имени, которое входит в данный предикат в качестве его субъекта; иногда фиксируется также или даже исключительно семантический признак имени, которое входит в данный предикат в качестве объекта; эти семантические черты и позволяют, как уже было отмечено выше, классифицировать основную массу глаголов по их сочетаемости с теми или иными именами субъектов (или, реже, объектов). Обычной практикой идеографических словарей (примеры были приведены в гл. II, 2) является отнесение глаголов в одну группу с существительными на основании их семантической сочетаемости друг с другом или смысловых, психических ассоциаций [см. также: Апресян 1974, 45—46].

Если же классифицировать глаголы и вообще предикатные слова по основному семантическому признаку предиката, то такая классификация совпадает с классификацией структурных схем предложения и приводится в гл. XI.

Предлагаемое новшество состоит в том, что категории Аристотеля, которые в философии древности, средневековья и нового времени вплоть до наших дней рассматривались как философские категории и которые в лингвистике, также вплоть до последнего времени, рассматривались как некоторые эквиваленты «частей речи»², в семиологической грамматике рассматриваются как *таксономия предикатов*.

При такой категоризации предикатов снова встает проблема их именованья, теперь уже как категорий. Прежде всего имеются термины «предикат» и «предикатор». «Предикатор» есть конкретное, существующее в данном языке языковое выражение, функция, охватывающая целую группу предложений, как результат применения функции к именам. «Предикат» в логическом смысле — значение функции, общее для всей группы таких предложений. В лингвистике, кроме того, предикатом называется также каждое отдельное выражение, представляющее собой отдельный акт применения предикатора. Например, «. . . состоять в. . .» есть предикатор русского языка, «. . . consisten en (à, dans). . .» — аналогичный предикатор французского языка, «. . . to consist in. . .» — английского. Значение, которое является одним и тем же у всех трех, — предикат (в логическом смысле), и он может быть описан любым из приведенных трех выражений-предикаторов или иным способом. В лингвистическом смысле предикатом будет также каждое предложение каждого из трех языков, содержащее данный предикатор и предикат как его логический смысл.

Поскольку категории Аристотеля были выдвинуты на основе древнегреческого языка и описаны на этом языке, они — представляя собой, как будет показано ниже, типы сказуемых — являются предикаторами древнегреческого языка. Но Аристотель — и, как выяснилось на протяжении последующих столетий, вполне справедливо—

² Между этим философским и этим лингвистическим, — в обоих случаях устаревшими, — подходами имеется, конечно, противоречие. Древние аристотелевской поры и сам Аристотель не замечали его просто потому, что не видели здесь языковой проблемы: «частей речи» в языке они насчитывали только три — «имя», «глагол», «связка» (союз, предлог и некоторые другие). Только стоики установили в конце концов полный список «частей речи» (девять), и оказалось, что это почти то же самое, что категории Аристотеля.

придавал своим категориям универсальное значение, независимо от типа языка. В этом смысле они должны быть названы, следовательно, предикатами в логическом понимании термина. К каждому из этих универсальных предикатов могут быть подобраны в каждом конкретном языке предикаторы и предикаты, соответствующие его собственной системе. Чуть ниже мы столкнемся с иной трудностью именования, связанной с особенностями уже не предикатов, а категорий. Первые признаки этой трудности возникают уже в следующих строках в различных переводах наименований категорий.

2. ОСНОВНАЯ ТАКСОНОМИЯ ПРЕДИКАТОВ. 10 КАТЕГОРИЙ АРИСТОТЕЛЯ

В разных сочинениях Аристотеля список категорий приводится в разных вариантах, в самом просторном из них (Категории, IV, 1b; Топика, IX, 103b) он содержит следующие десять категорий (очень важно для дальнейшего заметить, что русский термин ближе к латинскому, чем к греческому):

1. Ὀυσία	Substantia	Сущность (Субстанция)
2. Ποσόν	Quantitas	Количество
3. Ποτόν	Qualitas	Качество
4. Πρός τι	Relatio	Отношение (Соотнесенное)
5. Ποῦ	Ubi	Где? (Место)
6. Πότε	Quando	Когда? (Время)
7. Κεῖσθαι	Situs	Положение
8. Ἔχειν	Habitus	Обладание (Состояние)
9. Ποιεῖν	Actio	Действие
10. Πάσχειν	Passio	Претерпевание (Страдание).

По Аристотелю, эти категории представляют собой высшие сущности объективного бытия. Однако очень важен и гносеологический подход — как установлены эти сущности? Исследователи уже давно указывали, что категории Аристотеля тесно связаны с языком. Детальное рассмотрение их с этой точки зрения показывает, что в виде категорий у Аристотеля перечислены, причем в определенном порядке, все формы сказуемого, которые могут встретиться в простом предложении древнегреческого языка. Сам термин *категорία* в узком смысле означает «сказуемое» от глагола *категорεῖν* «сказывать, высказывать, утверждать»; этому значению соответствует

и установившийся с древности латинский перевод: категория — *praedicamentum* 'сказуемое'.

Список категорий Аристотель предваряет замечанием: «Одни слова говорятся в связи, другие без связи. Одни в связи, как, например: человек бежит, человек побеждает; другие без связи, как: человек, бык, бежит, побеждает» (Категории II, 1a); «Из слов, высказываемых без какой-либо связи (курсив наш. — Ю. С.), каждое означает или сущность, или качество. . .» (Категории, IV, 1b). Далее следует приведенный выше список [Аристотель 1939, 3—4].

Таким образом, список категорий действительно представляет собой перечень предикатов-сказуемых, но уже извлеченных из формы их непосредственной данности — из предложения-высказывания и, следовательно, уже тем самым абстрагированных и обобщенных. Рассматривая формы этого абстрагирования у Аристотеля, мы сможем уяснить некоторые другие важные черты его системы, а вместе с тем таксономии предикатов вообще.

Когда Аристотель извлекает категории из сказуемых предложений, он должен назвать их в общей форме, и способы этого названия очень важны.

1. Первая категория — «Что», или «Сущность, Субстанция», — называется именем существительным с этим значением — *οὐσία*, и это единственная категория, которая названа таким способом. Ее имя представляет собой абстрактное существительное, образованное от основы причастия глагола «быть», — *ὄν, ὄντος* 'сущее, существующее' (*ont-s-ia* > *ousia*). В «Топике» это название дублируется вопросом «Что есть?» — *τί ἐστί* букв. 'что есть, чем является'.

Далее способ именованья меняется. Категории 2—4 именуются в форме так называемых неопределенных местоименных прилагательных, которые во всем совпадают с вопросительными, кроме ударения, например: *ποσόν* 'какого-нибудь количества' — неопределенное прилагательное и *πόσον* 'какого количества? сколь многое?' — вопросительное прилагательное.

2. «В каком-нибудь количестве»; местоименное прилагательное *ποσόν* 'в каком-нибудь количестве'.

3. «Какого-нибудь качества»; местоименное прилагательное *ποῖόν* букв. 'какое-нибудь'.

4. «В каком-нибудь отношении»; местоимение с предлогом *πρός τί* букв. 'в отношении чего', здесь, как и в кате-

гории 1, эта форма совпадает (кроме ударения) с вопросительной; в обоих случаях форму названия категории можно считать формой косвенного вопроса, букв. 'в каком отношении' или 'в каком отношении?'; примеры Аристотеля здесь — прилагательные в разных степенях: διπλάσιον 'двойное, вдвое большее', ἡμισυ 'половинное', μεῖζον 'большее'.

Далее способ именования меняется еще раз — категории 5—6 называются в форме вопросов, которые сами не являются тем, что они называют, т. е. наречиями и словами-обстоятельствами.

5. «Где?»; местоименное наречие ποῦ в вопросительной форме, что видно из ударения.

6. «Когда?»; местоименное наречие или в вопросительной форме πότε (так дает, например, словарь Лаланда [Lalande 1972, 125]), или в неопределенной форме ποτέ букв. 'когда-нибудь' (так дает берлинское издание 1831 г.); как и в случае категорий 1 и 4, различие обеих форм нейтрализуется в этой своеобразной форме косвенного вопроса, отсюда и колебания различных изданий; поскольку, однако, эта 6-я категория образует естественную подгруппу с 5-й, а в 5-й дана недвусмысленно форма прямого вопроса, то и данную категорию лучше всего перевести такой же формой, что и сделано здесь.

И наконец, для категорий 7—10 способ именования меняется еще раз — категории называются словами, являющимися представителями классов именуемых слов.

7. «В [каком-нибудь] положении»; глагол в форме инфинитива среднего залога κεῖσθαι букв. 'лежать; находиться в каком-нибудь положении'.

8. «В [каком-нибудь] состоянии»; глагол в форме инфинитива εἶχειν букв. 'находиться в каком-нибудь состоянии; иметь, иметься'; примеры — глаголы 3-го лица ед. числа перфекта среднего залога ὑποδέεται 'обут', ὀπλισται 'вооружен'.

9. «Делать, действовать»; глагол в форме инфинитива ποιεῖν 'делать'; примеры — глаголы 3-го лица ед. числа настоящего времени активного залога τέρνεται 'режет', καίεται 'жжет'.

10. «Претерпевать, подвергаться действию»; глагол в форме инфинитива πάσχειν 'претерпевать; страдать'; примеры — глаголы 3-го лица настоящего времени пассивного (страдательного) залога — τέρνεται 'он разрезается (его режут)', καίεται 'он сжигается (его жгут)'.

В этом смысле последние категории в системе Аристотеля вообще не имеют специальных общих наименований. Таким образом, список категорий предстает как своеобразно и последовательно градуированная шкала, в которой первая категория — «Сущность, Субстанция» имеет собственное общее наименование в форме имени существительного (напомним, что, по Аристотелю, лишь существительное — адекватная форма понятия), а все остальные получают наименования, отдаляющие их от наименования «Сущность, Субстанция», притом тем больше, чем далее стоят они от начала списка.

Категория «Сущность» требует дополнительного комментария. Дело в том, что, по Аристотелю, сущности делятся на «первые», или первичные, и «вторые», или вторичные: «Сущностью, о которой бывает речь главным образом, прежде всего и чаще всего является та, которая не сказывается ни о каком подлежащем и не находится ни в каком подлежащем; как, например, отдельный человек или отдельная лошадь. А вторичными сущностями называются те, в которых, как видах, заключаются сущности, называемые так в первую очередь (т. е. первые сущности. — Ю. С.), как эти виды, так и обнимающие их роды; так, например, определенный человек заключается, как в виде, в человеке, а родом для всего этого вида является живое существо. Поэтому мы здесь и говорим о вторичных сущностях, например, это — человек и живое существо» [Аристотель 1939, 7]. Выше Аристотель разъясняет, что значит находиться или не находиться в подлежащем: «Я называю „находящимся в подлежащем“ то, что, не являясь частью чего-нибудь, не может существовать отдельно от того, в чем оно находится. . . Некоторое белое находится как в подлежащем в теле (ибо всякий цвет — в теле)» [Там же, 4].

«Первые» сущности выступают в языке в виде имен существительных, прежде всего имен собственных, а также других индивидуальных имен (которые, в свою очередь, могут выступать в различной форме). «Вторые» сущности имеют вид общих имен существительных типа *человек, животное, город*.

Здесь можно сделать обобщение о трудности названия категорий. Поскольку категории выступают как нечто высшее по отношению к формам данного языка, следовательно, как знаки знаков, метазнаки, они должны иметь наименования, так или иначе отличные от знаков

данного языка. Поскольку же наименование происходит с помощью самого данного языка, категории неизбежно именуются словами этого языка. Это большое неудобство, способное привести к недоразумениям (и, как мы увидим ниже, действительно приведшее к недоразумению Дж. С. Милля, когда он стал критиковать систему Аристотеля). Аристотель нашел остроумный выход, именуя категории так, как сказано выше. Однако и его способ имеет некоторые недостатки. Их можно было бы избежать, именуя категории сочетаниями двух слов естественного языка (например, русского или английского) — *категория сущности*, *category of essence*.

Но здесь возникают новые нежелательные последствия — двусмысленность указания принадлежности (родительный падеж в русском, предлог *of* в английском). Во многих случаях при таком способе мы будем в затруднении относительно того, имеется ли в виду сама категория или то, что ей подчинено. Р. Карнап по аналогичному поводу замечает, что, поскольку представляется желательной краткая формулировка и поскольку сочетания слов типа «свойство человек» (*the property human*) и «класс человек» (*the class human*) не согласуются с грамматикой английского языка и иногда бывают двусмысленными, он употреблял в своих ранних работах двойные кавычки, например «свойство „человек“». Но это употребление кавычек отличается от их обычного употребления. Поэтому в своих более поздних работах Карнап предпочитает способ заглавных букв, применяя его не только в связи со словами «свойство», «класс», но и в связи со словами, обозначающими такие объекты, как «отношение», «функция», «понятие», «индивид» и т. п.; он сохраняет и способ родительного падежа (форму с предлогом *of*). Иначе говоря, у Карнапа выступают как равноценные по способу обозначения — «свойство Человек» («Скотт имеет свойство Человек»), «понятие эквивалентности» («*the concept of equivalence*»), «понятие Эквивалентность» («*the concept Equivalence*») [Карнап 1959, 49].

Мы в дальнейшем применяем главным образом два обозначения типа *категория сущности* и *категория «Сущность»* как равноценные.

Что касается порядка категорий, то нет никаких сомнений в том, что перечень разворачивается в полном соответствии с системой греческого языка — от именных форм к глагольным и одновременно от более независимых

к более зависимым: 1 — имя существительное; 2, 3, 4 — имена прилагательные; 5, 6 — наречия и имена существительные в значении наречий; 7, 8, 9, 10 — глаголы, из них 7 и 8 — весьма специфические глагольные категории древнегреческого языка (отсутствием их полного соответствия в других языках и объясняется, как мы увидим ниже, часть недоумений по поводу категорий Аристотеля). Очевидно, что эти, и только эти, формы Аристотель считал естественной категоризацией предикатов, которые затем и должны были подвергнуться логической обработке.

Прежде чем перейти к вопросам этой логической, а также лингвистической обработки, уместно сделать отступление относительно критики категоризации Аристотеля. В качестве примера такой критики остановимся на замечаниях Дж. С. Милля. Вообще говоря, для нашей задачи нам достаточно показать, как критиковалась система Аристотеля, на любом примере. Но образец критики, данный Миллем, интересен по двум причинам. Во-первых, Милль избрал наилучший в данной связи способ критики, а именно: показать неудовлетворительность (с его точки зрения) критикуемой системы тем, что возможно построение другой системы, совершенно отличной от нее; Милль и предлагает свою систему. Во-вторых, система Милля — это «классическая для 19—20 вв. теория категорий с точки зрения эмпиризма» [Лосев 1962, 475]. Книга Милля «Система логики, силлогистической и индуктивной» была закончена в 1841 г.

На категории Аристотеля Милль смотрит резко отрицательно. «Этот перечень, — пишет он, — соответствует просто тем грубым различиям, которые устанавливает между вещами повседневная речь; в нем нет (или почти нет) попытки проникнуть философским анализом в рациональное основание даже и этих различий» [Милль 1914, 40]. Но мы тотчас видим, что Милль не заметил того действительно рационального основания, которое заключено в категориях Аристотеля, — основания, данного самим языком. Как и следовало ожидать, наибольшее недоумение вызывают у Милля категории 7 и 8 (которые мы будем подробно разбирать ниже). Милль пишет: «Нельзя считать, что правильно понято, например, „отношение“, если из этой категории исключены действие, претерпевание и положение. То же самое относится и к категориям *quando* (положение во времени) и *ubi* (положение в пространстве), так как между этим последним и „положением“

(situs) разница только в словах. . . С другой стороны, в перечне фигурируют только субстанции и атрибуты; в какую же категорию надо отнести ощущения или другие чувства и состояния духа, каковы, например, надежда, радость, страх? ощущения слуховые, обонятельные, вкусовые? удовольствия и страдания? мысли, суждения, понятия и т. п.? Вероятно, школа Аристотеля поместила бы все это в категорию *actio* (действие) или же в категорию *passio* (страдание, претерпевание). Это правильно характеризовало бы отношения активных состояний — к их объектам и пассивных — к их причинам; но совершенно неверно определило бы их самих по себе как чувства или состояния духа. Чувства или состояния сознания нужно, конечно, отнести к числу реальностей, но их нельзя поместить ни в рубрику субстанций, ни в рубрику атрибутов» [Милль 1914, 40].

В связи с этим местом критики Милля нужно заметить, что «Положение» в категории 7 отличается от всех прочих «положений» (в том числе от положений, обозначаемых категориями «Где» и «Когда»): это положение субъекта, являющееся его состоянием или действием, не выходящим за его собственные пределы, — не «сидит где-то», а просто «сидит», «лежит», а также «рождается» и т. п. Что касается «состояний духа», то это особое содержание категории 8, и только ее. Правда, Аристотеля можно упрекнуть в одном — в том, что он недостаточно четко словесно отделил состояния духа от состояний тела, те и другие у него объединены в одной категории — 8. Но такой упрек можно было отнести только к словесной формулировке, тогда как по существу с точки зрения древнегреческого языка «быть обутом» и «быть разбуженным, бодрствовать» — это одно и то же, состояние самого субъекта (его тела или его духа), независимое от его положения в пространстве; и это «одно и то же» выражается одной и той же формой — перфекта (*ὑπόβηται, ἐγρέγεται*). Латинские переводчики и комментаторы передали это вполне точно: латинское *habitus* означает все сразу — «положение, поза, состояние, способ поведения, осанка, внешность, паружность, костюм». Напротив, «Положение» в категории 7 — это состояние тела в пространстве («сидит», «лежит»), не составляющее принадлежность субъекта («субъект не обладает этим как свойством»), но и не переходящее на объект, вообще не выходящее за пределы субъекта. К тонким различиям этих категорий, доказы-

вающим правоту Аристотеля перед его критиками, мы вернемся ниже.

Свою собственную систему Милль резюмировал в следующем виде: «Таким образом, в результате нашего анализа мы получаем следующий перечень, или классификацию, всех могущих иметь названия вещей:

1. Чувства, или состояния сознания.

2. Духовные сущности, испытывающие эти состояния сознания.

3. Тела, или внешние предметы, возбуждающие те или иные из этих состояний сознания, а также те силы или свойства, благодаря которым тела эти состояния возбуждают. . .

4 (и последнее). Последовательности и сосуществования, сходства и несходства между состояниями сознания. Эти отношения, хотя и признаются существующими между вещами, в действительности существуют между теми состояниями сознания, которые этими вещами возбуждаются (если это тела) или же иногда возбуждаются, иногда испытываются (если это духи)» [Милль 1914, 66].

Говоря суммарно, категоризация Милля отличается от категоризации Аристотеля следующими моментами. Во-первых, Милль повысил в ранге категорию «состояний духа» (не заметив, как уже было сказано, что она содержится в системе Аристотеля, но как соподчиненная с другими категориями). Эта операция была вызвана, конечно, не столько фактическими, сколько идейными соображениями. Милль, как верный последователь английского эмпиризма, вслед за Юмом считал, что «состояния духа», возникающие вследствие воздействия на сознание внешних вещей, или тел, ничего не говорят о состоянии самих этих вещей, или тел. Он специально отмечал (в конце раздела о категориях): «Всякий объективный факт основывается на соответствующем субъективном и имеет для нас смысл (помимо соответствующего ему субъективного факта) исключительно только как название некоторого неизвестного и непознаваемого процесса, вызывающего данный субъективный, или психологический, факт» [Милль 1914, 67]. Аристотель же считал, что сочетающиеся в высказывании словесные формы выражают одновременно и мысли о вещах (в этом смысле и «состояния духа»), и сущности самих вещей; поэтому для Аристотеля его категории и являются «высшими родами бытия», чем они никак не

могли быть для Милля. Для нас позиция Аристотеля, несомненно, ближе к истине, чем позиция Милля.

Во-вторых, уже в специальной части своей работы, не связанной непосредственно с его идейными установками (эта часть могла бы отвечать каким угодно идейным установкам), Милль, опять-таки следуя предшествующей традиции английской философии, начинает с анализа имен, чтобы затем перейти к анализу цельных высказываний. В современных терминах мы сказали бы, что Милль исходит из кода, или системы, языка, чтобы перейти к его тексту. Аристотель, как мы уже видели выше, поступает наоборот: он начинает с анализа суждения-высказывания, да в сущности и ограничивается им. И в этом также Аристотель сохраняет преимущество перед Миллем. Говоря точнее словами Ф. Энгельса об античной философии, Аристотель, подобно ей, сохраняет преимущество в целом, проигрывая в частностях.

В-третьих (и это именно та частность, в которой Милль выигрывает перед Аристотелем), Милль подробно исследует семантическое согласование между частями высказывания. И это вполне естественно: поскольку Милль начинает с семантического анализа отдельных имен, он должен на втором этапе осветить вопрос о том, как эти имена вступают в связь в составе высказывания. Хотя этот вопрос был поставлен в философии задолго до Милля (ср., например, учение о синтетических и аналитических суждениях у Канта), все же именно Милль уделил ему наибольшее внимание. К вопросу о семантическом согласовании мы будем неоднократно возвращаться ниже.

В категоризации Милля наметились — но самим автором не были осознаны — и некоторые семантические парадоксы. Парадокс скрывается в статусе «состояний духа или сознания», как он определен у Милля. С одной стороны, «состояния сознания» лежат в основе всех его категорий и в основе высказывания-предложения, как Милль его понимает. С другой стороны, «состояния сознания» — это особая, отдельная категория. Подобный парадокс — когда одна и та же семантическая категория, сема, с одной стороны, неразрывно связана с другими категориями и тем самым не имеет самостоятельного существования, а с другой стороны, выступает в особой форме как сама по себе — возникает и в современных семантических описаниях. В простейшем виде его можно иллюстрировать таким примером. Сема «конец» неразрывно связана

с семей «пространство» (*край, конец веревки* и т. п.) или с семей «время» (*вечер, конец зимы* и т. п.), так что следует говорить, по-видимому, о двух семах — «конец в пространстве», «конец во времени» или, может быть, об одной — «конец в пространстве и времени». Но, с другой стороны, сема «конец» имеет самостоятельную форму выражения, именно слово *конец* и, следовательно, может оцениваться как самостоятельная, т. е. именно как сема (в том случае, если она выступает только в сочетаниях, естественнее оценить как сему все сочетание). Иными словами, естественный язык в одной своей части (в слове *конец*) выступает как метаязык к другой своей части (в словах *край, вечер* и соответственно в выражениях — *конец веревки* и т. п.).

Попытки обобщить категории Аристотеля, установить их иерархию неоднократно предпринимались в истории логики и философии. Прежде всего, обобщение своих категорий произвел сам Аристотель. В «Метафизике» (кн. XIV, гл. 2) он говорит только о трех категориях: «в одних случаях — это сущности, в других — состояния, в третьих — отношения». Это место нельзя понять без толкования.

Несомненно, что Аристотель установил здесь иерархию категорий — названные три категории в каком-то смысле наиболее общие. Но нужно ли считать, что они образуют наиболее общие виды, а все остальные — их подвиды? По-видимому, так нужно понять А. Ф. Лосева, когда он говорит — по поводу не этого места, а основной схемы, — «что последние шесть категорий в таблице являются тоже только подвидами отношения» [Лосев 1962, 472]. Но это вряд ли так: ведь подведение под роды и виды противоречило бы самой сути категорий как неопределяемых понятий, во всяком случае понятий, не определяемых по классической форме «род + видовое отличие». Г. Клаус справедливо отмечает, что «классическая форма определения в некоторых случаях вообще непригодна. Это бывает, прежде всего, тогда, когда нет ближайшего рода, то есть при рассмотрении понятий, которые Аристотель называет „категориями“. Так, например, понятие „быть“ нельзя определить, воспользовавшись классической формой, потому что здесь нет ближайшего рода. То же самое можно, разумеется, сказать и о ряде других понятий подобного типа» [Клаус 1960, 233]. А. Ф. Лосев, по-видимому, следует здесь, скорее, линии стоиков.

В логике стоиков выделялись четыре категории: 1) подлежащее, или субстрат, 2) качество, 3) состояние, 4) отношение, причем все они, по истолкованию стоиков, соотносятся так, что каждая предшествующая содержится в следующей и более точно определяется ею [Mates 1961, 18]. Но это уже, скорее, чисто философское соотнесение, о чем говорит и то, что все эти категории у стоиков как бы поглощаются пятой, самой высокой категорией — «неопределенное нечто» (*τὸ τί*).

У Аристотеля это не так. Противоречит такому пониманию — как «видов» и «подвидов» — и греческий текст. Аристотель называет там эти три категории — 1) *οὐσία*, 2) *πίθη*, 3) *πρός τί*. Первое слово совпадает с наименованием категории 1 — «Сущность», третье — с наименованием категории 4 — «Отношение», хотя в передаче последнего есть трудности: переводчики последнего русского издания дают здесь «Соотнесенное», что довольно удачно [Аристотель 1978, 66; 1976, 356]. Что касается второго общего наименования, то оно не соответствует названию ни одной категории. Ближе всего оно подходит к названию категории 10 — *πίσχειν* 'претерпевать', *πίθη* 'претерпевание', слово того же корня. Однако переводчики затрудняются в его передаче: в новейшем русском издании «Метафизики» это место передано так: «ведь одно сущее — это сущности, другое — свойства, третье — соотнесенное» [Аристотель 1976, 356]. Однако вернее, кажется, переводят А. В. Кубицкий [Аристотель 1934, 244], А. С. Ахманов [Ахманов 1960, 161] и А. Ф. Лосев [Лосев 1962, 472] — не «свойства», а «состояния». Но в подробной таблице Аристотеля уже есть категория «Состояние» под другим термином — *ἔχειν* (лат. *habitus*, рус. 'обладание'). Таким образом, обобщая, Аристотель, очевидно, не подводит состояние в обобщенном смысле (*πίθη*) под «Состояние» как категорию 8 в таблице (*ἔχειν*) и вообще не подводит ни одну категорию из списка под другую как вид под род или «подвид» под вид.

На наш взгляд, вернее истолковать это обобщение иначе. Ведь в основе всей категоризации Аристотеля лежит выделение типичных предикатов. По-видимому, и при обобщении категорий он поступил таким же образом, т. е. выделил три предиката, которые счел более важными, существенными, более типичными, чем другие. По нашему мнению, три обобщенные категории соответствуют трем основным типам предикатов:

1) категория «Сущность» — предикату в предложениях тождества: *Сократ — человек; Лошадь — животное; Человек есть справедливое* и т. п.;

2) категория «Состояние (Претерпевание)» — одноместному предикату в таких предложениях, как: *Сократ сидит; Человек мыслит; Человек одет; Человек пробудился; Лошадь больна; Цветок увядает; Сосуд расколся; Мама — в саду; Снег бел; Свадьба завтра* и т. п.;

3) категория «Отношение (Соотнесенное)» — всем двухместным предикатам в таких предложениях, как: *Человек убил оленя; Снег покрывает землю; Эта палка длиннее той* и т. п.

Более сложные случаи — трех-, четырехместные предикаты и т. д. — Аристотель рассматривал, по-видимому, как сводимые к более простым.

Итак, заключая рассмотрение категоризации Аристотеля, следует сказать, что Аристотелю удалось на основе анализа греческого языка его времени установить три основные категории — «Сущность», «Состояние», «Отношение», являющиеся одновременно категориями языка и категориями мысли; выявить достаточно полный набор подчиненных им категорий (таких, как «Время», «Место» и т. д.); наметить отношения между основными и подчиненными категориями не как родо-видовые, а как отношения предикатов соответствующих суждений-предложений.

Мы увидим ниже, что система Аристотеля требует лишь некоторых поправок и представляет надежную основу для дальнейших семиологических категоризаций и что такого же взгляда придерживаются современные логики.

Рассматривая десять категорий Аристотеля как универсальные предикаты, уже в этом разделе можно предварительно привести некоторые доказательства универсальности категоризации Аристотеля, показав ее совпадение с результатами современных лингвистических анализов.

Поскольку древнегреческий язык — это естественный язык, есть все основания считать, что существовавшие в нем виды предикатов в главном и существенном похожи на предикаты всех других естественных языков. Если к тому же их категоризация произведена таким замечательным ученым, то есть все основания считать, что и категоризация окажется достаточно универсальной (и в частности, сходной с категоризациями формально-логических и других искусственных языков).

Действительно, десять категорий Аристотеля — это прежде всего достаточно общий список «частей речи». Правда, античные грамматики (не исключая и самого Аристотеля, когда он выступал как грамматист) выделяли части речи иначе, в меньшем количестве и не столь удачно. Но это обстоятельство имеет теперь уже только исторический интерес. Важно то, что когда части речи индоевропейских языков были — в течение столетий — наконец детально обследованы, то оказалось, что их список почти полностью совпадает со списком категорий Аристотеля. (Прибавились лишь те части речи, которые не являются формами сказуемого в простом предложении — союзы, артикли, частицы, междометия.)

В конце XIX—нач. XX в., когда языкознание сильно отделилось от логики, на время возобладало убеждение, что подобная система частей речи «навязана от логики» даже индоевропейским языкам, не говоря уже о языках иных семей и систем. Однако в настоящее время лингвист не может разделять этого убеждения. Опыты описания разносистемных языков по «понятийным категориям» О. Есиерсена и И. И. Мещанинова, по системе «от смысла к форме» Ф. Брюно и других исследователей 30—40-х годов XX в., вообще говоря близкие к аристотелевскому пути, доказали, что это путь не только возможный, но единственный, когда ставится задача выявления универсальных категорий языка и мышления. Работы упомянутых авторов достаточно широко известны, и мы не будем их детально рассматривать. Остановимся лишь на нескольких работах последних лет, идущих в том же русле.

Б. А. Серебренников в работе, специально ориентированной на описание различных языков мира, на сводимость их описаний в единой системе, приходит к следующему выводу: «Части речи в языках следует устанавливать по семантическому признаку. Конечно, придется при этом учитывать законы сочетаемости слов, принадлежащих к разным частям речи, и особенности их словообразования, но все эти дополнительные атрибуты будут определяться значениями слов. Следовательно, части речи будут в этих языках устанавливаться в первую очередь по понятийным категориям предметности, атрибутивности, глагольности и т. д. Такой способ установления частей речи очень удобен, поскольку он освобождает от многих проблем. В китайском языке будут те же части речи, что и в русском. Описываемый материал будет удобно распо-

лагаться по частям речи. При описании различных свойств частей речи полезно рассматривать попеременно эти свойства, в зависимости от конкретных возможностей, то как понятийные, то как грамматические категории, то как средства выражения различных отношений. Методически необходимо проводить четкое различие между понятийными и грамматическими категориями, не допуская их смешения, как это сейчас нередко делается [Серебренников 1976, 39—40]; «Если категория в языке выражена морфологически явно недостаточно, то о ней можно говорить лишь как о категории понятийной, но не о категории грамматической» [Там же, 42]. Е. С. Кубрякова, исследуя части речи в свете новейшей семантики, обратила внимание на то, что между категориями Аристотеля, выделенными по языковому основанию, и частями речи, установленными на понятийной основе (как это обоснованно предлагает Б. А. Серебренников), нет противоречия, а существует, напротив, полное соответствие [Кубрякова 1978, 17—18].

Однако категории Аристотеля не сводятся только к обобщению понятийных сущностей, значений языка. Они, как уже было отмечено, указывают способ категоризации. На этом вопросе необходимо остановиться подробнее.

Если не указан способ категоризации частей речи, то само по себе правильное положение о том, что их нужно выделять на понятийной, семантической основе, явно недостаточно. Как увидеть эту основу? На этот вопрос и отвечают интерпретированные категории Аристотеля. Они показывают, что за основу нужно взять, во-первых, простое предложение-высказывание и, во-вторых, предикат этого предложения; анализ предиката приведет в конечном счете к установлению основных семантико-синтаксических категорий, или «частей речи», данного языка. Рассмотрение на тех же основаниях союзов и предлогов не представляет принципиальных трудностей: в практике последних лет союзы обычно рассматриваются как предикаты, терминами которых выступают простые предложения; предлоги по семантической структуре аналогичны союзам.

Таким образом, десять категорий Аристотеля мы рассматриваем как универсальные предикаты, могущие служить основанием для описания пропозициональных функций, или структурных схем предложений, конкретных языков и Языка вообще.

3. ФОРМАЛИЗАЦИЯ

Под названием «формализация» в этой книге мы будем объединять логические аналоги лингвистических и семиологических понятий. Эти понятия и их логические аналоги могут при этом выступать либо по одному, либо образовать сцепления — фрагменты логических систем.

По поводу формализации таксономии предикатов, основанной на категориях Аристотеля, можно было бы ограничиться, собственно говоря, одним аналогом: «первая сущность» Аристотеля соответствует с точки зрения современной логики понятию «терм», а «вторая», или «вторичная сущность», — понятию «предикатное выражение» [Войшвилло 1967, 17]. К этой точке зрения присоединяются комментаторы последнего русского издания Аристотеля [Аристотель 1978, 600]. Вся дальнейшая формализация может проводиться на основе этого соответствия.

Однако здесь мы снова возвращаемся к более общему вопросу, с которого начали эту главу. Подобно современному языкознанию, логика отчетливо разделяет имена, или термы, в собственном смысле слова и предикаторы, или глаголы, не являющиеся именами в этом смысле. Но не являются ли предикаторы, глаголы, «именами» в другом смысле — в том, в каком можно сказать, что собственно имя, терм, именуется свои понятия, концепты, сигнификаты и в конечном счете соответствующие им внеязыковые объекты? Нельзя ли сказать, что предикаторы, глаголы *именуют свои предикаты*?

Типичными предикаторами являются такие выражения отношений (состав которых варьируется в разных логических языках), как «больше», «меньше», «равно»; «входит в (принадлежит классу)», «обладает свойством», «и», «или», «если. . . то. . .» и т. п. Именно они обеспечивают строение основных пропозициональных функций и предложений в логических, а следовательно, и в естественных языках. Но как раз про эти предикаторы, совершенно очевидно, нельзя сказать, что они что-либо «именуют» или «называют», «обозначают» (с частным случаем такого рода мы познакомились в связи с термином Карнапа «субсумируется»). И это является свойством предикаторов вообще. Удачно обобщая его, Е. К. Войшвилло замечает: «Таким образом, предикаторы и функциональные выражения не обозначают свойств, отношений, функций; поэтому мы говорим, что они лишь *представляют* эти объекты»

[Войшвилло 1967, 47]. Остальные предикаторы в большей или меньшей степени обладают теми же свойствами.

При принятии указанного выше решения Л. Ельмслева и Э. Бенвениста естественно ожидать, что понятие глагольной функции (отделенное от понятия глагольной лексемы), или предиката структурной схемы предложения, окажется очень близким к понятиям предиката и пропозициональной функции в логическом смысле терминов. В действительности так оно и есть.

Прежде всего отметим, что разделение семантической сферы на «области индивидов» и пропозитивную семантику, аналогичное очерченному выше лингвистическому, характерно для современной логики вообще. Х. Карри, представляя читателю свои «Основания математической логики», говорит: «Эта книга рассказывает об „исчислении предикатов“ первой ступени, в котором мы рассматриваем пропозициональные функции, определенные на фиксированной области „индивидов“, причем высказывания и пропозициональные функции не входят в эту область» [Карри 1969, 46]. Под *пропозициональной функцией* понимают языковое явление, имеющее грамматическую форму утвердительного предложения, но содержащее переменную; пропозициональные функции становятся предложениями, в частности, когда переменные заменяются в них на постоянные [Клаус 1960, 70]. Пропозициональные функции и предложения являются формами *суждений*, или *пропозиций*, которые выступают как их содержание.

Нужно обратить внимание на чрезвычайно важное обстоятельство: здесь все термины, различающиеся по словесной форме, различаются также по содержанию. *Предложение* здесь, как и всюду в этой книге, мы понимаем как конкретное высказывание, абстрагированное от реального процесса коммуникации минимально — лишь тем, что оно взято без окружающего контекста. Пропозициональную функцию здесь, как и всюду в этой книге, мы понимаем как синоним термина *структурная схема предложения*. По отношению к предложению, следовательно, это — абстракция второго порядка, охватывающая класс предложений. Но поскольку в большинстве случаев мы не пользуемся формульной или вообще какой бы то ни было формализованной записью структурной схемы, или пропозициональной функции, а представляем их в виде отдельного предложения, служащего образцом, то термин «предложение» может иметь и этот второй смысл; путаницы

не возникает, так как при таком употреблении — в значении отвлеченного образца для построения других предложений — указывается, какие части предложения являются постоянными (составляя его «глагольную, или предикатную, функцию»), а какие — переменными (составляя прежде всего его «термы»). Термин «суждение» охватывает только план содержания предложения. «Пропозиция» охватывает класс эквивалентных суждений. Однако термин «пропозиция» в этой книге, как и едва ли не у большинства современных авторов, употребляется также вместо термина «суждение» там, где нет необходимости, а иной раз и возможности их различать.

Х. Карри, как и некоторые другие логики, употребляет в смысле «суждение» и «пропозиция» термин *высказывание*, что в контексте его книги вполне оправданно, так как логика рассматривает языковые формы — высказывания, но только не естественного, а искусственных логических языков. Несколько неприятным обстоятельством в терминологии Карри является то, что он не делает попытки отделить предложение, или высказывание, от его структурной схемы, или пропозициональной функции, а суждение — от пропозиции. Впрочем, Карри делает следующую оговорку: «Можно, например, рассматривать высказывание как класс предложений, в некотором смысле эквивалентных друг другу, точно так же как выражения являются классами эквиморфных инскрипций. Однако, так как я не даю способа судить о том, когда предложения эквивалентны, — другими словами, не даю критерия тождественности высказываний, — то читатель свободен интерпретировать отношение обозначения любым способом, которым он желает, например вообще не различать предложения и высказывания. Удвоение терминов имеет ту выгоду, что оно не связывает нас ни с каким конкретным видом философии; оно вводит, так сказать, свободный параметр, который можно приспособить так, чтобы удовлетворить различным философским предрассудкам» [Карри 1969, 63].

Таким образом, мысли Карри здесь идут в том же русле, что и наши рассуждения, но как бы в противоположном направлении: Карри как бы оправдывается, что он удваивает термины — для формы и содержания, тогда как с лингвистической точки зрения и удвоения здесь мало, и в принципе термины следует учетверять, имея по два термина в плане выражения и в плане содержания, для

класса как множества и класса как целого в каждом из этих планов.

Этому пожеланию соответствует то, что семиологическая теория не уклоняется от вопроса об эквивалентности высказываний, или предложений (хотя в настоящее время и не может его полностью разрешить). Путь к решению проблемы эквивалентности лежит как раз через разделение планов содержания и выражения. В дальнейшем мы проводим разделение плана содержания, семантики на денотатную, или экстенциональную, сферу и понятийную, сигнификатную, или интенциональную, сферу. С помощью такого разделения делается шаг к разрешению вопроса об эквивалентности предложений, которая оказывается в одних случаях эквивалентностью по денотату — это то, что мы называем *перифразами*, в других — эквивалентностью по сигнификату — мы используем при этом термин *трансформации*.

Таким образом, формализация предикатов не составляет самостоятельного раздела. Пожалуй, она даже составляет еще менее самостоятельную часть, чем формализация имен; это обстоятельство стоит в несомненной связи с тем, что предикаты не именуют. Формализация предикатов составляет часть формализации предложений, которая несколько подробнее рассматривается ниже (гл. VII). Заключая же данный раздел, ограничимся лишь первым шагом к формализации — различением терминов и соответствующих им понятий.

Имя в составе предложения обозначается в логике терминами *имя*, иногда *терм*, содержанием их является *понятие*, или *концепт*, или *сигнификат*. Понятие «предикат» в современной логике расщеплено на два аналогичным образом: на *предикатор* как часть предложения (иногда в логике, например у Карри, в этом смысле употребляется *глагол*) и *предикат* как его коррелят в плане содержания — в суждении, или пропозиции. Аналогичным образом расщепляются другие термины, что может быть представлено в такой системе [ср.: Карри 1969, 63]:

В предложении и в пропозициональной функции:	В суждении и в пропозиции:
<i>имя</i> , <i>терм</i> (в частности, <i>постоянная</i> и <i>переменная</i>)	<i>понятие</i> , <i>концепт</i> , <i>сигнификат</i>

предикатор, глагол

предикат, глагольная функция

коннектор

союз

оператор

операция

функтор

функция

Таким образом, рассмотренные выше в виде таксономии языковые сущности суть универсальные предикаты, выявляющиеся в конкретных языковых предикаторах каждого отдельного языка.

4. ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Что предикаты существуют в психике как-то иначе, чем имена, или «термы», — это очевидно. Особый статус предикатов прослеживается уже в истории письма: «Трудность перехода к словесному письму заключается в том, что человек лишь постепенно овладевал искусством связывать мнемонические знаки с отдельными элементами речи — словами. Как отмечает И. Фридрих, „часто особую трудность представляет осмысление глагола как самостоятельного слова“, ибо глагол обычно мыслится как звено, связывающее субъект и объект. Не случайно идеографический и словесный принципы часто сосуществуют в одной и той же системе письма» [Дьяконов 1979, 10].

В уже упоминавшемся нами эксперименте Дж. Миллера (см. гл. II, 6) 48 обследуемых слов были выбраны так, чтобы в одних значениях они были именами, а в других — глаголами. В другом эксперименте, подобном описанному, на карточках были указаны только глагольные значения этих слов. Картина получилась неожиданной и неясной: не выявилось ни одной сколько-нибудь отчетливой группировки. Миллер склонен объяснить это тем, что предикаты психологически классифицируются совсем не так, как имена предметов или понятий. Но как именно, осталось неясным.

В опытах лаборатории В. Д. Глезера в СССР было показано, что при опознании зрительно наблюдаемых ситуаций человек действует путем дихотомического разделения «областей неопределенности», причем предикаты, по-видимому, определяются первыми. Например, предьявляется такой рисунок: лиса ловит сачком бабочку, а рядом стоит козленок. При 40 миллисекундах, отведенных на опознание, человек ничего не видит; при 80 м/сек говорит, что

«кто-то поднял что-то на кого-то»; при 160 м/сек видит сачок и какое-то животное; и только при 320 м/сек опознает лису [Демидов 1978, 59].

Вопрос о психологическом статусе и реальности предикатных сущностей, конечно, нельзя отделить от вопроса о статусе форм предложения-высказывания. И если мы делаем здесь такое разделение, то лишь для последовательности изложения. Имеется, пожалуй, лишь одно фактическое соображение, чтобы затронуть предикаты вначале: психологический статус предложений связан с операциями (см. об идеях Ж. Пиаже в гл. I, 5), в то время как психологический статус предикатов подходит, по-видимому, к статусу категорий. И, собственно, указанием психологической связи между предикатами и категориями мы здесь и ограничимся. Предварительно напомним, что союзы, предлоги, кванторы и отрицания являются с современной точки зрения различными типами предикатов.

В своей ранней работе «Речь и мышление ребенка» (1922) Ж. Пиаже поставил вопрос о происхождении категории причинности в связи с генезисом категорий вообще. Он цитирует Э. Клапареда: «Логика старались каталогизировать различные вопросы или, скорее, виды суждений, которые являются соответственными ответами; эти же ученые дали название „категорий“ различным классам этих суждений-ответов. Перечисление видов вопросов не представляет большого интереса для психологов; вопросы, которые можно задавать себе, бесконечны...³ Интереснее спросить себя, какое биологическое происхождение этих различных категорий вопросов? Каким образом индивид пришел к тому, что спрашивает о причине, цели, месте и т. д.? Эта проблема происхождения сводится к тому, чтобы узнать, каким образом, мало-помалу, индивид стал интересоваться причиной, целью, местом и т. д. Мы вправе думать, что интерес к этим категориям возник только тогда, когда оказалось невозможным осуществить действие в отношении одной из них. Потребность создает сознание, а сознание причины (или цели, места и т. д.) блеснет в уме лишь тогда, когда чело-

³ Клапаред в этом пункте неправ: он, как это было обычно в его время, рассматривает категории Аристотеля лишь как некие «вопросы», которые автор, Стагирит, задает воображаемому собеседнику. Между тем сами вопросы предопределены наличными в языке предикатами (см. гл. III, 2).

век испытывает потребность в том, чтобы приспособиться в отношении причины (или цели и т. д.). . . Нет затруднения в применении, значит, нет потребности, а следовательно и нет осознания ни этой потребности, ни способа ее удовлетворения».

Прочитывая (шире, чем мы) это место, Ж. Пиаже продолжает: «Мы прочитывали это замечательное место потому, что в результате нашей работы мы можем лишь подписаться под ним. В одном отношении мы даже пошли дальше по пути функциональной психологии, полагая, что факт осознания категории преобразовывает ее в самой природе. Так мы приняли формулу: „Ребенок сам становится причиной гораздо раньше, чем получает понятие о причине“. . . В действительной жизни существует столько видов причинности, сколько видов или ступеней осознания. . . В этом отношении изучение категорий так, как этого желает Клапаред, — дело функциональной психологии, и закон осознания открывает нам очень широкие горизонты для этого изучения. Здесь психологи сталкиваются с историками науки и современными логиками» [Пиаже 1932, 224—225].

Изучая функции причинных союзов в речи детей различных возрастов, Пиаже показывает, как категория логической причинности, или причинности в собственном смысле слова, возникает лишь на последнем возрастном этапе (после 8 лет), а генетически предшествующие категории получают у Пиаже очень тонкое наименование «предпричинность». С понятием «предкатегория» вообще мы будем часто сталкиваться, рассматривая генезис семиологических категорий.

Первые «почему» задаются ребенком по поводу человеческих действий и несут функцию объяснения. Например, мать ребенка лежит на земле, малютка хочет ее поднять: «Ты ведь не мертвая, почему же ты не встаешь?» Вторые «почему» появляются по поводу мотивировок действий и формулировок правил, например когда ребенку запрещают рвать цветы в саду. И лишь на последнем этапе «почему» приобретают функцию логического включения. Например, если раньше на вопрос «Почему пять и пять не будет шесть?» ребенок отвечал причинностью мотивировки — «Потому что мальчик плохо считает», то теперь он начинает отвечать логической причинностью, ища логического обоснования в соотношении величин. Эти наблюдения Пиаже обобщает в следующей схеме:

Функция объяснения	{ Причинность
	{ Действительность, время и место
Смешанная функция	{ Мотивировка действий
	{ Обоснование правил
Функция включения	{ Классификация. Название
	{ Число. Логические отношения

Этапы, отмеченные для категории причинности в основном действительны и для других категорий. «Эта схема может показаться имеющей значение лишь для „почему“; но очевидно, что и другие виды вопросов, даже предшествующие „почему“, мало-помалу входят в нее. Например, вопросы о месте („Где?“ и т. д.) и вопросы названий („Что это такое?“). По мере того, как разъясняется функция объяснения, вопросы о месте все больше приобретают свойства группы вопросов действительности и истории, которым потребность в объяснении дает такое большое развитие. Что же касается вопросов о названиях, которые сначала независимы, не выделяются как таковые ни при объяснении, ни при обосновании или включении, то их функция включения изменяется по мере того, как развивается функция. Название предмета, первоначально слитое с самим предметом, постепенно становится у ребенка доступным для обоснования, как и все другие явления, и далее для обоснования логического (детская этимология). Вследствие этого вопросы названия все более и более связываются с функцией включения⁴. Так же обстоит дело с вопросами классификации и определения, так как определения сначала, как известно, просто утилитарные (определения по употреблению), потом становятся все более и более логичными» (Пиаже 1932, 228).

Применительно к предикатным выражениям наблюдения Пиаже могут быть дополнены некоторыми соображениями А. Брудного. Знак, в том числе слово, передает информацию. «Но что происходит с этим свойством, — писал упомянутый психолог, — когда знак находится вне состояния употребления? Естественно предположить, что в психике индивида существует, сохраняется значение знака, в данный момент не употребляемого». Выделяя затем некоторые типы таких «семантических состояний», автор считает, что по крайней мере одно из них можно рассматривать как тенденцию к «синтаксическому слипанию слов» в смысле Л. С. Выготского [Брудный 1964, 3, 8].

⁴ О назывании как функции включения в систему языка см. гл. II, 5.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ, ИЛИ ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ

Предложение, как и всё, было
принято радостно и единодушно.
(Пушкин. Гробовщик)

1. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ К ТАКСОНОМИИ

Мы собираемся изложить здесь взгляд, согласно которому таксономия в синтаксисе — это систематика структурных схем предложений. Образно говоря, каждая структурная схема представляет собой свободно плавающую сферу семантики, внутри которой реализуется некоторое, не до конца исчислимое количество типов предложений. Между некоторыми сферами имеются пробелы, семантические лакуны; другие сферы, напротив, соприкасаются и даже находят краями друг на друга, так что некоторые типы предложений могут быть равно отнесены более чем к одной сфере.

Поскольку структурная схема предложения не что иное, как пропозициональная функция, изложенное представление можно определить более четко. Сфера каждой структурной схемы определяется: 1) типом предикатора — языкового выражения предиката, обладающего собственной, предикатной, семантикой; 2) семантической сферой входящих в предикат имен, которая составляет предметную область; последняя совпадает с тем или иным отделом таксономии словаря, изложенной выше; 3) типом имени, главным образом имени субъекта, — индивидуное ли оно, общее или метаимя.

Структурная схема предложения, или пропозициональная функция, сама имеет форму утвердительного предложения, но содержит — на месте имен — переменные, определенные лишь указанным только что общим образом. Пропозициональные функции становятся предложениями при замене переменных определенными постоянными — именами.

Кроме того, пропозициональные функции превращаются в предложения и иным способом — с помощью квантора общности («Все x есть p »), квантора существования

(«Существуют такие x , что. . .») и с помощью отрицания. Поэтому кванторы и отрицания мы рассматриваем как предикаты, отличающиеся от остальных предикатов тем, что они применяются не к именам, а к целым пропозициональным функциям или предложениям [ср.: Клаус 1960, 70; Карри 1969, 62]. (Разумеется, роль отрицания в языке этим не исчерпывается, оно может применяться и к единицам Словаря-именам и к предикатам.)

Очевидно, что при таком подходе таксономию синтаксиса наиболее естественно строить сначала как систематику предикаторов, а затем модифицировать ее (подразделять, уточнять) в зависимости от таксономии имени субъекта (и далее — объекта). Вторая половина задачи равносильна описанию сочетаемости — в некоторых универсальных рамках — предикаторов с субъектами. Наконец, аналогично таксономии словаря синтаксическая таксономия дополняется описанием трансформаций и перифраз.

Изложенный взгляд и сама таксономия синтаксиса возможны далеко не во всяком лингвистическом направлении. Генеративные концепции, подчеркивающие взаимопереходы и преобразования синтаксических конструкций, в общем, не знают таксономии единиц. Иногда даже авторы, которые держатся вне генеративизма, скептически смотрят на возможность систематики предложений. «Фонемы, морфемы, слова (лексемы), — сравнительно недавно писал Э. Бенвенист, — могут быть пересчитаны. Их число конечно. Число предложений бесконечно. Фонемы, морфемы, слова (лексемы) имеют дистрибуцию на своем уровне и употребление на высшем. Для предложений не существует ни законов дистрибуции, ни законов употребления. . . (ср. иное мнение, с 145.— Ю. С.). Список употреблений предложения не может быть даже начат. Предложение — образование неопределенное, неограниченно варьирующееся; это сама жизнь языка в действии» [Бенвенист 1974, 139]. При этом, однако, Бенвенист исчерпывающе описал такие разделы синтаксической таксономии, как «именное предложение» (предложение Сущности, по нашей классификации), «быть»-предложение, «иметь»-предложение (в значительной части соотносимые с категорией «Обладание», или «Состояние», по нашей классификации), «относительное предложение» (сложное предложение), и употреблял понятие пропозициональной функции как основу подобных описаний.

Причина такого расхождения между успешной практикой синтаксической таксономии и скептическим взглядом на ее теорию объяснялась недостаточным обобщением понятия пропозициональной функции, или структурной схемы, или «типа» предложения. С устранением причины отпадают и следствия. Хотя в области синтаксической таксономии предстоит еще многое сделать, работа на этой основе представляется выполнимой. Общетаксонимическое обоснование дано Г. Б. Джаукяном [Джаукян 1978, 24 и след.].

Здесь, однако, можно сделать отступление, чтобы сказать о «третьем» пути в проблеме предложения — не «генеративистском» и не «таксономическом». Он связан с возрождением, на новом этапе, дистрибутивного подхода 1950-х годов и с включением предложения не в «систему», а в «текст». Речь идет, таким образом, о разработке на дистрибутивной основе «лингвистики текста». Одновременно вышли две работы этой ориентации [Звегинцев 1976; Harris 1976]. З. Хэррис на базе ранее разработанного понятия «совместной встречаемости» единиц в тексте, т. е. дистрибуции, предложил теперь различать две основные операции — «порядок вхождения» и «редукции», они же «парафразы». Примером первой может служить фрагмент текста *Неясно — ли*, где на место прочерка может быть подставлено, например, *Мери звонила*, т. е. *Неясно (Мери звонила) ли*. Примером второй операции, редукции или парафразы, может служить следующее: *Замороженные продукты сохраняются дольше* → *Это сохраняется дольше; Это замороженные продукты* → *Это сохраняется дольше; Это продукты; Продукты заморожены*. Путем такого последовательного «парафразирования» (т. е. перифразирования) сложные синтаксические последовательности сводятся к более простым. Р. Мартин на этой основе предложил формализацию понятия «перифраза» [Martin 1978, 147].

Нужно, однако, заметить, что явления, улавливаемые и формализуемые в системе З. Хэрриса, более последовательно описываются и формализуются в системе А. Вежбицкой [Wierzbicka 1969; 1972]. В советской лингвистике намечаются и иные подходы к тем же явлениям синтаксиса (см. в этой связи обзор О. И. Москальской, где, в частности, разбирается пример, аналогичный хэррисовскому [Москальская 1977, 51]. Упомянутая книга В. А. Звегинцева описывает неформальные аналоги хэрри-

совских процедур, включая их в более широкую концепцию «лингвистики текста».

Однако, как уже было сказано, решающий шаг в таксономии синтаксиса был сделан тогда, когда удалось обобщить и показать совпадение понятий «пропозициональная функция» (в его лингвистическом применении) и «структурная схема предложения». История этих понятий связана с работами Т. П. Ломтева и Н. Ю. Шведовой.

По Н. Ю. Шведовой, структурная схема предложения характеризуется следующими признаками: 1) в языке «структурная схема (образец минимального построения) предназначена для того, чтобы, будучи наполненной конкретным лексическим материалом, стать сообщением о какой-то действительности» [Шведова 1970, 541]; 2) лексическая семантика слов не является единственным моментом в отождествлении и различении структурных схем; 3) последняя, «безотносительно к ее конкретному лексическому наполнению, уже сама по себе является фактором, небезразличным для семантической структуры построенного по этой схеме предложения» [Шведова 1973, 461]; 4) структурная схема отвлекается не от отдельных конкретных высказываний, а от определенных их классов [Там же]; 5) «Словоформы, конструирующие структурную схему предложения, называются главными членами предложения. Таким образом, главный член предложения — категория его структурной схемы» [Шведова 1970, 546]. Во многих схемах русского языка главными членами выступают подлежащее и сказуемое, однако имеется немало и неподлежащно-сказуемых схем: *Пора ехать*; *Нельзя ехать*; *Никакого сомнения* и др. Понятие второстепенных членов предложения заменяется понятием различных распространителей схемы.

На этой основе были описаны и систематизированы основные типы предложений современного русского языка (результаты этой работы используются нами в данной книге). На той же основе О. И. Москальская [Москальская 1974] предложила различать а) «внутримодельные» и б) «межмодельные» преобразования (у автора — «процессы»), что было значительным шагом вперед. Но «трансформации» и «перифразы» в этой работе еще недостаточно разграничиваются и относятся в одну группу.

Т. П. Ломтев шел параллельным, но не во всем сходным путем. С самого начала он предложил специальные процедуры для восхождения от фактов речи — высказы-

ваний к типам предложений (для «отвлечения» структурных схем от наблюдаемых предложений, если выразить это в терминах Н. Ю. Шведовой). Концепция Ломтева характеризуется следующими (существенными для нашей задачи) положениями:

1) «Разрешение задачи тождества разных предложений данного ряда достигается при помощи различения в каждом предложении его переменных и постоянных элементов. Постоянный элемент предложения представляет собой форму слова, взятую с отвлечением от индивидуальности и конкретности лексического значения и морфологического строения. Постоянными элементами являются грамматические формы — единицы внутрипарадигматических противопоставлений и валентные свойства слов в данной форме, т. е. в данных единицах внутриграмматических противопоставлений. Переменными элементами являются индивидуальные значения данной грамматической формы и ее индивидуальный морфологический состав. Предложения *Иван интересовался книгой* и *Петр любовался луной* тождественны по составу постоянных элементов предложения и по характеру их отношений и различны по индивидуальным свойствам слов, т. е. по составу морфем слов и значений слов» [Ломтев 1976, 143]. «Отличие разных предложений языка, принадлежащих одному тождественному ряду, выражается в переменных элементах предложения. Тождество тех же предложений — в постоянных элементах предложения» [Там же, 145]. *Иван любит брата; Сидор ненавидит Петра; Максим презирает Федора; Брат любит сестру* — примеры таких отношений тождеств-различий. Уже в этом различении постоянных и определенных элементов видно приближение к понятию пропозициональной функции;

2) «Разрешение задачи установления тождества и различия, или нетождества, моделей предложения достигается с помощью разделения всех постоянных элементов одного предложения на необходимые и не необходимые» [Там же, 147]. Хотя с коммуникативной точки зрения все элементы предложения необходимы, однако необходимыми в собственном смысле слова будут лишь те, необходимость которых обусловлена потребностями постоянных элементов модели, остальные расцениваются как свободные. «Разные модели предложений тождественны, если обладают свойством тождества их все необходимые элементы, ср.: *Некий ненавидел некоего; Некий любил*

некоего. Они сохраняют свое тождество, если свободные элементы различны: *Некий любил некоего в прошлом году* и *Некий ненавидел некоего вчера*. Две разные модели, различающиеся по наличию или отсутствию свободных элементов, например в выражениях *Иван спал* и *Иван спал днем*, являются вариантами одной модели» [Там же]. Разделение элементов предложения на необходимые и не необходимые близко к различению «главных членов схемы» и «распространителей схемы» у Н. Ю. Шведовой;

3) сопоставление типов предложений либо по их постоянным, либо по их переменным элементам позволило Т. П. Ломтеву наметить важнейшее различие трансформаций от перифраз (термины у него другие) и обеих этих отношений — от несистемных отношений между типами. «Основанием тождества нескольких предложений может быть тождество постоянных элементов и различных переменных, например: *Петр любил Ивана; Федор презирал Сидора; Павел ненавидел Сергея* и т. д.» [Там же, 197]. Это, как сказали бы мы теперь, тождество предложений в пределах одного типа предиката, тождество пропозициональной функции. Ломтев продолжал: «Основанием тождества нескольких предложений может быть тождество переменных элементов и различие постоянных элементов. . . например: *Он поранил руку о стекло* и *Он поранил руку стеклом; Он ушиб ногу о камень* и *Он ушиб ногу камнем; Он вытер ноги о ковер* и *Он вытер ноги ковром* и т. д.» [Там же, 197]. Этот тип отношений мы назвали бы теперь перифразами. Но Ломтев относил к нему же и такие преобразования, как *Дом строили плотники* и *Дом строился плотниками* [Там же, 198], которые являются иным типом — трансформациями. Различение перифраз и трансформаций у Ломтева отсутствует.

Объясняется это, по-видимому, тем, что Ломтев, во всяком случае долгое время, считал возможным построить исчисление типов предложений и притом достигнуть этого на основе бинарного принципа поэлементных сопоставлений типов, подобно тому как исчисляются объекты в фонологической теории. Так, например, Ломтев строил следующую матрицу типов, противопоставленных по двум основаниям: 00. *Уборщица убирает помещение*; 10. *Помещение убирается уборщицей*; 01. *Помещение убирают*; 11. *Помещение убирается* [Там же, 163]. Между тем очевидно, что некоторые из этих предложений являются трансформациями одного предиката, т. е. трансформациями

друг друга — 00 и 10, а другие относятся к предикатам совсем иного типа.

Структурные схемы предложений, будучи отличными одна от другой, противопоставлены не поэлементно, а в целом — на недискретном основании. Подобно этому противопоставлены графические знаки алфавита — буквы, например: О — А, О — К и т. п.

Лишь в одной из последних работ (1969) Т. П. Ломтев сильно изменил свое представление о структурной схеме, или модели, предложения, подчеркнув отличие от концепции генеративизма Н. Хомского и от концепции Н. Ю. Шведовой. Оба названных подхода он объединил на том основании, что они базируются на представлении предложения как субъектно-предикатной структуры. Им он противопоставил другой способ описания структуры предложения, основанный на «представлении структуры содержания высказывания как системы с отношениями, или, иначе, как функции от нескольких (возможно, и одного) аргументов», и присоединился к этому подходу [Там же, 208—209] (подход Т. П. Ломтева позже был применен к материалу французского языка Л. И. Илия [Илия 1979, 127]).

Таким образом, полностью осуществить синтез понятия структурной схемы, или модели, предложения с понятием пропозициональной функции в то время не удалось, но были созданы все предпосылки для этого.

Далее понятия структурной схемы предложения и пропозициональной функции отождествляются. Но путь к этому, как мы видели выше, лежит через создание таксономии предикатов, или пропозициональных функций в узком понимании — без определения «области значений» входящих в них имен, в частности имен субъектов.

2. ОСНОВНАЯ ТАКСОНОМИЯ ПО ПРЕДИКАТАМ. 10 КАТЕГОРИЙ — 10 ТИПОВ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Полная таксономия синтаксиса должна включать соотнесение категорий предикатов (по крайней мере десяти предикатов Аристотеля) с категориями таксономии имен (по крайней мере указанных в предыдущем разделе). Уже при этих минимальных параметрах возможны: 10 предикатов \times 5 предметных классов («Вещи», «Растения» и т. д.) \times 3 типа общности (индивидуальные, общие, метаимена) = 150 классов структурных схем. Часть из них

окажется пустой, во всяком случае для ряда языков; часть же должна будет опять-таки, по крайней мере для некоторых языков, получить дальнейшие подразделения. Очевидно, что представить такую таксономию в сколь угодно полном перечне здесь невозможно, да и нет необходимости. Речь идет о выработке некоторых основных рубрик.

Мы поступим здесь следующим образом. На материале современного русского языка будет указана для каждого типа предиката возможность его соотнесения с некоторым субъектом, т. е. наличие по крайней мере одной структурной схемы в каждой рубрике. Мы убедимся, что ни одна рубрика предиката не остается пустой и для большинства рубрик имеется более чем одна структурная схема. Для сравнения используется наиболее полный в настоящее время список структурных схем, данный в академической грамматике современного русского языка под редакцией Н. Ю. Шведовой (новое издание), где их приводится около 40 (весь список «Грамматики» приводится вслед за тем). Если соответствующая схема имеется в списке «Грамматики», то ее номер по этому списку указывается в круглых скобках после схемы. Если в этом списке схема отсутствует, а нам представляется необходимым ее установить, то круглые скобки оставляются пустыми. Нетрудно убедиться, что большинство наших схем соответствует списку «Грамматики» и имеет вполне точные или достаточно близкие соответствия в английском и французском языках.

Таким образом, приводимая ниже классификация является достаточно полной по типу предикатов, «со стороны предикатов» и лишь иллюстративной по типу субъектов, «со стороны субъектов». В следующих разделах она будет пополнена материалом языков других групп и другой типологии и развита в «сторону субъектов».

1. *Сущность*

Под категорию «Сущность» подводится обширная группа структурных схем, которую мы назовем предложениями условного тождества. Эта группа объединяет довольно разные в логико-лингвистическом отношении типы предложений. Их общей чертой, которая одна только и учитывается в данном случае, является то, что их предикат может быть описан (заменен) словами со значением

«то же самое, что», «равно, равняется» и т. п.: *Война есть акт человеческого общения*. (Клаузевиц, О войне, II, 14, 3)

Сюда же относятся предложения безусловного тождества, или определения, отличительным признаком которых является то, что они могут быть обращены, т. е. части, стоящие справа и слева от связки (или ее эквивалента, например интонационной паузы), можно поменять местами: *Земля — это третья от Солнца планета. — Третья от Солнца планета — это Земля.*

Сюда же относятся и разные типы предложений идентификации, при условии что сохраняется указанная выше общая черта, например: *Автор «Вэверлея» — Вальтер Скотт и Вальтер Скотт — автор «Вэверлея»* (), об обращении которых можно говорить только в определенном смысле, и др. [см.: Арутюнова 1976б, 284 и след.].

Академическая «Грамматика» описывает следующие структурные схемы, которые мы подводим под эту рубрику: *Мой брат — учитель* (4); *Его мечта — летать* (9); *Учиться — необходимость* (11); *Руководить — значит проверять*; *Сомневаться — это искать* (12). Главные предикаторы этой категории — имена существительные неиндивидуальные, а также инфинитивы глагола¹. Сюда же, по-видимому, нужно отнести предложения с квантором всеобщности *Все люди — братья* (см. гл. IV, 4). Разные типы предложений условного тождества подробнее рассматриваются дальше (XI, 2).

2. Количество

Схемы с предикатом количества в русском языке достаточно своеобразны:

Миллионы — вас. Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы.

Попробуйте, сравните с нами!

(Блок, Скифы)

Академическая «Грамматика» учитывает их в следующем виде: *Нас пятеро; Окон в комнате — три; Полок с книгами — шестнадцать* (); *Дел много; Времени*

¹ В этом разделе здесь и всюду, где предикаты перечисляются в терминах морфологии, например «имена существительные», «наречия» и т. д., это нужно понимать так: «предикаторы, морфологически тождественные существительным, наречиям и т. д.», но с синтаксической точки зрения это именно формы предикатов — предикаторы. В дальнейшем эта оговорка не делается.

мало (17). Главные предикаторы — количественные числительные и наречия (*много, мало, уйма, тьма, пропасть* и т. п.).

3. Качество

Это один из основных типов предложений, более важный и универсальный, чем предложения категории «Количество»:

Пусть говорят: *любовь крылата, —
Смерть окрыленное стократ.*

(Мандельштам,
Твое чудесное произношение)

Ср. еще: *Снег бел; Трава зелена; Ребенок послушен* (6); *Снег — белый; Трава — зеленая; Ребенок — послушный* (5). Главные предикаторы — прилагательные.

Различие между полными и краткими формами прилагательных в позиции предиката в современном русском языке в научной литературе категоризовано не бесспорно. В. В. Виноградов считает, что лишь обозначения временных свойств могут иметь полную и краткую форму, тогда как качества, являющиеся неподвижными, постоянными, вневременными, не могут выражаться краткой формой, ср.: *он глух || глухой, но глухой ворот рубашки, глухая стена; он жив || живой, но живая природа, живое существо; настой густ || густой, но густой голос*. Но он же отмечает: «В сущности, при предикативном употреблении полных форм имен прилагательных происходит подведение тех или иных предметов под известные категории качества или признака, которыми определяются различия родов и видов вещей и лиц» [Виноградов 1972, 214]. Иными словами, выражение с полным прилагательным в предикате означает в сущности подведение под вид, например *Краска — густая* значит «Эта краска — густая краска», и предикатное выражение *густая* есть разновидность эллипсиса вместо *густая краска*. Поэтому различие между краткой и полной формами прилагательного в русском языке можно категоризовать и иначе — не по отношению к постоянству или временности признака, т. е. не семантически, а синтаксически, по функции в предложении, сказав, что только качества, могущие быть предикатами, имеют в русском языке краткую форму (наравне с полной). Их можно назвать *предикативами*.

Заметна тенденция русского языка сближать краткие формы с категорией личности, т. е. употреблять их с субъек-

тами — именами лиц: *Писатель свободен*, но *Страна — свободная*, ср.:

Поглядишь, как несметно
разрастается зло, —
слава богу, мы смертны,
не увидим всего.

(Вознесенский,
Реплика в дискуссии об экологии)

Собственно говоря, такие упомянутые выше случаи, когда возможны обе формы, в противоположность случаям с только полной формой — *зол* || *злой*, но *злой ветер*; *глух* || *глухой*, но *глухой угол*; *жив* || *живой*, но *живое существо* и т. п. — естественно описать как предикаты лиц в противопоставлении предикатам нелиц. Если имеются краткие формы от тех же корней и для предикатов нелиц, то последние предикаты резко отходят в значении и становятся омонимами к первым: ср. *Писатель свободен* — *Туалет свободен*; *Кавалер хорош (собой)* — *Дом хорош*; *Директор прост* — *Секрет прост* и т. п. Предикаты с краткой формой сближаются с предикаторами категории 7 (Положение) и категории 8 (Состояние).

Нужно заметить, что и краткие предикативы русского языка (*Трава зелена*) и соответствующие предикаты нефузионных языков тоже могут рассматриваться как форма подведения под класс: в сущности, английские и немецкие выражения типа *The grass is green*; *Das Gras ist grün* значат букв. «Трава есть зеленое», что не так уж далеко от предложений типа «Эта краска — густая краска». Однако эти же языки используют все же свои ограниченные флективные возможности для отличения собственно предикативов: ср. англ. чистые предикативы *alike*, *alive*, *aloof*, *akin* и т. п. в отличие от прилагательных с тем же или близким значением *like* 'похожий', *living* 'живой', *remote* 'отдаленный', *kin* 'родственный' и т. п.; французский язык последовательно, хотя и в необширном классе, противопоставляет выражения атрибутивного типа *l'homme froid* 'холодный человек', *il est froid* 'он холоден' (со связкой *быть*) выражениям предикативного типа *il a froid* 'ему холодно' (со связкой *иметь*).

4. Отношение (Соотнесенное)

Сюда относятся такие типы предложений, как *Истина сильнее царя*, *говорит священное писание* (Пушкин, Письма); *Москва больше Ленинграда*; *Золото дороже серебра*; *Оля*

ему ближе Пети; Охота пуще неволи (т. е. сильнее неволи); Петя Оле не брат. Главные предикаторы — сравнительные степени прилагательных, наречий и имена с относительными значениями — «брат», «отец», «мать», «родственник», «сосед» (например, *Он нам сосед*) и т. п.

Предложения этого типа оказались в современной логике одним из фрагментов того материала, который заставил пересмотреть традиционную аристотелевскую форму суждения «S есть P». Действительно, в таких предложениях, как *Москва больше Ленинграда* или *Точка А лежит между точками В и С*, первый термин не является единственным субъектом, все термины — субъекты: *Москва* и *Ленинград*; *точка А*, *точка В* и *точка С*. Суждения этого типа только весьма искусственной и искажающей операцией можно свести к классической форме суждения: «Москва есть нечто большее, чем Ленинград» или «Точка А является лежащей между точками В и С».

В рамках структурных схем этого типа в русском языке нейтрализуются различия между прилагательными-предикативами и наречиями-предикативами. Например, *Ящик — из дерева* (наречная группа) \Leftrightarrow *Ящик деревянный*; *Оля к нему близко, а Петя от него далеко* (наречия) \Leftrightarrow *Оля к нему ближе Пети; Оля ему близка, а Петя ему далек* \Leftrightarrow *Оля ему ближе Пети*. Напротив, в русском языке в этом типе предиката проводится различие пространственной близости — *к нему* и близости духовной — *ему*. Последнюю, впрочем, точнее было бы, по-видимому, определить как «непространственную близость лиц», так как соответствующее различие в предикате имеет силу обычно при субъектах-лицах:

*Тебе я милой не была,
Ты мне постыл. А пытка длилась. . .*

(Ахматова,
О, жизнь без завтрашнего дня!)

Ср. еще: *Он мне не друг; Он мне не брат; Она жена мне; Ольга ему не пара*. Но нельзя сказать: **Этот шкаф не пара тому; Наша корова не сестра вашей*. Возможно, к этой же рубрике следует отнести такие предложения, как *Этот ящик — из дерева* (схема 8 по академической «Грамматике»).

5. Где? (Место)

В современном русском языке эта структурная схема опознается очень легко благодаря тому, что не требует глагола — предикатом служит указание места:

Я — где корни слепые
Ищут корма во тьме;
Я — где с облачком пыли
Ходит рожь на холме;

Я — где крик петушиный
На заре по росе;
Я — где ваши машины
Воздух рвут на шоссе.

(Ггардовский,
Я убит подо Ржевом)

Естественные предикаторы — наречия и наречные словосочетания (подробнее см. гл. IV, 5). Из академической «Грамматики» сюда можно отнести некоторые схемы типа 8: *Мать — в саду; Друзья — рядом*. Но такие схемы, как *Письмо — из Москвы*, ставят проблему — быть может, их следует рассматривать под категорией «Отношение», как мы и поступили с одним типом (также из № 8 «Грамматики») — *Ящик — из дерева*.

6. Когда? (Время)

Эта схема во многом симметрична предыдущей:

Я не верую в чудо.
Я не снег, не звезда,
и я больше не буду
никогда, никогда.

(Евтушенко,
Идут белые снеги)

Сюда же относятся такие схемы, как *Собрание — сегодня; Свадьба — 25 марта; Юбилей — в этом году; Юбилей был (будет) в марте*. Главные предикаторы, как и в схеме категории «Место», — наречия и наречные словосочетания.

7. Положение

Это один из основных предикатов русского языка, к нему относятся, как главные предикаторы, непереходные и невозвратные глаголы, не требующие третьего члена в предложении, ср.:

Поезд опаздывает.
Исправник берет.
Общество возмущается.
Родители волнуются.
Издание конфискуется.
Министерство сменяется.
Банкир отрицает.

Редактора сажают.
Капусту тоже сажают.
Дело откладывается.
Старожилы не запоминают.
Собрание распускают.
Барин сердится.
Дума готовится.

Но, с другой стороны, отрицательные схемы в некоторых типах несут особый предикат — с квантором отрицания и как таковые должны рассматриваться особо.

По-видимому, к этой же категории нужно отнести схему с неопределенно-личными и безличными предикатами при условии непереходности последних: *Стучат; Кричат* (24) и *Светает; Морозит* (23). Разница между ними проходит не по линии собственно предиката, а по линии субъекта — «лицо» — «нелицо», как предикаты же они могут считаться тождественными. Однако здесь возникает проблема: не та же ли это категория, что следующая — «Состояние (Обладание)»? С семантической точки зрения разделение предикатов *Морозит* (Положение) и *Мороз* (Состояние) кажется искусственным. Основания для их соединения рассматриваются ниже.

Если *Морозит* отнесено к категории «Положение», то сюда же логично присоединить и предикаты типа *Воды прибывает; Грибов повылезло* (3). Однако различия между двумя последними в числе субъекта и времени глагола могут оказаться существенными и навеять иное решение.

8. Состояние (Обладание)

К этой категории относятся два характернейших типа предложений современного русского языка: состояние обладания — *У меня. . . ; У меня есть. . .* и просто состояние — *Мне холодно; Мне больно; Мне спится*; ср.: *Мне было, как если бы человеку взрослому вернулось бы его детство* (Пришвин, Осударева дорога).

Из академической «Грамматики» сюда отнесем схемы: *Мне холодно, грустно, весело* (30); *Хочется узнать* (2); *Ребенок обут; Учитель уважаем; Заводы восстановлены* (7); *Кататься весело; Ждать мучительно* (13); *Пора ехать; Нельзя оставаться* (14); *Видно следы; Не видно следы || следов* (15); *Наготовлено запасов; Подтверждения не получено* (16); *Натоплено; Натоптано; Так заведено; Закрыто* (31). Главные предикаторы — «У. . . (есть)» и так называемая категория состояния.

Этот тип предложений стоит в генетической связи с перфектом индоевропейских языков и прямо соответствует древнегреческому предикату этой рубрики. В русском языке одна его разновидность известна под названием «категория состояния» (подробнее см. ниже, гл. XI, 46). Кроме того, этот тип предложений стоит в связи, также ге-

нетической и универсально семантической, с типами категории 10 (Претерпевание), так как в обеих большую роль играет категория неопределенной личности. Ср. из предположений группы (Состояние):

Ездит старик, продает понемногу,
Рады ему, да и он-то того:
Выпито вечно и сыт, слава богу.

(Некрасов,
Дядюшка Яков)

С в и с т н у т о, не спорю, — снисходительно заметил Коровьев, — действительно *с в и с т н у т о*, но, если говорить беспристрастно, *с в и с т н у т о* очень средне (Булгаков, Мастер и Маргарита, 31); *П и т о* с утра, видно (Трифонов, Старик).

9. Действие

Это один из основных предикатов русского языка, под него подводятся как его главные предикаторы все прямопереходные и косвенно переходные глаголы, требующие обязательного дополнения: *Мальчик читает книгу* (); *Я пишу брату* (); *Дрова колют или топором, или колуном* (); *Эта болезнь лечится только покоем* () (подробнее см. гл. XI, 3).

10. Претерпевание (Страдание)

Первое побуждение — отнести сюда пассивные конструкции типа *Книга читается мальчиком; Дрова колются или топором, или колуном; Дом строится рабочими* и т. п. Но они представляют собой в русском языке (как и в других современных индоевропейских языках) всего лишь трансформации предыдущего предиката — «Действия» и как таковые и должны рассматриваться, не вызывая пересечения рубрик (ведь во всех других случаях рубрики не связаны отношениями трансформации). Таким образом, категория 10 остается как будто бы пустой.

Основания, по которым Аристотель ее заполнил, заключались, по-видимому, в том, что в его языке неотчетливо противопоставлялись: а) формы пассива, б) формы медиального залога как действия для себя, в) формы медиального залога со значением типа русского «его режут, его жгут», где пассивность соединена с идеей неопределенной личности. С точки зрения древнегреческого языка все три

предиката можно было рассматривать как нечто целое, как достаточно единый класс.

После того как мы признали целесообразным не включать сюда пассивные трансформации активных предикатов, рассмотрим аналоги греческих типов «б» и «в». Тип «б», формы медиального залога со значением действия для себя, покрываются в русском языке другими предикатами, в частности категории 7 — *Я смотрю; Я слушаю; Мальчик спит; Телега поворачивается* и категории 9 — *Они выбрали его деканом* (подразумевается «себе»); *Рабочий получает заработную плату* и т. п. Остается тип «в», в котором идея пассивности соединена с идеей неопределенной личности действующего агента. Этот тип имеет аналоги в русском языке, до сих пор не распределенные по предикатам нашей схемы, их сюда и относим: *Меня трясет; Знобит* (23); *Меня зовут; Меня ругают* ().

Что касается схемы типа *Ночью спят; Здесь не курят; Шумят* (24), которые, по крайней мере с точки зрения схематизации «Грамматики русского языка», представляются тождественными схемам *Меня зовут; Меня ругают*, то они все же отделяются от последних, притом совершенно на том же основании, на каком схемы категории 7, одноместные предикаты (*Лес шумит; Дети веселятся*), отделяются от схем категории 9, многоместных предикатов (*Мальчик читает книгу; Все спят*). Таким образом, *Мальчик спит* (категория 7) так же противопоставляется *Мальчик читает книгу* (категория 9), как *Ночью спят* (категория 7) противопоставляется *Меня зовут*. Последний тип и выделяется в особую категорию 10 — «Претерпевание».

Этот тип можно было бы, как кажется на первый взгляд, отнести к категории 9 (Действие) на том же основании, что и *Мальчик читает книгу*. Но этому препятствует разное отношение к трансформации пассивизации. В категории 9 при субъекте-лице и объекте-нелице возможна трансформация пассивизации: *Мальчик читает книгу* → *Книга читается мальчиком; Я читаю книгу* → *Книга читается мною*, и эта трансформация запрещена только в том случае, если и субъект и объект равно лица: *Врач лечит мальчика* не дает трансформации **Мальчик лечится врачом* (во всяком случае, в норме русской речи), точно так же как *Врач лечит меня* не дает трансформации **Я лечусь врачом*. В обоих случаях в предикатном имени здесь должно быть имя инструмента, лечебного средства —

аспирином, прогреванием; и если второе имя — лицо, то вместо трансформации применяется перифраза: *Мальчик лечится у врача; Я лечусь у врача.*

В случаях же типа *Меня зовут; Меня ругают; Меня посылают в Африку* субъект-агент действия (реальный субъект) — всегда лицо, хотя и неопределенное. Поэтому трансформация пассивизации здесь запрещена всегда (ср. **Я зовусь; *Я ругаюсь кем-то; *Я посылаюсь в Африку*). Можно сказать, что схема *Меня зовут; Меня ругают; Меня посылают* не что иное, как перифраза к отсутствующим основным формам типа «Некто неопределенный во множественном числе зовет меня», «Некто неопределенный во множественном числе меня ругает» и т. д. Все это и является основанием для выделения таких схем в особую рубрику 10 (Претерпевание).

Заметим, что она оказывается достаточно распространенной, если не универсальной. Так, например, полным аналогом русскому является специфический тип испанского языка, так называемый *pasiva refleja: se construye(n) casas* букв. 'строится (так!) дома' или, как вариант, 'строятся дома' (подробнее этот тип рассматривается ниже).

Здесь для сравнения приведем список структурных схем простых предложений современного русского языка по данным «Русской грамматики» (т. 2. Синтаксис. М., 1980, с. 95 и след.).

1. Двухкомпонентные схемы

1. Со спрягаемой формой глагола.

А. Подлежаще-сказуемые: 1) *Лес шумит; Дети веселятся.*

Б. Не подлежаще-сказуемые: 2) *Запрещается шуметь; Хочется узнать; 3) Воды убывает; Друзей не находится; Несчастья не случилось.*

2. Без спрягаемой формы глагола.

А. С лексически свободными компонентами.

1. Подлежаще-сказуемые: а) с координируемыми компонентами: 4) *Брат — учитель; Москва — столица; Знание — сила; 5) Ребенок послушный; Утро свежее; 6) Ребенок послушен; Ночь тиха; 7) Учитель уважаем; Заводы восстановлены;*

б) с некоординируемыми компонентами: 8) *Мать — в саду; Ящик — из дерева; Друзья рядом; 9) (Его) мечта — летать; Задача — учиться; 10) Экскурсии — это инте-*

ресно; Помощник — это хорошо; 11) Учиться — необходимость; Победить — (наша) цель; 12) Руководить — значит проверять; Сомневаться — это искать; 13) Кататься весело; Ждать мучительно.

2. Не подлежащно-сказуемые: 14) Пора ехать; Нельзя оставаться; 15) Видно следы; Не видно следы/следов; Жаль книгу/книги; 16) Наготовлено запасов; Подтверждения не получено; 17) Много дел; Мало времени; Довольно неприятностей.

Б. С лексически несвободными компонентами: 18) Нет сомнений; Нет времени; Нет друга; 19) Ни облачка; Ни звука; Ни намека; 20) Никого знакомых; Ничего нового; 21) Никакого (ни единого, ни малейшего) сомнения, никакой надежды; 22) Некому работать; Не о чем спорить; Невкуда идти.

II. Однокомпонентные схемы

1. Спрягаемо-глагольный класс: 23) Светает; Трясет; Знобит; 24) Стучат; Кричат.

2. Неспрягаемо-глагольные классы. А. Именной класс: 25) Ночь; Тишина; Ссора; Обморок; 26) Народу! Цветов! Разговоров! 27) Хлеба и зрелищ! (Ваши) документы! 28) (Ему) рады; (В школе) удивлены.

Б. Инфинитивный класс: 29) Не пройти; Цвести садам; Молчать!

В. Наречный класс: 30) Холодно; Грустно; Весело; 31) Натоптано; (Так) заведено; Закрыто.

Фразеологизованные схемы: А. С союзами: Люди как люди; Нет чтобы. . . и др. Б. С предложениями; с частицами; с междометиями; с местоимениями.

Из сопоставления видно, что распределение структурных схем по категориям Аристотеля покрывает почти всю рубрику «Грамматики». Нераспределенными остаются только три типа схем: во-первых, так называемые фразеологизованные, идиоматичные схемы русского языка, что вполне естественно; во-вторых, часть схем типа 3 по нумерации «Грамматики» — Друзей не находится; Несчастья не случилось, которые, с одной стороны, идиоматичны, а с другой — соприкасаются с отрицательными схемами и в конечном счете, по-видимому, могут быть распределены; в-третьих, весь класс отрицательных схем (18—22). Предложения с отрицанием вообще составляют особую, весьма сложную проблему, которой мы здесь не касаемся (см.,

впрочем, замечание в гл. IV, 4, о связи понятия отрицания с понятием «ложь», («не истина»).

Как уже отмечалось, всем десяти рубрикам таксономии могут быть легко найдены соответствующие предикатные схемы других индоевропейских языков. В существенной части эта таксономия может претендовать и на внеиндоевропейскую применимость, т. е. на универсальность (см. гл. X и XI).

Путь к универсальному применению схематизации Аристотеля лежит через обобщение рубрик, что, как мы видели выше, предпринял еще сам Стагирит. Из материалов этого раздела также можно видеть, что некоторые рубрики-категории естественно группируются попарно: 2 (Количество) и 3 (Качество); 5 (Место) и 6 (Время); 7 (Положение) и 8 (Обладание, Состояние); 9 (Действие) и 10 (Претерпевание). Далее, 2 (Количество), 3 (Качество), 7 (Положение), 8 (Обладание), в свою очередь, группируются как одноместные предикаты. С другой стороны, 5 (Место), 6 (Время), 9 (Действие), 10 (Претерпевание) группируются как многоместные предикаты. Категория 4 (Соотнесенное) может быть присоединена к последней группе на том основании, что предикат в ней тоже многоместный. Категория 1 (Сущность) остается вне групп. Таким образом, и с этой стороны мы получаем три основные группы, которые были намечены самим Аристотелем: I (Сущность), II (Свойства или Состояния), III (Отношения или Соотнесенное). Эти группы являются вполне универсальными, не исключая и искусственных логических языков. В самом деле, в логике «классы» (что соответствует «Сущности»), «свойства» и «отношения» обычно рассматриваются как основные предикаты.

3. ОСНОВНАЯ ТАКСОНОМИЯ ПО СУБЪЕКТАМ.

«Я»-ПРЕДЛОЖЕНИЯ; «ОН»-ПРЕДЛОЖЕНИЯ; «ОНО»-ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Отношение самого автора к этому разделу двойственное. С одной стороны, очевидно, что в данном его виде он слишком краток и фрагментарен. С другой стороны, такой раздел совершенно необходим, и без него, собственно, данная книга имела бы гораздо меньше оснований называться семиологической грамматикой. В нем соединяются семиологические темы, намеченные, иногда порознь, в других разделах.

Предложение — двоякая сущность, состоящая из субъекта и предиката. Поэтому основная таксономия, основанная на 10 предикатах, недостаточна. Уже в таксономии по предикатам были отмечены некоторые характерные связи того или иного предиката с тем или иным, одушевленным или неодушевленным, личным или неличным, определенным или неопределенным, субъектом. В этом разделе подобные связи предстоит упорядочить и классифицировать.

Начнем с примеров из русского языка. Известно, например, что предикаты цели (встречающиеся в собственном виде только в сложных предложениях со словом *чтобы* или его семантическим эквивалентом) сочетаются всегда только с субъектами, способными к целенаправленной деятельности — лицами прежде всего. Невозможно предложение **Камень упал, чтобы ударить собаку*; ограниченно возможно *Человек упал, чтобы уклониться от удара*, где глагол *упал* выступает, скорее, в несобственном значении целенаправленного, произвольного действия «броситься на землю»; зато вполне возможно *Человек взял камень, чтобы ударить собаку*. Ограниченно возможны, в зависимости от мирозерцания говорящего и его взглядов на разумность животных, такие фразы, как *Собака отбежала, чтобы не попасть под удар*.

Основная глагольная категория русского языка — вид — существенно ограничена в употреблении характером субъекта. При ряде переходных глаголов субъект-лицо допускает как совершенный, так и несовершенный вид, тогда как субъект-вещь — только несовершенный: *Отряд окружал || окружил усадьбу, но Забор окружал (а не окружил) усадьбу; Рабочий подпирал || подпер потолок бревном, но Бревно подпирало (а не подперло) потолок; Милые руки обхватывали || обхватили ее белоснежную шею, но Бархатка обхватывала (а не обхватила) ее белоснежную шею и т. п.* При постановке совершенного вида с субъектом-вещью или субъект персонафицируется — *Веревка обхватила ее шею*, или предложение приобретает комический оттенок — *Мать и дочь жили одиноко, обнесенные садом* (фраза, подмеченная М. Горьким у начинающего писателя), ср. нормальное: *Дома стояли одиноко, обнесенные садом*. Ограничения, отмеченные в этом абзаце, могут рассматриваться как частный случай употребления предикатов цели: приведенные глаголы, когда они выступают в каузативном значении, разновидности целевого

значения, имеют полную парадигму — совершенный и несовершенный виды и сочетаются в норме только с целеполагающими субъектами. Те же глаголы, когда они выступают в значении действия-состояния, имеют, в сущности, неполную парадигму — только несовершенный вид и в таком случае могут сочетаться с разными субъектами. В самом деле, *ломать палку* описывает состояние некоторого субъекта, но *сломаť палку* — достижение результата, который может рассматриваться как цель. Предложение *Он сломал палку, чтобы сделать из нее колышков для палатки* естественно. Предложение *Он ломал палку, чтобы сделать колышков для палатки* приемлемо лишь с ограничениями, в определенной ситуации, ср. вполне приемлемые *Он ломал палку, хотел сделать из нее колышков. . .* или *Он начал ломать палку, чтобы. . .*

Наконец, из упомянутых случаев, в свою очередь, можно выделить еще более специальный тип: одна и та же лексема в переходном употреблении требует личного или по крайней мере одушевленного субъекта, а в непереходном допускает субъект-вещь: *Мужчина бреет бороду — Бритва плохо бреет; Мальчик пишет карандашом — Карандаш совсем не пишет; Возчик повернул телегу — Телега повернула* и т. п. И наконец, архаический тип: *Метелью навалило снегу — Снегу навалило* (но не **Снег навалил*).

В идеале полная таксономия предложений, ранжированная со стороны субъектов, должна включать три основные рубрики, соответствующие трем классификациям в таксономии имен:

1) предложения с субъектами «Вещь», предложения с субъектами «Растение», предложения с субъектами «Животные», предложения с субъектами «Человек, Люди»; эта таксономия, несомненно, выявит многие своеобразные черты в семантике синтаксиса, остающиеся в настоящее время еще не описанными и лишь смутно угадываемыми исследователями — не всегда с должной атрибуцией причин;

2) предложения с индивидуальными субъектами, предложения с субъектами — общими именами, предложения с субъектами-метаименами; такая таксономия уже в значительной части создана, и некоторые различия описаны, начиная с основополагающей работы Б. Рассела об определенных дескрипциях; отчасти мы касаемся этой таксономии ниже, говоря о предложениях с кванторами;

3) предложения с субъектами типа «одушевленное» против предложений с субъектами типа «неодушевленное» — рубрикация, которая поглощает более детальные и дробные рубрикации первой упомянутой классификации и которая тем самым вскрывает некоторые более общие черты, ускользающие при первой; приведенные вначале примеры относятся как раз к этой таксономии, и, собственно, ею мы и ограничимся в этом разделе.

В этой таксономии мы выделим три группы предложений по характеру их субъекта (мы увидим в дальнейшем, что он в значительной степени предрешает характер предиката): «я»-предложения, «он»-предложения, «оно»-предложения. Названия эти, конечно, условны и выбраны лишь для краткости.

«Я»-предложения, как показывает их название, — это предложения, которые произносятся от лица «я» — самого говорящего. Субъектом их может выступать только обозначение этого лица — местоимение «я», соответствующий глагольный показатель, иногда сопровождающий, иногда заменяющий местоимение, или в редких случаях вместо «я» — имя существительное, причем тогда на 1-е лицо указывает глагол. Субъект-говорящий может быть обозначен и местоимением в иной форме, например в рус. *мне* (*Мне больно, холодно*), но отнесение таких предложений к данной группе составляет проблему.

«Я»-предложения характеризуются целым рядом черт, свойственных только им. Если для «классических» предложений типа *Листья дерева зелены; Жучка — собака; Закат пылал; Сын уехал в город* и т. п. верно, что их субъект выполняет одновременно две функции — референции к внешнему миру и индивидуализации — выделения называемого предмета из некоторого множества, то для «я»-предложений эта характеристика не подходит. Субъект «я», очевидно, индивидуализирует; собственно, «я» — это высшая степень индивидуализации, которая может быть достигнута средствами языка. Но о функции референции к внешнему миру можно говорить только с большими ограничениями и в известном смысле нельзя говорить вовсе. В самом деле, при «я» референция в прямом смысле термина производится только в случае эмфатического ударения на «я», как ответ на вопрос «Кто делает?» — *Я уезжаю; Я делал доклад*, в смысле «не кто-то другой», но это как раз случай нетипичный. В типичном случае «я» не устанавливает референции помимо индивидуализации

и не требует никакой предварительно установленной референции, никакой «пресуппозиции референции или существования»: субъект речи предполагается существующим уже самим фактом речи. Поэтому если предложения типа *Наш Иван Иванович уехал* предполагают либо полную референцию идентифицирующего типа — выделение *нашего Ивана Ивановича* из нескольких наличных, либо пресуппозицию существования — *Есть у нас сосед, Иван Иванович. Наш Иван Иванович. . .*, то «я»-предложения в обиходном языке этих операций не предполагают. «Я мыслю, следовательно, я существую» — основание философского рассуждения, а не обиходного утверждения о том, что, например, «Я промочил ноги».

С этой особенностью «я»-субъекта — отсутствием в нем отдельной функции референции — связаны особенности предиката: в наиболее типичном предложении с «я» — утверждении о чем-то, что происходит с «я», — утверждаемое относится как раз не к внешнему миру, а к внутреннему состоянию «я»: «Я радуюсь»; «Я страдаю»; «Я зябну»; «Я обещаю»; «Я собираюсь уехать» и т. п. Даже предложения действия или «внешнего состояния», в том случае, когда их субъектом выступает «я» — «Я иду», по существу являются нечленимыми и выражают «состояние субъекта». Это прозорливо отметил еще В. Вундт [Wundt 1893, 156].

Целый ряд предикатов, прежде всего перформативные и модальные глаголы, является таковыми только в сочетании с «я»-субъектом. В самом деле, только выражения *Я клянусь; Я обещаю; Я, как директор, приказываю* и т. п. (перформативные) и *Я могу; Я хочу; Я намерен* и т. п. (модальные) выражают клятву, обещание, возможность, волю, намерение и т. п. Будучи приписанными любому иному лицу, кроме лица говорящего, они выражают нечто совсем иное, хотя по внешности и похожее: не акт клятвы, а утверждение, звучащее как клятва (*Он клянется*), не возможность, а вероятность (*Он может приехать* = «Он говорит, что может. . .») или «Я считаю, что он может...» или «Может быть, он придет») (см. также гл. VIII).

Наконец, целый ряд предикатов вообще не может сочетаться с лицом «я»; таковы глаголы *размокать, рассыпаться, разваливаться, рассыжаться, луциться, трескаться, ломаться, печься, вариться* и т. п., взятые, конечно, не в метафорическом значении.

Отмеченные здесь особенности «я»-предложений играют в действительности очень большую роль в истории конкретных языков. Так, ими обусловлены особенности происхождения русских глагольных видов и балтийских глагольных диатез (см. гл. XI, 3, 4).

«Он» - предложение. Это название более условно, чем предыдущее, так как местоимение «он» не является ни единственным, ни, вообще говоря, самым естественным обозначением «третьего лица». Последнее, в наиболее типичном и массовом случае, связывается с именем существительным любого вида и типа — личным и вещным, индивидуальным и общим, прямым и трансформированным. Но название «он»-предложения все же имеет помимо краткости то удобство, что отличает их, с одной стороны, от предложений с субъектом «я», с другой стороны, от предложений, где субъектом выступает всегда «третье лицо», но никогда не «Человек», — от «оно»-предложений. Это промежуточное положение «он»-предложений между двумя полюсами отражается в сложности их внутреннего строения: их субъектами могут выступать названия людей, животных, растений, абстрактных сущностей и соответственно предикатами — столь же широкий круг выражений. Субъекты «он»-предложений одновременно выполняют две равно развитые функции — референции и индивидуализации.

Внутри класса «он»-предложений проходит малоприметная и в действительности обычно не замечаемая исследователями, но весьма существенная внутренняя граница. Одни предложения могут быть приписаны субъекту «я» и произнесены от лица говорящего, другие, такого же внешнего строения, этого не допускают. Рассмотрим подробнее один случай. Выше мы уже видели, что явно или скрыто каузативные глаголы имеют своим субъектом всегда активно действующее, целеполагающее существо — прежде всего «Человек». Таковым является и субъект русского глагола *сидиться* (о чем говорит и его внутренняя форма *сидить + себя*). Но в семантически связанном с ним глаголе *сесть*, а также в глаголе *сидеть* субъект уже не активен. Если во всех случаях это «Человек», то, воспользовавшись терминологией А. Вежбицкой [Wierzbicka 1969, 75], можно сказать, что это не один и тот же «Человек». В первом случае «Человек» выступает как особая сущность, «тело и дух», и именно этот случай

может быть семантически описан как «Человек заставляет себя сесть или сидеть» и безоговорочно приписан субъекту «я» как особой сущности. Во втором и третьем случаях — *сесть* и *сидеть* субъектом выступает по существу «Человек как тело» и семантическое описание должно быть иным — «Тело человека принимает сидячее положение», «Тело человека сидит». Ср. в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова: «*Сидеть* — паходиться в неподвижном положении, при котором туловище опирается на что-нибудь своей нижней частью, а ноги согнуты или вытянуты». Субъекту «я» такие предложения, конечно, могут быть приписаны, но их семантическое описание от этого не изменится: «Тело человека, называющего себя „я“, находится в неподвижном положении. . .» и т. д. Поэтому глаголы одной и той же семьи, означающие три фазы движения — *садиться* — *сесть* — *сидеть*, имеют различные субъекты и тяготеют к двум полярным типам предложений: *садиться* — к «я»-предложениям, а *сесть* и *сидеть* — к «он»-предложениям. Этой двойственностью глаголов, означающих подобные «движения тела», объясняется их своеобразная роль в развитии видовой системы славянских языков (см. гл. XI, 4).

Таковыми же причинами объясняются странные на первый взгляд факты лексики древних индоевропейских языков: одна и та же лексема в 1-м лице настоящего времени означает активное действие, имеющее субъектом человека, тогда как в 3-м лице аориста та же лексема означает пассивное состояние, имеющее субъектом вещь. Например, др.-греч. *σήπω* 'гною' — *σάπη* 'нечто сгнило', *ἄγυρι* 'ломаю' — *ἔαγη* 'нечто сломалось'. Общеславянский глагол *иметь* испытал именно такое структурирование: глагол действия *имати* 'хватать, брать' связан преимущественно с «я»-субъектами и далее вообще с активными субъектами группы «Человек», в то время как глагол состояния *имѣти*, по происхождению надстроенный над формами индоевропейского аориста на -ѣ (такого же, как приведенные выше древнегреческие), не знает таких ограничений в субъекте и благодаря этому стал наиболее общим глаголом обладания.

«О н о» - предложения (их можно назвать «локус»-предложениями, ср. гл. II, 2) противопоставлены всем предыдущим тем, что их субъектом может выступать только нечто неодушевленное и даже не вещное. Субъектами таких предложений выступают в широком смысле

слова — указания места и времени: *На дворе сыро; Там темно; В купе накурено; Здесь слишком затоплено; Сегодня пасмурно.*

Такие субъекты осуществляют только функцию референции к внешнему миру, но о функции индивидуализации здесь говорить, конечно, нельзя. Отсутствие индивидуализации соответствует форма субъекта: он выражается в русском языке обычно наречием или наречным словосочетанием и, строго говоря, не является именем в том смысле слова, в каком именем является отдельное имя существительное. Развитию таких предложений в русском языке способствует относительно свободный порядок слов в русском синтаксисе. При нейтральном, неэмфатическом порядке слов первая по порядку именная группа становится субъектом, а все предложение — предложением рассматриваемого типа, ср.: *Гости — в саду* — «классическое» номинативное предложение с субъектом-именем *гости*, но *В саду — гости* — «оно»-предложение, «локус»-предложение с субъектом-местом *в саду*.

В языках с несвободным порядком слов такой тип все же существует, хотя реализуется другими средствами. Так, во французском языке он выражается так называемой парцелляцией, рассечением предложения и вынесением обстоятельственной группы слов на первое место, вынесенная группа становится субъектом: *Les invités sont dans le jardin — Dans le jardin, les invités*, или иначе — показателем «существования» *il y a*: *Il y a des invités dans le jardin.*

4. ПРЕДЛОЖЕНИЯ С КВАНТОРАМИ И ОТРИЦАНИЕМ: С КВАНТОРОМ ОБЩНОСТИ; С КВАНТОРОМ СУЩЕСТВОВАНИЯ; С ОТРИЦАНИЕМ

Квантор общности, квантор существования, отрицание можно рассматривать как предикаты, точнее — предикаторы, которые применяются не к именам, как остальные предикаты, а к целым предложениям или пропозициональным функциям. Иными словами, это — предикаты как бы со «встроенным субъектом». Во всяком случае, такое определение применимо к предложениям с квантором общности, субъект которых всегда является словом *все* или сопровождается этим словом (или его семантическим эквивалентом), и к предложениям с квантором существования, субъект которых — слово *некоторые* (или его семантиче-

ский эквивалент). Что касается предложения с отрицанием, то по крайней мере в некоторых случаях — и именно так обстоит дело в русском языке, где имеются специальные структурные схемы отрицательных предложений, — их также можно рассматривать как предложения со «встроенным субъектом» особого типа.

Нужно, однако, иметь в виду, что слово «предикат» или «предикатор» и соответствующая им операция «предикация» понимаются при этом не вполне так, как применительно к другим, «обычным» предикатам, перечисленным выше. Там под предикатом понималось языковое выражение, содержащее пустые места для имен, и определение «областей определения» для этих имен приводит к превращению предиката в пропозициональную функцию, а заполнение определенных таким образом мест для переменных соответствующими отдельными именами-постоянными приводит далее к превращению пропозициональной функции в предложение.

Аналогия кванторов и отрицания (в том случае, когда последнее относится ко всему предложению или пропозициональной функции) заключается в том, что, помещая впереди пропозициональной функции квантор общности, квантор существования или отрицание, так же как и заменяя переменные определенным (индивидуальным) именем, мы получаем предложения-суждения. В первом случае мы получаем общее суждение, во втором — суждение существования (в определенной мере соответствующее частному суждению), в третьем — единичное суждение [ср.: Клаус 1960, 266]. Приведем примеры:

1) предложение *Подлинные ученые — искатели истины* может быть переписано с введением квантора общности ($\forall x$): *Все подлинные ученые — искатели истины*. Как уже отмечалось, это предложение содержит переменную, которая, будучи переменной под знаком квантора, является не свободной, а связанной переменной. Это делается очевидным при таком семантическом описании: «Для всякого x , если x подлинный ученый, то x является также искателем истины» [ср.: Клаус 1960, 75]. В естественном языке предложения со словами *всегда*, *всякий*, *каждый* и т. п. часто являются травестируемыми формами предложений с квантором общности;

2) предложение *Некоторые студенты — философы* может быть переписано с введением квантора существо-

вания ($\exists x$): «Существует такой x , что x является как студентом, так и философом» [ср.: Клаус 1960, 76; Russell 1956, 43]. В естественном языке квантор существования часто выступает в форме слов *некоторые, многие, иногда* и т. п.;

3) пропозициональная функция из сферы математики $x + 3 = x + 4$ может быть превращена в предложение введением квантора отрицания «Не существует такого x , что $x + 3 = x + 4$ » [Клаус 1960, 75].

Необходимо отличать предложения с простым предикатом существования, означающим «нечто существует» и являющимся частным случаем категории 7 (Положение) — *Лес шумит; Ребенок сидит; Любовь существует; Машина есть*, от предиката с квантором существования «Существует такой x , что. . .» Суждения с квантором существования не утверждают, что существует определенная вещь, не утверждают существование как свойство, они говорят только, что существуют вещи, обладающие определенным свойством — тем именно, которое указано после союза *что*, или вещи, находящиеся в определенном отношении к другим вещам [Там же, 74].

Предикаты с квантором существования, кроме тех случаев, когда они выражаются в травестированной форме со словами *некоторые, иногда, несколько* и т. п., имеют в европейских языках особую — собственную — форму: англ. *There is a. . .*; франц. *Il y a. . .*; рус. (с глаголом на первом месте) *Есть один (такой, некий) человек. . .*; *Есть такая машина. . .*, за которыми следует указание свойства или отношения, характеризующее данный предмет или предметы. В современном русском языке последнее присоединяется союзом *что* или бессоюзным способом: *Есть такая машина, что с ее помощью можно. . .* Такие предикаты играют важнейшую роль в семантико-синтаксической системе языка, являясь основанием различных трансформаций и перифраз, а также предложений идентификации, индивидуализации, определенных дескрипций (эквивалентов индивидуальных имен) и т. д.

В старых индоевропейских языках предложения последнего типа выражались обычно бессоюзным сочетанием двух простых предложений такого вида *Есть человек — Хорошо топоры кует*, т. е. «Есть один человек, который хорошо кует топоры». Этот тип подробно рассмотрен А. Потемней, который приводит такие, в частности, примеры: *Прислал человека, Иваном зовут; Есть пещера,*

изъ тоя пещеры исходит источник и т. п. [Потебня 1968, 248].

Сравнение двух разновидностей одного синтаксического типа, но принадлежащих к разным периодам истории, важно потому, что открывает естественные связи предложений в языке, а тем самым проливает свет на природу их логических взаимоотношений. Продолжая эту линию наблюдений, можно сказать, что два типа кванторов и синтаксическое отрицание, т. е. отрицание, относящееся ко всему предложению, тесно связаны исторически, а значит, и логически.

В старых индоевропейских языках, например в латинском, действовало так называемое правило подлежащего, согласно которому предикат, если он был выражен именем, не мог быть конкретнее, «индивидунее», чем субъект. Поэтому, например, на вопрос «Кто это?» (*Quis est?*), требующий отождествления, в латинском языке давался ответ не «Это я», а «Я есмь». Связь же отрицания с кванторами находит выражение в следующих особенностях. Если отождествление было отрицательным, то в латинском языке формула ответа содержала местоимение среднего рода в качестве подлежащего, вполне аналогично современному русскому. Это кажущееся отклонение от названной выше закономерности на самом деле есть та же закономерность в ином проявлении. Субстанции мы приписываем как необходимый атрибут существование; отрицая существование, мы отрицаем самую субстанцию. Отрицаемый предмет не есть более предмет, ср. рус.: *Пришел один человек, но: Не пришло ни одного человека.*

Даже если отрицаемая субстанция выражена словом с конкретным значением, она делается гораздо менее конкретной, чем при утверждении, а связанное с этим словом местоимение среднего рода делается относительно конкретнее и становится подлежащим: *pec soror illud erat* (*Virg., Aen.*) 'и не сон то было'.

То, что кажется исключением из правила, например местоимение среднего рода в значении подлежащего при конкретном существительном, на самом деле также подчиняется правилу, так как в подобных случаях выражение содержит скрытое отрицание, например: *Si hoc profectio et non fuga est* (*Liv.*) 'Если это отъезд, а не бегство', в сущности, равняется 'Если это не бегство, а отъезд' — *Si hoc non fuga, sed profectio est.*

Испанский язык, сохранивший до сего времени кое-какие пережитки «правила подлежащего», как можно

назвать указанную закономерность, предпочитает иногда отрицать глагол там, где мы ожидали бы отрицания подлежащего: *Este hombre no vino* в значении «Не этот человек приходил»; постановка отрицания при подлежащем по-испански в таком типе предложений совершенно невозможна.

Проявление той же тенденции в своеобразной форме находим и во французском языке, где в нередких случаях поступают с отрицанием таким же образом, как в нашем испанском примере. Выражение *Tout ce qui reluit n'est pas or* имеет значение «Не все, что блестит, — золото». Но первый и буквальный смысл приведенного предложения иной: «Все, что блестит, — не золото».

Самая форма осуществления этой тенденции весьма напоминает то явление, которое было подмечено в латинском ответе «Я есмь» на вопрос «Кто это?» Как латинский язык, не имея особого типа предложения для выражения некоторого значения, прибегал для этой цели к использованию другого предложения, имевшего свой, несколько не похожий на данный, смысл, так и французский совмещает два различных значения (суждения) в одной форме предложения. Причем второе значение не выводится из компонентов предложения в их связи, а закреплено за предложением в целом. Отрицательные предложения подробнее рассмотрены в других работах [Степанов 1975, 261—265; Падучева 1969; Бродский 1973; Богуславский 1979].

Введение в таксономию предложений трех названных здесь типов является дополнением к основной таксономии синтаксиса, основанной на категоризации предикатов Аристотеля. Это дополнение отвечает, со стороны лингвистики, одному из основных изменений, произведенных в современной логике по сравнению с классической логикой Аристотеля.

5. ПОДЛЕЖАЩЕЕ И СКАЗУЕМОЕ (СУБЪЕКТ И ПРЕДИКАТ).

ИХ СЕМИОЛОГИЧЕСКИЙ ГРАММАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Подлежащее, или субъект, мы определим как первую по порядку именную группу (в частном случае — одно имя) в предложении с нейтральным порядком слов. Это определение является последовательно семиологиче-

ским и исходит из предложения как основной данности языка.

Соображения о морфологии слова, определяемого как подлежащее, в частности наличие у него формы именительного, или независимого, или «субъектного» падежа, являются не решающими, а лишь второстепенными в той мере, в какой сама морфология рассматривается лишь как техника семантики и синтаксиса.

Данное определение предполагает две предпосылки. Во-первых, оно относится к отдельному, рассматриваемому вне контекста предложению; предложение в тексте является — по отношению к данному анализу — специальным частным случаем, и, следовательно, данное определение должно дополняться в связи с «грамматикой текста»; можно показать (здесь это выходит за рамки нашей задачи), что такое дополнение не влечет отказа от основного определения. Во-вторых, это определение предполагает, что мы умеем определять, применительно к каждому анализируемому языку, основной, или нейтральный, неэмфатический порядок слов; со времени появления работы Дж. Гринберга об универсалиях порядка слов [Гринберг 1970] эта задача может считаться решенной; очевидно, впрочем, что, с другой стороны, если рассматривать не изолированное предложение, а некоторую их последовательность, та же задача опять-таки связана с «грамматикой текста».

Во всех случаях, упомянутых выше (во всех 10 категориях), структурные схемы русского языка выписывались в «стандартном», или нейтральном, с точки зрения стиля и эмоций виде, и в этой форме место субъекта всегда находится в линейном отношении перед предикатом, или слева от него. В большинстве случаев — в схемах категорий 1 (Сущность), 3 (Качество), 4 (Отношение), 5 (Место), 6 (Время), 7 (Положение), 9 (Действие) — это место занято именем существительным в им. падеже, и особой проблемы не возникает.

Что касается остальных схем, то соответствующее место в структуре схемы занято словом, морфологически не тождественным имени существительному в им. падеже. С точки зрения семиологической концепции все эти слова являются субъектами структурных схем, вполне тождественными всем остальным, «нормальным» субъектам (или, если угодно, они являются «синтаксическими субъектами»,

но в последнем, обособляющем термине вряд ли есть необходимость). Таким образом, в схеме категории 2 (Количество) будут субъектами слова в род. падеже: *нас* (*Нас пятеро*), *окон* (*Окон в комнате три*), *полок* (*Полок с книгами шестнадцать*), *времени* (*Времени мало*) и т. п. В схеме категории 8 (Обладание) субъектом будут формы *у меня* (*У меня температура*), *мне* (*Мне холодно*) и их аналоги в другой «части речи», в существительном — *у мамы*, *у семьи*, *у целого народа*; *маме*, *семье*, *целому народу* и т. п. В схеме категории 10 субъектом будут формы типа *меня* (*Меня ругают, посылают*) и их аналоги в существительном (*Комиссию выбирают*).

Проблему на первый взгляд составляет анализ случаев типа *В комнате холод*. Но это проблема кажущаяся; она легко разрешается, если соблюдать последовательность анализа.

Во-первых, схема *В комнате холод* — не первичная, а трансформированная из схемы *В комнате холодно*, и имя *холод* является здесь не первичным конкретным существительным, а «именем состояния» — трансформом предиката *холодно*. Это качество имени *холод* само по себе уже открывает возможность трактовать его как имя в позиции предиката, хотя, конечно, еще не требует такой трактовки.

Во-вторых, мы должны установить «стандартный», нейтральный порядок слов для данной схемы. Им, очевидно, будет приведенный порядок, ср.: *В комнате холод*; *У меня в комнате холод*; *У меня холод*; *У меня головная боль* — и иной, не нейтральный порядок: *Холод в комнате!* *Холод у меня!* *Головная боль у меня!*

Таким образом, в схеме *В комнате холод* субъектом является *в комнате* и предикатом — *холод*.

Мы видим, что в современном русском языке многое при анализе структурных схем зависит от определения нейтрального порядка слов. Там, где этот порядок определяется неоднозначно, неопределенным будет и заключение о субъекте и предикате схемы. Так обстоит дело со схемами типа *На дворе мороз*. *Мороз* является здесь абстракцией безличного предиката *морозит*, «именем состояния», как и в случае *холод* в приведенном выше примере. Таким образом, открываются те же две возможности трактовки. Если мы признаем нейтральный порядок слов *Мороз на дворе*, то слово *мороз* должно быть признано субъектом, а *на дворе* — предикатом. Такая трактовка

находит опору в предложениях категории 5 (Место) *Мать — на дворе*. Если же мы признаем нейтральным порядок слов *На дворе мороз* (к чему склоняется и автор), то должны будем признать *на дворе* субъектом, а *мороз* предикатом. Субъект — категория, которая естественно мыслится в терминах пространства.

Грамматический анализ с целью выявления субъекта и предиката всегда предполагает выход за рамки данного анализируемого предложения (точно так же, как требуется такой выход для анализа модальностей). Здесь мы ограничимся выходом не в текстовые связи предложения, не в «грамматику текста», а в его парадигматические связи, а это прежде всего рассмотрение перифраз. Таким образом, мы используем здесь материал, более подробно рассматриваемый ниже (гл. VI).

Приведем примеры на материале русского языка. Первая группа примеров связана с так называемыми перифразами эмпатии (говорящий смотрит на одно и то же событие с разных точек зрения):

Гости — в саду — подлежащее *гости*; предикат категории «Место» — *в саду*;

В саду — гости — подлежащее *в саду*; предикат *гости* трансформированный; *гости* выступает как обозначение события;

Нас двое в купе — подлежащее *нас*, предикат категории «Количество» — *двое* или, при другом прочтении (другом членении) предложения, предикат — *двое в купе*, который может быть расценен как предикат категории «Место» или как совмещенный (это — *имбрикация*) из двух;

В купе нас двое — подлежащее *в купе*, предикат — *нас двое*, который должен быть расценен как совмещенный (*имбрикация*) из двух, или трансформированный.

Вообще, обозначение места выступает естественным субъектом в предложениях русского языка, какова бы ни была форма обозначения места: *Там темно* — подлежащее *там*; *Здесь жарко* — подлежащее *здесь*; *У мальчика — два яблока* — подлежащее *у мальчика*; *У мальчика сломалась игрушка* — подлежащее *у мальчика*; *У нее сын болен* — подлежащее *у нее*; однако, вообще говоря, предложения последнего типа ставят проблему «совмещенных субъектов», которую мы здесь не рассматриваем; заметим, что в свете этой проблемы можно считать, что подлежащее здесь — *у нее сын*, а приведенное выше предложение *В купе нас двое* может рассматриваться как предложение

не с совмещенным предикатом, а с совмещенным подлежащим — подлежащее *в купе нас*.

К такому пониманию подлежащего шла не только семиологическая грамматика, но и вся грамматическая теория в русистике последних лет. Так, Г. А. Золотова в «Очерке функционального синтаксиса русского языка» отмечала, что морфологическое описание именной группы «У + род. падеж» с семантико-синтаксической точки зрения неудовлетворительно потому, что скрывает разные синтаксические сущности: с одной стороны, *У деда сад*; *У нее сын* — категорию посессивности, с другой стороны, *У лукоморья дуб зеленый*; *У ворот скамья* — категорию места и что синтаксические, а не морфологические формы слова должны расцениваться как первичные единицы синтаксиса [Золотова 1973, 125 и др.; ср.: Шмелев 1976, 69; Колшанский 1979].

В том же плане тонкий семантико-синтаксический анализ был дан в работе Д. Н. Шмелева «Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке», в результате чего было сформулировано важное общее положение: «Только по отношению к сравнительно немногим словоформам, которые вступают в предикативную связь друг с другом, можно сказать, что они совместимы таким образом со сказуемым, представленным спрягаемой формой глагола, и подлежащим, представленным именительным падежом имени» [Шмелев 1976, 39]. В типологическом плане на материале иносистемных языков этот вопрос аналогично решает Е. А. Кибрик [Кибрик 1979].

На основании этих работ можно дать следующую семиологическую формулировку: подлежащее в именительном (или любом субъектном) падеже и сказуемое в форме спрягаемого глагола являются лишь частным случаем подлежащего и сказуемого, представленных в простом номинативном предложении; особенности этого частного случая нельзя обобщать и распространять (экстраполировать) на предложение вообще, в частности на все типы предложений современного русского языка. После этого делается вполне понятным определение, данное в начале этого раздела.

Это определение является универсальным и, кроме того, лингвистическим и логическим одновременно: лингвистическое (языковое) и логическое подлежащее при таком определении совпадают. Естественно употреблять поэтому термин «субъект» вместо термина «под-

лежащее» (соответственно «предикат» вместо «сказуемое») Таким образом, «подлежащее» есть частный случай субъекта: подлежащее — это субъект номинативного предложения, чаще всего номинативно-глагольного предложения, выраженный именем существительным в им. падеже или ином «субъектном» падеже.

В настоящее время подобные описания в грамматике перешли в весьма конкретную фазу грамматического разбора предложения. Показательна в этом отношении недавняя статья Г. А. Золотовой, где автор, в частности, пишет: «Формально носитель признака (т. е. в нашей терминологии именно „семиологическое грамматическое подлежащее“. — Ю. С.) получает выражение, соответственно своему значению, в формах локативных: *На дворе (за окном, здесь) мороз (морозно, морозит)* — характеристика состояния среды (ср. *В купе душно*); *В комнате стол и стул*; *В комнате двое*; *Кругом цветы* — пространственная среда предикативно характеризуется наличием названных предметов (ср. *В купе много народу*; *В купе два пассажира*). В случаях избыточности значения локатив в речи часто эллиптически опускается, хотя позиция его остается и может быть занята так же, как позиция именительного падежа субъекта в номинативно-глагольных предложениях» [Золотова 1979, 18].

Продолжим теперь наблюдения в плане семиологической грамматики, используя прием перифраз, а именно «перифразы семантического следования». Сама эта процедура основана на обращении, конверсии, «длинного семантического компонента» предложения. Эта процедура равносильна изменению семантической доминации — от субъекта к предикату или, напротив, от предиката к субъекту.

Сами понятия длинного семантического компонента и доминации рассматриваются ниже, и, таким образом, основание под указанный вид перифраз подводится позже. Здесь воспользуемся более наглядным фактом, отмеченным в таксономии структурных схем или пропозициональных функций: они допускают попарное сближение. Так, уже было отмечено сближение по форме — числу мест в предикате: 2 (Количество) и 3 (Качество), 5 (Место) и 6 (Время), 7 (Положение) и 8 (Обладание, Состояние), 9 (Действие) и 10 (Претерпевание).

Если теперь — что мы и сделаем на материале русского синтаксиса — наполнить соответствующие схемы доста-

точно одинаковым лексическим материалом, то сближенные попарно схемы окажутся перифразами друг друга, например: *Мальчик зябнет* (7 — Положение) ↔ *Мальчику зябко* (8 — Обладание, Состояние). Первая из них является в таком случае схемой с субъектной доминацией, а вторая — с предикатной.

В современном русском языке противопоставлены следующие предикатные схемы с субъектной доминацией схемам с предикатной доминацией (см. гл. IV, 2):

1) Положение (7) против Состояния (8): *Лес шумит; Все спят; Ребенок сидит; Дети веселятся* против *В лесу шумно; Всем спится; Ребенку (не) сидится; Детям весело*; аналогично противопоставлены предикаты существования: *Машина есть. . .; Белка есть, свисток будет* против *Есть (одна, такая) машина. . .; Будет вам и белка, будет и свисток* (Некрасов) и т. д.;

2) Действие (9) против Претерпевания (10): *Все ругают мальчика; Он выбран деканом; Я считаюсь прилежным; Дрова в доме не колются* против *Мальчика ругают; Его выбрали деканом; Меня считают прилежным; Дрова в доме не колют* и т. п.;

3) Место (5) против Состояния (8): *Гости в саду; Друзья рядом; Письмо — из Москвы* против *В саду — гости; Рядом — друзья; Из Москвы — письмо, из Клина — посылка* и т. п.

Следует заметить, что перемещение предметного имени из позиции «классического» субъекта (*Гости в саду*) в позицию предиката (*В саду — гости*) обращает его в имя события или состояния, даже при его исходной индивидуальности. Так, *В саду — мать* заставляет оценить «мать, находящуюся в саду» как обозначение ситуации, того, что происходит в саду;

4) Время (6) против Состояния (8), аналогично предыдущему противопоставлению: *Собрание — сегодня; Свадьба — 25 марта; Юбилей — в этом году* против *Сегодня собрание; 25 марта — свадьба; В этом году — юбилей* и т. п. Обычное при предикате времени имя события вполне естественно и с одинаковой легкостью занимает позицию субъекта или перемещается в позицию предиката.

У лингвистов, стоящих на «морфологической» точке зрения (которая здесь, как уже было сказано, не разделяется), такие мены в субъекте вызывают утверждения об «исчезновении подлежащего», «трудностях с подлежащим»

и т. п. В действительности субъект, или подлежащее, при этом остается и — при нейтральном, неэмфатическом порядке слов — всегда занимает первое место.

Сравним еще литературный пример — образец естественной русской фразы с «неопределенным» (морфологически рассуждая) подлежащим:

Родимая!
Ну как заснуть в метель?
В трубе так жалобно
И так протяжно стонет.

(Есенин, Ответ)

В метель — подлежащее (локатив), *ну как заснуть* — сказуемое, инверсия здесь, можно сказать, «нейтральна», так как предложение — восклицательное. В следующем предложении *в трубе* — подлежащее (тоже локатив) при безличном глаголе. «Безличность» глагола здесь опять-таки определение не синтаксическое, а морфологическое, в составе же предложения безличный глагол соединен с подлежащим-локативом.

Проведенный семиологический анализ и соответствующее ему определение подлежащего являются необходимым дополнением к понятию структурной схемы.

Кроме того, этот анализ и определение соответствуют точке зрения современной логики. Согласно последней, если в предложении имеется несколько термов-имен, входящих в один предикат, то различие между именами — с точки зрения того, какой из них будет субъектом, а какой «объектом», — лежит только в мере их индивидуности: субъектом будет абсолютно индивидуальное имя или наиболее индивидуальное из нескольких термов. Если же меры индивидуальности у всех термов одинаковы, то различие между субъектом и объектами вообще не принципиально, и в некотором смысле этого различия не существует. Так, с точки зрения современной логики все предложения с отношениями типа *Москва больше Ленинграда*, или *Охотник убивает оленя*, или *Петя — отец Вани* являются предложениями с двумя субъектами или двумя объектами безразлично: это просто предложения с двумя термами равной меры индивидуальности.

Это положение может рассматриваться как основа формализации семиологического определения подлежащего. С этой точки зрения нет никакого различия между «грамматическим», «семантическим», «логическим» подлежащим, так же как нет его между «подлежащим» и «субъектом».

ТРАНСФОРМАЦИИ

Петь захотела душа, как тела изменяются
в виды
Новые. Боги! Теперь — поскольку от вас
перемены —
Дайте замыслам ход. . .

(Овидий. *Метаморфозы*, I)

Все эти бесконечные превращения, которым посвящены «Метаморфозы». . . не продиктованы ли такими же бесконечными превращениями судьбы, которыми была полна римская история времен Овидия? . .

(А. Лосев.

Овидий. «Античная литература». М., 1973)

1. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Глава о трансформациях является в некотором роде расширением таксономии. Мы коснемся сначала трансформаций имен и предикатов, затем — предложений. Если таксономия имен и предикатов содержит систематику простейших семантических единиц (значений лексем), то раздел трансформаций охватывает некоторые преобразования этих единиц.

Под трансформациями здесь понимаются прежде всего преобразования предикаторов в имена и имен в предикаторы, например: *белый* → *белизна*, *болезненный* → *болезненность*, *бежать* → *бег*, *бегать* → *бегание*, *учитель* → *учительствовать*, *ужин* → *ужинать* и т. п. При этом, как видно из примеров, сюда относятся лишь такие преобразования, при которых сохраняется частичное тождество формы — корень или основа слова и определенное тождество семантики. Преобразования лексем с полной заменой означаемого, например *врач* → *лечить* (вместо *врачевать*), выделяются в особый раздел классификации — «Перифразы». В каком именно смысле идет речь о сохранении семантики, подробнее рассматривается ниже.

Систематика — синхронная дисциплина. Поэтому, выражаясь точнее, предмет раздела трансформации как расширения систематики — просто иные отношения между таксономическими единицами, не находящие себе места в предыдущих разделах таксономии, но эти отношения могут рассматриваться как трансформации одних единиц

в другие. Хотя с исторической точки зрения словарные единицы действительно часто возникают таким путем и хотя, как будет видно и из приводимых ниже примеров, некоторые трансформации действительно используются говорящими для производства новых словарных единиц, но, вообще говоря, трансформации в этом смысле — «условно динамическая» точка зрения. Она всегда существовала в языковедческой таксономии. Уже древние грамматисты применяли названия «падеж», «склонение» как если бы некоторые формы были действительно первичными, например им. падеж, а остальные формы — как бы отклонениями от первичных, происходящими в момент речи. В действительности, конечно, все формы даны одновременно, а что касается падежей, то с исторической точки зрения некоторые косвенные падежи предшествуют прямым.

Но если трансформации редко используются для создания устойчивых единиц словаря, то, напротив, они постоянно выступают как одно из двух главных средств — наряду с лерифразами — создания высказываний. В свою очередь, они и создаются путем преобразования высказываний-предложений. Вообще, можно сказать, что все трансформации, о которых идет здесь речь, опосредованы высказыванием-предложением. Так, например, реальное употребление абстракции качества типа *белизна снега* в общей форме *белизна чего-то* (почти всегда с сопровождающим родительным) свидетельствует о том, что между *бел* и *белизна* посредствует предикативная форма — высказывание типа *Снег бел* или в общем виде «Нечто бело».

В каком именно смысле между трансформированными единицами сохраняется тождество семантики — это особая, весьма сложная проблема. Предварительно мы определим трансформации как такие преобразования лексем, при которых сохраняется тождество смысла, сигнификата, но меняется денотат. Меню денотата не нужно понимать здесь чисто предметно — как *перенос* названия с одного предмета на другой; она включает в себя и такие случаи, когда предметом называния становится вместо предмета понятие о нем, т. е. слово *называет понятие* (об этом упоминалось в гл. II, 2).

Как уже очевидно из предыдущего, мены такого рода могут быть связаны с перемещением слова из позиции субъекта, в которой оно называет предмет и имеет в нем свой денотат, в позицию предиката, в которой оно назы-

вает только некое понятие, сигнификат. Например, случай первого рода — *Человек* вышел в космос, случай второго рода — *Сократ* — *человек*. Трансформации такого типа исследованы и формализованы Фреге [Фреге 1978] и описаны Н. Д. Арутюновой [Арутюнова 1976б, 336 и след.]. Однако в некотором смысле подобные мены — не трансформации или трансформации лишь в семантическом отношении, так как в плане означающего ничего не меняется. Мы обратим здесь главное внимание на трансформации в полном смысле слова. Обширной сферой подобных трансформаций в языке является один из видов словообразования, а именно актуальная деривация имен и предикаторов.

2. ТРАНСФОРМАЦИИ ИМЕН И ПРЕДИКАТОВ

Под актуальной понимается деривация, протекающая в речи и зачастую не приводящая к устойчивым результатам в виде идиоматических слов, обрастающих историческими значениями. Одно из обычных проявлений актуальной деривации — названия предметов труда и массовых профессий, причем во многих случаях оба значения сочетаются в одном слове. Таковы русские: *раклеиватель*, *крошитель*, *загуститель*, *расщепитель*, *уплотнитель*, *поддуватель*, *черпатель*, *рыхлитель*, *посыпатель*, *проминатель*, *зумзумитель*, *пастеризователь*, *селитрователь*, *силосователь*, *спиртователь* и т. п.

Другая область таких трансформаций — абстракция названий качества, т. е. образование абстрактных существительных от прилагательных: *очаговый* — *очаговость*, *белковый* — *белковость*, *сезонный* — *сезонность*, *товарный* — *товарность*, *сборный* — *сборность*, *зольный* — *зольность*, *блочный* — *блочность*, *массовый* — *массовость*, *обводненный* — *обводненность*, *оструктуренный* — *оструктуренность*, *перетренированный* — *перетренированность*, *наполненный* — *наполненность* и т. п. Третья область — образование абстрактных отглагольных имен действия: *бурение*, *вождение*, *волочение*, *гранение*, *доение*, *дымление*, *качение*, *крашение*, *лучение*, *мечение*, *мотыжение*, *пиление*, *плавление*, *заиление*, *обводнение*, *облесение*, *омеднение*, *оруднение*, *остекление*, *приводнение*, *прилунение*, *поджисление*, *расплавление*, *долечивание*, *прореживание*, *науглероживание* и т. п.

Подобные трансформации в таких же областях словообразовательной системы действуют во всех современных индоевропейских и европейских языках. Нашей задачей является здесь не обзор соответствующих фактов (который можно найти в любом пособии по словообразованию любого языка), а создание некоторого эскиза теории. Языковые средства подобных трансформаций могут быть в общем виде определены как функции, и шагом к их формализации будет соответствующее логико-математическое понятие.

Логико-математическому понятию функции дается много определений с различных точек зрения. Наиболее отвечающим решению тех проблем, которые подробнее рассматриваются ниже, будет определение по Х. Карри, в котором понятие функции вводится на основе понятия функтора. Карри выделяет следующие основные виды функторов: «операторы», преобразующие имена в имена, «глаголы», или «предикаторы», преобразующие имена в предложения, «коннекторы», преобразующие предложения в предложения, и «субнекторы», преобразующие предложения в имена [Карри 1969, 63]. Логические термины «глагол», «предложение», «имя» не тождественны лингвистическим, но функтор может получить тождественное для логики и лингвистики определение. Мы определим функтор как языковое средство транспозиции одного множества языковых единиц в другое множество единиц того же языка. Функция есть свойство, или значение, функтора. Это определение является адекватным как для логики, так и для лингвистики.

Прежде чем перейти к разъяснению входящих в определение понятий, приведем простой пример функции. Если принять за исходное множество единиц русские глаголы типа *сообщать*, *выражать*, *исполнять* и т. п., а за производное множество единиц *сообщение*, *выражение*, *исполнение* и нечто *сообщается*, *исполняется*, то отношение первого множества ко второму будет функцией, а языковые формы *-ение*, *нечто* — *-(ает)ся* будут языковыми средствами этой функции, функторами.

В определение входят термины «языковая единица», «транспозиция», «функтор как языковое средство транспозиции». Остановимся на них подробнее. Под единицами в этом определении всегда следует понимать только то, что терминологически определено как единицы языка, т. е. фонемы, морфемы, слова, словосочетания, предложе-

ния. Под множеством единиц, которое данная функция транспонирует в другое множество, следует понимать совокупность одноименных единиц из приведенного перечня.

Под транспозицией вообще понимается такое языковое явление, когда языковая единица, или языковой знак, не меняя своего основного «вещественного» значения, изменяет грамматическое значение. Соответственно тому, проявляется ли транспозиция а) лишь в изменении синтаксического окружения и сочетаемости или б) в изменении линейного означающего знака, она разделяется на два вида — имплицитная транспозиция, или гипостаза, и эксплицитная, или функциональная, транспозиция. Примером гипостаза могут служить такие выражения, как *Ваши нет мне надоели*, где слово *нет* транспонировано в существительное. Развернутую систему гипостаза междометий описал С. Карцевский, показав, что русские междометия могут транспонироваться не просто в глагол, но в глагол переходный или непереходный, например: *В воду бух! Он схватил камень, да бух его в реку!* * Примером эксплицитной транспозиции могут служить приведенные выше: *сообщения; нечто сообщается при сообщать* и др.

Изложенное понимание транспозиции, как и самые термины, соответствует трактовке этого явления у Ш. Балли [Балли 1955]. Намеченные у него основные категории соответствуют наиболее ярко выраженным, полярным случаям. Во многих других, промежуточных, слоях имеет место лишь некоторый сдвиг в сторону гипостаза, когда перестраивается парадигма знака, что сопровождается некоторым изменением линейного означающего. Примером этого может служить конверсия в английском языке. В учении Балли транспозиция была четко ограничена областью продуктивных явлений языка — обязательно «чисто синхронными» отношениями, но непременно живыми и продуктивными связями языковых единиц. Однако это ограничение у Балли было слишком жестким: по его мнению, всякое изменение «вещественного» значения полностью исключается из понятия транспозиции. С этой точки зрения, например, чисто относительные прилагательные могут рассматриваться как транспозиция существительного, ср. рус. *сестрин* = *сестры*, *отцов* = *отца*, *мужнин* = *мужа*, но прилагательные типа *отцовский* уже

* *Karcevski S. Introduction à l'étude de l'interjection. — Cahiers Ferdinand de Saussure, 1941, 1.*

не могут, так как в отношении *отцовский* — *отец* имеется сдвиг «вещественного» значения, ср. *отцовские чувства* «чувства любви или привязанности, как у отца к детям».

Этот пункт в концепции Балли нуждается в уточнении и уточняется через понятие «множество», входящее в определение функции. Из понятия транспозиции, а следовательно и функции, исключаются лишь те языковые явления, которые не прослеживаются регулярно на множестве аналогичных случаев и поэтому не допускают обобщения. Но те отношения, которые сопровождаются регулярным и предсказуемым изменением «вещественного» значения, подводятся под понятия транспозиции и функции. С этой точки зрения отношения типа *лет-чик*, *размет-чик*, *писа-тель*, *чита-тель* и т. п. к соответствующим глаголам являются отношениями функции, так как они представляют собой, во-первых, изменение грамматического значения («летать» — «тот, кто летает» и т. п.), а во-вторых, регулярное изменение «вещественного» значения («профессия или социальная группа»).

Множество единиц, которое подвергается транспозиции, составляет область определения данной функции. Естественно, что во многих случаях потребуется описать также и то множество единиц, которое получается в результате действия данной функции, поскольку в естественном языке, в отличие от логического, значения функтора и значения конечных продуктов его применения в большинстве случаев, как видно уже из приведенных примеров, несколько отличаются друг от друга. Однако это описание, вообще говоря, не требуется для понимания самой функции, которая достаточно определяется функтором и областью определения. Напротив, в некоторых случаях, особенно когда не требуется детализации, можно описать функцию, указав исходное множество единиц и конечное множество единиц и избежав таким образом описания функтора. Понятие функтора является дальнейшим развитием уже изложенной концепции транспозиции.

Поскольку функтор есть языковая единица, служащая транспозиции одной языковой единицы в другую, сам функтор никогда не может быть единицей того же типа (яруса, уровня, устройства — вообще того же наименования), что и единица или единицы, служащие его исходным и конечным продуктом. Единицы из области определения функции, служащие исходным продуктом, должны, по самой сути функции, *входить* в функтор. В линейном от-

ношении, следовательно, функтор должен быть длиннее исходных единиц: более короткие входят в более длинные. Но каким образом слово может «войти» в суффикс, если функтором является суффикс? Как, например, слово *летать*, относящееся к области определения суффикса-функтора *-чик*, может «войти в суффикс»? Чтобы не впасть здесь в противоречие, необходимо теоретически записывать суффикс как «—чик» и понимать его, следовательно, как абстрактную единицу с незаполненным местом, требующую всегда того или иного наполнения и преобразующую то, что попадает в это место. Трансформации являются основным видом транспозиции.

Для понимания трансформаций как расширения таксономии очень важно понятие *порядка трансформации*. Если трансформации совершаются последовательно несколько раз от одного исходного слова, то номер трансформации и будет ее порядком, например: 1. *зелен*, *зеленый* → 2. *зелень* → 3. *озеленить* → 4а. *озеленение* → 4б. *озелененный* → 5. *озелененность*. В этом ряду имеются, следовательно, трансформации до пятого порядка включительно. На уровне четвертого порядка возможны две трансформации, одна из которых способна стать источником трансформации пятого порядка. В значении «порядок» употребляется также слово *уровень*.

Частным случаем трансформаций являются преобразования предиката и предикатора, и, следовательно, последние также могут иметь различные порядки, или уровни. Если выделить их из основного ряда, то *зелен*, *зеленый* является предикатом 1-го порядка, или уровня, *озеленить* — 2-го, *озелененный* — 3-го. Поскольку такой частный случай особенно важен, можно сохранить за его порядками нумерацию основного ряда, но при этом считать некоторые порядки — с точки зрения предикатов — пустыми. Так, *зелен*, *зеленый* — предикат 1-го порядка, *озеленить* — 3-го, *озелененный* — 4-го, порядок 2 является пустым: слово *зелень* существует и является трансформацией исходного прилагательного, но не служит предикатом. (Заметим, что иногда в значении «порядок» употребляют слово *степень*, но более обычным употреблением последнего является нижеследующее.)

Существенно также понятие *степени предиката* и *предикатора* (т. е. функции). Под степенью предикатора как функции понимается количество аргументов, а под степенью предиката — количество предметных мест, тер-

мов в нем. Так, *Петя смеется* является одноместным предикатом (иногда его называют нуль-местным, 0-местным), а соответствующая ему пропозициональная функция «X смеется» — одноместной функцией, *Петя читает книгу* и «X читает Y» — двухместными, *Петя продает марку Коле* и «X продает Y Z-у» — трехместными и т. д. Соответственные наименования — предикаты и функции 1, 2, 3-й и т. д. степени.

Увеличение степени предиката и предикатора в известном смысле — скорее историческом, чем актуальном для синхронии языка — может рассматриваться как трансформация. Примерно так рассуждал, например, Т. П. Ломтев: «*Борта лодки замшевели* (В. Лидин, У океана). Одноместная система, выраженная данным предложением, не допускает семантического обогащения. Преобразование ее в двухместную приводит к обогащению ее семантического содержания, а предложение, выражающее эту систему, получает новые возможности синонимических замен, ср.: *Борта лодки покрылись, обросли, проросли... мхом; Мох покрыл борта лодки; Мох пророс по бортам лодки* и т. п.» [Ломтев 1976, 26].

Если допустить некоторые упрощения, например принять, что отношения *зелен — зелень, черен — чернь (чернота), бел — бель* и т. п. являются в русском языке актуальными, то сказанное можно систематизировать на следующем примере:

	I	II	III
1. бел		—	—
2. бель		—	—
3. белеть		белить, обелить	(от)белить, отбеливать
4. (по)беление		(о)беление	отбеливание
5. —		обеленный	отбеленный
6. —		—	отбеленность

Предикаты первой колонки являются непереходными, т. е. одноместными, второй — прямо-переходными, т. е. двухместными, например: *белить, обелить потолок*, третьей — прямо-переходными с сопровождением творительного инструментального, т. е. трехместными, например: *отбеливать ткань хлором*. Историческое развитие в общем и целом характеризуется — на этой схеме — движением вправо и вниз. Можно представить себе в современном техническом языке еще 5. *отбеляемый*, 6. *отбеляемость*,

7. *отбеляемостный*, например: *отбеляемостные свойства ткани* (ср. *сочетаемостные свойства слова*). Обобщение и формализацию по этой линии см. в гл. XII.

3. ТРАНСФОРМАЦИИ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Укажем сначала некоторые трансформации не структурных схем предложений в целом, а только их предикатов. Получающиеся при этом трансформы дают, конечно, прежде всего новые таксономические единицы словаря (подобно тому, как выше это было показано для прилагательного). Но эти словарные единицы являются необходимым средством трансформаций структурных схем. Следующий список в каждом отдельном случае может быть неполон даже для русского языка, в частности мы не стремимся расширять его по линии увеличения степеней предикатора (да это далеко не всегда и возможно). Но колонка уровней предикатора (степени 1) иллюстрируется всюду достаточно полно.

1. *Сущность (Субстанция)*. Напомним, что этот предикат присутствует в предложениях так называемого условного тождества, т. е. в таких, в левой и правой части которых, по обе стороны связки, стоит имя существительное (*Коля — мой сын*). Если считать, что исходным является имя, стоящее в позиции предиката, и притом достаточно конкретное, т. е. не являющееся само результатом трансформации, типа «ученик», «мальчик», «слесарь», «сын», то трансформационный ряд от такого существительного достаточно ограничен. Обычно в языках типа русского он разворачивается при посредстве относительного прилагательного: *мальчик* → *мальчиковый* (например, *мальчиковый костюм* — термин торговли) → *мальчиковость*; ср. англ. a boy → boyish → boyishness. Трансформационные возможности усиливаются, если относительное прилагательное приобретает качественные значения (что является постоянной тенденцией). Но в таком случае и дальнейшее производное существительное типа англ. boyishness, также приобретает качественные значения, здесь — «ребячливость», и уже не является синхронной трансформацией в полном смысле слова. Вообще, по этой причине наблюдения над словарями препятствуют выявлению трансформаций такого рода: в словарях фиксируются результаты трансформаций, приобретшие значение достаточно идиоматичных словарных единиц. Здесь необходимы наблюдения над живой речью.

2. *Количество*. Предикаты, выражающие количество — числительные, обычно не дают трансформаций в виде словарных единиц: от числительных «один», «два», «три» . . . «сто» и т. д. не образуется ни имен существительных, ни глаголов. Предложения с предикатом количества типа *Полок с книгами три* могут быть преобразованы в эквиваленты имен существительных («номинализованы») только синтаксическим способом — «Тот факт, что полок с книгами три». Как и прилагательные относительные, числительные могут дать начало трансформационному ряду, если они приобрели качественное значение, уже трансформировавшись в прилагательные — *двойной, двойкий; тройной, тройкий*; в языке физики имеются, кажется, прилагательные с почти чистым количественным значением — «двойность», «тройность», т. е. «свойство быть двумя, тремя». Но обычные порядковые числительные и являются, в сущности, трансформацией числительных в прилагательные, однако лишь по одному значению: *первый* значит «имеющий номер „один“», но не «имеющий свойство „быть в количестве одного“». С другой стороны, обычные сочетания типа *три книги, два человека, сто лет* являются не чем иным, как номинализацией предложений *Книг — три; Людей — двое; Лет — сто*, и соответствуют в другой категории сочетанию *Белизна снега*. Доказательством правильности такой трактовки может служить то, что в языках, имеющих артикль, указание числа может заменять артикль и образует тесную именную группу: франц. *Trois livres ont disparu* 'Три книги пропали' построено как *Des livres ont disparu* '(Некоторые) книги пропали'.

3. *Качество*. Предикаты качества — прилагательные дают начало обширным трансформационным рядам, примеры чего рассмотрены выше.

4. *Отношение (Соотнесенное)*. В роли предикатов отношения выступают специальные формы, морфологически тождественные наречиям или прилагательным (*Москва к нам ближе Ленинграда; Оля ему дороже Пети*), и имена существительные с релятивной семантикой — «брат», «отец», «дядя» и т. п. (*Петя Оле не брат*). Ни те, ни другие не дают начала именным трансформационным рядам. Обычной номинализацией предикатов первого типа выступает синтаксическая конструкция «Тот факт, что Москва к нам ближе Ленинграда». Субстантивации типа «Близость Москвы к нам» являются трансформациями

не предикатов отношения, а предикатов свойства: «Близость к нам Москвы» = «Москва к нам близко». Трансформации типа «Большая близость к нам Москвы, чем Ленинграда» являются нарушениями норм русской речи. Имена с относительным значением дают трансформации только в том случае, когда приобретают качественное значение и являются, следовательно, разновидностями предикатов качества: *Человек человеку брат* → *Братство людей*; выражения типа *отцовские чувства* являются двусмысленными: 1. «чувства отца», 2. «такие чувства, как у отца», и, по-видимому, основой трансформации служит именно второе, качественное значение.

Но зато предикативы наречно-прилагательного типа *ближе, дальше, лучше, хуже, проще, чище, сильнее, слабее* и т. п. дают начало глагольным рядам, а дальше, через посредство глагола и его страдательного причастия прошедшего времени совершенного вида, — именным трансформациям, ср.: *ближе* → *приблизить* → *приближенный* → *приближенность* → *приближение*; *дальше* → *удалить* → *удаленный* → *удаленность* → *удаление* и т. п. Таким образом, центром процессов здесь оказываются причастия, и этот пункт ниже будет рассмотрен подробнее.

5—6. *Предикаты места (Где?) и времени (Когда?)*. Они выражаются обычно наречиями и словосочетаниями с обстоятельственным значением и не дают никаких трансформаций словарного типа: *Мать — в саду; Друзья — рядом; Свадьба — сегодня; Юбилей был в прошлом году*. Возможны лишь обычные синтаксические номинализации — «Тот факт, что свадьба сегодня».

7. *Положение*. Этот один из основных типов предикатов русского языка включает одноместные предикаты — с местом лишь для субъекта: *Лес шумит; Дети веселятся; Ребенок сидит*. Сюда же относятся неопределенно-личные и безличные предикаты с непереходными глаголами, в которых позиция субъекта рассматривается как неизвестная: *Стучат; Кричат; Шумят; Светает; Морозит*. Такое рассмотрение является в настоящее время принятым для русского языка [ср.: Золотова 1979, 18] и по существу наиболее адекватным. Все предикаты этого типа дают начало именным рядам: *шуметь* → *шум*; *веселиться* → *веселье*; *сидеть* → *сидение* и т. п.

Однако здесь возникает вопрос о первичности форм. Относительно пар типа глагол — бессуффиксальное имя (*шуметь* — *шум*) индоевропейских языков ведется веко-

вая дискуссия: первично имя или первичен глагол? С исторической точки зрения здесь имеются случаи, где первичным является предикатив, например: *весел* → *веселый* → *веселить* → *веселиться* → *веселье*. Но в случаях *шум* → *шуметь*, *крик* → *кричать*, *блеск* — *блестеть*, *дрожь* → *дрожать* и т. п. с той же исторической точки зрения первичным должно считаться имя, так как все глаголы здесь — вторичные образования с суффиксами состояния -ѣ или -jā (*кричать* из **krikēti* и/или из *krikjāti*). С синхронной точки зрения, по-видимому, целесообразнее рассматривать все случаи однотипно — как трансформации на основе предикатов. Следовательно, *шум* (леса) является трансформацией (Лес) *шумит*.

8. *Обладание (Состояние)*. Сюда относятся два основных предиката русского языка — «состояние обладания»: *У меня . . . ; У меня есть . . .*, и просто состояния: *Мне холодно, грустно, необходимо*. Первый из них не дает словарных трансформаций, но только синтаксическую номинализацию — «Тот факт, что у меня есть . . .» или перифразы типа «Наличие у меня . . .» Второй дает трансформацию предикативов в имена состояния, которые по морфологической форме могут совпадать с конкретными именами; в таком случае возникает проблема, уже рассмотренная для случаев *шуметь* → *шум*. Например, *холод* может рассматриваться как трансформация от предикатива *холодно* и как первичное имя существительное.

В таком случае *холод* имеет парадигму словоизменения — *холод* — мн. ч. *холода* и т. д.; в первом случае это слово не имеет такой парадигмы, но зато способно выступать снова в роли предиката таких же предложений состояния, уже следующего уровня: *Мне холодно; В комнате холодно* → *В комнате холод*. Ср. следующие ряды имен состояния современного русского языка: *В комнате холодно* — *В комнате холод*; *В комнате душно* — *В комнате духота*; *На улице жарко* — *На улице жара*; *Мне необходимо* — *У меня есть необходимость*; *Мне не жалко* — *У меня нет жалости* и т. п.

Аналогично могут рассматриваться имена типа *дождь, мороз, снег, гроза*, обозначающие явления природы, — или как первичные имена, или как трансформации первичных предикатов категории 7 (Положение): *На дворе морозит* — *На дворе мороз*; *Дождь идет* — *Дождь*; *На улице дождь*; *Снег идет* — *Снег*; *На улице снег*; *Начинается гроза!* — *Гроза!*; *У окна сквозит* — *Сквозняк*;

У окна сквозняк; Голову ломит — В голове ломота и т. п.

Следует, однако, подчеркнуть, что рассмотренные случаи являются трансформациями с точки зрения таксономических единиц словаря, в отношении же к синтаксической таксономии создаваемые ими предложения могут оказаться как трансформациями каких-то других предложений, так и перифразами — преобразованиями совершенно иного типа. Различие трансформаций и перифраз в синтаксисе рассматривается ниже.

9. *Действие*. Этот основной предикат русского языка представлен многоместными глаголами, прежде всего прямо-переходными, следовательно двухместными глаголами, — *Мальчик читает книгу; Удобрение повышает урожайность*. Заведомо ясно, что сюда будут относиться как некоторое количество первичных глаголов такого типа (например, *читать*), так и глаголы, уже являющиеся результатом примененных трансформаций (например, *повышать, приближать, удалять, веселить* и т. д.). Сюда же относятся косвенно-переходные глаголы *Я пишу брату* и т. п. Основной вид трансформаций здесь — отглагольные имена действия: *чтение, повышение, писание* и т. п. Как и в предшествующих рубриках, в качестве «имен событий», т. е. трансформов, могут рассматриваться и некоторые конкретные имена в соответствующих контекстах, например: *Мое письмо в министерство наделало много шума* — «Тот факт, что я написал письмо в министерство; Мое обращение в министерство. . .»

10. *Претерпевание (Страдание)*. Этот предикат представлен такими случаями, как *Меня (его, Петю, сотрудника) посылают; Меня ругают; Посла назначают; Такие дома уже строят* и т. п., где переходность соединена с неопределенной личностью. Важнейшие виды трансформаций здесь — имена действия *назначение, посылка, строительство* (в случае их морфологической невозможности — синтаксическая номинализация — «Тот факт, что меня ругают») и имена качеств *назначенный, посланный, строящийся* и т. п. — причастия.

Таковы вкратце основные словарные трансформации современного русского языка, совершающиеся только при посредстве предложений-высказываний и в свою очередь служащие средством трансформаций последних. В большинстве случаев это явления, находящие аналоги в других, прежде всего индоевропейских, языках. Перейдем

теперь к краткому обзору синтаксических трансформаций — преобразований структурных схем в целом.

Синтаксические трансформации в собственном смысле слова являются аналогами трансформаций словарных единиц, имен и предикатов, но совершаются, кроме словарных, еще и синтаксическими средствами, т. е. захватывают преобразования самой структурной схемы — как ее предиката, так и других членов (имен, или термов); при этом, как и в случае словарных трансформаций, под трансформациями, в отличие от перифраз, надо понимать только такие преобразования, при которых сохраняется определенное тождество формы — в синтаксических трансформациях оно выражается в том, что сохраняются имеющиеся лексемы и не вводятся новые. Так, *Лес шумит* → *шум леса*; *У меня холодно* → *У меня холод* являются трансформациями, в то время как *Лес шумит* → *Лес производит шум*; *Петя нелюдим* → *Петя становится нелюдим*; *У меня холодно* → *У меня в комнате холодно* → *В комнате холодно* являются перифразами. Такое, хотя пока и не строгое, но основанное на форме, определение трансформаций необходимо для того, чтобы избежать в дальнейшем порочного круга: ниже мы будем говорить о семантическом тождестве трансформов в некотором отношении, поэтому сначала желательно не определять трансформы как то, что является тождественным в некотором семантическом отношении. Мы видим, что такое предварительное определение полностью параллельно определению трансформаций, данному применительно к именам и предикатам. Поэтому синтаксические трансформации естественно называть по аналогии с единицами словаря («частями речи»): номинализации (субстантивации и адъективации), вербализации, прономинализации, адвербиализации. Целесообразно выделить, по-видимому, некоторые специальные виды вербализации — пассивизации и конверсии. Ниже мы рассмотрим разную применимость этих трансформаций в разных категориях структурных схем.

Поскольку последние выделены главным образом на основании различия предикатов, постольку синтаксические трансформации прежде всего охватывают предикаты. Тут же возникает соотносительный вопрос о субъектах. С точки зрения концепции структурных схем (в том ее виде, как она проводится в настоящей книге) субъект должен быть определен в первую очередь как место в предикатной, или структурной, схеме.

Во всех случаях выше, во всех 10 категориях, структурные схемы русского языка выписывались в «стандартном», или нейтральном с точки зрения стиля и эмоций, виде. В таких формах место субъекта всегда находится в линейном отношении перед предикатом, или слева от него. В большинстве случаев — в схемах категорий 1 (Сущность), 3 (Качество), 4 (Отношение), 5 (Место), 6 (Время), 7 (Положение), 9 (Действие) — это место занято именем существительным в им. падеже и особой проблемы не возникает. Остановимся коротко на основных типах синтаксических трансформаций.

И о м и н а л и з а ц и я. Универсальным типом номинализации является, по-видимому, превращение всей структурной схемы в эквивалент имени существительного посредством метазнака «Тот факт, что. . .» Эта трансформация применима ко всем без исключения типам структурных схем русского языка: *Тот факт, что* (Мой брат — учитель); *Тот факт, что* (Полок с книгами шестнадцать); *Тот факт, что* (Мне холодно) и т. д., после чего может следовать новый предикат: *Тот факт, что* (Мой брат — учитель), *не меняет сути дела*. Таким образом, эта трансформация номинализации предназначена для того, чтобы использовать производное в качестве субъекта нового предложения. Поскольку структурные схемы — это позиционные функции, то здесь мы имеем дело с функциями от функций.

Западноевропейские языки располагают средством, аналогичным русскому: англ. *The fact that. . .*; франц. *Le fait que. . .*; исп. *El hecho de que. . .* и т. д. Романские языки дополняют такую номинализацию особым средством — нейтрализацией наклонений: глагол в номинализованной конструкции ставится в форме сослагательного наклонения (субъюнктива) — франц. *Le fait que mon frère soit instituteur. . .*; исп. *El hecho de que mi hermano sea maestro* 'Тот факт, что мой брат — учитель. . .' Испанский язык, кроме того, располагает специальной формой — без слова *hecho* 'факт': *El que mi hermano sea maestro*, единственным показателем номинализации остается при этом форма субъюнктива. Английский язык располагает формой на *-ing*: *My brother's being a teacher. . .*

Другие типы номинализации — те, которые связаны с преобразованием только предиката в имя, — по-видимому, не универсальны. Это видно и на примерах из рус-

ского языка: предикаты типа «в саду», «завтра», «больше чем» и многие другие не имеют морфологической формы соответствующего имени существительного, и они-то, как правило, и требуют синтаксической номинализации. Предикаты, представленные именем существительным при субъекте — имени существительном, претерпевают скорее свертывание в субъект, чем номинализацию в полном смысле слова, ср.: *Мой брат (есть) учитель и мой брат-учитель*; *Его мечта — это летать и его мечта летать*; *Сомневаться — это искать и сомневаться, то есть искать*. Вторые формы во всех случаях являются свернутыми к субъекту предложениями, предикат обращается в приложение к субъекту. Это подводит, таким образом, к вопросу о приложении (аппозиции).

В индоевропейских языках приложении составляет всевременную, панхроническую параллель к именному предложению. Под приложением понимается одна из разновидностей сложного имени существительного, состоящего из двух разных имен тождественной формы: рус. *рыба-пила, поэт-агитатор, диван-кровать*; франц. *poisson-chat, papier-monnaie, bateau-mouche*. Их значение наиболее естественно описывается как уподобление одного объекта другому через именное предложение — «Эта рыба — пила»; «Этот поэт — агитатор»; «Этот диван — кровать». Именное предложение определяется как структурная схема (пропозициональная функция), в которой субъект и предикат представлены равно именами, а специальная глагольная связка отсутствует; в индоевропейских языках это нормальная форма, где глагольная связка, если ее ввести, должна принять форму 3-го лица настоящего времени изъявительного наклонения глагола «быть». Сам параллелизм приложения и именного предложения является универсальной чертой индоевропейских языков, он объясняет исторические преобразования простых именных предложений в сложные, определительные: рус. *Добрый конь стоит, головушка наклонена* → *Добрый конь стоит, у него головушка наклонена* → *Добрый конь стоит, у которого головушка наклонена*. И этот же параллелизм объясняет полностью параллельные исторические преобразования приложений: *тур — золотые рога* → *тур, у которого золотые рога*; *на иву, сверху суковата* → *на иву, которая сверху суковата* [Потебня 1968, 248]. Таким образом, здесь мы снова встречаемся с весьма важным обстоятельством: трансформации, кото

рые в синхронии языка представляются динамическими преобразованиями, в частности, как в данном случае, свертываниями или разворачиваниями, в действительности даны в истории языка как параллельно существующие и параллельно изменяющиеся исторические формы.

Именное предложение, несомненно, является универсальной категорией языков мира [Бенвенист 1974, 167], именная же приложная — как можно предполагать из-за его недостаточной изученности, — по-видимому, является универсальной категорией.

Разновидностью номинализации оказывается синтаксическая а д ъ е к т и в а ц и я. В индоевропейских языках наиболее ярким ее проявлением выступают сложные имена типа бахуврихи: рус. *голубоглазый (мальчик), песьеголовый, четвероногое*; франц. *rouge-gorge* 'красногрудка' (птица малиновка); англ. *blue-eyed* 'голубоглазый', *crazy-headed* букв. 'сумасшедшеголовый'; древнегреч. *ἀργυρότομος* 'сребролукий' (Аполлон), *κυνολέφαλος* 'песьеголовый'; ведич. *devā-patnī* 'богомужняя', т. е. 'имеющая мужем бога', и т. п. Имена бахуврихи основаны на двух трансформациях адъективации: 1. «Глаза — голубые» → «голубоглазый, -ая, -ое»; 2. «У мальчика — глаза голубые» → «голубоглазый мальчик». Эти трансформации, как и сам тип бахуврихи, универсальны, они встречаются в разных языках мира, ср. тур. *kizi güzäl äfändi* букв. 'красиводочерный человек', 'его дочь красивая человек', т. е. 'человек с красивой дочерью'; венг. *kek-szem-ű* 'голубоглазый' от *szem* 'глаз'; американоиндейский язык пайут *sīnaḡ-wavi²tots* букв. 'койот + голова', 'койотоголовый', 'человек с головой койота' и т. п. [Бенвенист 1974, 251]. Кроме того, как показал А. А. Потебня, бахуврихи предполагает еще одну черту, которая является либо панхронической, либо, может быть, должна рассматриваться как трансформация. Эта черта — положение определяющего п е р е д определяемым, препозиция определяющего. Так, рус. *златорогий тур* могло возникнуть непосредственно только из *тур — золотые рога*, тогда как известна и иная форма: *тур — рога золотые*, которая является или параллельной, или исторически предшествующей [Потебня 1968, 155].

В е р б а л и з а ц и и в словарном смысле были кратко охарактеризованы выше; сюда относятся такие случаи, как *зеленый* → *зеленеть, зеленить*; *белый* → *белеть, бе-*

лить и т. п. Синтаксические же вербализации естественно рассматривать как преобразования в целом структурной схемы в новый предикат. Подобно этому, синтаксические номинализации-субстантивации мы рассматривали как превращения всей структурной схемы в субъект какой-либо новой структурной схемы. Однако в отличие от номинализаций синтаксические вербализации распространены гораздо меньше, и причина заключается, по-видимому, в том, что сами первичные предикаты (в количестве 10) — уже достаточно универсальная таксономия, за пределы которой трудно и нет необходимости выходить. Обычно, когда какая-либо структурная схема превращается в предикат новой структурной схемы, она принимает форму уже имеющегося предиката — одного из десяти, т. е. происходит не синтаксическая, а вынужденная словарная трансформация.

Все же можно указать отдельные достаточно универсальные, хотя и малоупотребительные, случаи. Таковым будет, например, явление, обратное адъективации по типу бахуврихи: *сребролукий Аполлон* → *Аполлон — сребролукий* → *У Аполлона серебряный лук* → *У Аполлона лук, который серебряный* → *У Аполлона лук, и этот лук — серебряный*. По существу такая вербализация превращается в семантическое описание исходной формы посредством предикатных конструкций — предложений. Некоторые языки обладают специальной, достаточно общей синтаксической формой для вербализаций, например: франц. *Le facteur passe* 'Почтальон идет' → *C'est le facteur qui passe* букв. 'Это почтальон, который идет'. Во французском имеется и еще более обобщенная форма, пригодная для вербализации всякого предложения, но это форма не вполне литературная: *C'est que. . . — C'est que le facteur passe*. Русский язык прибегает здесь и для перевода и для такого же собственного выражения вербализации, скорее, к перифразам — «Дело в том, что. . .», например: *Москва ближе к нам, чем Ленинград* → *Дело в том, что Москва ближе к нам, чем Ленинград*. Испанский язык имеет форму, аналогичную французской, — *Es que. . .*, но в английском подобной, кажется, нет.

Пр о н о м и н а л и з а ц и и в словарном смысле, т. е. как замещения части структурной схемы местоимением, достаточно распространены. Таковы, например,

англ. to do, франц. faire 'делать' для замещения всякого глагола; ср. франц. Il ne fait que voyager 'Он только и делает, что путешествует'. Но для русского языка это нетипично, как, по-видимому, нетипичны вообще прономинализации предиката. В языке XIX в., впрочем, существовали два различных типа вопроса с местоимением для предиката-имени: 1) *Кто он такой?* — для ответа с установлением референции, идентификации: *Он — сын Гончарова*; 2) *Что он такое?* — для ответа с предикатной характеристикой — признаков, профессии, социального положения и т. п.: *Он — азартный игрок; Он — богатый помещик*. Но в современном языке во втором случае используется вопрос, основанный не на прономинализации, а на перифразе, — *Что он из себя представляет?* и т. п. (О некоторых похожих явлениях в английском языке см.: [Арутюнова 1976б, 193].) Исследователи отмечают, что в разговорном стиле русского языка имеются местоименные предикаты *того, не того, ничего*, значение которых приближается к значению категории состояния и модальной оценки. Такие предикаты сохраняют все зависимости глагольного предиката, который они замещают: *«Ну-с, раскройте рот пошире. . . — говорит он (фельдшер. — Ю. С.), подходя с щипцами к дьячку. — Сейчас мы его. . . того. . . Раз плюнуть»* (Чехов, Хирургия). На этом основании сделан опыт построения «грамматики местоименных предикатов» [Засорина 1965].

Из сказанного в начале этого раздела по поводу категорий 9 (Действие) и 10 (Претерпевание) следует как будто бы, что как частный случай вербализации нужно рассматривать п а с с и в и з а ц и ю.

Возможно также, что другим частным случаем нужно считать к о н в е р с и з а ц и ю, или к о н в е р с и ю, того типа, когда играет роль порядок именных членов: *Иван брат Олегу → Олег брат Ивану; Иван купил машину → Машину купил Иван;* ср. также разобранные выше: *На дворе мороз → Мороз на дворе; В купе двое → Двое в купе* и т. п. Такие случаи стоят на полдороге между трансформациями и перифразами. В самом деле, входные лексем здесь не изменяется — черта, сближающая преобразование с трансформацией. Но, с другой стороны, трансформы описывают не ту же ситуацию, что исходные формы, — черта, сближающая их с перифразами. Кроме того, меняется или, во всяком случае, может измениться

рубрикация предиката: *В комнате холодно* — предикат *холодно*, и это предикат состояния; *Холодно в комнате* — предикат *в комнате*, и это предикат места. Переход же из одной категории предиката в другую — как раз типичная черта перифраз.

Трансформации же сохраняют и даже предохраняют тождество предиката, и это, пожалуй, главный вывод. Они совершаются в пределах замкнутых сфер, каковыми являются структурные схемы предложений. В главе о формализации мы увидим, что эта черта позволяет сделать следующий шаг к определению понятий формы и формализации.

ПЕРИФРАЗЫ

Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю.
Тихо смотрит месяц ясный
В колыбель твою.

(Лермонтов.
Казачья колыбельная песня)

Спи, пострел, пока безвредный!
Баюшки-баю.
Тускло смотрит месяц медный
В колыбель твою.

(Некрасов. Колыбельная песня
(Подражание Лермонтову) Перифраз¹)

1. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Раздел о перифразах является другим — наряду с трансформациями — расширением таксономии. Под перифразой понимаются такие отношения между двумя единицами, когда сохраняется тождество денотата — обозначаемого предмета или ситуации, но меняется смысл, или сигнификат. Говорящие, один или несколько — в диалоге, как бы описывают один и тот же предмет с разных точек зрения.

Поскольку наиболее обычный тип синонимии — синонимия по смыслу, или сигнификату (не по денотату), то в широком смысле любая группа синонимов — это одновременно и группа перифраз. Так, *оправдать* — *обелить*, *полный* — *целый*, *споривка* — *хватка* и т. п. могут рассматриваться в одно и то же время как синонимы и как перифразы друг друга. Однако обычное, принимаемое и здесь, понимание перифраз — более узкое.

Под перифразой понимаются такие синонимичные отношения двух единиц, которые устанавливаются через посредство целого высказывания. Поскольку высказывание в отличие от отдельного слова обычно имеет референтом (денотатом) не отдельный предмет, а целую ситуацию, постольку перифраза устанавливает тождество двух

¹ Явления, сходные с перифразой в лингвистике, называются в литературоведении «перифраз», «парафраз», в музыковедении — «парафраз»; американские лингвисты употребляют термин «paraphrase».

единиц — через посредство высказывания — в отношении к ситуации. Таким образом, например, слова *купить* — *продать*, являющиеся вне высказывания антонимами, в отношении к одной и той же ситуации будут перифразой одно другого: *X купил дачу у Y-ка* \leftrightarrow *Y продал дачу X-у*. Поэтому к перифразам относится то, что было сказано о контекстной антонимии (см. гл. II, 4).

Мы относим к перифразам и такие трансформации, которые требуют полной замены одного означающего другим, например: *врач* \leftrightarrow *лечить* (тогда как отношения *учитель* \rightarrow \rightarrow *учительствовать* относятся к трансформациям). Основания для отнесения этой подгруппы к перифразам, а не к собственно трансформациям, двойные. С одной стороны, таким основанием служит различное отношение к сигнификату (смыслу). При собственно трансформациях смысл сохраняется тождественным, и этому сохранению способствует неизменность означающего: *учительствовать* значит просто «быть учителем». Замена же означающего, как правило, требуется системой языка тогда, когда трансформационные отношения выпадают из синхронной рамки, мотивируются не только трансформацией, но и исторической традицией, и, следовательно, трансформы несущие добавочные к основному смыслу исторические, идиоматические смыслы. Так, хотя *лечить* может быть истолковано, подобно *учительствовать*, как «быть врачом», например: *Он лечит уже двадцать лет после окончания института* (ср. *летает* 'работает летчиком', *пишет* 'является писателем' и т. п.), однако этот смысл является для глагола *лечить* не главным. Для истолкования *лечить* именно в этом смысле требуется некоторое дополнительное указание, которое при семантическом описании будет передано дополнительной частью описания, например: *Он лечит* в смысле «работает врачом». Этой дополнительной части не будет в толковании глагола *учительствовать*. Она и соответствует добавочному смыслу, нарушающему смысловое тождество *врач* \leftrightarrow *лечить* в отличие от *учитель* \rightarrow *учительствовать*.

С другой стороны, основанием для выделения подобных случаев в раздел систематики перифраз служат соображения самой системы описания, требования ее единства. Дело в том, что применительно к предложениям, как мы видели выше, имеется обязательный раздел о трансформациях, рассматривающий некоторые преобразования предложений на тех же основаниях, что и трансформации

словарных единиц. Если отнести к словарным (лексическим) трансформациям отношения типа *врач* ↔ *лечить*, сопровождающиеся полной заменой означаемого, то и в синтаксическом разделе нужно было бы допустить аналогичную возможность, т. е. рассматривать под названием синтаксических трансформаций и такие случаи, как *Рабочие строят дом* — *Дом строится рабочими*, сохраняющие тождество лексики, и такие случаи, как *Петр продал дачу Ивану* — *Иван купил дачу у Петра*, в которых тождество лексики не сохраняется, а это сильно запутало бы описание семантико-синтаксических отношений.

Таким образом, определение перифразы, как мы ее здесь понимаем, следующее: перифраза представляет собой тождество двух словарных единиц, основанное на тождественности их референтов, устанавливаемой в отношении к определенной ситуации при посредстве двух предложений, одно из которых включает одну из этих единиц, а другое — в той же синтаксической функции — другую. Отсюда видно, что перифраза словарных единиц требует для своего полного определения некоторой предпосылки в виде определения тождества предложений. Это особая проблема, рассматриваемая ниже (см. гл. VII). Отсюда видно также, что для таксономии словаря перифразы — неорганическое расширение, что это раздел именно синтаксиса и синтаксической семантики.

2. ПЕРИФРАЗЫ ИМЕН И ПРЕДИКАТОВ

Некоторые словарные преобразования, затронутые в связи с трансформациями выше, естественнее отнести именно к перифразам. Ими будут, например, «имена состояний», тождественные (только по морфологическому облику) первичным именам существительным. Если, например, *холод* 'низкая температура воздуха', *мороз* 'зимний холод' — первичные имена, употребляющиеся в таких высказываниях, как *Дрожит от холода*; *Мороз крепчал* то те же имена в высказываниях *В комнате холодно*; *Мороз!* будут «именами состояний», т. е. *мороз* как абстракция предиката *морозит*, *холод* — предиката *холодно*, *жара* — предиката *жарко*, *дождь* — как абстракция *дождь идет* и т. п. По существу они подходят и под данное здесь определение перифразы, хотя достаточно отличны от случаев типа *врач* — *лечить*.

В отличие от трансформаций, которые обычно действуют в пределах семантической сферы одного предиката, перифразы могут соединять эти сферы, вызывая наложение, «имбрикацию», одного предиката на другой. Так, например, *Мороз* как цельное высказывание может быть отнесено и к предикату 7 (Положение) и к предикату 5 (Место) с незанятой позицией (*На улице, на дворе мороз*). Причастие *приближенный* может рассматриваться как перифраза предиката 4 (Отношение, Соотнесенное — *Завод стал ближе к центру — Завод, приближенный к центру*) и как перифраза предиката 9 (Действие) — *Завод приблизили к центру — Завод, приближенный к центру*.

Применительно к предикатам 9 (Действие), 10 (Претерпевание), 4 (Отношение) действует один общий тип преобразований, результатом которого являются причастия. Здесь мы подробнее рассмотрим как пример перифраз, преобразований, отличающихся от трансформаций, перифразы этих трех групп в причастия прошедшего времени совершенного вида в русском языке. Они более других могут претендовать на роль словарных, а не синтаксических перифраз.

Вообще в толковых словарях полностью актуальные преобразования глаголов в причастия, т. е. в нашем смысле трансформации, не имеют толкований, причастия объясняются с помощью отсылки к соответствующему глаголу, например: «*забытый* — прич. страд. прош. времени от *забыть*» и т. п. Если же причастие является сколько-нибудь устойчивой словарной единицей, то причастия получают особый вид толкований, и такие причастия как раз и являются перифразами в рассматриваемом нами смысле. Указанные причастия образуются в русском языке только от прямо-переходных глаголов. И. К. Сазонова предложила следующее их разделение.

К субъектной группе относятся переходные глаголы и их причастия, обозначающие действия, в результате которых не меняются никакие существенные внутренние свойства объекта (в иной терминологии такая переходность называется неэффективной, см. гл. XI, 3): *одобрить* — одобренное решение, *осознать* — осознанное положение, *заметить* — замеченная странность, *изучить* — изученные документы, *обещать* — обещанный подарок и т. п. Главным семантическим признаком этой группы является соотнесенность действия прежде

всего с субъектом. Причастия этой группы и прилагательные принадлежат к разным семантическим сферам: для причастий трудно подобрать синонимы и антонимы из семантической сферы собственно прилагательных, и они не могут быть заменены прилагательными. Эта их особенность проявляется в словарных толкованиях.

Смысловой центр, «рема» толкований субъектных причастий — это синонимичные причастия полнозначные (образованные от полнозначных глаголов). Соответственно в толкованиях инфинитивов «субъектных» глаголов смысловой центр — полнозначные, синонимичные толкуемому переходные глаголы. Например, *обдуманый* — «мысленно рассмотренный во всех деталях, обстоятельствах, всесторонне взвешенный, продуманный» (ср. *обдумать* — «мысленно рассмотреть во всех деталях, обстоятельствах, всесторонне взвесить, продумать»); *осмысленный* — «понятный, уясненный» (о смысле, значении чего-л.; ср. *осмыслить* — «понять, уяснить смысл, значение чего-л.»); *организованный* — «основанный, учрежденный» (о чем-л., имеющем общественный характер; ср. *организовать* — «основать, учредить что-л., имеющее общественный характер») и т. п.

Как видно из приведенных примеров, здесь в толкованиях причастий и соответствующих глаголов употребляются полноценные, информативно полные, информативно достаточные глаголы, сопровождаемые некоторыми уточняющими, дополнительными словами, пояснением в скобках и т. д. [Сазонова 1975, 13].

К объектной группе принадлежат глаголы и образованные от них причастия, обозначающие действия, активно направленные на предмет и изменяющие его внутренние свойства (по другой терминологии — «эффективно-переходные»): *улучшить* — *улучшенное* качество, *усилить* — *усиленная* охрана, *упростить* — *упрощенное* решение, *избаловать* — *избалованный* ребенок, *запустить* — *запущенное* хозяйство, *разорвать* — *разорванное* платье, *испачкать* — *испачканные* руки и т. п. Главным семантическим признаком является здесь прежде всего не процессуальность, как в первой группе, а результативность значения. В словарях смысловым центром толкований (содержащим главную информацию) является не глагольная, а именная часть, сообщающая о тех изменениях, которые произошли с объектом действия. Глаголы в толк о-

ваниях этого типа играют вспомогательную роль, выступая в роли полувспомогательных или уточняющих средств, поясняющих, каким образом объектом было приобретено то состояние, о котором говорится в именной части (таковы же и толкования инфинитива объектных глаголов, от которых причастия образованы), например: *усиленный* — «сделанный более сильно, чем обычно» (ср. *усилить* — «сделать более сильным, чем обычно»); *улучшенный* — «сделанный лучше, выше по качеству, свойствам» (ср. *улучшить* — «сделать лучше, выше по качеству, свойствам»); *очищенный* — «сделанный чистым, без грязи, сора» (ср. *очистить* — «сделать чистым, удалив грязь, сор»); *застекленный* — «снабженный рамами со стеклами» (ср. *застеклить* — «вставить рамы со стеклами») и т. п.

Как видно из этих примеров, в составе толкований употребляются глаголы информативно неполные, требующие раскрытия своего смыслового содержания в именной речи: *сделанный* — каким? *снабженный* — чем? *доведенный* — до чего? *лишенный* — чего? *приведенный* — в какое состояние? и т. п. Специфика толкований субъектных и объектных групп отражает существующее в языковом сознании носителей языка различие между двумя наиболее крупными семантическими группировками переходных глаголов.

Другим объективным языковым показателем существующего различия между субъектными и объектными причастиями и глаголами, от которых они образованы, является разный тип наречий, с которыми сочетаются причастия. Объектные причастия в силу особенностей своей семантики способны сочетаться с наречиями, оценивающими меру, степень, предел, качество тех существенных изменений, которые происходят с объектом действия в результате действия: *фантастически, чрезвычайно, чудовищно, слишком, чрезмерно, до ужаса, чуть-чуть, слегка, несколько, немного, полностью, целиком, до предела, до бесконечности* и т. д. Ср., например, всевозможные сочетания этих наречий с причастиями: *усиленный, улучшенный, упрощенный, загнутый, очищенный, преобразованный, стесненный, растрепанный, испачканный, избалованный, взволнованный, удрученный, стоптанный, испорченный* и т. д. Те же самые наречия не употребляются с субъектными причастиями в их глагольных значениях. Невозможно: *слегка, немножко, чуть-чуть, несколько, до бесконечности, до предела, до крайней степени, чрезмерно,*

слишком и т. п. в сочетании с брошенный, взвешенный, потерянный, вынесенный, выдуманный, задуманный, запрещенный, избранный, испытанный, оправданный, принужденный, решенный, указанный, утраченный, осмысленный [Сазонова 1975, 13 и след.]².

Можно рассматривать перифразы и еще более ослабив связи с предложением, не через посредство высказываний, а иначе — выделяя в некоторых множествах слов и словосочетаний общие семантические компоненты. Такой способ применен в работах Ю. Д. Апресяна и других авторов [см.: Апресян 1974]. После выделения подобных компонентов, или «лексических параметров», они становятся как бы заглавными словами словарных статей, под которые может быть подведено все множество слов и словосочетаний данного языка. Таким образом, последовательное описание словаря по этой линии ведет к перестройке тезауруса по иной схеме — «лексических параметров». С точки зрения систематики это означает просто создание таксономии на иной основе, нежели таксономия идеографических тезаурусов или таксономия имен и предикатов, которую мы изложили выше.

3. ПЕРИФРАЗЫ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Из сказанного можно было бы заключить, что перифразы, по крайней мере с чисто семантической стороны, составляют раздел, в некотором роде симметричный разделу о трансформациях. Однако это вряд ли так. Трансформации, как уже было сказано, в действительности редко используются говорящими в актах речи. Обычно никто не применяет в одном высказывании или даже в соседних связанных высказываниях весь ряд или хотя бы достаточно длинные отрезки ряда трансформаций. Трансформации — потенциальная система языка, актуализируемая скорее исследователями в языке их описания, чем говорящими в их действительной речи. Напротив, перифразы — реальное средство речи, как практической, так и поэтической. Правда, это, скорее, перифразы некоторой особой разновидности. В реальной речи довольно часты тексты, подобные следующему: *Выехали мы после дождя. На шоссе*

² Дальнейшее см. в связи с переходностью в гл. XI, 3.

мокро. Машину заносит. Особенно опасно на поворотах. На одном из них шофер резко затормозил и. . . и т. д. Каждая следующая фраза здесь может рассматриваться как перифраза предыдущей, как ее семантическое следование (двойная стрелка — знак перифразы семантического следования): «Выехали мы после дождя ⇒ Следовательно, на шоссе мокро ⇒ Следовательно, машину заносит ⇒ ⇒ Следовательно, особенно опасно на поворотах. На одном из них шофер резко затормозил и ⇒ Следовательно. . .» и т. д. Обратного же вывода сделать нельзя: из того, что на шоссе мокро, не следует, что прошел дождь (осенью мокро все время); из того, что машину заносит, не следует, что на шоссе мокро (машину может заносить и по другим причинам); из того, что особенно опасно на поворотах, не следует, что машину заносит (опасно может быть из-за скопления транспорта), и т. д. Это — однонаправленные отношения *семантического следования* (entailment). Остановимся подробнее на перифразах предложений.

Первое впечатление, которое испытываешь, глядя на списки перифраз, это то, что перед нами сплошной континуум, непрерывная гамма переходных случаев, стирающих четкие границы между структурными схемами. При более пристальном наблюдении это впечатление не исчезает. Если *Москва севернее Киева* — это бесспорно предикат категории 4 (Отношение), а *Мне холодно* — бесспорно предикат категории 8 (Состояние), то куда отнести предложение *Мне в Москве холоднее, чем в Киеве?* Такие трудности возникают не только при совмещении схем, как в данном случае, но и при расширении, или «распространении», какой-либо одной из них, а также при перечислении рядов «регулярных реализаций». *Ветрено* (7 — Положение или 8 — Состояние) и *Людей — двое* (2 — Количество) кажутся достаточно различными, но регулярные реализации с локативом *На берегу ветрено* и *На берегу двое* как будто бы соединяют их в один тип. Приходится признать, что трудности обусловлены самой объективной организацией синтаксиса и что перифразы — это как раз такая система преобразований, которая призвана обеспечить, в отличие от трансформаций, переходы от одной схемы к другой без нарушения известного семантического тождества.

При этом естественно возникает предположение, что перифразы стоят в каком-то генетическом, или историче-

ском, отношении к трансформациям. Хотя мы не имеем здесь возможности развивать эту линию, но все же отметим, что это предположение часто получает подкрепление и что, по крайней мере в некоторых случаях, перифразы оказываются исторически застывшими трансформациями, подобно тому как в словаре некоторые лексические единицы представляют собой застывшие формы прежних чисто грамматических явлений — форм простого словоизменения (ср., например, рус. *образ* — *образы*, но *образá* — отдельное слово; *тело* — *тела*, но *телеса* — отдельное слово; англ. *brother* — *brothers*, но *brethren* — отдельное слово «собратья»).

Рассмотрим некоторые достаточно типичные отношения перифраз между структурными схемами.

И м б р и к а ц и я, или частичное перекрывание (overlapping). Очень частый случай — схемы, не содержащие глагола, «безглагольные», заимствуют глагол, относящийся к другой схеме. Например, схема категории 5 (Место), безглагольная, — *Друзья рядом* и схема категории 7 (Положение), содержащая глагол, — *Друзья веселятся* совмещаются — *Друзья веселятся рядом*. Часто разные схемы (не категории 9 — Действие) совмещаются предикативами категории 2 (Количество) и категории 3 (Качество): *Полок с книгами шестнадцать* + *Полок с книгами куплено* — *Полок с книгами куплено шестнадцать*; *Ребенок послушен* + *Ребенок у бабушки* — *Ребенок послушен у бабушки*; *Трава зелена* + *Трава на лугу* — *Трава зелена на лугу*. Категория 8 (Состояние), поставляющая предикаты «состояния духа», в частности модальные — *Ему нужно, необходимо, хочется, чудится, кажется, должно, можно, нельзя*, и глагольные категории 9 (Действие) и 7 (Положение) часто совмещаются, порождая схемы с глагольным составным сказуемым: *Ему хочется прочесть эту книгу* или *Он хочет прочесть эту книгу*; *Ему должно уехать* или *Он должен уехать*; *Он кажется больным*; *Ему нельзя быть больным* и т. п. (дальнейшее см. в гл. VIII, 2).

Полное совмещение, наложение двух схем является частным случаем имбрикации, примеры чего приведены в начале этого раздела.

Другой важнейший вид перифраз — с е м а н т и ч е с к о е с л е д о в а н и е (entailment). Так, например, из предложения *В комнате натоплено* естественно сде-

лать вывод — *В комнате жарко*. Если предложение-основание и выводное предложение принадлежат, как в данном примере, к одной категории, то это внутрикатегориальные перифразы. Но они могут соединять предложения и разных категорий предикатов: *Лес шумит* (7 — Положение) \Rightarrow *В лесу шумно* (8 — Состояние).

Поскольку для субъекта предложения, как уже неоднократно подчеркивалось, естественно обозначать что-то во внешнем мире — предмет или точку в пространстве, — к чему относится содержание предиката, постольку одинаковые указания предмета или места часто соединяются с самыми различными предикатами. Это служит основанием для обширного класса перифраз. В русском языке он включает в себя разнообразные структурные схемы, начинающиеся — при нейтральном, неэмфатическом порядке слов — с указания места, например: *В купе немного народу*; *В купе нас двое*; *В купе душно*; *В купе не дует*; *В купе грохочет*; *В купе мне жарко*; *В купе меня знобит*; *В купе накурено*; *В купе накурили*; *В купе не курят*; *В купе курить запрещается*; *В купе пассажиры играют в карты*; *В купе жарче, чем на улице*; *В купе — это не на улице*; *В купе произошло убийство* и т. д.

Если при тождестве или сходстве субъекта имеется некоторое лексико-семантическое сходство в предикате, то в пределах такого класса, как приведенный, образуются более солидные связи — перифразы семантического следования. В данном случае почти все предложения, кроме последнего, могут быть расположены в порядке семантического следования — как последовательное описание одной и той же ситуации. Вообще, тождество ситуации, или референта предложений, — главное основание для отнесения таких предложений к перифразам друг друга.

Нетрудно заметить, что отношения семантического следования основаны на некоторой более простой перифразе — таком преобразовании одного и того же предложения, при котором меняется соответственно изменению порядка слов точка зрения, или эмпатия, говорящего по отношению к ситуации. Так, если предложение *Гости — в саду* является предложением с «обычным», «классическим» подлежащим — *гости* и с предикатом категории «Место» — *в саду*, то перестановка членов *В саду — гости* приводит

ь тому, что терм *гости*, помещенный в позицию предиката, приобретает значение события, а первая по порядку именная группа — *в саду* должна расцениваться как подлежащее. Такие перифразы мы выделим в особый, третий тип — п е р и ф р а з ы э м п а т и и.

Некоторые разновидности и типы синтаксических перифраз современного русского языка детально описаны: номинализация сказуемого и устранение субъекта [Гак 1976], синтаксические свойства имен качества [Золотова 1976], синтаксические модели со значением психического состояния [Синтаксис и стилистика 1976], предложения с количественными подлежащими [Там же], перифразы-конверсивы [Ломтев 1969; Апресян 1974].

ФОРМАЛИЗАЦИЯ И ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Слишком надеяться на формальности — значит быть суеверным, не желать им подчиняться — значит быть чванливым.

(Паскаль. Мысли)

1. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Вопрос о формализации — это вопрос о форме предложения в семиологической таксономии синтаксиса. Наша концепция принадлежит, как уже было сказано (см. гл. I, 4), к тому направлению, в котором не отрицается аналогия между семантическим строением слова и семантическим строением предложения. Напротив, мы подходим ко второму, используя знания о первом.

Форма слова в семиологическом смысле определяется в таксономии словаря через взаимное ограничение содержания всех слов системы. Но поступить так же для определения формы предложения кажется невозможным, потому что число предложений представляется бесконечным. Все сочетания в конечном счете возможны хотя бы как метафоры; абсолютно запрещены лишь грамматически неправильные высказывания вроде *Она — моя друг* или *Он уехал завтра*. Семантическая сфера всех возможных предложений кажется безграничной и не укладывающейся ни в какие рамки.

И все же теперь мы смотрим на эту безграничность иначе. Семантика всех возможных предложений действительно образует открытый мир, отличный от замкнутого мира словаря, но это не такой мир, в котором может произойти любое семантическое событие, и это даже не такой мир, в котором любое событие может произойти с одинаковой степенью вероятности.

Хотя представляется, что «список употреблений одного слова может быть не закончен, список употреблений предложения не может быть даже начат» [Бенвенист 1974, 139], однако в предыдущем разделе было показано, что отдельные высказывания типизируются в структурные схемы или пропозициональные функции. Здесь мы попытаемся показать, что между последними уже могут быть

установлены отношения взаимного ограничения, подобные тем, которые определяют форму слова в семиологической системе словаря. Путь к определению формы предложения лежит, таким образом, через необходимую формализацию.

При этом потребуются не только отдельные формальные аналоги синтаксических понятий, но более или менее законченная система формализации. Поэтому вся эта глава явится в некотором роде обобщением того, что говорилось по данному поводу в разных местах выше. В качестве основы формализации здесь взят формальный язык А. Черча [Church, 1964].

2. ЭЛЕМЕНТЫ ФОРМАЛИЗАЦИИ ПО СИСТЕМЕ А. ЧЕРЧА

В формальном языке типа предложенного Черчем (см. гл. I, 4) различаются формы и имена. Правильно построенное выражение, содержащее свободные переменные, — это *форма*. Правильно построенное выражение, не содержащее свободных переменных, есть *имя* (name). *Предложение* (sentence) — это частный случай имени.

Имя строится по схеме семантического треугольника и имеет: 1. *форму*; 2. отношение к предмету, т. е. *денотацию* (denotation); сам предмет выступает при этом как *денотат*; 3. *смысл* (sense, concept). Имя в собственном значении этого слова, т. е. выражение, не являющееся предложением, имеет денотатом некоторый предмет действительности, его смыслом в этом случае является понятие об этом предмете. Так, можно говорить об *индивидуальных именах* (individual names) — *Петя*; *Вальтер Скотт*; *автор «Веверлея»*; *Венера*; *Утренняя звезда*; *Вечерняя звезда* и т. п. Их смыслами являются индивидуальные концепты. Если имя означает класс предметов, то его денотатом является этот класс, а его смыслом — понятие о классе, концепт класса (class concept). Концепт класса может быть отождествлен со свойством (property). Например, имя *планета* означает класс планет, и его смысл может быть отождествлен со свойством «планетность»; имя *человек* означает класс «Люди», и его смысл может быть отождествлен со свойством «человечность». (На этом примере видно, что логические свойства естественного языка выступают нередко не в свободном виде, а соединенными с какими-либо другими языковыми чертами; в данном случае слово *человечность*

означает помимо свойства «принадлежать к классу людей» еще и качество и даже достоинство «быть человеком», «человечность как гуманность»; эти качества не мыслятся, когда идет речь о свойстве «принадлежать к классу людей» в логическом смысле.) Имена, имеющие один и тот же денотат, но разный смысл, являются синонимами, или, говоря точнее, одним из типов синонимов, главным типом (так как имеются еще синонимы, обладающие одним и тем же смыслом, — это более специальный тип). Например, имена *Утренняя звезда* и *Вечерняя звезда*, имеющие денотатом одну и ту же звезду, иначе называемую *Венерой*, — синонимы.

Предложение в этом языке рассматривается, как уже было сказано, как частный случай имени. *Предложение* имеет: 1) *форму* — ею и является само предложение; 2) *денотат* — нечто во внешнем мире, что обозначается или называется предложением; Черч, как и Фреге, считает денотатом предложения только «истину», т. е. соответствие объективному положению дел, или «ложь», т. е. несоответствие объективному положению дел; «истина» и «ложь» называются *значениями истинности* (truth-values); 3) *смысл*; смыслом предложения является заключенная в нем *пропозиция* (proposition); в первом приближении пропозиция — то же, что суждение.

Таким образом, термин «предложение» (sentence) двусмыслен, он означает 1) форму предложения — материальную сторону знака или даже законоситель, что в разных условиях несколько варьируется, и 2 и 3) форму вместе с содержанием; в формальном языке — и во многих случаях при анализе естественного языка — мы должны понимать этот термин только в первом смысле.

Для выражений, содержащих переменные, т. е. для *форм*, чтобы эти формы могли превращаться в постоянные — или в имена в узком смысле, или в предложения, необходимо указывать *область* (range) каждой переменной, т. е. класс допустимых значений (values) этой переменной. Область определяется подстановкой постоянных на место переменной; денотат каждой постоянной в этом случае входит в область переменной, или, говоря иначе, область переменной складывается из денотатов соответствующих постоянных.

На основании сказанного в формальном языке строятся отношения между исходными символами и между выражениями. Они разбиваются на две группы. Одна группа

включает: 1) *правила денотации*, которые определяют денотацию для каждого имени; 2) *правила области определения* (rules of range), приписывающие область (range) каждой переменной; 3) *правила значений* (rules of value), которыми определяется какое-либо значение для каждой допустимой системы значений ее свободных переменных; эти три правила составляют *экстенциональную сферу семантики* данного языка (Черч склонен рассматривать их скорее как выводные правила, чем как первичные, исходные).

Другая группа содержит в некотором роде *параллельные* правила для смыслов: 1) *правила смысла* (rules of sense), которыми определяется смысл для каждого правильно построенного выражения, не содержащего свободных переменных. Все такие выражения становятся именами; поэтому в формальном языке данного типа и обычно вообще в формальных языках — в противоположность естественному — образование выражения, имени и формирование его смысла происходит до того, как определяется денотат, предмет обозначения этого имени; 2) *правила области смыслов* (rules of sense-range), приписывающие область смыслов каждой переменной; как область определений каждой переменной состоит (складывается) из денотатов тех постоянных, которые могут быть подставлены на место переменной, так, подобно этому, область смыслов каждой переменной складывается из смыслов денотатов соответствующих постоянных; 3) *правила значений смыслов* (rules of sense-value). Последнее выражение звучит по-русски не совсем складно, но английский термин value вообще труден для перевода; под значениями смысла понимается диапазон смыслов, которые может принять выражение; таким образом, значения смыслов очерчивают в плане смыслов нечто аналогичное области определения в плане денотатов; значения смыслов переменной складываются из смыслов тех постоянных, которые могут быть подставлены на место переменной. Итак, правила значений смыслов определяют какое-либо значение смыслов, т. е. какой-либо смысл, для каждого правильно построенного выражения, содержащего свободные переменные (и, таким образом, применением этих правил каждое такое выражение превращается в форму в указанном вначале смысле термина «форма»); указанные три правила составляют *интенциональную сферу семантики*.

Отметим одно чрезвычайно важное для семнологии обстоятельство. Хотя, как уже было сказано, в искусственном формальном языке создание интенциональной сферы предшествует созданию экстенциональной, однако по существу — и это хорошо видно на системе Черча — интенциональная сфера как бы копируется по образцу предметной, или экстенциональной, сферы, хотя бы до известного предела. В этом смысле в применении к предложению, пожалуй, даже более, чем к слову, справедливо древнее выражение, уже упоминавшееся нами: *Nomina sunt consequentia rerum* 'Имена — следствия вещей'. (Поэтому, отступая от изложения Черча, мы привели экстенциональные правила перед интенциональными.) Это обстоятельство соответствует тому факту, что формальные языки возникают как некоторое расширение или уточнение свойств естественного языка. Но, будучи созданным, формальный язык сам становится средством описания естественного языка. Черч показал это на одном фрагменте английского языка; мы приводим этот пример, заменяя английский фрагмент русским:

1. С л о в а р ь: *равняется пять данный четыре есть если число планета плюс круг(ый) тогда мир*; помимо этого простого списка исходных символов одновременно с ним задается, как уже было сказано, первичная категоризация, так: *планета* — имя нарицательное; *планеты* — мн. число того же имени; *данный мир* (*the world*) — индивидуальное (собственное) имя; *круг(ый)* — прилагательное; *планеты, планет, мира, числа* и т. д. — род. падеж соответствующих слов и т. д.

2. П р а в и л а о б р а з о в а н и я в ы р а ж е н и й: если *A* есть мн. число имени нарицательного, тогда выражение \sqcap *число* \sqcap *форма род. падежа* \sqcap *A* есть индивидуальное выражение (*singular term*). Собственное имя, стоящее отдельно, есть индивидуальное выражение (*singular term*). Если *A* и *B* — индивидуальные выражения, то *A* \sqcap *равняется* \sqcap *B* — предложение. Если *A* — индивидуальное выражение, а *B* — прилагательное, то *A* \sqcap *есть* \sqcap *B* — предложение. Если *A* и *B* предложения, то *если* \sqcap *A* \sqcap *тогда* \sqcap *B* — предложение.

3. П р а в и л а в ы в о д а (*rules of inference*): если *A* и *B* — предложения, то из *если* \sqcap *A* \sqcap *тогда* \sqcap *B* и *A* выводится *B*. Если *A* и *B* — индивидуальные выражения и *C* — прилагательное, то из *A* \sqcap *равняется* \sqcap *B* и *B* \sqcap *есть* \sqcap *C* выводится *A* \sqcap *есть* \sqcap *C*.

4. Аксиомы - теоремы: «если данный мир кругл, то данный мир кругл»; «четыре плюс пять равняется девяти» (точнее — здесь нужно было ввести в русский пример форму род. падежа от *девять*).

5. П р а в и л а с м ы с л а: *кругл(ый)* выражает свойство круглости; *данный мир* выражает (индивидуальный) концепт данного мира; «данный мир кругл» выражает пропозицию о том, что данный мир кругл.

6. П р а в и л а д е н о т а ц и и: *кругл(ый)* обозначает класс круглых предметов; *данный мир* обозначает данный мир; «данный мир кругл» обозначает истинность того, что данный мир кругл.

Оставим теперь изложение Черча, чтобы перейти к специальным вопросам семиологической грамматики. На основе сказанного мы предлагаем подход к формализации двух из ее основных понятий, изложенных в разделе 1 этой главы.

Понятие *трансформации* мы будем рассматривать как неформальный аналог, или экспликанд, формальных отношений смыслов, или *правил вывода* (rules of inference или deduction rules); последние выступают как формальный аналог, экспликат того, что требуется формализовать. Понятие лексико-синтаксических преобразований, *перифраз* мы будем рассматривать как неформальный аналог, экспликанд логических отношений другого рода — *отношений следования* (entailment rules), которые в этом случае являются экспликатом. Остановимся подробнее на тех и других.

Трансформации мы определили (см. гл. V, 1) как преобразования предложений при сохранении их смысла, преобразования, инвариантные относительно смысла. Примерами могут служить рус. *Лаборант растапливает вещество* — *Вещество растапливается лаборантом*, первая форма обычно называется активной, вторая — пассивной; *Лес шумит* — *шум леса*, первая форма — предложение, вторая — его номинализация. Естественно, что такие преобразования могут рассматриваться как в направлении от первого ко второму, так и от второго к первому; следовательно, они основаны на достаточно сильных, обратимых грамматических связях. Естественно и то, что аналогом этих отношений в формальном языке выступают правила вывода. Само название хорошо передает суть дела: речь идет именно о выводе как о сознательной операции, имеющей целью получить одну языковую форму из другой;

операцию такого рода естественно находить в трудах по логике и лингвистике, но она маловероятна и в действительности редко встречается в устах говорящего.

В формальном языке Черча действует принцип: смысл однозначно определяет денотат, но обратное неверно, и одному денотату может соответствовать множество смыслов. В одном частном случае — в суженном применении принципа абстракции, о котором мы упомянули выше (гл. 1, 2) в связи с теорией множеств, — действует положение: свойство однозначно определяет множество (класс), но одному классу может соответствовать множество свойств. В другой теории — Р. Карнапа — этому принципу соответствует положение о том, что интенционал единственным образом устанавливает экстенционал, но обратное также неверно, и одному экстенционалу могут соответствовать несколько интенционалов [Карнап 1959, 173]. Вообще, в формальных языках обычно безоговорочно принимается принцип: правильно построенный смысл однозначно определяет денотат, к которому приложимо правильно построенное выражение, т. е. однозначно определяет приложимость языкового выражения.

Это положение не действует в естественном языке [подробнее см.: Степанов 1964], и это именно тот пункт, на который приходится обращать особое внимание при формализации отношений трансформации (гл. XII, 2 и 3).

Если бы, следовательно, с трансформациями в естественном языке дело обстояло вполне так, как с трансформациями в формальном языке, т. е. как с правилами вывода, то, поскольку выражения *Лаборант растапливает вещество* и *Вещество растапливается лаборантом* тождественны в отношении смысла, они должны были бы относиться к одной и той же ситуации. Однако применительно к естественному языку это не так что лучше видно на других примерах (той же формы): *Рабочие Иванов и Сидоров строят дом* — *Дом строится рабочими Ивановым и Сидоровым*; *Алексей выгоняет Людмилу из дому* — *Людмила выгоняется Алексеем из дому*. Если сейчас отвлечься от того, что пассив в русском языке употребляется значительно реже, чем актив, то разница между первыми и вторыми формами заключается именно в разнице ситуаций: в ситуациях первого рода говорящий рассматривает происходящее с позиций рабочих, Алексея, в ситуациях второго рода — с позиций строящегося дома, выгоняемой Людмилы (как говорят иногда, меняется эмпатия говоря-

щего). Так же в случаях типа *Лес шумит* — шум леса, где предложение выражает происходящее как событие, а номинализация — как вневременной факт.

Но следует ли приписать это различие в употреблении именно разнице ситуаций (точнее — референтов или денотатов)? Или следует считать, что сами смыслы таких предложений в чем-то тождественны, а в чем-то различны?

Мы принимаем теперь именно последнюю точку зрения. В смысле предложения мы выделяем его структурированную часть, которую назовем *сигнификатом*¹. У предложений *Лаборант растапливает вещество* — *Вещество растапливается лаборантом* тождественны смыслы, но различны структурированные части смыслов, или иначе — структуры смыслов, сигнификаты. Точно так же тождественны смыслы, но различны структуры смыслов, сигнификаты у предложений *Алексей выгоняет Людмилу из дому* — *Людмила выгоняется Алексеем из дому* и т. п.; различны структуры смыслов при тождественных смыслах у предложения и его номинализации — *Лес шумит* — *шум леса*.

Отношения трансформаций, основанные на тождестве смыслов при различии структур смыслов, могут быть формализованы с помощью формального аналога этих отношений — правил вывода, по Черчу. В логике эти правила принадлежат к разряду правил *формальной выводимости*, *абсолютной импликации* и ближе всего стоят к понятию так называемой *материальной импликации*.

Для рассмотрения трансформаций, в которых в некотором роде тождественны также и структуры смыслов, т. е. тождество смыслов более полно, требуется, по-видимому, более сильный формальный аналог, в качестве которого можно избрать понятие тождества структуры интенционалов, или *интенционального изоморфизма* Карнапа. На этом понятии мы здесь подробнее останавливаться не будем [см.: Карнап 1959, 102 и след.; Смирнова 1962, 348].

¹ Раньше и в другой связи мы употребляли термины несколько иначе. Применительно главным образом к слову мы говорили о его смысле как сигнификате, а структурированную часть внутри сигнификата называли десигнатом [Степанов 1965, 43, § 12; 1977, 296]. На таком употреблении терминов мы теперь не настаиваем. Ради единства с формальной логикой смысл предложения называется здесь просто смыслом, а структурированная часть последнего — сигнификатом.

Понятие *перифраз*, или лексико-синтаксических преобразований, требует логических аналогов другого рода (в рассмотренном формальном языке А. Черча о них речи не идет). Выше мы определили перифразы как преобразования языковых выражений, инвариантные относительно денотата или референта. Преобразуемым же в них являются смыслы. Примерами могут служить соотношения типа *Лес шумит — Лес издает шум; Вещество расплавляется лаборантом — Вещество плавится; Рабочие построили дом — Дом построен; У нас затопили — У нас затоплено; У нас затоплено — У нас тепло в комнате* и т. п. В отличие от трансформаций такие преобразования не предполагают в общем случае обратимости отношений. Например, из того, что *У нас затоплено*, можно сделать вывод, что *У нас тепло в комнате*; однако из предложения *У нас тепло в комнате* не следует *У нас затоплено*.

Такого рода отношения предложений во многом аналогичны логическому понятию ослабленной импликации, иначе называемой импликацией *следования*, или правилами следования (entailment) [Карри 1969, 359]. Термин «следование», в противопоставление термину «вывод», здесь вполне удачен: он как раз указывает, что это естественные для говорящих отношения, не требующие усилий для формального вывода. Но формальное обоснование их — сложная проблема. (Иногда в логике такие импликации называются строгими импликациями, что с семиологической точки зрения не соответствует их смыслу: «ослабленные» значит в определенном смысле как раз «нестрогие»; далее термин «строгие импликации» мы здесь не употребляем.)

Итак, инвариантом в перифразах остается денотат, или референт, или экстенционал предложения. Как мы уже видели при рассмотрении формального языка Черча, формальные понятия экстенциональной сферы семантики во многом параллельны понятиям ее интенциональной сферы. И поскольку в последней — для трансформаций и соответствующих им правил вывода — мы разделили тождество смыслов на два понятия — тождество смыслов вообще и тождество структуры смыслов, то следует ожидать, что аналогичное разделение окажется полезным и в экстенциональной сфере семантики.

Применительно к тому, что обозначается предложением во внешнем мире, мы будем употреблять два раз

личных понятия. Мы будем называть *референтом* предложения ситуацию или факт, о котором (или о которой) говорится в предложении², и *денотатом* предложения — структуру ситуации или факта (если, конечно, она отражена в предложении). Например, выражения *Лес шумит* и *шум леса* имеют один референт, но разные денотаты. Напротив, предложения *Собака бежит* и *Собака не бежит* имеют одинаковые денотаты, но разные референты. В отличие от Л. Витгенштейна и его последователей (сторонников «знаковой теории предложения») мы вовсе не считаем, что предложение обязательно должно отражать ситуацию или факт «поэлементно». Пожалуй, точнее будет сказать, что денотат предложения отражается в его предикатном строении и что поэтому в известном смысле предложения, не имеющие структуры предиката, не имеют тем самым и денотата (например, *Зима*; *Вечер*). Но такие предложения имеют референт, когда они соотнесены с действительностью.

Для установления лексико-синтаксического, перифрастического соответствия предложений достаточно тождества референтов. Для экспликации этих соответствий в формальном смысле достаточно понятия правил следования. Но для экспликации более полного тождества предложений по референту может оказаться необходимым такое логическое понятие, которое соответствовало бы структурному тождеству денотатов, понятие «денотативного изоморфизма». Оно было бы параллельно «интенциональному изоморфизму» Карнапа. В настоящее время такого понятия еще нет. Вообще категория логического следования (entailment) остается еще мало разработанной [см.: Карри 1969, 362].

3. «ОПИСАНИЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ», «ОПИСАНИЕ СОСТОЯНИЙ» И ФОРМА ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Введя, таким образом, с помощью системы Черча некоторые основные понятия формализации, мы можем перейти к более специальным семиологическим вопросам. Целью следующего ниже рассуждения является показать — чему обычно не уделяют достаточного внимания, — что

² Частным случаем, который каждый раз должен оговариваться особо, будет понимание референта по Фреге и Черчу как совпадения или несовпадения пропозиции с объективной ситуацией или фактом, т. е. «истина» или «ложь».

форма предложения, а следовательно, и формализация связаны не только с грамматической правильностью или неправильностью, но и с истинностью или ложностью содержащегося в предложении утверждения. Проблема формализации есть в конечном счете проблема истинности высказываний, подлежащих формализации.

Введем сначала понятие атомарного, или элементарного, или ядерного, предложения в нашем смысле этих терминов (причем мы предпочитаем первый из них). *Атомарным предложением* является предложение, построенное с одним из предикатов синтаксической таксономии (т. е. с предикатом одной из 10 категорий Аристотеля) и с одним из индивидуальных имен словарной таксономии (т. е. с индивидуальным именем группы «Вещи», «Растения», «Животные», «Люди») в качестве субъекта. Для большей простоты можно считать, что в атомарном предложении в качестве субъекта не допускаются метазнаки (типа «совокупность», «множество», «процесс» и т. п.), названия таксономических групп («вещь», «растение», «животное», «человек») и имена, являющиеся результатом словарных трансформаций (типа «бег» от «бежать» или «бегать»; «белизна» от «бел»; «приближение» от «ближе» или «приближать» и т. п.). Атомарные предложения не являются трансформами или перифразами других предложений. В широком смысле слова «свойство» они выражают свойства предметов. Под свойством понимается при этом не нечто психическое — как образ или отражение чего-то в сознании, а объективное — как то, что имеют сами вещи. *Снег бел; Я учусь; Москва больше Ленинграда; Кошка спит; Петя нарисовал кошку; Снег спит; Кошка бела; Кошка больше Ленинграда; Москва больше снега* и т. п. — примеры атомарных предложений.

Очень важно заметить, что, хотя атомарных предложений может быть очень много и даже много предложений в пределах одного типа — одного предиката, с которым сочетается много индивидуальных имен, это не делает атомарное предложение функцией. Функцией остается предикат, если он допускает множество имен в качестве своего субъекта (и вообще в качестве своих термов). Но каждое атомарное предложение является не чем-то переменным, а постоянным.

К так понимаемому атомарному предложению можно применить следующие строгие определения: «Предложе-

ние, состоящее из предиката степени n , за которым следует n знаков индивидуальных постоянных, называется атомарным предложением»; «Атомарное предложение, состоящее из предиката, за которым следует индивидуальная постоянная, истинно, если, и только если, тот индивид, к которому относится индивидуальная постоянная, обладает свойством, которое обозначается предикатом» [Карнап, 1959, 32—33]. Слова «следует за» в этих определениях следует понимать в применении к логической записи предложения, тогда как в естественном языке, разумеется, порядок следования предиката и индивидуальных имен определяется структурной схемой предложения. Сказанное предполагает также правила обозначения — они были введены выше в терминах системы Черча (аналогичные правила можно найти во многих других работах [см., например, Войшвилло 1967]).

Про каждое атомарное предложение можно сказать, является ли оно истинным или ложным. Если « p » — атомарное предложение, то будет иметь место таблица истинности 1.

Таблица 1

р
и
л

Написанное есть таблица возможностей истинности для одного атомарного предложения. Так, предложение *Снег бел* имеет две возможности истинности, и действительно первая, предложение истинно. Предложение *Снег спит* имеет те же две возможности, и действительно вторая, предложение ложно.

Сказанное выше предполагает, что в исходной системе — в сочетаниях предикатов с именами — мы приняли самые слабые ограничения, исключив только метаямена, трансформы и некоторые другие. При таких слабых ограничениях предложение *Снег бел* будет расценено как истинное, а предложения *Снег черен* и *Снег спит* — как ложные. Эти условия определяют некие «возможные миры», может быть разные, похожие на земной мир, отраженный в естественном языке, поскольку в предложениях, описывающих эти возможные миры, участвуют те же

имена и те же предикаты, что и в естественном языке, но миры уж очень широких возможностей, поскольку допустимы сочетания всех индивидуальных имен со всеми первичными предикатами. Это миры, не знающие семантических ограничений.

Можно представить себе и иную систему — принять в исходной точке только некоторые сочетания имен с предикатами как семантически допустимые и тем или иным способом запретить остальные. В этой второй системе предложение *Снег бел* будет оценено как истинное, предложение *Снег черен* — как ложное, а предложение *Снег спит* — как запрещенное семантическими правилами, или бессмысленное. Такая система также описывала бы некий возможный мир, но мир, гораздо более близкий к действительному. Для дальнейшего исчисления логических возможностей нет необходимости накладывать предварительные сильные ограничения; достаточно принять самый слабый вариант, приведенный вначале.

Как уже было сказано, атомарные предложения являются независимыми, т. е. не трансформами, не перифразами других атомарных предложений [ср.: Витгенштейн 1958, 5.134]. Поэтому если дано два атомарных предложения — «р» и «q», каждое из которых может быть либо

Таблица 2

р	q
и	и
л	и
и	л
л	л

истинным, либо ложным, то для их сосуществования будет иметь место таблица истинности 2.

Для сосуществования трех независимых атомарных предложений будет иметь место таблица истинности 3.

Введем теперь понятие *неатомарного предложения*. Под ним будем понимать просто предложение, которое зависит от атомарных, ничего не говоря пока о его собственной форме (оно может быть и сочетанием атомарных предложений в одно сложное, и, будучи простым,

просто стоять в отношении семантической зависимости от них). Неатомарное предложение «есть выражение согласования и несогласования с возможностями истинности элементарных предложений» [Там же, 4.4].

Так, если третье предложение в приведенной ниже таблице истинности, предложение «г», рассматривать как зависимое от предложений «р» и «q», т. е. как неатомарное, то его истинность определится только частью таблицы 3, а именно таблицей 4.

Если мы выпишем последнюю колонку в строчку, то пропозициональный знак атомарного предложения будет «(ИИЛИ) (р, q)» [Там же, 4.442]. Это и есть условие истинности предложения «г» при наличии в системе еще двух, атомарных предложений «р» и «q».

Для n элементарных предложений имеется L_n возможных условий истинности, т. е. L_n возможностей согласования и несогласования с возможностями истинности n элементарных предложений:

$$\sum_{k=0}^{K_n} \binom{K_n}{k} = L_n$$

Таблица истинности (3) показывает для системы из трех фактически и логически независимых атомарных предложений полный набор возможностей. Таблица (4) описывает действительный для нашего мира набор возможностей при том же условии наличия только трех предложений. Конечная формула описывает последнее, но при том условии, что количество предложений не ограничивается тремя, оно может быть любым — n .

В приведенном выше рассуждении Л. Витгенштейна реализована замечательная мысль Г. В. Лейбница о возможных и действительных мирах. Лейбниц считал, что не существует никакой другой необходимости, кроме необходимости логической, и не существует никакой другой невозможности, кроме невозможности, обусловленной противоречием. Необходимо только то, обратное чему вызывает противоречие. Возможно все то, что само по себе непротиворечиво. Полный набор возможностей Лейбниц связывал с божественным разумом, а отношения между полным набором и реализованными возможностями представлял себе, по удачной формулировке Л. Кутюра, следующим образом: «Все возможное не может быть реализовано сразу, ибо возможные вещи не являются совозможными, т. е. не могут быть взаимно совмещены. Поэтому

Таблица 3

р	q	г
И	И	И
Л	И	И
И	Л	И
И	И	Л
Л	Л	И
Л	И	Л
И	Л	Л
Л	Л	Л

Таблица 4

р	q	г
И	И	И
Л	И	И
И	Л	Л
Л	Л	И

выбор между возможностями не зависит от божественного разума, т. е. логические законы не зависят от вечной истины, но они зависят от его воли и от благодати провидения. Ему доступно все (что непротиворечиво), но он хочет лучшего (из одинаково возможных миров)» [Couturat 1901, 219]. По мнению Лейбница, существующий мир — лучший из возможных миров.

Во взгляде Лейбница есть еще одна, мало осознанная последующими исследователями замечательная идея. Если полный набор возможностей ограничивается только абсолютным противоречием — противоречивое невозможно, то и возможное не все может быть **с о з м о ж н ы м** — возможным в одно и то же время. Но возможное может быть **п о с л е д о в а т е л ь н о** **в о з м о ж н ы м** в разные моменты времени. Таким образом, в исчислении возможностей Лейбница, а далее и Витгенштейна, в неявном виде содержится идея эволюции как последовательного осуществления заведомо возможного. Эта идея будет развита нами ниже (см. гл. X).

В свою очередь, «описание возможностей» Л. Витгенштейна было далее использовано в системе Р. Карнапа. Замыслом Карнапа было построить «логистическую систему», т. е. формальную систему, минимально связанную с семантикой (понимая под семантикой соответствие знаков и выражений системы элементам вещного, внеязыкового мира). В соответствии со своим замыслом Карнап изменяет некоторые моменты в подходе Витгенштейна. Вместо понятий «истина», «ложь» (И, Л) он использует понятия «утверждение», «отрицание» (заметим очень важное обстоятельство — естественно возникающую ассоциацию понятий «истина» и «утверждение» и, с другой стороны, «ложь» и «отрицание»). По-видимому, здесь пролегает путь к осознанию специфики отрицательных структурных схем в языке, которые, как мы видели выше, пока еще остаются в таксономии несистематизированными).

«Описание возможностей» Витгенштейна превращается у Карнапа в «описание состояний»³. В то время как описание возможностей по Витгенштейну представляет опи-

³ В соответствии со всем сказанным термин «описание состояний» («состояние» во мн. числе) как аналог *state description* представляется более адекватным, чем «описание состояния». «Описание состояния» соответствует полностью определенному состоянию — одной реализации из совокупности возможных миров [ср. также: Тондл 1975, 99].

сание истинности и ложности предложений как их соответствий и несоответствий фактам, в «описании состояний» Карнапа понятие истинности раздваивается на описание логической истинности (*L*-истинности) и описание фактической истинности (*F*-истинности). Первое соответствует интенциональной сфере семантики, второе — экстенциональной (о последних см. здесь выше).

Вернемся к системе Витгенштейна. «Описание логических возможностей», о котором идет речь, Витгенштейн иначе называет «логическим пространством» или «логическим свободным пространством» (*der logische Spielraum*). Это пространство, как уже ясно из всего сказанного, имеет границы: «Условия истинности определяют область, которую предложение оставляет факту» [Витгенштейн 1958, 4.463]. Но что понимает здесь Витгенштейн под «предложением»? Оно нечто иное, чем «элементарное», или атомарное, предложение. Это видно из следующего места: «Предложение есть выражение согласования и несогласования с возможностями истинности элементарных предложений» [Там же, 4.4]. Таким образом, «предложение» в этом рассуждении — не первообразное, не элементарное, а выводное предложение. В свою очередь, выводное предложение можно трактовать двояко. Либо как сложное предложение, создающееся из двух или более элементарных предложений посредством логических связей, например союза *и* — конъюнкции. Такие предложения, создающиеся из элементарных, или атомарных, естественно называть «молекулярными», и этот термин действительно используется [Тондл 1975, 122]. Однако в системе самого Витгенштейна для такого ограниченного понимания выводного предложения, кажется, нет оснований. Либо выводным предложением (или «предложением» по терминологии Витгенштейна, в отличие от его «элементарного предложения») может быть и само элементарное, или атомарное, предложение, когда оно рассматривается не как независимое (что делается в исходной точке для полного описания возможностей, или состояний), а ставится в зависимость от всех наличных предложений. Это фактически и сделано в таблице (4). Таким образом, термин «предложение», или тем более «выводное предложение», очень условен — он означает просто, что мы рассматриваем предложение (в том числе и атомарное) в сетке зависимостей от других предложений (хотя необязательно в смысле прямой выводимости, трансформации или перифразы из дру-

гих предложений). Этому, в сущности, не противоречит и понимание «молекулярного предложения» у Тондла.

То же самое в ранее принятых нами терминах можно сказать иначе: первичные предикаты и построенные на их основе предложения являются атомарными предложениями; все они могут рассматриваться как независимые одно от другого; трансформации, перифразы и сложные предложения, образованные на основе атомарных, являются выводными предложениями; выводные предложения обнаруживают отношения эквивалентности, синонимичности разного типа друг с другом; тем самым и атомарные предложения — рассматриваемые в общей системе с выводными — перестают быть независимыми. Именно такое понимание синтаксической системы является, на наш взгляд, аналогом полной системы Витгенштейна.

После этого нетрудно видеть, какова должна быть лингвистическая интерпретация «логического свободного пространства» и его границ. Рассматривая границы логического пространства, Витгенштейн сводит их к условиям истинности, которые, как он выражается, «можно упорядочивать в ряд». Примеры такого упорядочения в ряд уже приводились: так, для предложения «*r*» таблицы (4) — (ИИЛИ) (*p*, *q*). При формулировке условий истинности в рамках той же маленькой системы могут обнаружиться два предельных случая — 1. (ИИИИ) (*p*, *q*); 2. (ЛЛЛЛ) (*p*, *q*). Первый случай характеризует предложение, которое истинно всегда, при любых условиях истинности, второй — предложение, всегда ложное, при любых условиях истинности. Первое предложение есть тавтология, второе — противоречие.

Витгенштейн обобщает такие наблюдения в следующей форме: «Группы условий истинности, принадлежащие к возможности истинности некоторого числа элементарных предложений, могут упорядочиваться в ряд» [4.442]. «Среди возможных условий истинности имеется два предельных случая. В первом случае предложение истинно для всех возможностей истинности элементарного предложения. Мы говорим, что условия истинности *тавтологичны*. Во втором случае предложение ложно для всех возможностей истинности. Условия истинности *противоречивы*. В первом случае мы называем предложение тавтологией, во втором — противоречием» [4.46]. «Тавтология и противоречие не имеют смысла. . .» [4.461]. «Но тавтология и противоречие не являются бессмысленными, они являются

частью символизма, подобно тому, как „0“ есть часть символизма арифметики» [4.4511]. «Условия истинности определяют область, которую предложение оставляет факту [4.463]» [Витгенштейн 1958].

Таким образом, семантическая сфера предложения может быть представлена в виде континуума, ряда, границами которого являются с одной стороны, тавтологическое предложение, которое мы назовем *чистой формой*, лишенной всякого содержания, и, с другой стороны, противоречивое предложение, которое мы назовем *чистым содержанием*, лишенным всякого ограничения, а следовательно, формы. (Мы увидим ниже, что это различие полностью соответствует некоторому фундаментальному различию в таксономии словаря.) Определенная таким образом семантическая сфера предложения является общей формой предложения в семиологическом смысле слова.

Трансформации и перифразы вписываются в семантический континуум синтаксиса между его крайними полюсами, взаимно ограничивая друг друга в следующем порядке: *тавтология* — *трансформация* — *перифраза* — *противоречие*.

Этот ряд и является общим определением формы предложения в семиологическом смысле слова. Трансформации суть некоторый класс преобразований или вариаций атомарных предложений, ограниченный тавтологией, с одной стороны, и перифразой — с другой. Иными словами, пределом трансформаций как вариаций по денотату является тавтология. *Рабочие строят дом* — *Дом строится рабочими* — трансформация, но *Дом строится рабочими* с точки зрения общего содержания сигнификата — то же самое, что *Рабочие строят дом*. Тавтологии в естественном языке далеко не редкость и зачастую достаточно содержательны. Пределом трансформаций как вариаций по денотату, затрагивающих структурную часть смысла, сигнификат, является перифраза, поскольку различие в сигнификате соответствует, как мы видели выше, некоторому различию в структуре обозначаемой ситуации (хотя бы минимально в том, что меняется эмпатия говорящего). Так, *Рабочие строят дом* → *Дом строится рабочими* — трансформация, но *Дом строится рабочими* соответствует такой ситуации, когда эмпатия говорящего на стороне дома, и, следовательно, эта ситуация может быть семантически эквивалентно описана предложением: «То, о чем шла речь, то есть дом, строится рабочими». Но

последнее — это уже перифраза к обоим первоначальным предложениям.

Перифразы суть некоторый другой класс преобразований или вариаций атомарных предложений, ограниченный трансформациями, с одной стороны, и противоречиями (т. е. предложениями, являющимися противоречиями) — с другой. Одним пределом перифраз как вариаций по смыслу является трансформация. Это тот случай, когда перифраза ограничивается минимумом изменений, что в грамматическом плане соответствует изменению только залоговых характеристик предложения или только порядка слов в нем и т. п. Например, предложение *Дом куплен Иваном* может быть оценено как перифраза в отношении к *Дом купил Иван* и как трансформация к *Иван купил дом*. Противоположным пределом перифраз являются противоречивые высказывания об одной и той же ситуации, т. е. такие, одно из которых содержит отрицание смысла другого, ср.: *Иван купил дом и вроде бы не купил его*; *Речка движется и не движется*, *Вся из лунного серебра* (Матусовский, Подмосковные вечера); *Ненавижу и люблю* (Катулл) и т. п. Такие высказывания далеко не редкость в естественном языке. При понимании их в чисто логическом смысле они становятся противоречиями (см. выше об антонимах).

На полюсе тавтологий паходятся аналитические предложения. Аналитическими предложениями (в синтаксическом смысле) являются, например: «Каждое А, которое не есть В, не есть В»; «Каждый мужчина, который не женат, не женат»; «Каждый холостяк не женат». Аналитическим предложением в синтаксическом смысле (в отличие от семантического) является каждая логическая тавтология или каждая позволительная в языке подстановка тавтологии и каждое предложение, сводимое к вышеназванным предложениям при помощи синтаксических соглашений, действительных для данного языка. Синтаксические соглашения, или конвенции, устанавливают, что определенным термином можно пользоваться вместо какого-либо данного выражения [см.: Айдукевич 1958, 277].

На полюсе противоречия находятся синтетические предложения, соединяемые конъюнкцией, — предложения с перечислением, например: «Речка движется, и не движется, и поет, и играет, и стынет, и теплеет, и бурлит, и стихает, и серебрится, и светлеет и т. д.» Вообще говоря, весь словарь может быть перечислен таким образом в пре-

дикате одного синтетического предложения. Оно окажется предельно богатым по содержанию, но противоречивым, по крайней мере в том смысле, что его предикаты не могут быть истинными в одно и то же время. В некотором очевидном смысле такие предложения лишены также формы.

Данному определению семиологической формы предложения соответствует определение семиологической формы слова в таксономии словаря. Для того чтобы обрисовать это соответствие последовательно, укажем сначала, что имеется полная аналогия между тавтологией и противоречием в систематике предложений Витгенштейна и двумя категориями в систематике понятий В. Н. Карпова. Чем больше объем понятия, тем меньше его содержание, и наоборот — чем больше содержание понятия, тем меньше его объем. Исходя из этого соотношения, Карпов логически продолжает оба процесса «вверх» и «вниз». «Когда, на высшей степени отвлечения, содержание стало бы нулем, мыслимое сделалось бы понятием онтологическим» [Карпов 1856, 97]. Под онтологическим понятием Карпов понимает, таким образом, чистую форму, содержание которой равно нулю и которая тождественна «чистому объему». *Онтологическое понятие* Карпова соответствует *тавтологии* Витгенштейна.

Продолжая процесс «вниз», Карпов приходит к противоположному пределу, при котором объем становится равным нулю, а содержание превращается в бесконечно перечисляемую, неограниченную совокупность признаков — в индивид, или «неделимое». Понятие *индивида* у Карпова соответствует понятию *противоречивого предложения* у Витгенштейна.

Поскольку всякое определение объема и содержания понятия должно мыслиться в определенной системе, мы применим идеи Карпова к семиологической таксономической системе словаря. Применяя пределы Карпова к центральной части таксономии — к иерархии «дерева Порфирия», мы можем сказать, что верхний предел иерархии «Непредметные метазнаки» соответствует «чистому объему» и является аналогом тавтологии в синтаксическом смысле. Мы видели в соответствующем разделе Словаря, что такие семантические сущности являются внутренним средством упорядочения лексической системы языка и в словарях используются в качестве первых слов словарных определений (*Коллектив* — совокупность. . . ; *Сталеска* — инструмент. . . ; *Куча* — множество. . . и т. д.).

Нижний предел иерархии словаря — индивид-человек («я») — соответствует «чистому содержанию» и является аналогом противоречивого предложения в синтаксическом смысле.

Если принять синтаксическую форму «А есть А» как наиболее естественное выражение тавтологии, то противоположный полюс — противоречие — будет выражен в форме «А есть не-А». Любое имя, повторенное в позиции субъекта и предиката, даст тавтологию — «Я есть Я»; «Учитель есть учитель»; «Кошка есть кошка»⁴. Точно так же любое имя, взятое в позиции субъекта в положительной форме и повторенное в позиции предиката с отрицанием, даст противоречие: «Я есть не-Я»; «Учитель не есть учитель» («Учитель — это не учитель»); «Кошка не есть кошка» («Кошка — это не кошка»).

Между этими двумя полюсами располагается основная масса именных предложений, или предложений частичного тождества (и, следовательно, частичного противоречия): *Я — учитель; Кошка — животное; Это животное — кошка*. Мы увидим ниже, что глагольные предложения, в которых устанавливается тождество двух имен посредством глагола (иного, чем связка *быть*), могут быть сведены к предыдущим: *Я стал учителем; Кошка принадлежит к животным; Это животное кажется кошкой*. Более того, многие другие, собственно глагольные предложения, например с переходным глаголом и объектом, разделяют свойства предложений, приведенных выше: предложение *Мальчик читает книгу* устанавливает частичное тождество «книги» и «мальчика» через посредство глагола: «читать» есть свойство мальчика и «быть читаемой» есть свойство книги. (Не столь важно, что в отношении к субъекту предложения, в данном случае к «мальчику», это свойство оказывается временным, а в отношении к объекту, «книге», — постоянным: книга, собственно, есть то, что предназначено для чтения. В других случаях отношения временной и постоянной присущности могут оказаться обратными: субъект будет обладать чем-то как постоянным признаком, а объект — тем же признаком как временным, например: *Земля здесь родит сорок центнеров на гектар*.) Таким образом, и глагольные предложе-

⁴ В реальном употреблении такие предложения обрастают дополнительными смыслами и в действительности не являются уже тавтологиями, ср.: *Ты знаешь Петю: Петя — это Петя!* и т. п.

ния типа *Мальчик читает книгу* являются частично предложениями-тавтологиями и частично предложениями-противоречиями. Всякую меру соединения этих свойств, отличающуюся от чистой тавтологии и от чистого противоречия, мы назовем отношением *семантического согласования*. Подробнее это общее свойство предложения рассматривается в специальной главе.

Выше уже говорилось, что система Витгенштейна является развитием некоторых идей Лейбница, а система Карнапа, в свою очередь, развитием взглядов Витгенштейна. Теперь можно указать на своеобразное продолжение системы Карнапа в работе Е. К. Войшвилло 1976 г. Автор устанавливает связь между понятием «статистическая информация» (например, по Шеннону) и понятием «семантическая информация» (по Карнапу). Семантическая информация определяется следующим образом: имеется конечное множество исходных абстрактных возможностей, например множество предложений, каждое из которых констатирует одно из возможных «положений дел» в «действительном» или «возможном» мире; каждому из предложений каким-либо образом приписана определенная вероятность; принятие одного из них, скажем предложения-высказывания A , обуславливает исключение некоторых возможностей; тогда сумма вероятностей, остающихся (допустимых для A) возможностей, рассматривается как вероятность $p(A)$ высказывания A ; информация, содержащаяся в A , $i(A)$, будет:

$$i(A) = -\log p(A).$$

«Это соотношение, — замечает Е. К. Войшвилло, — может быть распространено на любые случаи, в которых есть возможность определить вероятность высказывания A независимо от того, каким образом это достигается. В отличие от оценок информации в статистической теории информации, где используется частотное понятие вероятности, здесь имеется в виду логическая вероятность. Однако это различие не является существенным. Если, например, имеется простое высказывание вида $P(a)$ (о наличии у предиката a свойства P) и может быть определена относительная частота появления P в классе, к которому относится a , а тем самым и вероятность наличия данного свойства у данного предмета, то она должна совпасть с логической вероятностью данного высказывания» [Войшвилло 1976, 168].

Если никакое описание состояния (из возможных описаний состояний) не содержит некоторого высказывания и одновременно его отрицания (т. е. действует логический закон отрицания и логический закон исключенного третьего), то устанавливаемая при таком описании состояний информация является, по Войшвилло, экстенциональной: мы заранее принимаем, что в действительности не может быть противоречивых состояний, описываемых предложением и его отрицанием, т. е. в этом случае описывается «действительный мир».

Можно, однако, как предлагает далее Войшвилло, изменить понятие описания состояния таким образом, чтобы при его формулировке не принимать заранее какой-либо информации (т. е., сказали бы мы, оставить «максимум возможностей»). В таком случае устанавливаемая описанием состояний информация будет, по Войшвилло, интенциональной. Для этого, «оказывается, достаточно отказаться от предположения априори, что в действительности действуют законы противоречия и исключенного третьего. Собственно, только эти законы, их конъюнкции и выводимые из них представляют собой утверждения о действительности, поскольку являются формулами нашего языка. Остальные выражают отношения между формулами» [Там же, 176]. В таком описании состояний могут быть, например, предложения, которым одновременно приписываются значения «истина» и «ложь». Описываемый таким образом мир является, сказали бы мы, «возможным миром» с максимумом возможностей. Но, подчеркнем еще раз, соответствующее ему описание строится в конечном счете по образцу описания экстенциональной информации «действительного мира».

В целом на изложенной выше основе в дальнейшем, несомненно, может быть произведена формализация понятий «трансформация» и «перифраза», причем одно будет лежать в сфере экстенциональной, а другое — в сфере интенциональной семантики. В настоящее время такие формализации отсутствуют (см., однако, о «перифразе» в работе: [Martin, 1978]).

4. ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

В настоящее время нет концепции, которая адекватно объясняла бы психологический статус и психическое бытие предложений. Трудность положения усугубляется тем, что

психологам и психолингвистам, по-видимому, неясно, на основе какой лингвистической теории следует экспериментировать [см. об этом: Фрумкина 1978]. Психические корреляты чего следует искать? Конкретного предложения? Процесса «порождения» предложения? Связности текста? Или, наконец, какой-то иной синтаксической сущности, которая в названных понятиях еще даже и не означена?

Мы полагаем, что именно последний вопрос должен определять направление психолингвистических поисков. Лингвистической сущностью, психические корреляты которой в первую очередь предстоит исследовать, является не конкретное предложение и не их связь, образующая текст, а тип предложения — структурная схема, или пропозициональная функция.

Мы можем сослаться лишь на одну психологическую школу, в которой этот вопрос если не решен, то хотя бы поставлен, — школу Пиаже. В работе «Логика и психология» 1953 г. (русский перевод — 1969 г.) Пиаже рассматривает становление — в процессе развития ребенка — логических и психологических операций и соответствующих им структур. «С психологической точки зрения, — говорит Пиаже, — операции — это действия, которые перенесены внутрь, обратимы и скоординированы в системе, подчиняющейся законам, которые относятся к системе как целому. Они представляют собой действия, которые, прежде чем они стали выполняться на символах, выполнялись на объектах» [Пиаже 1969, 579].

Логико-психологическая система операций вырабатывается у каждого отдельного человека лишь на определенном этапе его развития — от подростка до взрослого. На ранних этапах все области опыта ребенка (форма, пространство, вес и т. д.) поочередно преобразуются в структуры посредством группы конкретных операций и лишь постепенно происходит построение инвариантов (или понятий сохранения). Элементарные группировки таковы: а) простые классификации, б) замещения или подстановки внутри классификаций, в) умножение двух или большего числа классификаций. Лишь на последнем этапе — 14—15 лет — происходит выработка психических коррелятов пропозициональных структур.

В связи с предыдущими главами нашей книги, в частности с таксономией имен, особенно интересны наблюдения Пиаже над логикой одной из элементарных операций—

классификации. Операциональная система классификации, в свою очередь основанная на некоторых более простых операциях, заключается в последовательном включении классов, например: (А) «воробьи» \supset (Б) «птицы» \supset (В) «животные» \supset (Г) «живые существа». «Можно привести много других подобных систем включений классов» [Пиаже, 1969, 583].

Что касается последнего периода в развитии операций, то, по Пиаже, он «включает в себя два важных приобретения. Во-первых, логику высказываний, которая является формальной, независимой от содержания и представляет собой общую структуру, координирующую различные логические операции в единую систему. Во-вторых, серии операциональных схем, не имеющие очевидной связи ни друг с другом, ни с логикой высказываний» [Там же, 591]. Логико-математическая модель развития операций, построенная Пиаже, в ее основной части совпадает с логикой высказываний. Тем самым Пиаже показал единство формализации пропозициональных структур и психических операций.

В более узком смысле «операция» в концепции Пиаже определяется как «обратимая трансформация одной структуры в другую либо посредством модификации „формы“, либо посредством субституции „содержания“» [Battro, 1973, 124]. Исходя из этого определения, можно указать содержащиеся в системе Пиаже аналоги «перифраз» и «трансформаций» в смысле семиологической грамматики данной книги.

Аналогом «трансформаций» будут у Пиаже «интрапропозициональные» (т. е. внутрпропозициональные) операции, которые определяются как «операции, позволяющие разложить пропозицию на ее элементы (причем разложение может достигать различной степени) и построить новые пропозиции, определяемые трансформациями их элементов» [Там же, 124].

Аналогом «перифраз» будут у Пиаже «интерпропозициональные» (т. е. межпропозициональные) операции, которые определяются следующим образом: «Каждая трансформация позволяет построить средствами каких-либо пропозиций, относительно которых мы знаем их значения истинности, новые пропозиции, характеризующиеся соответственно различными возможными комбинациями положительных или отрицательных значений истинности первых» [Там же, 124].

С точки зрения семиологической грамматики очень важно разделение пропозициональной функции и конкретного высказывания, достигнутое в концепции Пиаже. С этой же точки зрения, кажется, имеется сходство между последней и одним положением А. А. Леонтьева, который отмечает «принципиальное различие механизмов, обеспечивающих порождение синтаксической конструкции, с одной стороны, и ее лексическое „наполнение“ — с другой. Если первый из этих механизмов носит конструктивный характер. . . то другой, по-видимому, скорее является в своей основе вероятностным» [Леонтьев 1969, 267].

МОДАЛЬНОСТЬ

Мы чувствуем в одном мире, а мыслим и даем названия в другом; мы можем установить соответствие между обоими мирами, но бессильны заполнить расстояние между ними.

(М. Пруст.
В поисках утраченного времени.
[Сторона Германтов])

1. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ. «КВАЗИПРЕДИКАТЫ». МОДАЛЬНОСТЬ. ЛОКАЦИЯ. ПРАГМАТИКА

Модальность сопровождает предикат, но не может образовать предиката сама по себе (немыслимы, например, фразы **Он может*; **Он кажется*). В семантическом описании предиката предложения модальность выносится за пределы пропозиции, в «модальную рамку», например: *Он гонит муху* 'Он делает так, чтобы муха улетела + + (Он этого хочет)'. Поэтому модальности могут быть названы «квазипредикатами» и составить в таксономии предикатов третий класс — в дополнение к классу 10 базовых предикатов и к классу кванторов и отрицаний.

В плане семантики модальность есть нечто, что может быть описано словами «необходимо», «возможно», «вероятно», «желательно» и т. п. Очевидно, что языковые формы, соответствующие этой семантике, должны быть сложны и разнообразны. Усилия лингвистов и логиков в постижении категории модальности шли в общем в одном направлении — к тому, чтобы выделить в ней два центра, или полюса, — то, что «необходимо», «возможно», «вероятно» и т. д. в силу объективного устройства мира, — «объективную модальность» и, с другой стороны, то, что «необходимо», «возможно», «вероятно», «желательно» и т. д., по мнению человека, — «субъективную модальность».

В классической логике, от Аристотеля до Канта включительно, еще не расчлененная, не «поляризованная» модальность относилась к характеристике высказываний-суждений и была одной из четырех их основных характеристик: количество, качество, отношение, модальность. По модальности суждения классифицировались на:

1) проблематические (суждения возможности), например: *Возможно, сегодня будет дождь*; 2) ассерторические (суждения действительности): *Эверест — одна из высочайших горных вершин*; 3) аподиктические (суждения необходимости): *Общество не может существовать без языка*.

Однако аристотелевско-кантовская классификация модальностей суждения оказывается основанной на различных критериях — логических, гносеологических, онтологических. В ней нельзя в конечном счете и в общем виде отличить суждение действительности от суждения необходимости, ибо одно и то же событие может произойти случайно или необходимо, и вопрос этот выходит за рамки формальной логики. В ней нельзя также различить объективную возможность и субъективный акт принятия чего-либо в качестве возможного. Так, приводимый обычно в разных сочинениях по логике или по логике и грамматике пример якобы суждения возможности *На Марсе возможна жизнь* имеет по крайней мере три совершенно различные интерпретации: 1) «В данный момент на Марсе нет жизни, но в силу условий этой планеты жизнь там возможна»; 2) «В данный момент на Марсе нет жизни, но она там, может быть, будет в будущем»; 3) «Можно допустить, хотя мы не знаем этого точно, что на Марсе есть жизнь». Суждение (1) сообщает об объективной модальности возможности, суждение (3) — о субъективной модальности возможности, суждение (2) представляет собой сложное модальное построение, не имеющее даже особого названия. В связи с этим Г. Клаус справедливо замечает, что «кантовская таблица суждений для современной логики уже не пригодна» [Клаус 1960, 153].

Развитие теории модальностей в сторону «поляризации» привело в современной логике к двум концепциям. В одной концепции, в общем ориентированной на описание объективных модальностей, последние сводятся к более элементарным и немодальным понятиям «истина» или «ложь» высказывания. Примером, который неоднократно упоминался в нашей книге (подробнее см. в разделе «Формализация»), служит концепция Витгенштейна. Другая концепция в общем ориентирована на описание субъективных модальностей как оценок человеком объективного положения вещей, а также на описание физических и технических явлений, которые не сводятся к логической противоречивости или непротиворечивости, к «истине» или «лжи» как двум единственным оценкам. В этом русле развиваются

многозначные, модальные и вероятностные логики. В многозначной логике, и в частности в вероятностной логике, высказываниям приписываются не только значения «истина» или «ложь», но и промежуточные значения — вероятности истинности. Если обозначить «истину» через 1, а «ложь» через 0, то модальными значениями в вероятностной логике могут быть все действительные числа между нулем и единицей.

Сходное стремление к разделению модальностей на объективные и субъективные было характерно и для лингвистики. Так, в академической «Грамматике» русского языка 1970 г. принято следующее различие: «Кроме заложенного в системе форм предложения объективно-модального значения, относящего сообщение в план реальности — ирреальности, каждое высказывание, построенное на основе той или иной отвлеченной схемы предложения, обладает субъективно-модальным значением. Если объективно-модальное значение выражает характер отношения сообщаемого к действительности, то субъективно-модальное значение выражает отношение говорящего к сообщаемому» [Грамматика 1970, 545].

Это разделение двух типов модальности в грамматике восходит к концепции В. В. Виноградова, где оно было первоначально проведено в очень резкой форме, как, например, в статье 1947 г. [Виноградов 1975, 56 и след.]. Но в дальнейшем, в работе «Основные вопросы синтаксиса предложения» (1955), это противопоставление у Виноградова было смягчено и нюансировано, два типа модальности получили некоторую общую основу: «В конкретном предложении значения лица, времени, модальности *устанавливаются с точки зрения говорящего лица* (курсив наш. — Ю. С.). Но сама эта точка зрения определяется объективным положением говорящего лица в момент речи по отношению к собеседнику и к отражаемому и выражаемому в предложении „отрезку“, „кусочку“ действительности. Отношения сообщения, содержащегося в предложении, к действительности — это и есть прежде всего модальные отношения. То, что сообщается, может мыслиться говорящим как реальное, наличное в прошлом или настоящем, как реализующееся в будущем, как желательное, требуемое от кого-нибудь, как недействительное и т. п.» [Виноградов 1975, 268].

До некоторой степени аналогичное объединение двух типов модальностей на вновь найденной основе и на новом

этапе гносеологии характерно и для логического подхода. Это можно показать на примере современного состояния вопроса о вероятности.

На предыдущем этапе логики, например в системе Карнапа, различались два понятия вероятности — «вероятность₁» (probability₁) и «вероятность₂» (probability₂). Под первой Карнап понимал характеристику отношений между суждениями, а именно степень логического подтверждения одного суждения другими, что в определенной мере соответствует понятию субъективной вероятности. Под вероятностью₂ Карнап понимал характеристику некоторого отношения между классами объективных событий, что в определенной мере соответствует понятию объективной вероятности.

На современном уровне материалистической гносеологии можно утверждать, что между первой и второй вероятностями нет принципиального разрыва. Дело в том, что выделение класса событий, на основе которого происходит оценка второй, «объективной» вероятности, всегда является объективным, но относительным, объективно-относительным, оно зависит от представления о существенном и несущественном, от уровня науки и от уровня человеческого познания вообще [см.: Амстердамский 1967, 74, 80].

Объективно-относительное выделение классов событий в принципе ничем не отличается от выделения классов «особей» или семантических сущностей в системе Словаря — таких, как «Вещи», «Растения», «Животные», «Люди». Подобно тому как последние типизированы в Языке достаточно однородным способом и эта типизация лишь относительно объективна, но дает основу для разнообразных субъективных классификаций, так же и в области вероятностей Язык имеет некоторые достаточно типизированные способы оценки вероятности, которые являются объективно-относительными и дают основу для разнообразных субъективных вероятностей. Аналогично вероятности обстоит дело с другими модальностями.

Таким образом, с точки зрения семиологической грамматики модальность по содержанию не является ни субъективной, ни объективной категорией, она является категорией объективно-относительной. Модальность есть представление действительности с точки зрения субъекта речи — «я» говорящего, но с точки зрения типизированной, объективированной «раз навсегда» — для данного

состояния языка — средствами самого языка. На этой второй черте модальности необходимо остановиться подробнее.

В современной лингвистике открыта группа предикатных выражений, в частности глаголов, которые резко «меняют» свое значение в зависимости от того, приписываются ли они как субъекту говорящему лицу — «я» или любому другому субъекту. Таковы, например, «перформативные предикаты» — обозначения клятвы, приказа, разрешения, провозглашения и т. п. Глаголы *клянусь, обещаю, обязуюсь, назначаю* и т. п. выражают акт клятвы, обещания и т. д., собственно, являются этим актом лишь в том случае, когда произносятся от 1-го лица и именно в момент их произнесения, в момент «исполнения» — «перформации». Когда же они приписываются не 1-му лицу, например лицу «он», они выражают лишь то, что некое лицо произносит слова клятвы, обещания, обязательства и т. д., но произносимая говорящим при этом фраза — *Он клянется* — вовсе не является клятвой и не гарантирует того, что является клятвой нечто произносимое лицом «он».

Модальные глаголы различаются точно по такому же принципу. «Субъективная» модальность может быть приписана только лицу «я» и выражена в самом предикате. Напротив, «объективная» модальность может быть вынесена вне предиката в «модальную рамку» и означает, в сущности, не модальность, а кажимость, ср.: «субъективная» модальность — *Я могу прийти в любую минуту* = «У меня есть возможность, я в силах прийти в любую минуту»; «объективная модальность» — *Он может прийти в любую минуту* = «Может быть (модальная рамка), он придет сейчас или в любую следующую за тем минуту»; ср. еще «объективную» модальность таких выражений, как *Дождь может начаться очень скоро* = «Может быть (модальная рамка), дождь начнется очень скоро».

Перформативные предикаты и модальность принадлежат к некоторому классу специфических языковых явлений, к которому относится также «локация». Аппарат локации состоит из разнообразных знаков-индексов, значение и функции которых могут быть определены только в непосредственном отношении к акту речи в момент его протекания. Общий семантический принцип локации — «Я» — «Здесь» — «Сейчас», а знаки этой категории рас-

пределяются соответственно на три класса. К л а с с «Я» представлен прежде всего местоимением, «я» — категорией универсальной. «Я» определяется как субъект речи, называющий себя я (или соответственным словом любого конкретного языка) в пределах одного протекающего акта высказывания. Таким образом, референтом «я» является собственное употребление этого слова при определенных выше условиях: «я» — это «самореферентное», аутореферентное слово. Другими элементами класса «Я» являются заместители «я», отобранные в каждом языке соответственно его нормам по указанному общему принципу.

К л а с с «З д е с ь» определяется как класс слов, указывающих на местонахождение субъекта речи, определяющего себя как «я», в момент акта речи. В этот же класс помимо слов могут входить разнообразные грамматические, в частности синтаксические, показатели.

К л а с с «С е й ч а с» определяется как класс слов и показателей, выражающих время говорения субъекта речи, определяющего себя как «я». Это время — всегда актуальное настоящее, оно несоотносимо непосредственно с прошедшим или будущим, в его ряду нет других времен. Собственно, основным показателем этого класса является само звучание речи — окончание звучания есть окончание актуального настоящего для данного акта речи.

Локация определена как первичный аппарат прагматики — одной из трех основных частей всякой семиологии наряду с семантикой и синтаксисом [см.: Степанов 1971; 1973б]. Таким образом, с категорией модальности мы вступили в сферу прагматики языка. Как уже было сказано, в этой книге, посвященной главным образом семантике и синтаксису, прагматика затрагивается лишь мимоходом.

В сфере прагматики мы сталкиваемся с совершенно особыми семантическими отношениями, отсутствующими в сфере собственно семантики и в сфере синтаксиса. Дело в том, что в семантике и синтаксисе отношения между именовани^{ем}, означающим, с одной стороны, и именуемым, означаемым — с другой, в общем основаны на отношениях условности, символизации разной степени, но не беспредельной и даже не максимальной условности. На тему о том, что символизация, условность, знаковая «произвольность» всякого рода в семантике и синтаксисе ограничена, мы писали уже достаточно в разных местах и здесь не будем повторяться. Сошлемся лишь на общее положение, которое в семиологической грамматике благодаря эле-

ментам формализации можно выразить достаточно кратко и вместе с тем полно: интенциональная сфера семантики, в общем, строится как копия экстенциональной сферы, в конечном счете — как копия, или отражение, объективного мира (см. выше, гл. VII).

В сфере прагматики все обстоит не так, и знаковая «произвольность» в некотором смысле достигает максимума. Когда в сфере локации говорящий определяет нечто как находящееся «слева» и нечто другое как находящееся «справа» от себя, то между «правым» и «левым» в пространстве и правой и левой руками говорящего нет ни малейшей степени подобия и одно не является ни копией, ни отражением другого. Достаточно человеку повернуться на 180°, чтобы отношения полярно изменились. В сфере прагматики постоянным остается лишь сам принцип отношений — ориентация на говорящего, и это единственная объективность, которая действует в этой сфере.

Точно так же, как в случае с «правый» — «левый», обстоит дело в сфере модальности. Когда говорящий называет свое психическое состояние словом *хочу*, то между его субъективным состоянием и языковым выражением знаковое отношение максимально условно, *хочу* — лишь внешняя этикетка психического содержания. Мы приглашаем теперь лишь перечитать пример — эпитафия к этой главе.

2. НЕКОТОРЫЕ ТИПЫ МОДАЛЬНОСТЕЙ

Полюс «субъективной» модальности обслуживается обширным и разнообразным классом, в русском языке — модальных слов и частиц. К нему относятся слова типа *разве, неужели, вряд ли, может быть, кажется, видите ли, не то чтобы, как бы, вроде бы* и др. «Этот класс слов и примыкающих к ним частиц в русском языке стремительно возрастает, особенно в XVIII—XX вв.» [Виноградов 1972, 569]. И, по-видимому, так же обстоит дело во всех европейских языках. Остановимся здесь лишь на двух больших классах модальностей, в общем не рассматривавшихся в лингвистике в таком аспекте, а вместе с тем особенно важных для семиологической грамматики.

Первый большой класс возникает на основе взаимного наложения, имбрикации предикатных или структурных схем предложений (начало такого рассмотрения см. выше, в гл. VI, 3).

Из такого совмещения в разных индоевропейских языках развилась обширная группа специальных глаголов, обелуживающих перифразы совмещения, — так называемых полусвязочных глаголов: рус. *казаться, оказываться, считаться, делаться, становиться, оставаться* и др.; англ. *to seem, to look, to feel* (He *feeled* tired 'Он почувствовал себя усталым'), *to become, to appear, used to be* и др., всего в английском языке около 60. Предложены различные их классификации, в том числе очень детальные [Чобану 1976, 40 и след.].

Основываясь на типах совмещения схем, мы можем дать следующую классификацию полусвязочных глаголов-предикатов:

1-я группа — оценка или квалификация субъекта высказывания «со стороны третьих лиц»: *Он считается ученым; Он ценится как ученый; Его назначают послом; Он назначается послом; Страну объявляют республикой; Страна объявляется республикой; Его признают виноватым; Он признается виноватым* и т. д. Точнее здесь и дальше говорить о квалификации не только субъекта высказывания, но всего высказывания — самой связи субъекта и предиката. Источник этого типа связок можно видеть в совмещении категории 10 (Претерпевание) (*Его любят, уважают, ценят, назначают, приглашают*) и категории 1 (Сущность) (*Он — ученый*), 3 (Качество) (*Ребенок послушен; Трава зелена*).

2-я группа — оценка или квалификация субъекта высказывания им самим: *Он считает себя ученым; Он назначает себя послом; Страна объявляет себя республикой; Он воображает себя артистом* и т. д. Источник этой группы можно видеть в совмещении категории 1 (Сущность) и категории 9 (Действие). В русском языке возвратная частица *-ся* в этом случае всегда заменяется словом *себя*.

3-я группа — оценка или квалификация субъекта высказывания субъектом речи, говорящим: *Он выглядит больным; Он кажется ученым; Он притворяется заинтересованным* и т. п.

Особый вопрос — отнесение глаголов типа «обещать», «хотеть», «мочь» и других так называемых модальных ко 2-й или к 3-й группе. Поскольку желание, возможность сделать что-либо (*могу*), обещание, клятва и т. п. являются внутренними состояниями субъекта, рубрикация соответствующих предикатов раздваивается: в 1-м лице,

произносимые от лица «я» говорящего, они относятся к группе 2, в то время как в 3-м лице — «Он может, хочет, обещает, клянется» и т. п. они выражают оценку состояния субъекта высказывания субъектом речи, говорящим и должны быть отнесены к группе 3. Между «Он хочет» и «Кажется, он хочет» разница только в степени уверенности, но не в существе дела. Модальные предикаты в 3-м лице следует оценить так же, как оцениваются «перформативные глаголы» типа «клянусь», «обещаю», когда они произносятся не от 1-го лица [о последних см.: Бенвенист 1974, 301 и след.].

Одним из доказательств такой рубрикации модальных глаголов служит то, что во многих языках «объективная» модальность, если она выражается в 3-м лице (т. е. не в лице самого говорящего), легко отделяется от предиката и выносится за его пределы, образуя «модальную рамку», а последняя и есть собственная форма выражения «субъективной» модальности — мнения говорящего, ср.: *Он кажется больным* ⇒ *Кажется, что он болен*; *Дождь может пойти* ⇒ *Может быть, пойдет дождь*; франц. *Elle paraît malade* → *Il paraît qu'elle est malade*; *Il peut y avoir un orage* ⇒ *Il se peut qu'il y aura un orage*. Источником этой группы является, по-видимому, распространение предикатов категории 8 (Состояние) на другие предикатные схемы.

4-я группа — фазовые глаголы: *Он становится, делается, остается* и т. д. *ученым*. Сюда же можно отнести семантические объединения вспомогательного глагола с глаголом *быть*: *Он перестает, не перестает, продолжает быть ученым*. Во многих случаях, если не в большинстве, фазовые глаголы означают «продолжение», «становление» и т. п. с точки зрения какого-либо наблюдателя извне, а не субъекта высказывания. Таким наблюдателем извне, естественно, выступает субъект говорения — говорящий, и таким образом фазовые глаголы оказываются одним из проявлений категории модальности.

Другой большой класс модальности в некотором смысле противоположен первому — он возникает не из совмещения, а из разделения предикатных схем и выражается вынесением модального предиката за пределы основного предиката, в «модальную рамку». Внешним показателем такого разделения являются слова *что* и аналогичные слова других языков. Модальные предложе-

ния рассматриваемого типа иногда называются по этому признаку «что»-фразами.

Весьма многие предложения естественного языка могут получить семантическое описание с помощью столь же естественных «что»-фраз, ср.:

1) *В Арктике не живут белые медведи* = «Неверно, что {в Арктике живут белые медведи}» = «Ситуация {„В Арктике живут белые медведи“} не имеет места»;

2) *Он кажется больным* = «Кажется, что {он болен}»;

3) *Дождь может начаться в любую минуту* = «Может быть так, что {дождь начнется в любую минуту}»;

4) *На Марсе возможна жизнь* = «Возможно, что {на Марсе есть, будет, была жизнь}»;

5) *Он обещал прийти завтра* = «Он обещал, что {придет завтра}»;

6) *Она желает моего отъезда* = «Она желает, что {бы я уехал}».

Но есть тип предложений, который по преимуществу выражается или по крайней мере всегда может быть выражен «что»-фразой, — предложения с глаголами волеизъявления. Это и понятно — ведь предикат предложения обычно выражает нечто, что в той или иной степени может быть приписано субъекту высказывания (например, *Он кажется больным*), но волеизъявление, по определению модальности, всегда в своем основном первичном проявлении исходит от субъекта речи, от «я» говорящего. Поэтому такая модальность обычно требует для себя независимого предиката: *Я хочу, чтобы...*

Что представляют собой предложения, остающиеся внутри модальной рамки — после союза *что*? Сравним из примеров выше: *В Арктике живут белые медведи* (1); *Он болен* (2); *Дождь начнется в любую минуту* (3) и т. д. Это предложения, лишённые модальности, не соотносимые ни с какой объективной ситуацией непосредственно (а лишь через посредство сложного предложения, частью которого они являются). С логической точки зрения это обычно чисто интенциональные предложения * [ср.: Неклассическая логика 1970, 382]. Поэтому утверждение грамматик, начиная с грамматического учения В. В. Виноградова, что всякое предложение, поскольку оно предикативно, вместе с тем и модально, вообще говоря, неверно. Предло-

* Интенциональная сфера семантики в общем виде рассмотрена в гл. VII.

жения внутри «модальной рамки» за союзом *что* предикативны, но не модальны.

Предикация, таким образом, с точки зрения семиологической грамматики есть немодальное и вневременное сочетание субстанции с признаком, субъекта с предикатом. Немодальные предложения указанного типа — интенциональные, описывающие лишь абстрактно мыслимые ситуации, тем самым близки к номинативным предложениям типа *Крит — остров; Все прекрасное редко; Дважды два — четыре; Курить — здоровью вредит* и т. п.

3. ФОРМАЛИЗАЦИЯ

Стремление к разделению модальностей на модальности, группирующиеся вокруг полюса объективности, и модальности, группирующиеся вокруг полюса субъективности, заставило современных логиков сводить «классические» модальные понятия к другим, более элементарным и немодальным. Это привело, говоря в общем, к появлению двух типов логических языков, или двух типов логик. В одном типе — двузначной логики — высказывание оценивается в двух терминах — «истинно» или «ложно». Этому типу логики соответствует логический язык так называемого экстенционального типа, в частности экстенциональный язык системы Витгенштейна. В этом языке допускаются лишь выражения, являющиеся функциями истинности составляющих, исходных выражений, а эти последние, в свою очередь, по Витгенштейну, сводятся к определению формы предложения как чего-то, находящегося между тавтологией — всегда истинным предложением и противоречием — предложением, всегда ложным (см. выше, гл. VII). Если вспомнить, что, по Витгенштейну, предложение отображает «положение вещей» в мире, то станет понятным следующее витгенштейновское сведение модальных понятий к немодальным: «Несомненность, возможность или невозможность положения вещей выражается не предложением, но тем, что выражение есть тавтология, осмысленное предложение или противоречие» [Витгенштейн 1958, 5.525].

Сходное сведение, редукцию применял для описания модальностей Р. Карнап. Он считал, что удовлетворительную систему модальной логики можно построить лишь при условии, что каждое модальное понятие будет сведено к одному из семантических понятий, например понятие

необходимости — к понятию логической истинности. Далее Карнап писал: «Логические модальности должны применяться к интенционалам, а не к экстенционалам. Таким образом, мы можем говорить о невозможном (или логически ложном) суждении, но не о невозможной логической валентности (т. е. истинности или ложности. — Ю. С.); о невозможном или логически пустом свойстве, но не о невозможном или логически пустом классе» [Карнап 1959, 118]. «Модальное предложение (например, „Необходимо, что. . .“) является интенциональным в отношении подчиненного ему предложения. Психологическое предложение, подобное „Джон считает, что сейчас идет дождь“, не является ни экстенциональным, ни интенциональным в отношении подчиненного ему предложения. Проблема семантического анализа этих предложений мнения разрешается с помощью понятия интенциональной структуры» [Там же, 28].

Таким образом, в плане семиологической грамматики формализация модальностей связана прежде всего с различением экстенциональной и интенциональной сфер (см. гл. VII) и с проблемой условной символизации, «неопределенности в смысле Локка» (см. гл. II, 4).

СЕМАНТИЧЕСКОЕ СОГЛАСОВАНИЕ И КОНТРАСТ

Гармония, комбинацией созвучий и диссонансов, выражает согласие и конфликт.

(А. Делакруа. Психология искусства)

1. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ. ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ

Предметом этой главы будут некоторые соответствия между именами и предикатами в предложении, позволяющие вскрыть сущности более общие, чем единицы словаря и единицы синтаксиса, взятые по отдельности. Путь к их установлению, если говорить в самом общем виде, заключается в «челночной процедуре» — движении от синтаксиса к словарю и обратно и снова так же, пока круг общих категорий не обрисуетя достаточно определенно.

Взгляд на предложение-высказывание как на основную единицу общения, естественно, требует рассматривать его как нечто семантически единое, цельное. Если в этой единице выделяются части, слова, то на них следует смотреть так, чтобы видеть в каждой из них отражение одного и того же семантического целого. Иначе говоря, в каждом слове нужно видеть при этом нечто семантически общее с другим, сочетавшимся с ним словом. Назовем это явление *семантическим согласованием*.

Границы его заданы формой предложения, которая с семиологической точки зрения есть не что иное, как поверхностная часть содержания (см. гл. VII, 3). Форма предложения, ограничивая содержание предложения тавтологией, с одной стороны, и противоречием — с другой, кладет тем самым пределы и семантическому согласованию. Собственно говоря, последнее представляет собой более глубокую часть семантики предложения, надстраивающуюся непосредственно над формой, следовательно размещающуюся в семантическом пространстве между тавтологией и противоречием.

Сам термин «семантическое согласование», впрочем, не вполне точен: буквально им утверждается, что семантическая общность слов существует заранее, до акта высказывания, у слов как единиц лексики, тогда как

в действительности дело обстоит как раз наоборот — семантическая общность есть сущность акта высказывания, а предрасположенность отдельного слова к той или иной сочетаемости — лишь следствие, проекция этого свойства в сферу словаря, абстракция синтаксического свойства в сфере парадигматики.

В истории языкознания и логики возникали разные подходы к изучению этого свойства.

Аналитический подход, описание через анализ, или разложение, возник едва ли не первым. Во всяком случае, уже в средневековых учебниках мы находим весьма точные описания отдельных фрагментов языка с этой точки зрения. Так, было подмечено, что целый класс звуков, издаваемых различными существами, может быть описан, в сущности, как одно звукообозначение языка, один звук, дополнительные, специфические свойства которого зависят лишь от его носителя-субъекта, являются функцией субъекта. Следовательно, желая описать каждый звук этого класса в отдельности, мы должны указать лишь его общее свойство — то, что это именно звук, а затем добавить указание на то, каким субъектом он производится, например: *каркать* = «звук» + «ворона» (где слово *ворона* выступает как обозначение свойства); *крякать* = «звук» + «утка» (где *утка* — также знак свойства) и т. д. Приведем один из таких латинских списков полностью:

Cornix cornicatur	‘Ворона каркает’
Agnus balat	‘Ягненок блеет’
Cicada stridet	‘Кузнечик стрекочет’
Upupa dicit	‘Удод ухаёт’
Infans ejulat	‘Дитя плачет’ ¹
Ventus flat	‘Ветер дует’ ²
Anser gingrit	‘Гусь гогочет’
Os halat	‘Уста дышат’ ³
Mus mintrit	‘Мышь пищит’

¹ Мы не находим более точного слова для перевода: это такой плач, когда ребенок еще не умеет говорить и даже смеяться, это плач, не противопоставленный смеху и речи, скорее «крик» (но слово *крик* нельзя использовать, так как это более общий, родовой термин).

² Имеется в виду звук дуновения; если сильный ветер «вует», то это тот звук, который производит слабый ветер.

³ Опять-таки имеется в виду звук дыхания, сходный со звуком дуновения.

Anas tetrinnit
Lupus ululat
Ursus murmurat

‘Утка крикает’
‘Волк воет’
‘Медведь ревет’.

Поскольку семантическое согласование является фактом, а предложения-высказывания, подобные приведенным, составляют — каждое — некое целое, то, вообще говоря, нет никаких препятствий к тому, чтобы поступить наоборот — описать субъект как функцию его типичного звука. В таком случае ворона будет «то животное, которое каркает», т. е. *ворона* = «животное» + «каркать» (где *каркать* выступает как название определяющего признака или свойства); ягненок — «то животное, которое блеет», т. е. *ягненок* = «животное» + «блеять»; кузнечик — «то животное, которое стрекочет», т. е. *кузнечик* = «животное» + «стрекотать» и т. д.

Эти две возможности соответствуют двум способам формально-логического описания: либо класс описывается через его свойства, либо отдельное свойство задает класс.

Для естественного языка (как, впрочем, и для многих логических языков) более естественным является рассматривать класс вещей как первичную, объективную данность, обладающую многими свойствами, и рассматривать свойство как более абстрактное понятие, производное от класса. Выше, в разделе о денотатных и сигнификатных категориях в лексике, мы уже видели, что проще определить сначала группы денотатных и сигнификатных субстантивов, имен существительных, чтобы затем — по сочетаемости с ними — установить группы денотатных и сигнификатных глаголов.

Аналитический подход, подобный только что показанному, может быть применен, конечно, к любым другим сочетаниям. О выделении общего семантического компонента (на французском материале) со значением «сила, высшая степень» применительно к наречным сочетаниям, со значением «осуществление» применительно к сочетаниям глагола с объектом см.: [Степанов 1965, 136—142]; о выборе глагола применительно к субъекту и объекту см.: [Гак 1968]; применительно к составлению двуязычных словарей см.: [(обзор) Сукаленко 1976, 68—98] и др. Такие общие семантические компоненты могут быть отвлечены от большого количества словосочетаний данного языка и обобщены в виде «функций» или «семантических параметров» [см.: Апресян 1974].

Синтетический подход, или описание через синтез, развивался двумя путями — чисто филологическим и философским.

Что касается филологического подхода, то в его основе лежит замечательная идея — неоднократно подчеркиваемая нами в разных местах данной книги — о том, что имеется некое сходство или параллелизм в классификации имен и классификации глаголов. Уже в классических работах по историческому синтаксису было установлено, что имена, с одной стороны, и глаголы — с другой, могут быть классифицированы на основании одних и тех же принципов; и, таким образом, эти классификационные принципы гласят по существу не только о разделении имен или глаголов на разряды, но и о соответствии разрядов имен разрядам глаголов или об их естественной предрасположенности сочетаться друг с другом в рамках одной синтагмы. В классической грамматике наиболее четким воплощением этого положения стал термин «genus verbi» — «роды глаголов».

В этой связи в своей обобщающей «Греческой грамматике» Э. Швицер писал, что выражение «genus verbi», употребляемое обычно в более узком смысле как синоним «диаезы» (состоящей из актива, меди и пассива), основано на установлении параллелизма этих категорий с родами имен существительных (актив — муж. род, пассив — жен. род, медий — средн. род). То же выражение «genus verbi» в широком смысле, как «значения, которые способен выражать глагольный корень», отвечает, скорее, семантическим разрядам имен существительных, таким, как «лица», «животные», «растения», «орудия», «обозначения места» и т. д. [Schwyzer 1966, 247]. Понятие о «genus verbi» связано также с древнегреческим термином «диаеза», представленным уже в античной грамматике (у Дионисия Фракийского и Аполлония Дискола). Но если «роды глагола» выделяются главным образом как суффиксальные классы, то «диаезы» устанавливаются на основе различий серий окончаний (активных, медиальных и др.). Примером такого соответствия может служить наличие в одной синтагме глагола в медиальной форме и дат. падежа, обозначающего заинтересованное лицо, *Dativus der Beteiligung*. Соответствие заключается при этом в том, что если глагол в форме актива выражает объективное положение дел, то медий присоединяет к этому выражению особого участия (преимущественно личной заин-

тересованности) субъекта в действии, а указанная форма имени выражает то же в форме дат. надежа. Поскольку субъект действия и субъект датива один и тот же, то указанным соотношением описываются синтагмы типа рус. *Иду себе; Мне не спится; Мне скучно*. Таким образом, отмеченное положение классических грамматик скрывало в себе нечто значительно большее, чем просто указание на параллелизм в классификации именных и глагольных форм: по существу здесь предвосхищалась идея семантического согласования имени и глагола в синтагме, идея проходящего через всю синтагму «длинного компонента», а тем самым и идея семантической классификации синтагм («структурных схем» словосочетания и предложения). Но в рамках самих классических грамматик общее значение этого положения осталось неосознанным. В большей степени аналогичные идеи применялись в последнее время к словообразованию и лексике (так, Э. Ларош показал для хеттского языка связь в области словообразования активной диатезы глагола и «одушевленного» рода имени [Laroche 1975]).

С другой стороны, синтетический подход связан с философской традицией, идущей от Дж. Локка, Т. Гоббса и Дж. Милля, традицией английской логико-лингвистической школы. Подход с этой стороны заключается, говоря суммарно, в том, что сначала изучается значение имен, а затем — предложение, рассматриваемое как сочетание по крайней мере двух имен. «Уже по первому взгляду на предложение видно, что оно образуется из соединения двух имен» [Милль 1914, 16]. Причина соединения заключена в конечном счете в объективной действительности, где сложное явление, обозначаемое предложением, или, говоря иначе, соознаваемое с именами, образующими предложение (именем в позиции субъекта и именем в позиции предиката), будучи одним и тем же явлением, обеспечивает адекватность соединения обоих имен. «Там, где состав явления доступен наблюдению, по большей части легко заметить, что в предложении утверждается или сосуществование одного явления с другим, или же следование их друг за другом. Где мы нашли одно явление, можно рассчитывать найти и другое, хотя обратной связи второго с первым может и не быть» [Там же, 88].

Хотя аналитический и синтетический подходы, по-видимому, равно могут быть применены к одному и тому же языковому материалу, однако исторически получилось

так, что аналитические приемы, указанные выше, больше всего использовались для изучения словосочетаний, притом вовсе необязательно предикативных, т. е. минуя целое предложение. Синтетический же подход вырос как раз из задач изучения предложения как целого. После Милля эти положения развивал ряд представителей английской школы, в частности Л. Витгенштейн: «Мир распадается на факты» [1.2]. «Атомарный факт есть соединение объектов (вещей, предметов)» [2.01]. «Образ есть факт» [2.141]. «То, что элементы образа соединяются друг с другом определенным способом, показывает, что так же соединяются друг с другом и вещи» [2.15]. «Конфигурации простых знаков в пропозициональном знаке соответствует конфигурация объектов в положении вещей» [3.21]. «Предложение высказывает нечто лишь постольку, поскольку оно есть образ» [4.03]. «Предложение изображает такое-то и такое-то положение вещей» [4.031]. «Одно имя представляет один предмет, другое имя — другой предмет, и они связаны друг с другом. И целое — как живой образ — изображает атомарный факт» [4.0311]. «Возможность предложения основывается на принципе замещения объектов знаками» [4.0312]. «В предложении должно быть в точности столько различных частей, сколько их есть в положении вещей, которое оно изображает» [4.04] [Витгенштейн 1958].

Если сейчас говорить не о собственно логике, а о применении этих логических идей в языкознании, то развитие здесь пошло двумя путями. В одном течении развивался взгляд на предложение как на отображение, знак ситуации — знак особого рода. Эти концепции можно назвать знаковыми концепциями предложения. Так, В. Г. Гак писал: «Синтаксическая структура предложения не есть лишь грамматическое объединение слов, но является целостным отображением структуры ситуации — такой, какой представляет себе ее говорящий. . . Предложение (высказывание) следует, подобно слову, рассматривать как имя, как лингвистический знак особого типа. Различие между высказыванием и словом заключается в том, что высказывание обозначает отрезок ситуации в целом, включая и его основной элемент — процесс, оно непосредственно соотносится с конкретной ситуацией, то, что оно обозначает, объективно по отношению к системе языка. Слово обозначает элемент ситуации» [Гак 1968, 11]. Этот

подход сыграл на определенном этапе очень плодотворную роль.

Однако в дальнейшем возобладало другое течение, — называя условно, «смысловые концепции предложения», — ориентированное в отличие от названного не на изучение отображения ситуации (а следовательно, референтов, «значений»), а на исследования закономерностей соединения «смыслов», входящих в состав предложения. В своих истоках оно было тесно связано с логической проблемой разграничения ложных и бессмысленных, т. е. нарушающих семантическую систему языка, предложений. В настоящее время в рамках этого подхода сформулировано большое количество достаточно четких правил, описывающих семантическое согласование в составе целого предложения. Так, например, одно из «правил семантического соответствия подлежащего и сказуемого (точнее, субъекта и предиката пропозиции) основывается на выделении предикатов разных семантических уровней или степеней⁴: так, предикаты первой степени сочетаются только с конкретно-предметным субъектом; предикаты второй степени относятся к событийному субъекту» [Арутюнова 1974, 165]. Если, например, в так называемых связочных предложениях сказуемое выражено событийным именем, то семантическое согласование требует, чтобы и субъект был интерпретирован как имя события, независимо от того, чем он представлен в высказывании: *Разбитая чашка — твоя работа* = «то, что чашка разбита, — твоя работа» [Там же, 166]. Синтетический подход используется и при изучении правил «сложения лексических значений» [ср.: Апресян 1972].

Синтетический подход вообще сохраняет черты своего происхождения — знание имен в значительной степени предшествует анализу предложения.

В истории лингвистики выдвигались и весьма интересные «т р е т ь и п у т и». Один из них связан с именем испанского грамматиста XVI в. Франсиско Санчеса из Брос (1523—1601), недавно заново открытого лингвистами. Его способ можно назвать способом семантического дополнения, но без специального исследования трудно ска-

⁴ В этой цитате выражения «уровень предиката» и «степень предиката» употребляются как синонимы. В тексте нашей книги в соответствии со многими логическими теориями, например Р. Карнапа, Х. Карри и др., мы различаем эти термины (см. об этом в гл. V, 2 и в гл. XII).

зять, насколько широка могла бы быть его сфера применения. Сам Санчес использовал его для того, чтобы соединить в рамках одного последовательного описания одноместные и двухместные предикаты, например: *Мальчик спит* и *Мальчик гоняет собак*. Санчес утверждает (кн. IV, гл. III), что всякий глагол должен быть переходным и иметь дополнение, хотя бы в форме существительного того же корня. Таким образом, выражение *Мальчик спит* может быть сведено по форме к выражению *Мальчик гоняет собак*, если семантически дополнить глагол: *Мальчик спит* = «мальчик спит сон» [Sanchez 1754, 538]. Конечно, получающиеся при этом семантические описания довольно необычны, но, нужно заметить, основаны на вполне реальных фразах естественных языков, так называемых *figura etymologica*. Выражения этого типа были довольно широко распространены в индоевропейских языках и в виде пережитков сохранились повсеместно: ср. рус. *думу думать, дело делать, горе горевать, беду бедовать, зиму зимовать, ночь (пере)ночевать, (о)город городить*, а также и вполне современные *песню петь, собрание собрание, нарисовать рисунок* и т. п.; латин. *vitam vivere* букв. 'жизнь жить'; франц. *vivre sa vie* 'жить своей жизнью'; лит. *sarņa sarpuoti* 'видеть сон', букв. 'сон спать' (ср. данное выше описание). А. А. Потемня высказал замечательную мысль о том, что анализ подобных выражений приводит к безличным конструкциям и «категории состояния» типа «Мне хочется» [Потемня 1968, 332 и след.], и это будет учтено нами в дальнейшем.

Вообще все способы исследования семантического согласования далее будут использованы. Но к этому явлению мы подойдем прежде всего именно как к семантическому согласованию в пределах данного целого — предложения скорее, чем к сочетанию или сложению имен.

2. СЕМАНТИЧЕСКОЕ СОГЛАСОВАНИЕ, ДЛИННЫЙ СЕМАНТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ И КОНТРАСТ

Если семантическое согласование (или семантическая сочетаемость) есть неотъемлемая черта всякого неоднословного высказывания, то согласуемая часть содержания должна получить название. В семиологической грамматике мы называем ее *длинным семантическим компонентом*.

Из сказанного выше видно, что длинный семантический компонент можно мыслить либо складывающимся из сходных семантических признаков сочетающихся слов (при синтетическом взгляде), либо извлекающимся из предложения как целого (при аналитическом взгляде). Здесь мы применим аналитический подход.

Для начала будем говорить не о содержании длинного компонента, а только о самом факте его наличия. Исползуем для этого достаточно сложный вид предложения — предложение «Отношения», логической структуры aRb . Примером может служить следующее реальное русское высказывание: *Как легко может разорвать хохлач* (Г. Кублицкий, Фритъоф Хансен. М., 1956, с. 115). Если, не вдаваясь в анализ самого предиката, рассматривать предикат как нечто целое — R , то структура этого предложения такова: *как R хохлач*. Мы намеренно выбрали слова, которые можно считать неизвестными говорящему по-русски, чтобы сосредоточить внимание на особенностях длинного компонента. Очевидно, что он указывает некоторую семантическую общность смыслов имен *как* и *хохлач*, обусловленную объективным отношением обозначенных ими предметов: «некий *как* способен рвать, а некий *хохлач* способен поддаваться такому воздействию, рваться» или, наоборот, «некий *хохлач* способен рвать, а некий *как* способен поддаваться такому воздействию, рваться».

Рассмотренный пример носит достаточно общий характер: длинный семантический компонент указывает только на семантическую связь, или общность в некотором отношении, двух смыслов, сам по себе не предпреляя их роли в высказывании — будет ли одно из них субъектом, а другое объектом или предикатом. Мы тотчас видим, что для понимания и вообще интерпретации предложения этого недостаточно. Это хорошо символизируется знаком R , который не предпреляет ролей членов a и b . Без указания ролей членов a , b или без уточнения отношения R выражение aRb не является осмысленным. Для интерпретации необходимо знать, какой из терминов выступает субъектом, а какой — объектом или предикатом.

Получить ответ на этот вопрос непосредственно из наблюдения ситуации в общем случае невозможно. Это хорошо понимал и Л. Витгенштейн: «Каждое предложение должно *уже* иметь некоторый смысл; утверждение не может придать ему смысл, потому что оно утверждает именно

смысл. То же самое относится и к отрицанию» [Витгенштейн 1958, 4.064]; «Глагол предложения не есть „истинно“ или „ложно“ — как думал Фреге» [Там же, 4.063]. Поэтому мы и не можем при анализе длинного компонента основываться на упомянутом выше «знаковом подходе» к предложению. Еще до того, как мы поймем, истинно предложение или ложно, мы должны убедиться, что оно осмысленно.

Для получения ответа на поставленный вопрос в достаточно общей форме, т. е. для понимания смысла предложения, необходимо знать еще нечто или 1) об именах, соединенных отношением R , или 2) об общих принципах строения предложений типа aRb , т. е. о строении отношений, скрывающихся под R , в данном языке. С некоторой точки зрения эти знания эквивалентны.

Если мы основываемся на знании имен, то мы должны знать, например, что в данном языке имена делятся по крайней мере на две большие группы — одна из них включает имена вместе с характеристикой их отношений, т. е. в этой группе имена с языковой точки зрения характеризуются как aR , как источники возможных предикатов, а другая группа имен характеризует их вне отношений R , как, например, просто b . Тогда ясно, что субъектом в данном предложении будет то, из чего исходит данный предикат R . Например, если в данном языке *калк* есть имя предмета, который способен *рветь*, то оно будет субъектом: *Калк рвет нечто*; *Калк рвет хохлач*. Если же в данном языке этим свойством обладает *хохлач*, т. е. это имя относится к указанной группе, то субъектом будет *хохлач* и предложение получит иную интерпретацию.

Если же мы основываемся не на предварительном знании имен, а — как мы и предположили вначале — на знании законов построения предложения (или, что то же самое, на способности его анализировать), то мы должны знать, где по законам данного языка возможно прерывание длинного компонента. Допустим, что в данном языке длинный компонент можно прервать перед вторым членом, тогда мы получим членение aR и b и a будет субъектом, а b — объектом или предикатом. Если же данный язык допускает только членение перед указанием отношения, то мы получим a и Rb (или bR , что одно и то же, поскольку запись отношения нелинейна по существу, ее линейность не связана с существом отношения) и тогда должны интерпретировать как субъект член bR , т. е. b . Например, если

возможно сочетание *Каяк может рвать*, то субъектом будет именно *каяк*; если же возможно сочетание *Хохлач может рвать*, то субъектом будет *хохлач*. Если же возможны оба или неизвестно, какое именно (как и обстоит дело в данном примере), то остается только вероятностная интерпретация, или обращение к контексту, или разного рода пресуппозиции. Примером предложения, когда возможны оба случая, служит русское *Весло задело платье*.

Для предварительного разъяснения самого приведенного выше предложения заметим, что *каяк* — это лодка, а *хохлач* — это животное из породы моржей, и, значит, интерпретация предложения должна быть такой: «Хохлач (животное) легко может разорвать каяк (лодку)». Эта интерпретация основана, следовательно, на том, что в русском языке имеется группа «одушевленные имена», т. е. имена одушевленных существ, которая рассматривается как источник некоторых предикатов, а именно предикатов активного воздействия типа *рвать*, и группа «неодушевленных имен», т. е. имен неодушевленных существ, которая рассматривается по отношению к указанным предикатам как лишенная их. К полной интерпретации этого примера мы вернемся ниже.

Продолжая установку на анализ высказывания, вернемся к длинному семантическому компоненту. Мы видели выше, что для интерпретации ролей членов *a* и *b* в предложениях структуры *aRb* нужно знать, сводимо ли такое предложение к структуре *aR* или *bR*, к одноместному предикату (в известном смысле — процедура, обратная той, которая была предложена Франсиско Санчесом, см. выше), и какой из членов способен занять место субъекта в одноместном предикате. Именно этот член мы склонны интерпретировать и как субъект предложения «Отношения».

Однако это требование сведения предикатов с отношением к одноместным предикатам является очень сильным, и без него можно обойтись. В реальной системе языка достаточно знать, где на протяжении высказывания ослабевае роль длинного компонента.

Будем теперь рассматривать высказывание-предложение в большем приближении к реальности языка, а именно как нечто линейное при записи или (что в данном отношении то же самое) как нечто развертывающееся во времени. Запись *aRb* можно сохранить, но рассматривать ее уже при этом как запись реальной последовательности выска-

звания. Например, если мы говорим *Каяк рвет хохлач*, то запись этой линейной и временной последовательности будет *aRb*, где, следовательно, *a* — *кайк*, *R* — *рвет*, *b* — *хохлач*.

Мы констатируем, что длинный семантический компонент не в одинаковой степени выявляется на протяжении высказывания, что он ослабевает либо по направлению от *a* к *b*, либо по направлению от *b* к *a*. Иными словами, что в высказывании доминирует либо первый по порядку член, либо последний. Если отношение *R* мы интерпретируем здесь как «рвать» или «обладать способностью рвать», то роль этого длинного компонента ослабевает либо на члене *b*, *хохлач*, и тогда доминирует *кайк*, либо на члене *a*, *кайк*, и тогда доминирует *хохлач* (нетрудно заметить, что с иной точки зрения, т. е. если исходить из предварительного знания и классификации имен, это равносильно тому, чтобы сказать, приписывается ли в данном языке активный предикат типа *рвать* как собственный признак имени *кайк* или имени *хохлач*).

В таком понимании свойств длинного семантического компонента — хотя оно и представлено здесь, может быть, в несколько необычной форме — по существу нет ничего необычного. Это лишь частный случай общего отношения языка, которое называется синтагматическим контрастом. Для того чтобы высказывание осуществилось во внешней форме, необходим достаточный контраст составляющих его фонем (который связан с оппозицией фонем в парадигматике, «на парадигматической оси»). Для того чтобы высказывание осуществилось в семантическом плане, необходим достаточный контраст составляющих его смыслов (который связан с оппозицией смыслов и выражающих их слов в парадигматике). В семантическом плане не может быть удовлетворительным, например, высказывание, представляющее собой тавтологию: контраст его частей недостаточен.

Иными словами, можно сказать, что длинный семантический компонент, проходя через все высказывание-предложение, все же подчинен отношению контраста — в какой-то части высказывания он ослабевает, и эта часть начинает контрастировать с другой (см. примеры на с. 179, 204—205).

3. КЛАССИФИКАЦИЯ ДЛИННЫХ СЕМАТИЧЕСКИХ КОМПОНЕНТОВ ПО ФОРМЕ И ПО СОДЕРЖАНИЮ: УНИВЕРСАЛЬНЫЕ КАТЕГОРИИ «ВРЕМЕННОСТЬ—ВНЕВРЕМЕННОСТЬ», «ПОСТОЯНСТВО—НЕПОСТОЯНСТВО», «ОТЧУЖДАЕМОСТЬ—НЕОТЧУЖДАЕМОСТЬ» И ДР.

Если мы возьмем для примера модель категории «Действие» *Мальчик читает книгу*, рассмотренную выше, то нетрудно видеть, что ее характеристика может быть представлена в виде двух параметров: 1) субъект доминирует над объектом — параметр формы; 2) доминанция осуществляется посредством семантического признака «активность» или «одушевленность» — параметр содержания. Аналогичным образом обстоит дело с другими моделями.

Эти параметры, представленные в реальных моделях предложений разных языков совместно, являются, однако, логически независимыми, что позволяет построить для теоретических целей две их классификации.

Классификация по форме доминанции сводится к трем основным типам: длинные компоненты с субъектной доминанцией, с предикатной доминанцией, с «равновесной» субъектно-предикатной доминанцией. Так как мы всюду рассматриваем предложения с нейтральным, неизмематическим порядком слов, то форма доминанции совпадает в значительной части — именно постольку, поскольку речь идет о форме как о внешней стороне — с порядком членов предложения. В целом же классификация длинных компонентов по форме, естественно, частично совпадает с классификацией порядков слов. Дж. Гринберг, разработавший последнюю универсально и типологически, назвал ее типологией основного порядка (basic order typology). Логически существуют шесть возможных типов порядка слов: SVO, SOV, VSO, VOS, OSV, OVS. Однако из этих шести три не встречаются вовсе или, во всяком случае, чрезвычайно редки — VOS, OSV, OVS. Все они имеют то общее, что в них объект предшествует субъекту. Это позволило Гринбергу сформулировать следующую универсалию: «В повествовательных предложениях с именным субъектом и объектом почти всегда преобладает порядок слов, при котором субъект предшествует объекту» [Гринберг 1970, 118; см. также: Steele 1978]. Для дальнейшего семантического рассмотрения формы доминанции (так как форму мы всюду понимаем как поверхностную часть семантического содержания) оставим только

три других типа порядка слов, общим для которых является то, что в них субъект предшествует объекту.

Даже при таком единообразном порядке слов форма доминации все же может различаться: в одних случаях идти в направлении грамматической зависимости — от субъекта к объекту, а в других случаях — в обратном направлении — от объекта к субъекту. Мы ограничиваемся десятью предикатами Аристотеля, притом в материале русского языка, но предполагаем, что в силу универсального характера этой таксономии многое из того, что будет установлено для русского языка, прежде всего сами способы изменения формы зависимости, окажется действительным и для других языков.

Поскольку субъект — если не рассматривать его чисто морфологически — всегда имеется, а объект может либо быть, либо не быть, под субъектной доминацией, чтобы не вдаваться в излишнюю детализацию, мы будем понимать и те случаи, когда субъект доминирует над объектом, и те случаи, когда объект устраним или изначально отсутствует, а субъект доминирует над предикатом.

Сразу резюмируем то, что обнаруживается в результате этих наблюдений: при субъектной доминации субъект сохраняет «классическую» форму — имени в независимом морфологическом оформлении (в номинативных индоевропейских языках — в форме им. падежа или прямого падежа без предлога); при объектной доминации субъект, сохраняя за собой первое место по отношению к объекту, как правило, изменяет морфологическое оформление (в номинативных индоевропейских языках приобретая форму косвенных падежей или форму с предлогом). Следующий русский пример иллюстрирует сказанное: *Мальчик забнет* — субъектная доминация, *Мальчику яблоко* — предикатная доминация. Субъект, или подлежащее, в обоих случаях находится на первом месте.

Вообще, при подобных сближениях структурных схем субъект, или подлежащее, всегда остается и — при нейтральном, неэмфатическом порядке слов — занимает первое место. Это обстоятельство диктует методику выявления доминации: следует попарно сопоставлять предикатные схемы, которые — при одинаковом лексическом наполнении — могут рассматриваться как перифразы друг друга, при этом схема с «классическим» для данного языка подлежащим будет иметь субъектную доминацию, а схема с «неклассическим» подлежащим — предикатную (ср. при-

веденный пример). О возможности попарного сближения предикатных схем уже было сказано выше (гл. IV, 5; гл. VI).

Есть языки, как, например, английский, которые почти не знают различий между этими двумя типами: все подлежащие в них равно «классические», а различие в доминанции, если оно требуется, проводится лексическими средствами или специальным синтаксическим перифразированием, например: He is sleeping 'Он спит' \leftrightarrow He is sleepy 'Ему спится' — лексическое средство; Mother is in the house 'Мать в доме' \leftrightarrow There is mother (in the house) 'В доме мать' — как событие или проблема. Аналогичные два способа знает и французский язык, ср. в последнем случае *Il y a la mère dans la maison* 'Мать в доме' — как событие; *Deux étudiants sont arrivés* 'Два студента прибыли' \leftrightarrow *Il est arrivé deux étudiants* 'Прибыло двое студентов'.

Доминанция в предложениях тождества во многих случаях может рассматриваться как «равновесная», субъектно-предикатная. В таких, и только таких, случаях возникает реальная трудность в определении подлежащего, «трудность с подлежащим», например: *Его любимое развлечение было || была игра в шахматы*. Глагол-связка в одном варианте согласуется здесь с первым, в другом — со вторым именной членом предложения. Такие предложения иногда называют биномиальными, и они ставят особые проблемы (см. гл. XI, 2).

Таким же образом, сравнивая попарно структурные схемы предложений, можно отвлечь от них параметр содержания длинных семантических компонентов и построить классификацию последних по содержанию. Поскольку отвлеченные таким образом признаки содержания в принципе должны быть достаточно всеобщими или даже универсальными, мы начнем анализ с материала русского синтаксиса, показывая затем некоторые соответствия в других языках.

1. **Временность** — в п е - и л и в с е в р е м е н н о с т ь. Этот семантический признак извлекается из сопоставления категорий 3 (Качество) и 7 (Положение), например: *Снег бел; Трава зеленая; Город шумен* (3) против *Снег белеет; Трава зеленеет; Город шумит* (7). Он же противопоставляет предложения категории 9 (Действие) предложениям категорий 7 (Положение) и 8 (Состояние) (Обладание) и др. Вообще по временному характеру се-

магического компонента противопоставляются глагольные предложения всем неглагольным предложениям с предикативами (*Снег бел; Мне холодно*) и предложениям именным, или номинативным (*Истина — благо; Кипр — остров; Мой брат — учитель*). Поскольку все указанные типы предложений универсальны и равномерно представлены во всех языках мира, названный семантический признак является универсалией [ср.: Бенвенист 1974, гл. XIV]. Поскольку же в современных индоевропейских и многих других языках ни одно предложение в принципе не исключено из временной сферы, все названные типы могут мыслиться в отношении к параметру времени. Так, возможны формы: *Снег будет, был бел; Снег будет, был белым; Истина будет, станет, была благом; В результате землетрясения К. стал островом* и т. п. Однако все такие формы должны рассматриваться как перифразы по отношению к исходным, как результат контаминации исходных форм с предложениями глагольного типа, как результат внедрения глагола в неглагольное предложение. Предложение типа *Снег белел*, следовательно, в принципе отличается от предложения *Снег был бел*. Адекватное семантическое описание последнего будет совершенно иным: «(Было то, что) Снег бел». Предложение *Снег бел* остается вневременным инвариантом, по отношению к которому утверждается временной характер не его самого, а той более широкой ситуации, в которую оно входит. Таким образом, семантическая трактовка предложений с предикативами типа *Снег бел* аналогична и параллельна трактовке предложений с модальной рамкой и с рамкой отрицания:

- 1) *Дождь может пойти в любую минуту* = «(Возможно то, что) Дождь пойдет в любую минуту» [ср. выше и Wierzbicka 1972, 150 и след.];
- 2) *В Антарктиде не живут белые медведи* = «(Не имеет места то, что) В Антарктиде живут белые медведи» [ср.: Слинин 1970, 286 Степанов 1975, 264];
- 3) *Снег был бел* = «(Имело место то, что) Снег бел».

2. **П о с т о я н с т в о — н е п о с т о я н с т в о.** Этот признак в русском языке извлекается из таких пар, как *Она красива сегодня* с предикативом в виде краткой формы прилагательного (категория 3 — Качество) и *Она красивая*, последнее семантически является травестированной формой пропозиции «Она — красивая женщина» (категория 1 — Сущность). В современном русском языке это

противопоставление является предикатным и пережиточным и, как часто бывает в таких случаях, осложнено другими семантическими признаками.

В некоторых индоевропейских языках аналогичное различие является предикатным и живым, как в кельтских языках и в испанском. Ср. в испанском различие предикатных глаголов-связок *ser/estar* 'быть (вообще)/быть (в данный момент)'; *La bandera era roja* 'Знамя было красное' = 'Это знамя было красное, знамя' против *El cielo estaba rojo* 'Небо было красным', временный признак для неба.

Поскольку, как было выяснено выше, типичные предикаты категории 3 (Качество) являются вневременными — *Снег бел; Трава зелена; Небо синее; Знамя красное*, то, вступая в оппозицию с временными предикатами типа *Она красива сегодня; Небо было красным* и т. п., они выступают не в своем собственном значении, а как форма иного содержания. Таким образом, можно установить следующую классификацию:

1) предикат качества, всегда вневременной: рус. *Знамя красное*; исп. *La bandera es roja* — знамя или красное или не красное, знамя не меняет цвета в обозначаемое время;

2) предикат временного признака: в русском языке наиболее отчетливо выражается в прошедшем времени, благодаря возможности в этом времени форм твор. падежа — *Знамя было красным*; в испанском различие отчетливо проходит и в формах настоящего времени, благодаря различию связок *ser/estar*: *El cielo está rojo* 'Небо красное (в данный момент)';

3) предикат классификации, по сути дела, вневременной, предикат категории 1 (Сущность), но возможный во всех временных ситуациях, т. е. при этом вневременная классификация относится то к прошлому, то к настоящему, то к будущему. По-русски здесь возможно некоторое отличие от форм типа 2: *Знамя было красное* = 'Это знамя — красное знамя, но данное классификационное отношение мы рассматриваем с точки зрения прошлой ситуации'; форма *Знамя было красное*, таким образом, противопоставлена форме 2 — *Знамя было красным*. По-испански здесь обычны предложения только с глаголом постоянного признака *ser*, но во всех его временных формах, например: *El es niño* 'Он (еще) ребенок'; *El año que viene será mayor* 'На будущий год он будет уже большим'; *Es viejo* 'Он стар' и т. п.

В английском языке аналогичное различие является предикатным и — в отличие от русского и испанского — словарным, лексическим: двум разным признакам — временному и вневременному — соответствует в одних случаях различие предикатов, а в других — различие лексем. Так, различие предикатов: *He is ill* 'Он болен (устойчиво, длительное время, постоянно)' — *He is being ill* 'Он болен (в данный момент)'; различия лексем: *ill/sick*, *He is ill* — *He is a sick person* 'Он больной человек'.

Во французском языке дело обстоит примерно так же, как в английском, ср. различие предикатов: *Il est malade* 'Он болен' — *C'est un malade* 'Он — больной человек'; различие лексем: *malade/souffrant* — *Il est malade* 'Он болен (безотносительно ко времени)' — *Il est souffrant* 'Он болен (в данный момент)' (подробнее о предложениях тождества см. гл. XI, 2).

Последнее различие подводит к противопоставлению отчуждаемой — неотчуждаемой принадлежности.

3. Отчуждаемая — неотчуждаемая принадлежность. Этот признак в индоевропейских языках является сопутствующим в предикатах, рассмотренных в предыдущей рубрике: временный признак может быть тем самым отъемлемым, вневременной — неотъемлемым. Однако между двумя группами признаков есть и другое различие: в то время как признаки временности — вневременности являются главным образом предикатными, признаки отчуждаемости — неотчуждаемости являются признаками имен и соответственно объектов. Если, следовательно, первое противопоставление является чертой высказывания в целом, то второе — чертой словаря, а в высказывании распространяется главным образом только в пределах именной группы.

Меланезийские языки Океании дают многочисленные примеры категории неотчуждаемой принадлежности, которая охватывает главным образом названия частей тела человека, животных, частей растений, противопоставляя эти части другим отношениям названных таксономических групп — отношениям отчуждаемой принадлежности.

Имеются, однако, универсальные группы имен, занимающие промежуточное положение между таксономией имен и таксономией предикатов и тем самым выступающие в высказывании как имена, являющиеся одновременно предикатами. Таковы термины родства. Выражения

типа «X — отец Y-ка» являются типичными двухместными предикатами формы, «XRY» и одновременно это столь же типичные имена — «отец», «мать», «сын» и т. д. С точки зрения семантического содержания, в сущности, нет разницы между именем «отец» и предикатом «быть отцом»: «X — отец Y-ка» и «X является отцом Y-ка» семантически эквивалентны.

По сравнению с ними типичные имена, подчиняющиеся категории неотчуждаемой принадлежности, являются отношениями с одной оборванной связью: «ухо» требует связи, отвечающей на вопрос «Ухо кого?» — «Ухо X-а», но исключает предикатные выражения «быть ухом X-а»: невозможно представить себе выражение, с которым можно было бы сопоставить семантическое описание типа «X является ухом Y-ка». Поэтому возможны трансформации типа:

отец → *быть отцом*;

мать → *быть матерью*;

учитель → *быть учителем, учительствовать*;

хозяин → *быть хозяином, хозяйствовать*;

председатель → *быть председателем, председательствовать*;

царь → *быть царем, царствовать*;

вдовец → *быть вдовцом, вдовствовать* и т. п.

Но невозможны трансформации типа:

ухо → **быть ухом*;

рука → **быть рукой* и т. п.

Неотчуждаемая принадлежность является первичным признаком в именной классификации, а в сфере предикатов выступает в виде трансформаций. Так, рус. *Палка — железная* является трансформацией именной группы *железная палка* или *палка из железа*; *Ящик — из дерева* — трансформацией *деревянный ящик* или *ящик из дерева*; *Краска — густая* — трансформацией *густая краска* и т. п. Вообще, в русском языке все предикаты с относительными прилагательными и, по-видимому, многие предикаты с качественными прилагательными типа *краска густая* являются предикатными трансформациями именных групп. Поскольку более обычной является трансформация предикатного выражения или целого предложения в именную группу, так называемая номинализация, то данные трансформации могут быть названы обратными, «предикатизациями». Этими соображениями можно дополнить сказанное выше о трансформациях.

4. **Определенность** — **неопределенность**. В русском языке этот признак извлекается из сопоставления схем категории 9 (Действие) схемам категории 10 (Претерпевание): *Все меня зовут в Ригу* против *Меня зовут в Ригу*; *Брат трясет меня за руку* против *Меня трясет*; *Парламент провозгласил республику* против *Республику провозгласили*, где вторые предложения являются по сравнению с первыми явно в чем-то неопределенными.

Другое дело, где именно заключена неопределенность, в подлежащем или в сказуемом, предикате. Традиционная трактовка таких случаев гласила: в подлежащем — подлежащие вторы предложений характеризовались как безличные или неопределенно-личные. С точки зрения концепции, проводимой в этой книге, вопрос о подлежащем решается иначе (см. выше, гл. IV, 5), а потому определенность—неопределенность мы считаем характеристикой предиката, но предикат может включать в себя понятие о носителе действия. Что касается подлежащего, то оно, в соответствии с указанными выше критериями, определяется в каждом конкретном случае особо и не на основе морфологических показателей. Таким образом, можно представить следующий ряд:

Все меня зовут в Ригу — подлежащее *все*, предикат с признаком «определенность»;

Меня зовут в Ригу — подлежащее *меня*, предикат с признаком «неопределенность»;

Меня трясет за руку брат — подлежащее *меня*, предикат с признаком «определенность»;

Меня трясет — подлежащее *меня*, предикат с признаком «неопределенность»;

На дороге телегу трясет — подлежащее *на дороге*, предикат с признаком «неопределенность» и т. д.

Если согласиться с таким анализом, то замечаем следующую закономерность: всякий раз как устраняется «классическое», морфологическое подлежащее в виде им. падежа, координированного со сказуемым, так же всякий раз сказуемое приобретает характер неопределенности. (При этом грамматическое, хотя и «неклассическое», подлежащее может быть установлено.) Таким образом, признак «определенность—неопределенность» распространяется от сказуемого, но является именно «длинным семантическим компонентом», затрагивающим также сферу подлежащего.

Что касается того факта, что признак «определенность—неопределенность», будучи связанным прежде всего с предикатом, говорит в то же время об определенности—неопределенности источника действия или его реального производителя, то такое кажущееся противоречие («носитель действия выражен в предикате») не должно удивлять. Ведь все пассивные трансформации говорят о том же: реальный носитель действия скрывается в предикате.

В языках, имеющих артикли, признак «определенность—неопределенность» имеет, как известно, типизированные формы выражения. Языки без артикля знают лексические и иные соответствия этим формам, весьма разнообразные. Так, в русском языке неопределенность, исходящая из субъекта-подлежащего и выражающаяся во французском артикле, может быть выражена порядком слов — перемещением подлежащего в позицию сказуемого и тем самым «устранением» подлежащего. При этом мы имеем такой ряд:

франц.: *La porte s'ouvrit* 'Дверь открылась', подлежащее — *la porte* 'дверь', семантический признак — «определенность»; русское соответствие: *Дверь открылась*;

франц.: *Une porte s'ouvrit* 'Дверь открылась', подлежащее — *une porte* 'дверь', семантический признак — «неопределенность»; русское соответствие: *Открылась дверь*, подлежащее — *дверь*, но тема — *открылась*, семантический признак — «неопределенность».

Категория определенности—неопределенности (под названием «детерминация») как категория в целом высказывания описана Т. П. Ломтевым [Ломтев, 1972], а также В. Г. Гаком [Гак, 1977, 118].

5. Л и ч н о с т ь — н е л и ч н о с т ь. В русском языке этот семантический признак иногда тесно переплетается в предикате с признаком «определенность—неопределенность»: *Меня бросили к стене* — личность и неопределенность, *Меня бросило к стене* — неличность и тем самым еще большая неопределенность, оба признака выступают в «склеенном» виде. Но эта «склейка» имеет место в русском языке лишь в тех предикатах, где одно и то же предикатное выражение, обычно глагол, в принципе может относиться как к личным, так и к неличным субъектам. Таких случаев довольно мало: *бросить, перенести, занести* (*Машину занесли*), *зажечь, свалить, развалить, сломать, убить* и т. п. В большинстве случаев один предикат

кагы относятся к лицам, другие — к нелицам, но в русском языке это различие является чисто семантическим, внутрисемантическим и не находит никакой специальной формы выражения: структурные схемы предложений при обоих признаках одинаковы; ср.: *Молния свалила дерево; Лесоруб свалил дерево; Ветка сгибается; Человек сгибается*. Такое сходство предложений с личным и неличным компонентом вовсе не универсально (ср. языки манде). Даже близкие к славянским балтийские языки проводят здесь довольно резкое различие, относя в одну группу глаголы типа литов. *dužti* 'разбиваться', *ižti* 'лущиться', *tīlžti* 'размякать' и т. п. с редуцированной аблаутной ступенью гласного в корне, а в другую — типа *daužti* 'разбивать', *iežti* 'лущить', *telžti* 'размягчать' и т. п. с полной аблаутной ступенью гласного в корне, причем первые явно имеют неодушевленные субъекты, а вторые — одушевленные и, возможно, другие.

Эти же примеры иллюстрируют, между прочим, трудность семантической квалификации длинного компонента вообще. Хотя различие компонентов в двух группах литовских примеров очевидно, но достаточно ли квалифицировать его как противопоставление одушевленности — неодушевленности? И не является ли это противопоставление более широким различием активности — неактивности носителя действия, подобным таковому в языках активного строя? Действительно, примеры второй группы могут относиться к чему угодно активному — человеку, ветру, буре, граду и т. п. Но если один, маркированный член оппозиции определенно указывает на неодушевленный субъект, то, следовательно, и вообще приведенные оппозиции вращаются вокруг противопоставления не «активное» — «неактивное» начала, а «живое, одушевленное» — «неживое, неодушевленное». Поэтому следует ограничить признак «активно действующий» признаком «живой, одушевленный». Но не нужно ли ограничить также признак «живой, одушевленный» (т. е. субъект как «нечто одушевленное»), чтобы оставить только признак «человек»? Действительно, в литовских глаголах такого типа представлены действия, которые можно семантически охарактеризовать как «обычные сельскохозяйственные и бытовые работы». Следовательно, их субъектом является именно «человек». Этот семантический факт служит одним из оснований для выдвинутого нами ранее предположения о том, что существенную роль в оппозиции за-

логов актива и медиа в праиндоевропейском играла группа глаголов «действия человека и человекоподобных» и что на этом основании индоевропейские языки можно рассматривать в эволюции как тип, следующий за типом языков активного строя (см. ниже).

6. **Расчлененность — нерасчлененность.** Этот семантический признак в русском языке выделяется на основании сравнения таких структурных схем, как *Вода прибывает; Грибы повывлезли; Гости понаехали* и т. п., с одной стороны (категории 7 — Положение), со схемами *Воды прибывает; Грибов повывлезло; Гостей понаехало; Времени не хватает* и т. п. — с другой. Атрибуция последних по рубрикам Аристотеля остается не вполне ясной. (Выше мы говорили, что одним из вариантов является их присоединение к той же категории 7 (Положение), но это возможно как раз при условии, что не учитывается различие расчлененности—нерасчлененности.)

В языках, имеющих артикль, это противопоставление регулярно выражается в различии счетных, или считаемых, имен существительных и существительных несчетных, или несчитаемых. Ср. франц. *des moutons* 'бараны', *des œufs* 'яйца', *des théâtres* 'театры' против *du mouton* 'баранина', *de l'œuf* 'яйцо', например в высказывании *Vous avez de l'œuf sur la cravate* 'У вас яйцо на галстук', *du théâtre* 'театр', как, например: *Ça, c'est du théâtre!* 'Это просто театр какой-то!'

Выше мы уже отметили трудность правильного отождествления и названия семантического компонента. Имеется трудность и в этом случае, так как, быть может, выделенный компонент лучше было бы определить как противопоставление части—целого. Как известно, в традиционных грамматиках французского языка указанное различие, когда оно выражено формами артикля, так и квалифицируют, а соответствующий артикль *du, de la* называют «частичным» (*article partitif*). Как бы то ни было, оба противопоставления лежат очень близко одно от другого, и, может быть, речь действительно должна идти об одном общем признаке в различных модификациях.

Во всяком случае, яркую форму проявления этого признака мы находим в финно-угорских языках. Так, в эстонском языке различаются «полное дополнение», означающее, что действие переходит на весь предмет или все названные предметы и заканчивается или закончилось, и выражающееся номинативом ед. и мн. числа и генитивом

ед. числа, и «частичное дополнение», означающее, что действие переходит только на часть предмета или предметов и остается незаконченным или продолжающимся; такое дополнение выражается партитивом, ср.: «полное дополнение» — Otsin raamatu 'Я купил книгу'; Lugesin selle raamatu läbi 'Я прочитал эту книгу'; Vend sõi supi ära 'Брат съел суп' (генитив); Otsin raamatud 'Я купил книги'; Loen need raamatud läbi 'Я прочту эти книги' (номинатив); «частичное дополнение» — Ma lugesin seda raamatut 'Я читал эту книгу'; Ma loen seda raamatut 'Я читаю эту книгу'; Ema tõi lauale leiba ja piima 'Мать принесла на стол хлеб и молоко'. В эстонском языке, следовательно, этот компонент охватывает глагол-предикат и объект. Другая его особенность — «склейка» с видовым признаком действия: определенность, «цельность» объекта соответствует определенности, цельности, законченности действия, при переводе на русский язык здесь всегда требуется глагол совершенного вида (в прошедшем времени). Напротив, неопределенность, «частичность» объекта соответствует неопределенности, незавершенности действия и при переводе на русский язык требует во многих случаях глагола несовершенного вида⁵.

Эстонской категории полностью отвечают некоторые русские сочетания вида глагола с числом объекта, но в отличие от эстонского в русском языке они не типизированы. Сравним, однако, рус. *Он откусил кусок* — совершенный вид в сочетании с определенностью, единственностью объекта против *Он кусал* или *откусывал куски* — несовершенный вид в сочетании с неопределенностью, множественностью объектов. Невозможно как **Он кусал кусок*, так и **Он откусил куски*; ср. еще: *Он съел масла и хлеба, выпил воды* — *Он ел масло и хлеб, пил воду* при невозможности **Он ел масла и хлеба, пил воды*.

В английском языке сходные различия могут выражаться лексически. Так, «убить один раз одного субъекта» выражается глаголом to kill, длинный семантический компонент «нерасчлененность, цельность»; «убивать многих» выражается глаголом to massacre, длинный семантический компонент «расчлененность, нецельность»; «убивать долго или незавершенно одного субъекта» Шекспир выразил оборотом to have a-killing (on killing): Othello. I would have him nine years a-killing!

⁵ Пяль Э. Учебник эстонского языка. Таллин, 1955, с. 242.

(Othello, IV, 1) — «О т е л л о. Мне хотелось бы убивать его девять лет сряду!»

Сочетание расчлененности («вида», «аспекта») действия и расчлененности его объекта является, по-видимому, универсалией. Но формы и модификации ее различны. Так, Г. Веркёйль [Verkuyl 1972] внешним признаком вида, как это обычно и принято, считает наличие в высказывании некоторых типов обстоятельств, таких, как «в течение нескольких часов, недель» и т. п. По этому признаку он составляет минимальные пары фраз (подобно тому, как это делается с глаголами в славянских языках) на голландском и английском языках:

- 1a. Koos and Robby ate for hours.
«К. и Р. ели в течение нескольких часов».
- 2a. Katinka knitted for weeks.
«К. вязала в течение нескольких недель».
- 1b. *Koos and Robby ate a sandwich for hours.
«*К. и Р. ели бутерброд в течение нескольких часов».
- 2b. *Katinka knitted a sweater for weeks.
«*К. вязала свитер в течение нескольких недель».
- 1c. Koos and Robby ate sandwiches for hours.
«К. и Р. ели бутерброды в течение нескольких часов».
- 2c. Katinka knitted sweaters for weeks.
«К. вязала свитеры в течение нескольких недель». . .
- 2d. *Katinka knitted ten sweaters for weeks.
«*К. вязала десять свитеров в течение нескольких недель».
- 1e. Koos and Robby saw a sandwich for hours.
«К. и Р. видели бутерброд в течение нескольких часов».
- 1f. Koos and Robby saw sandwiches for hours.
«К. и Р. видели бутерброды в течение нескольких часов».

Сопоставление 1a—2a показывает, что обе фразы могут быть прочитаны как сообщение о едином непрерывном событии (a single-event reading), и глаголы в них имеют «дуративный» вид. Фразы 1b—2b, если читать их как сообщение о едином событии, оказываются неграмматическими, они допускают только прочтение в смысле повторяющегося события: «К. и Р. снова и снова принимались есть один и тот же бутерброд»; «К. вязала, распускала и снова вязала один и тот же свитер». Если считать, что виды

должны быть приписаны глаголам, полагает автор, то следовало бы заключить, что во фразах типа «а» мы имеем дуративные глаголы *есть* и *вязать*, а во фразах типа «б» — недуративные глаголы *есть* и *вязать* (заметим, что это было бы весьма удачным толкованием, соответствующим самой сути категории вида — возможности двоякого изображения одного и того же действия). Но автор отказывается от такого понимания. Однако он не упускает другую возможность — оценить роль объекта, и это очень важно. Сопоставление 1с—2с показывает, что определяющую роль играет характер объекта: здесь он имеет множественный характер, и поэтому обе фразы могут быть прочитаны как сообщения о едином событии. Фраза 2d показывает, что множественный характер объекта не должен перекрываться категорией определенного количества, иначе фраза снова становится неграмматичной. Наконец, фразы 1е—1f показывают, что играет роль также лексический характер глагола — при глаголе восприятия обе фразы оказываются вполне грамматичными. Путем подобных сопоставлений автор приходит к выводу, что дуративный вид имеет семантическую формулу «глагол + объект в нехарактеризованном количестве» (*unspecified quantity*), недуративный вид соответствует формуле «глагол + объект в характеризованном количестве» (*specified quantity*). Термин «глагол» в этих формулах может также получить глубинную семантическую интерпретацию, для которой важен прежде всего «агентивный—неагентивный» характер семантики с различными дальнейшими подразделениями, соответствующими обычным семантическим характеристикам. Особенно важно новое, введенное Беркёйлем понятие «характеризованного—нехарактеризованного» объекта. Оно не является «семантическим примитивом». Попытки его сведения к более элементарным семантическим сущностям приводят к его отождествлению с понятием «элементарное событие», которое может быть более или менее удовлетворительно определено лишь в весьма сложном контексте формальной логики (типа концепции Х. Рейхенбаха). Автор выходит из положения чисто лингвистическим путем, принимая как выражение элементарного события то, что может подвергнуться трансформации особого типа — «Что сделала К., так это то, что она вязала свитер в течение нескольких недель», *What K. did was to knit a sweater for weeks* (эта трансформация имеет специальное английское название — *pseudo-cleft sentence*).

Из анализа Г. Веркёйля для нашей цели может быть принято понятие «характеризованного—нехарактеризованного» объекта (с дальнейшими подразделениями на единственный, множественный и т. д.) как весьма важное для описания признака «предел», а также интересное указание на связь семантического определения вида с понятием элементарного события.

7. **Н а л и ч н о с т ь—н е н а л и ч н о с т ь.** В русском языке этот признак отвлекается — с некоторой неочетливостью — из сравнения схем категории 1 (Сущность) со всеми остальными, главным образом категориями 5 (Место) и 6 (Время). Последние выражают некоторую наличность происходящего, хотя не всегда наглядность, но категория «Сущность» выражает, как правило, ненаглядность и не непосредственную наличность. Этот ее признак соответствует уже отмеченному свойству именных, номинативных предложений — выражать общие истины. Таким образом, предложения типа *Мой брат — учитель; Истина — благо; Наш долг — помощь ближним* противостоят по признаку неналичности происходящего перед глазами предложениям *Мой брат — в саду; Свадьба — во вторник* и т. п.

Во многих языках различаются «наклонение очевидца» и «наклонение неочевидца» (например, в иранских языках), в некоторых других то же различие достигается различным употреблением времен — аориста и перфекта, что может сопровождаться различиями падежей субъектов при разных временных формах, а также объектов (в грузинском языке, в полностью эргативных языках и др.).

Завершая этот раздел, следует сказать, что сама возможность отвлечения указанных семантических признаков как категорий от предикатов русского языка и легкость подыскания аналогий к ним в языках других групп и семей говорит о том, что в этих признаках — перед нами достаточно распространенные в самых различных языках категории, «фреквенталии» или, возможно, универсалии. Список таких категорий этим не исчерпывается, и сказанное здесь, скорее, лишь его начало.

В следующей главе мы остановимся на трех общих («фреквентальных» или «универсальных») типах предложений, в которых параметры формы и содержания длинного компонента сочетаются достаточно типичным образом. Но различие этих типов составляет уже предмет «Истории» (гл. XI).

ЭВОЛЮЦИЯ

Эволюция — что это? Теория? Система? Гипотеза? Нет, но зато нечто большее: общее условие, которому должны отныне удовлетворять, чтобы быть осмысленными и истинными, все теории, гипотезы, системы. Свет, освещающий все факты, изгиб, который принимают все линии, — вот, что такое эволюция.

(Тейлор де Шарден.
Феномен человека, III, III)

1. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ. ЭВОЛЮЦИЯ. ПРОГРЕСС. ИСТОРИЯ

Лингвистика XX в. изучает Язык как универсальную, неотъемлемую принадлежность человека, homo sapiens, знаковую систему особого рода и языки в их многообразных конкретно-исторических формах. Эта двойственность предмета современного языкознания объясняется двойственностью его объекта — самого языка. Соответственно особенности своего объекта лингвистика располагает двумя циклами дисциплин и двумя типами методов.

Во-первых, это дисциплины о Языке — неотъемлемой и универсальной, панхронической принадлежности человека. Такое понимание объединяет, пожалуй, большую часть современных лингвистов; к нему присоединился бы, вероятно, Соссюр и прежние лингвисты Копенгагенской школы. Однако современная лингвистика вплегла в это понимание существенно новый признак, на котором настаивал еще В. Гумбольдт, — динамизм: определенный выше Язык подвержен вечному динамизму, подчиненному определенным законам. Дисциплины этого цикла изучают наиболее универсальные свойства, без которых невозможен язык вообще, — семантику, синтаксис и фонетику (впрочем, последняя принадлежит пока лишь естественному языку. В многочисленных искусственных языках, производных от естественного, ее место еще занимает та или иная дисциплина о плане выражения, или оформления, данного искусственного языка. Важно, однако, то, что особое место для такой дисциплины всегда имеется, и появляются уже компьютеры, подчиняющиеся речевым командам человека). В настоящее время уже нетрудно видеть сильную тенденцию к превращению этих дисциплин в пол-

ностью универсальные. Подобно общей фонетике, оформившейся уже достаточно давно, теперь мы можем говорить о складывающихся «общем синтаксисе» и «общей семантике» в лингвистическом (а не философском) смысле слова. В дисциплинах универсального цикла применяются соответствующие им методы. Прежде всего это методы дедуктивно-логического типа, используемые при изучении любых систем и в особенности систем, служащих для передачи информации, например: различные структурные методы, генеративный метод как разновидность конструктивного метода, методы логического исчисления, алгоритмы, моделирование и т. д.

Во-вторых, современная лингвистика располагает циклом дисциплин о конкретных языках в их речевых проявлениях. Поскольку национальные и исторические различия языков связаны в первую очередь (хотя и не единственно) с различной «техникой оформления» универсальных свойств языка, эти дисциплины можно назвать «дисциплинами о языковой технике»: это фонология (с фонетикой), морфология, лексика, стилистика каждого отдельного языка. Как и всякая отрасль науки, эти дисциплины стремятся к обобщению, однако его результаты оказываются здесь, естественно, совершенно иными. Трудно представить себе некую «общую морфологию» или «общую лексику», подобные общему синтаксису и общей семантике. Стремление к генерализации выражается здесь в разработке общих способов описания различных морфологий, в разработке «морфологических моделей». Или же, в другом типичном случае, это стремление быстро приводит к отрыву общей дисциплины от исходной и к появлению особой науки. Так произошло со стилистикой, которая осталась исторической дисциплиной о конкретных языках, но на пути генерализации выделила из своего состава поэтику — дисциплину об общих, всевременных, имманентных свойствах поэтического (прозаического и стихотворного) текста.

Естественно, что к объектам дисциплин второго цикла полностью приложимо понятие исторического изменения, исторического закона и вообще истории. Но что сказать об объектах дисциплин первого цикла? Несомненно, что языки имеют историю, но есть ли история у Языка вообще как универсальной принадлежности человека?

Понимание универсальности Языка требует признания того, что в основе Языка лежит всевременная (панхрони-

ческая) знаковая система и структура. Однако признание этого факта вовсе не требует понимания самой системы и структуры как статичных. Напротив, статичное понимание системы как системы знаков повсеместно в лингвистике сменилось пониманием ее как системы динамичной, системы единиц (знаков) и динамичных правил. Но есть ли история у самих правил или они постоянно исчезают и воспроизводятся из некоторого набора правил, который можно исчислить так же, как набор единиц?

По-видимому, часть современных лингвистов придерживается именно последней точки зрения. Для них система либо есть, либо ее нет, третьего не дано. С этой точки зрения вопрос о развитии системы так же лишен смысла, как вопрос о развитии математических истин: «а» и «а» дает либо то же самое «а» (в одной системе), либо «2а» (в другой системе), но нельзя непротиворечиво вообразить такого положения системы, при котором «а» и «а» уже не давало бы «а», но еще не давало бы «2а». По-видимому, так представляли себе дело лингвисты Копенгагенской школы, и, возможно, этой точки зрения придерживаются некоторые генеративисты.

Существовал и, по-видимому, еще существует прямо противоположный взгляд, согласно которому Языку вообще как универсальной принадлежности человека свойственна изменяемость в зависимости от весьма конкретных общественно-исторических условий. Следствием этого взгляда является концепция «языковых революций», которую провозглашал П. Я. Марр.

Представляется, однако, что Язык (как и мир вообще) не является раз и навсегда данной, застывшей системой, набор изменений в которой может быть исчислен. Но вместе с тем это и не такая система (и это не такой мир), в которой любое событие может произойти с такой же вероятностью, как и любое другое. Конкретные языки имеют «историю», Язык вообще знает лишь «эволюцию». Принятие категорий «истории» и «эволюции» и вместе с тем их различение представляются необходимыми основаниями современной лингвистики.

Зачастую, однако, мы до сих пор наблюдаем смешение этих понятий. Нечеткое различие эволюции и истории восходит, по-видимому, еще к трудам А. А. Потебни и является как бы обратной стороной, издержками психологизма его фундаментальной теории. В стремлении охватить в рамках единой эволюционной концепции развитие

языка, мышления, народной психологии и искусства Плетбня нередко переходил от исторически засвидетельствованных данных конкретных языков к гипотезам об эволюции психики и даже о биологической эволюции человека. В целом в его концепции конкретно-исторические закономерности языков умалются в пользу общих эволюционных закономерностей психики.

В 30—40-е годы XX в. эти идеи попали на благоприятную почву «пового учения о языке» Н. Я. Марра с характерным для этого учения отрицанием точного сравнительно-исторического подхода к языку. В рамках этого учения понятие истории языка было вытеснено понятием эволюции, стадий эволюции, «стадиальности».

Однако вряд ли можно винить в этом смещении только Марра и его последователей. По-видимому, к нечеткому разделению понятий «история», «предыстория (реконструкция)», «эволюция» располагала вся «научная парадигма» той эпохи. Во всяком случае, сходную неясность мы обнаруживаем в далеких от концепции Марра и даже в ее антиподах — учениях французской лингвистической школы и в концепции В. В. Виноградова. В знаменитой 12-томной «Истории французского языка» Ф. Брюно первые тома, посвященные древнему периоду, описывают изменения морфологии, синтаксиса и лексики, т. е. то, что составляет традиционный предмет исторической грамматики, но затем, по мере приближения к новому времени, такое описание сменяется описанием языка литературы и, наконец, описанием языка отдельных авторов. Такая же эволюция предмета описания заметна и в «Очерках по истории русского литературного языка XVII—XIX вв.» В. В. Виноградова (особенно в первом издании, 1934 г.).

В указанном распадении предмета истории языка на два предмета — содержание исторической грамматики, соответствующее древним периодам, и содержание истории литературного языка, соответствующее более близким к нам периодам, слышатся отголоски натуралистической теории А. Шлейхера. В 1876 г. в своем «Компендии сравнительной грамматики индоевропейских языков» Шлейхер писал: «Жизнь языка (обычно именуемая историей языка) распадается на два периода. 1. Развитие языка, доисторический период. Вместе с человеком развивается язык, т. е. звуковое выражение мысли. Даже простейшие языки есть результат постепенного процесса становления. Все высшие формы языка возникли из более простых: аг-

глютинирующие из изолирующих, флективные из агглютинирующих. 2. *Распад языка* в отношении звуков и форм, причем одновременно происходят значительные изменения в функциях и строении предложения — исторический период. Переход от первого периода ко второму осуществляется постепенно» [цит. по: Звегинцев 1960, 90].

Но вернемся к советскому языкознанию конца 40-х — нач. 50-х годов XX в. Отказ от «нового учения о языке» в целом и вместе с тем стремление ряда историков языка сохранить некоторые его положения, возврат к идеям сравнительно-исторического языкознания, распространение концепций структурализма — вневременных (панхронических) и в то время несемантических (антименталистских), как реакция на последние возврат некоторых лингвистов к идеям потебнианства — все это создало в указанный период запутанную и неясную картину в конкретном применении историко-социального принципа. Смещение «эволюции» и «истории» достигло, пожалуй, апогея. Историю языка стали обсуждать в терминах таких абстрактных категорий, как «прогресс или движение по кругу», «принцип экономии или отсутствие принципа экономии», «потребности людей и наличные ресурсы языка» и т. п., которые не только не давали никакого представления о реальных исторических законах, но и окончательно стирали различие между общими закономерностями эволюции человеческого мышления и психики и конкретно-историческими законами развития языков в конкретных исторических обществах.

Однако уже в этот период намечаются небезуспешные попытки внести ясность в этот запутанный комплекс вопросов. Акад. И. И. Мещанинов в статье «Проблема стадийности в развитии языка» (1947), подводя итог развитию категории стадийности, четко показал различие между конкретно-историческим развитием грамматического строя того или иного языка (как явлением истории) и переходом системы того или иного языка или целой группы языков в иную «стадию» (как явлением эволюции, явлением глоттогонического процесса). Он писал: «Под стадией понимаются не одиночные явления качественных в языке изменений, а переход целой языковой системы в другую. Следовательно, речь в данном случае идет о сдвигах в системе, и потому вполне естественно, что они должны характеризоваться не единичными фактами, а целым рядом признаков, комплекс которых и отделяет

одну систему от другой. Сосредоточение ряда показателей в одной системе и сосредоточение иного рода показателей в другой противопоставляют эти системы друг другу. Все же одно только противопоставление далеко не всегда ведет к хронологической периодизации сравниваемого материала» [Мещанинов 1975, 294]. Сравнительные сопоставления, особенно в области синтаксиса, могут быть весьма существенны для установления смен грамматических систем, но те же сопоставления, которые «как бы выхватывают отдельные моменты схождения, сами по себе далеко не достаточны для построения исторической схемы движения человеческой речи по чередующимся грамматическим системам» [Там же, 297].

На новом уровне к этим идеям вернулся Г. А. Климов в своих книгах «Очерк общей теории эргативности» (1973) и «Типология языков активного строя» (1977). Характеризуя период, предшествующий его собственным исследованиям, Климов справедливо отметил парадоксальный факт: после самых серьезных попыток обоснования стадальной концепции развития языка, предпринятых в отечественных исследованиях 1930—1940-х годов, интерес к историко-типологической проблематике ослабел, и весь последующий период безраздельно господствовала диахроническая типология, избегавшая собственно исторических проблем и исторической перспективы. «Историзм далеко не всегда характерен для языковедов, подчеркивающих необходимость придать существующим типологическим построениям больше динамизма. Между тем принципиальное различие понятий изменения и развития должно быть, вероятно, бесспорным для каждого исследователя общественных явлений (тем большим недоразумением представляются случаи отождествления исторического с диахроническим)» [Климов 1976, 3].

Здесь совершенно справедливо проведено различие простого изменения и развития. Однако кажется, что развитие связывается лишь с историей, тогда как на долю диахронии вообще остается, по-видимому, только изменение. Вообще, существует тенденция понимать «эволюцию» как «изменение» и «историю» как «прогресс».

Представляется, однако, что различие между ними лежит в ином плане. Эволюция и история — равным образом изменения во времени, но у них разный масштаб. История в языке есть то, что точнее определяется прилагательным «исторический» в противопоставлении «доисто-

рическому», — период, для которого имеются памятники материальной культуры, и чаще всего это период классового общества. Эволюция есть то, частью чего является история. История — изменение конкретных, исторических языков и их масштаб. Эволюция — изменение Языка вообще и масштаб последнего.

Что касается прогресса, то это особый вопрос. Понимать ли изменение как совершенствование, следовательно, прогресс, или как изменение по кругу — в любом случае различие между историей и эволюцией сохранится, история и эволюция равно смогут быть признаны, хотя и в разных масштабах, движением по кругу или прогрессом. Мы принимаем, скорее, последнее.

Таким образом, для нас прогресс конкретного языка выражается в периодах его истории, прогресс Языка вообще — в стадиях его эволюции. Есть много оснований отождествить стадии с типами. Мы принимаем именно эту гипотезу. Следовательно, типы языка здесь рассматриваются как стадии эволюции Языка по пути прогресса. Но типы также и сосуществуют в одно и то же время. Подобно этому, общественно-исторические формации или религии являются этапами прогресса, такими, как первобытнообщинное общество, рабство, феодализм, капитализм, социализм, коммунизм или анимизм, монотеизм, христианство, но отдельные этапы могут сосуществовать в одно и то же и даже в наше время.

Естественно, что все относящееся к системе может быть рассмотрено в свете истории и эволюции. Вполне научным и современным является, например, вопрос (чаще всего отвергавшийся наукой прошлого) об эволюции предикатных выражений в естественном языке, далее, о том, являются ли категории Аристотеля не только универсальными для наших дней, но и вечными в эволюционном смысле, и в конечном счете вопрос о том, эволюционируют ли законы и формы логического мышления. Но все это не предмет данной книги.

Затрагивая проблему эволюции Языка, мы должны выбрать какой-то более удобный и практический масштаб для рассмотрения ее конкретных черт. Понятие таксономии предикатов, или структурных схем, предложения является для этой цели, конечно, слишком дробным и конкретным. Искомый масштаб должен быть установлен, исходя из понимания того, что является объектом языковой эволюции в первую очередь.

Ответ на этот вопрос, как это само собой разумеется, предрешен пониманием конституирующих черт Языка вообще. Мы видим их в семантике и синтаксисе и поэтому именно в сдвигах, происходящих одновременно в этих двух сферах языка, находим непосредственный предмет языковой эволюции.

Эта точка зрения отличается от той, которая видит предмет эволюции в первую очередь в изменениях морфологии, происходящих быстро и, можно сказать, на глазах историка. Но, по нашему мнению, как раз поэтому морфологию следует отнести к объекту истории.

Эта точка зрения отличается и от той, например мешаниновской, которая находит объект типологии в сфере синтаксиса. Для нас ни синтаксис, ни семантика сами по себе, по отдельности, не могут служить показателем и мерой эволюции, но лишь их соединение. В этом смысле наша точка зрения ближе к концепции Г. А. Климова, чем к прежней типологической концепции И. И. Мещанинова [см. также: Ярцева 1972, 18; Джаукян 1978, 82].

Если, например, некоторые языки подчеркивают в своей таксономии словаря различие между «активными» и «неактивными» сущностями, относя к первым людей, животных, растения и некоторые из вещей, проводя, следовательно, в терминах нашей системы, разделительную черту внутри класса «Вещи», и предпочитают «активные» сущности в качестве субъектов своих высказываний, то это языки активного типа. Иные соотношения характеризуют языки номинативного типа и эргативного типа.

В общем виде определяющим для языкового типа мы считаем соотношение таксономии семантики с таксономией синтаксиса, выражающееся в специфическом для каждого языка распределении (конфигурации) классов словаря в субъектной и предикатной позициях предложения. Иными словами, определяющим для языкового типа является то, какие из универсальных классов таксономии в этом типе подчеркнуты и как они соотнесены с функциями субъекта и предиката.

Если продуктом и масштабом эволюции является языковой тип, то интимным звеном, податливой сущностью, на которую эволюция непосредственно воздействует, выступает семантическое согласование. Изменение семанти-

ческого согласования и, более конкретно, перечисление длинного семантического компонента — непосредственное звено и фактор эволюции.

2. ИЗМЕНЕНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОГО СОГЛАСОВАНИЯ И КОНТРАСТА КАК ЗВЕНО ЭВОЛЮЦИИ. ТРИ УНИВЕРСАЛЬНЫЕ СЕМАНТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ — АКТИВНАЯ, ЭРГАТИВНАЯ, НОМИНАТИВНАЯ

Прерывание длинного семантического компонента, рассмотренное в предыдущей главе, создает необходимый контраст между частями предложения. Если для простоты принять, как это обычно делают в типологических работах и как было сделано выше, что в общем случае предложение имеет три части — «субъект», — «глагол», — «объект» (SVO) и субъект предшествует объекту, то можно указать по крайней мере три типичные для естественного языка формы создания необходимого семантического контраста в высказывании. Три типа контраста определяются в зависимости от того, откуда распространяется влияние длинного компонента, на каком члене он прерывается и каким способом создается контраст. Назовем эти формы *моделями высказывания*.

Модель «Кто — что». В этой модели субъект («кто») доминирует над объектом («что») и доминанция осуществляется посредством семантического признака «одушевленность». Это значит, что из двух имен, связанных отношением aRb , имя, относящееся к категории одушевленных, будет субъектом и будет доминировать над объектом, который в общем случае относится к категории неодушевленных. Признак «одушевленность» может быть заменен более общим признаком «активность».

В современном русском языке предложения с неопределенным соотношением субъекта и объекта интерпретируются в пользу того члена, который оказывается одушевленным по отношению к неодушевленному или более активным по отношению к менее активному. Имеется тенденция помещать субъект на первое место, например: *Хохляк легко может разорвать каяк; Весло задело платье; Дитя шлепает мяч*. При наличии колебаний сомнения разрешаются — при прочих равных условиях — в пользу «более активного»: *Дерево закрывает домишко / Домишко закрывает дерево* — в пользу *дерево* как субъекта при

любом порядке слов. Признак «одушевленность» также — с точки зрения системы русского языка — допускает некоторые степени, и поэтому в случаях с ним конфликт также разрешается в пользу «более одушевленного»: *Дитя видит чудовище / Чудовище видит дитя* — скорее в пользу *дитя* как субъекта; *Собрание запутало постановление / Постановление запутало собрание* — скорее в пользу *собрание* как субъекта, хотя здесь предпочтение может быть отдано и критерию порядка слов — как субъект будет распенено первое по порядку. Критерий порядка действует в силу того, что порядок слов в русском языке является лишь относительно свободным, но вовсе не абсолютно свободным. Приведенные примеры из русского языка в его системе редки и составляют, скорее, исключение. Но типологически они очень похожи на основной тип высказывания в некоторых других языках, а именно в языках активного строя.

Обобщая наблюдения И. И. Мещанинова над некоторыми языками Кавказа [Мещанинов 1948, 86] и обнаружив у них черты, общие с некоторыми языками американских индейцев, Г. А. Климов пришел к выводу о возможности объединить подобные языки в типологическую группу языков активного строя. «Активный строй языка можно коротко определить как такой тип языка, структурные компоненты которого ориентированы на передачу не субъектно-объектных отношений, а отношений, существующих между активным и инактивным (т. е. неактивным. — Ю. С.) участниками пропозиции. В соответствии с этим глаголы лексикализованы в нем по признаку активности / стативности „действия“, а не транзитивности / интранзитивности, а субстантивы разделены на активные (одушевленные) и инактивные (неодушевленные). Соответственно в синтаксисе здесь выступает корреляция активной и инактивной конструкций предложения, а также ближайшего и дальнейшего дополнений, и в морфологии — оппозиция активной и инактивной серий личных показателей глагола или активного и инактивного падежей имени и т. п.» [Климов 1977, 4]. Определяющим в лексике и семантике этих языков является, по Г. А. Климову, деление имен на две противопоставленные группы — активных и неактивных. К активным относятся, в общем, обозначения людей, животных, растений, к неактивным — названия всех прочих предметов и явлений. Этому делению имен соответствует деление глаголов. Глаголы активного класса

передают действия активных предметов, глаголы неактивного класса — действия неактивных. К первым относятся, например, «рождать», «рождаться», «умирать», «расти», «идти», «бежать», «прыгать», «падать», «говорить», «лежать», «есть», «резать», «ломать», «держаться». К неактивным — глаголы, обозначающие состояния предметов неактивного класса, например: «висеть», «валяться», «торчать», «катиться», «быть высоким», «быть длинным», «быть тяжелым», «быть чистым» и т. п. Так называемые двудвигательные глаголы, могущие выражать в индоевропейских языках как переходное, так и непереходное действие, такие, как франц. *bruler* 'жечь' и 'гореть', *casser* 'ломать' и 'ломаться', *plier* 'гнуть' и 'гнуться', в языках активного строя отсутствуют. Подобные смыслы там всегда отчетливо распределяются между двумя глагольными лексемами, одна из которых активная, типа «жечь», другая «стативная», типа «гореть». Преобладают два типа предложения — либо сочетание имени активного класса с соответствующим глаголом активного класса, либо сочетание имени неактивного класса с соответствующим глаголом другого класса, т. е. в терминах нашей модели — тип «Кто делает» и тип «Что делается». Необходимый объект, соответствие «прямому объекту», или «прямому дополнению», индоевропейских языков, практически отсутствует, необходимых объектов нет. Преобладает порядок слов SOV (субъект — объект — глагол), а падежная парадигма имени, как правило, не развита [Климов 1977, 83 и след., 125] (литовские аналоги см. в гл. XI).

Система активных языков представляет наиболее яркое выражение модели «Кто — что» в ее более простой стадии — раздельное существование моделей «Кто + активный глагол» и «Что + стативный глагол», по отношению к чему модель «Кто — что» выглядит как их сложение.

Модель «Кто — кого». В этой модели субъект («кто») доминирует над объектом («кого») и доминанция осуществляется посредством различия падежей — субъект в форме номинатива, объект в форме аккузатива, или, в общем случае, субъект в форме прямого падежа — объект в форме косвенного падежа. Частным случаем этой модели является форма, отождествляющая функцию субъекта с первым (предглагольным) и функцию объекта с третьим (послеглагольным) местом в предложении, — явление, обычное в языках со слаборазвитой флексией (аналитических, нефузионных). В целом это обычная модель индоевропей-

ских языков, называемых в типологической классификации именно по этому признаку номинативными языками. Семантические ограничения здесь снимаются, длинный компонент «одушевленность» или «активность» перестает быть обязательным для контраста субъекта и объекта. Однако даже неглубокая реконструкция, по крайней мере некоторых индоевропейских языков — балто-славянских, показывает, что эта модель возникла непосредственно из модели «Кто — что». Примеры — обычные, массовые случаи: *Мальчик читает книгу; Книга привлекает мальчика; Книга возбуждает интерес; Интерес порождает спрос; Мальчик гонит собаку; Собака гонит мальчика*. Ясно, что эту модель можно было бы назвать также моделью «Что — чего» или обоими названиями сразу. Имеются серьезные основания рассматривать активные языки как стадию, непосредственно предшествующую на пути эволюции стадии языков номинативного строя.

Модель «Кого — что». Здесь объект («что») доминирует над субъектом («кого»), но признак, по которому происходит доминация, выделить в общем виде трудно. По-видимому, это говорит о переходном и смешанном характере модели. Обычно в ней выступают в «склеенном» виде несколько признаков, главным образом «переходность» глагола в сочетании с еще каким-нибудь, иногда, например, в сочетании с признаком времени действия. В этом случае действия, приписываемые одному какому-либо времени, требуют данной модели, а действия, приписываемые другому, — другой модели. Примером данной модели служат эргативные конструкции предложения разных языков, прежде всего языков полностью эргативного строя, например абхазо-адыгских. Некоторые авторы считают, что в этих языках эргативная конструкция предложения возникла в результате преобразования конструкций, характерных для языков активного строя [Климов 1973; Савченко 1973]. Следует заметить, что это предположение о происхождении данной модели имеет ясный смысл только в рамках языков эргативного строя, так как в других, например в индоевропейских, эргативная или «эргативноподобная» конструкция предложения может быть вторичным явлением (ср. литовские типы в гл. XI).

Положение языков эргативного типа на шкале эволюции остается в настоящее время не вполне ясным. Имеются основания считать их смешанным типом, хотя,

как уже было сказано, некоторые авторы склонны усматривать в них стадию перехода от активного строя к номинативному.

В рамках трех основных моделей могут быть выделены подтипы. Так, в модели «Кто — что» весьма яркую разновидность дают языки манде (в Африке). В них при почти полном отсутствии грамматических показателей различия субъекта и объекта в предложениях типа *Охотник — убивать* — лев роли абсолютно ясны в силу чисто лексического показателя — выбора глагола; лексемы одного и того же действия различаются в зависимости от того, какому классу предметов они семантически принадлежат: «убивать» как действие (свойство) охотника — это совершенно иная лексема, чем «убивать» как действие (свойство) льва. Таким образом, одна — с точки зрения универсальной семантической таксономии Словаря — семантическая сущность «убивать» в этих языках расщеплена на две лексические единицы таким образом, что каждая из двух присоединяет к основному содержанию еще признак одной из двух групп имен — либо «Люди», либо «Животные». С точки зрения универсального синтаксиса это равносильно тому, что предложение с «убивать» расщепляется на два предложения, в одном из которых «убивать» доминируется именем группы «люди», в другом — «звери». Если в каком-либо конкретном предложении языков манде (подобном приведенному) употреблены оба имени, то это равносильно тому, что в таком предложении семантически доминирующее имя является субъектом. Рассуждая последовательно, мы должны признать, что в абстрактном, «универсальном» предложении «„Человек“ — „убивать“ — „зверь“» доминация равновесна или неопределенна, субъектна и объектна. Явления расщепления, подобные наблюдаемым в языках манде, имеются и в индоевропейских балто-славянских языках.

Современный французский язык обнаруживает своеобразное соединение моделей «Кто — что» и «Кто — кого». Оно проявляется в двойственном категориальном членении значений слова *qui/que* — вопросительного и относительного местоимения, играющего важнейшую роль для синтаксической характеристики модели. В начальной позиции независимого (главного) предложения форма *qui* выражает категорию «Лицо» в функции как субъекта («Кто?»), так и объекта («Кого?»): *Qui vous voit?* 'Кто вас видит?', *Qui voyez-vous?* 'Кого вы видите?' Нелицо, вещь

в той же позиции выражается формой *que* в функции объекта *Que voyez-vous?* 'Что вы видите?', а для нелица, вещи в функции субъекта используется форма *que* в составе сложной фразы *qu'est-ce qui*: *Qu'est-ce qui vous pousse?* 'Что вас толкает?' В начальной позиции зависимого (придаточного) предложения форма *qui* выражает функцию субъекта как для категории «Лицо», так и для категории «Нелицо, вещь»: *L'homme qui vous inquiète* 'Человек, который вас беспокоит'; *La chose qui vous inquiète* 'Вещь, которая вас беспокоит', в то время как для функции объекта используется форма *que*, выражающая тоже и объект-лицо и объект-вещь: *L'homme que vous voyez* 'Человек, которого вы видите'; *La chose que vous voyez* 'Вещь, которую вы видите'.

Как видно уже из сказанного выше, три названные модели высказывания могут быть поставлены в соответствие с тремя типами языков по типологической классификации Г. А. Климова. Модель «Кто — что» соответствует, в общем и целом, языкам активного типа; модель «Кто — кого», также в общем и целом, — языкам номинативного типа, и модель «Кого — что», с той же оговоркой, — языкам эргативного типа.

Словами «в общем и целом» мы хотим сказать, что речь идет о соответствии модели некоторому усредненному общему плану высказывания, характерному для языков того или иного типа. Но поскольку в пределах каждого типа языка сосуществует, как правило, достаточно большое число различных конкретных типов, или структурных схем, предложений, то соотношение модели высказывания и структурных схем должно составить предмет особого исследования для каждого типа, предмет его истории, а не эволюции.

Ниже мы более детально проследим некоторые соответствия между длинным семантическим компонентом, с одной стороны, и видами предикатных, или структурных, схем предложений — с другой, на примере индоевропейских языков номинативного типа, прежде всего русского. Одновременно это послужит переходом от проблем эволюции к вопросам истории.

3. ОБОБЩЕНИЕ. ИЗМЕНЕНИЕ ДЛИННОГО КОМПОНЕНТА КАК ОБЩИЙ СЕМИОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП КОММУНИКАЦИИ

С точки зрения семиологического подхода элементарной ячейкой коммуникации и Языка вообще является высказывание-сообщение, предполагающее непосредственное общение двух участников — говорящего и слушающего, «человека-синтезатора» и «человека-анализатора» речи. Длинный компонент высказывания, проходит ли он в плане выражения (фонетический компонент) или в плане содержания (семантический компонент), является той сущностью, в которой различие синтеза и анализа речи сказывается прямо и непосредственно. Синтез и анализ совпадают только в некоторой, инвариантной части, обеспечивающей взаимопонимание и общение партнеров, но они различаются в вариативной части, обуславливая различие между тем, что закодировал отправитель речи, и тем, что воспринял получатель речи. В общем виде это различие заключается в неодинаковом членении одного и того же длинного компонента. Ниже будут рассмотрены некоторые достаточно общие примеры этого явления из плана выражения, фонетики, и из плана содержания, семантики.

Элементарным семиологическим знаменителем, простейшей сущностью фонетики является слог. И слог как раз такой элемент высказывания, который всегда и безусловно, в любом языке объединен каким-либо длинным фонетическим компонентом. В высказывании имеются и более протяженные части, которые может пронизывать тот или иной длинный фонетический компонент, эти части — слова, реже — фонетические комплексы из нескольких слов, фразы. Но их отношение к длинному компоненту не универсально: имеются языки, проводящие его более или менее последовательно, как и языки, избегающие этого явления; есть компоненты, которые проходят на более или менее длинном расстоянии в одних языках, как, например, «мягкость», «дизность», или палатализация, в русском, и прерываются, затухают в других языках — тот же компонент в английском или французском; в одном и том же языке протяженность длинного компонента может с течением исторического времени изменяться: так, исследователи русского языка отмечают уменьшение группового смягчения согласных — появление произношения «конфеты», «пугъвицы», «винтики», «кончатъ» вместо

прежних «конфеты», «пугвицы», «виньтики», «коньчать» и т. п., что как раз и равносильно прерыванию палатального длинного компонента внутри группы согласных. Слог же остается ареной действия длинного фонетического компонента всегда.

Подобно семантическим компонентам, длинные фонетические компоненты могут прерываться, притом даже в одном и том же языке, различным образом, создавая различные «типы прерывания». Так, в современном литовском языке один и тот же длинный компонент дизности, или палатализация, прерывается тремя различными способами в зависимости от качества согласного, который в слогe предшествует гласному:

1) если согласный зубной, [t] или [d], то доминирует гласный, а согласный остается вне сферы длинного компонента, т. е. согласный не смягчается (в отличие от русского, где такой согласный сильно смягчается): литов. *diena* [d-iɛna], ср. рус. *день* [д'эн']; литов. *tiurbanas* [t-ürbanas], рус. *тюрбан* [т'урбан];

2) если согласный задненебный, [k] или [g], то доминирует согласный, т. е. все обстоит, как в русском языке: литов. *kiurti* [k'urti] 'продырявить', как рус. *Кюзя*;

3) если согласный губной, [p] или [b], то не доминирует ни согласный, ни гласный, а длинный компонент реализуется на стыке между ними в виде отдельной фонемы [j]: литов. *piuti* [pjuti] 'резать'; аналогом может служить др.-рус. и ст.-слав. *люб-л-ю* из *l'ubiü, где в аналогичных условиях на стыке губного согласного и гласного при наличии палатализующего элемента сначала образовался звукотип [j], а затем он преобразовался в мягкое л [l'].

Если уже в пределах одной языковой общности, одного языка явления, подобные палатализации, могут типизироваться различным образом, то возможности вариаций тем более велики, когда говорящий и слушающий принадлежат к разным общностям — либо к разным поколениям говорящих в пределах одного и того же языкового коллектива, либо к разным языковым коллективам, использующим один и тот же язык в общении между собой. Первый случай — это типичная ситуация «отцов и детей» с лингвистической точки зрения: дети начинают говорить иначе, чем говорят родители; даже когда те и другие произносят одни и те же инвариантные языковые единицы, дети извлекают из них не ту грамматику, не тот «код».

который использовали для создания тех же единиц родителю. Приведенный выше русский пример со словами типа «конфет» в устах старого поколения и типа «конфет» в устах более молодого и совсем молодого иллюстрирует эту ситуацию. Вторая ситуация довольно типична, например, для СССР, где русский язык является средством межнационального общения, но местный акцент, в частности в сфере палатализации, дает знать себя довольно сильно. Особенности второй ситуации достигают максимума при языковых контактах. Под ними понимаются контакты двух полностью различных языковых общностей. Возникающие при этом языковые явления, начиная от заимствований отдельных слов и кончая гибридными формами предложений и языка в целом, основаны прежде всего на том, что из одних и тех же объективных данных звучащей речи представители каждой из соприкасающихся общностей извлекают различную грамматику и подводят различную грамматику под то, что они воспринимают. Простейшим примером может служить заимствование русскими французских слов с группой *-tu-* [tū], [tiu]. Длинный слоговой компонент дизности, отнесенный во французском к гласному, русскими переключается на согласный, вследствие чего твердый французский согласный начинает в русском произношении звучать как мягкий, а передний французский гласный типа [ü], освобождаясь от дизности, — как более задний типа рус. у [u]: франц. *costume* и рус. *костюм*; *tube* и *тюбик*; *turban* и *тюрбан* и т. п.

Известны следующие универсальные длинные компоненты, проходящие на длине слога и к тому же могущие быть выделенными в виде отдельных звукотипов:

— палатализация, или дизность, в качестве отдельного звукотипа — [j];

— веларизация, лабиализация, или бемольность, в качестве отдельного звукотипа — [u];

— ларингализация, аспирация, абруптивность, в качестве отдельного звукотипа — [h];

— фарингализация, в качестве отдельного звукотипа — [ħ];

а также в меньшей степени и с меньшей универсальностью:

— назализация, предназальность, в качестве отдельного звукотипа — [n] или [m];

— апикализация, какуминализация, церебрализация, в качестве отдельного звукотипа — [r] особого качества [см.: Степанов — Эдельман 1976, 215, 229].

Выделение этих компонентов в плане выражения вполне аналогично выделению длинных семантических компонентов в плане содержания, таких, как «временность—вневременность», «постоянство—непостоянство», «отчуждаемость—неотчуждаемость», «определенность—неопределенность» и т. д.

Их перечислением при взаимодействии различных языковых общностей можно объяснить некоторые кардинальные явления языковых семей. Так, большую проблему составляет наличие в праиндоевропейском трех рядов гуттуральных согласных — лабиализованных (k^u , g^u , g^uh), палатализованных (k' , g' , $g'h$) и велярных (k , g , gh). Используя собственно индоевропейские данные, т. е. внутреннюю реконструкцию в пределах индоевропейской семьи, оказалось невозможным объяснить это различие. В. М. Иллич-Свитыч, прибегнув к данным внешнего сравнения с урало-алтайскими, так называемыми восточностратическими, языками, показал, что: 1) индоевропейским лабиализованным гуттуральным соответствуют ностратические гуттуральные в позиции перед лабиализованными гласными (u, o, ü, ö); 2) индоевропейским палатализованным гуттуральным — ностратические гуттуральные в позиции перед гласными переднего ряда (ä, e, i); 3) индоевропейским велярным гуттуральным — ностратические гуттуральные в позиции перед нелабиализованным гласным заднего ряда (a) [Иллич-Свитыч 1964, 22—26]. Сам по себе этот факт стал одним из оснований ностратической гипотезы — объединения в одну семью на основе предположения о генетическом родстве индоевропейских, уральских, алтайских и некоторых других современных языковых семей. Указанные соответствия Иллич-Свитыч объяснил следующим образом: исходный ряд гуттуральных лабиализовался или палатализовался под влиянием гласных разного тембра, позднее нейтрализованных в индоевропейских языках.

Таким образом, с точки зрения длинного компонента здесь должны были иметь место следующие явления: 1) в исходной языковой общности существовало единство длинного компонента в группе «гуттуральный + гласный», причем этот единый компонент имел три разновидности — нейтральную (велярную), палатализованную, лабиали-

зованную; 2) в выделяющейся индоевропейской общности произошло перечленение компонента таким образом, что он концентрируется в согласном, тогда как освобожденный от него гласный начинает подчиняться другим закономерностям (прежде всего количество гласных уменьшается; затем они, вероятно, систематизируются на иной основе — аблаута); 3) в восточностратической (урало-алтайской) языковой общности компонент перечленяется таким образом, что он концентрируется в гласном, тогда как освобожденный от него согласный унифицируется (вследствие чего трем рядам индоевропейских гуттуральных соответствует восточностратическое k). Нужно, однако, заметить, что те же явления, если рассматривать их сами по себе, могли иметь место и при языковых контактах, вследствие чего сходство языковых семей могло оказаться не исходным, а приобретенным, не родством по происхождению, а «породнением».

Вполне аналогичные перечленения длинного компонента имеют место в семантике. Подробные примеры даются в гл. XI.

ИСТОРИЯ

... Мечты поэта —
Историк строгой гонит вас!
Увы! его раздался глас...
(Пушкин. Герой)

1. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ. МОРФОЛОГИЯ КАК ТЕХНИКА И КАК ПРЕДМЕТ ИСТОРИИ

Пытаться заранее, до рассмотрения материала ответить на вопрос, почему именно морфология (а не семантика и синтаксис) является прежде всего предметом истории, — значило бы вдаваться в абстрактную дискуссию. Конечно, можно было бы сразу указать, что семантика и синтаксис с семиологической точки зрения универсальны, тогда как морфология национально своеобразна, что, например, индивидуальные имена противопоставляются общим в любом словаре и всегда, тогда как, скажем, падежи или виды глагола имеются лишь в определенных языках и лишь на определенном этапе их истории. Но это и без того очевидно. Вопросу о «морфологии как предмете истории» мы предпосылаем более содержательный вопрос — о «морфологии как технике». Из ответа на него вытекает ответ и на предыдущий.

В разделах этой главы мы намерены показать, что:

1) морфологические грамматические категории, признаваемые — без специального изучения этого пункта — за общезначимые и всеобъемлющие в пределах данного языка, в действительности не являются таковыми; когда, например, говорят, что падеж — наиболее общая категория русского языка в сфере имени, то при этом не учитывают семантико-синтаксической сферы, применительно к которой можно говорить о падеже; достаточно обратиться к перечню основных пропозициональных функций (структурных схем предложений) русского языка, чтобы убедиться, что падежи применяются только в некотором — притом в весьма небольшом — числе их; предложения категории «Действие» с переходными глаголами не могут обходиться без развитых падежных функций, но предло-

жения категорий «Сущность» (предложения тождества), «Положение» (типа *Лес шумит*) и др. вовсе не требуют падежей в том виде и объеме, как предложения действия; предложения категории «Состояние» (*Мне холодно*) обходятся, в сущности, одним падежом, «дательным», и т. д.; таким образом, определению морфологической категории должно предшествовать определение семантико-синтаксической сферы, «области определения», применительно к которой в данном языке — а также универсально — можно говорить о данной категории;

2) морфологические грамматические категории подчиняются некоторым общим (помимо общей «области определения») семиологическим принципам, источником которых являются семантика и синтаксис в их взаимоотношениях; так, например, морфологические категории могут быть отнесены преимущественно одни к экстенциональной (денотатной) сфере семантики, другие — интенциональной (сигнификатной, понятийной); например, вид глагола в русском (и в других славянских языках) мы определим как категорию интенциональной сферы, как категорию сигнификатную, ориентированную на двойное, субъективное изображение одного и того же предметного действия, «положения вещей»; напротив, диатезу (залог глагола, выраженный морфологически) мы определим как категорию экстенциональной сферы, категорию денотатную, ориентированную на объективную передачу «положения вещей» и в отличие от вида не допускающую альтернативного изображения факта в зависимости от точки зрения говорящего;

3) развитие или, во всяком случае, изменение морфологических категорий связано с перераспределением длинного семантического компонента в высказывании; так, например, выражение одушевленности — неодушевленности, личности — неличности концентрировалось то в имени, то в глаголе (в славянских языках — в имени, в балтийских — в глаголе), и это перераспределение было связано с перестройкой именных и глагольных парадигм;

4) кроме того, развитие — и здесь этот термин можно применить с большим правом, чем в первом случае — заключается в развитии самого длинного семантического компонента в целом; так в случае, указанном в предыдущем примере, он, по-видимому, превратился из активного — неактивного в протоиндоевропейском в одушевленный — неодушевленный в балто-славянских языках; это

развитие, более медленное и глубинное, должно быть отнесено уже не к истории, а к эволюции.

5) Ниже мы рассмотрим на определенном отрезке истории индоевропейских языков три типа предложений — предложения тождества (или «Сущности»), предложения «Действия», предложения «Состояния»; их развитие связано с разными типами универсальных категорий — длинного семантического компонента.

Под предложениями «Состояния» вообще мы понимаем класс предложений, характеризующийся одной общей чертой — отсутствием объекта, отличного от субъекта-подлежащего. Таким образом, это название достаточно условно, и, например, с точки зрения категории времени такие типы достаточно разнообразны: они включают как формы действия в настоящем и во всех других временах — *Лес шумит, шумел, зашумел, будет шуметь; Ребенок сидит; Дети веселились* (предикаты категории 7 — Положение), так и формы состояния в узком смысле слова — *Мне холодно, было холодно, будет холодно; У нас в комнате натоплено, было натоплено, будет натоплено* (предикаты категории 8 — Состояние), где грамматическое время характеризует время не действия, как в предыдущих случаях, а состояния — перфект и плюсквамперфект. В общем и целом предложения состояния балтийских и славянских языков являются, как множество или класс (необязательно в каждой отдельной форме этого класса), наиболее древним видом, восходящим к протоиндоевропейскому типу.

Предложения «Действия» отличаются от предложений «Состояния» наличием прямого объекта. Они, так же как класс, формируются с развитием категории новой глагольной переходности, отличной от древней индоевропейской, — собственно переходности, связанной с развитием глагольных видов в славянских языках, и переходности-каузативности в балтийских — с более новым пластом грамматики.

Предложения тождества типа *Земля — планета; Кулик — болотная птица* и других типов в общем и целом являются продуктом новейшей эпохи, связанным в значительной степени с развитием письменной книжной речи.

Таким образом, в целом, рассуждая об эволюции и истории, естественно принять обратную последователь-

ность рассмотрения: предложения тождества — предложения «Действия» — предложения «Состояния». Это не исключает, конечно, имбрикации типов: отдельные формы тождества могут быть не моложе форм состояния.

2. ПОД УНИВЕРСАЛЬНОЙ КАТЕГОРИЕЙ «ВРЕМЕННОСТЬ—ВНЕВРЕМЕННОСТЬ» . ПРЕДЛОЖЕНИЯ ТОЖДЕСТВА («СУЩНОСТИ») ¹

Под названием предложений тождества, или, точнее, «условного тождества», мы объединяем несколько довольно различных типов предложений, имеющих, однако, много объективно общего, таких, как предложения-определения *Земля — планета*, предложения полного тождества, являющиеся полными определениями и допускающими обращение, — *Земля — это третья от Солнца планета — Третья от Солнца планета — это Земля*, предложения идентификации *Эх-ма, а вить хозяин-то я* (Гоголь, Мертвые души) и некоторые другие. Многие из них подходят под категорию 1 (Сущность).

С точки зрения длинного семантического компонента предложения условного тождества находятся под категорией временности—вневременности, но они сочетают в себе, кроме того, целый пучок совмещенных категорий — существования, индивидуности—общности и некоторых других.

Прекрасным введением в проблематику предложений тождества служит следующее краткое высказывание Гегеля: «Абстрактное суждение выражается в предложении „Единичное есть всеобщее“. Это те определения, которые имеют по отношению друг к другу субъект и предикат первоначально, когда моменты понятия берутся в их непосредственной определенности или первой абстракции (предложения „Особенное есть всеобщее“ и „Единичное есть особенное“ составляют дальнейшее определение суждения). Удивительно отсутствие наблюдательности, в результате которого мы не находим в логиках указания на тот факт, что в каждом суждении высказывается положение „Единичное есть всеобщее“ или, еще определеннее, „Субъект есть предикат“ (например, „Бог есть абсолютный дух“)» [Гегель 1974, 350].

¹ В этом разделе продолжают наблюдения, начатые в словарном плане в гл. II, 4.

В рассуждении Гегеля чрезвычайно полезно, кроме прочего, различение трех степеней, или ступеней, суждений данного типа: 1. «Единичное есть всеобщее»; 2. «Особенное есть всеобщее»; 3. «Единичное есть особенное». Эти гегелевские степени, очевидно, стоят в связи с различением индивидуности—общности имен, которое проводится в семиологической таксономии. Благодаря этому градации, установленные Гегелем, можно проиллюстрировать следующими семиологическими соответствиями: 1-й вид — «Индивидуное имя — общее имя высшей степени общности», например: *Ваня — человек; Я — человек; Наша Мурка — животное*; 2-й вид — «Общее имя средней степени общности — общее имя высшей степени общности», например: *Кошка — животное; Животное — живой организм*; 3-й вид — «Индивидуное имя — общее имя средней степени общности», например: *Мурка — это кошка; Иван Иванович — это наш сосед* и т. п.

Рассмотренные достаточно общие семиологические закономерности предложений условного тождества своеобразно реализуются в игре исторических случайностей различных языков. Здесь в качестве иллюстрации мы рассмотрим некоторые особенности подлежащего в истории латинского и романских языков.

Как показала А. Хэтчер [Hatcher 1948], в старофранцузском предложении типа *Ce est il* 'Это он' *il* было субъектом, а *ce* предикатом. В современном языке, напротив, *ce* — субъект (соответственно подлежащее), а *il (lui)* — предикат (сказуемое): *C'est lui* 'Это он'. В соответствии с этим в старофранцузском находим необычную, с точки зрения говорящего на современном языке, связь вопроса и ответа: «*Qui est che la*», — *fait ele.* — «*Dieu?*» *Et dist Perchevaus li gentieus*: «*Pucele, je suis Perchevaus*» — «Кто это здесь, — спрашивает она. — Господь бог?» И отвечает нежный Персеваль: «*Девушка, я есмь Персеваль*» (пример А. Хэтчер).

Современный русский язык в этом отношении аналогичен современному французскому, резко отличаясь от старофранцузского. Заявление «Я (есмь) Иван» в ответ на вопрос «Кто это?» кажется нам нелогичным, мы ожидали бы ответа «Это — я, Иван». В старофранцузском собеседник разрывает логическую последовательность вопроса и ответа, подставляя на место слова *это (ce)*, которое дано в вопросе и должно было бы служить подлежащим при ответе, слово *я*, и делает подлежащим последнее.

Такая же особенность отличает латинский язык. На вопрос «Кто это?» (*Quis est?*) или «Что это?» (*Quid est?*) отвечают не формулой «Это я», «Это закон» и т. п., а «Я есмь (существую)» (*Ego sum*), «Закон есть (существует)» (*Lex est*). Лишь сравнительно поздно, в историческое время, появляются общие формулы тождества с местоимением, соответствующим рус. *это*: латин. *Id est lex* 'Это закон'; франц. *C'est moi*, рус. *Это — я*. В латинском языке выражение **Id est ego* 'Это — я' так и не успело появиться. (Эти особенности рассматриваются подробно в наших работах: [Степанов 1961; 1979].)

Таким образом, «правило подлежащего» (как мы его тогда формулировали) гласит: 1) при определении двух имен (включая местоимение) на роль подлежащего предпочтение отдается более индивидуальному из них (или, как мы тогда выражались, более конкретному); 2) предел индивидуальности и конкретности исторически изменчив — он расширяется по направлению к современности, что связано с развитием трансформированных типов предложений [Степанов 1957, 59; 1961]. Г. А. Климов счел возможным использовать эти выводы при формулировке своего положения об эволюции подлежащего в плане общей типологии [Климов 1973, 170]. Кроме того, «правило подлежащего» можно дополнить еще одним положением: 3) суждение идентификации, содержащее индивидуальное имя, и суждение существования («X существует») в языке тесно связаны друг с другом [Vendler 1971, 132]; исторически они зачастую выражаются в одном и том же типе предложения, как, например: латин. *Lex est* 'Закон есть' в значениях «Закон существует» и «Это — закон». Имеются основания предполагать, что в синтаксисе функция идентификации лишь постепенно формируется на основе функции существования.

3. ПОД УНИВЕРСАЛЬНОЙ КАТЕГОРИЕЙ

«АКТИВНОСТЬ—НЕАКТИВНОСТЬ».

ПРЕДЛОЖЕНИЯ «ДЕЙСТВИЯ». ТИПЫ ПЕРЕХОДНОСТИ

Под этим названием мы объединяем предложения с двухместным предикатом типа *Мальчик читает книгу*. Их эволюция в балто-славянском ареале в основном сводится к развитию категории глагольной переходности, и мы будем говорить здесь главным образом о классификации балто-славянских типов переходности.

В протоиндоевропейском категории переходности в современном смысле слова, как известно, не существовало, один и тот же глагол мог в большинстве случаев выступать в переходном и непереходном значении, а вин. падеж имел, скорее, значение сопутствующего объекта.

Даже в современных балто-славянских языках глагольная переходность, единая на первый взгляд, скрывает по крайней мере два совершенно различных исторических пласта. В литовском, соответственно балтийском, древний пласт, первичные глаголы со значением «сыпать», «колоть», «мочить», «мягчить», «лущить» и т. п., рассмотренные выше, требуют одного, именно прямого, объекта, например: «Некто сыплет горох» — *Kažkas žirnius beria*. Их перифразой являются парные глаголы с непереходной диатезой: «Горох сыплется» — *Žirniai buga*. Более новый пласт глаголов, производный с суффиксами и зачастую также с приставками, выражает совершенно иной семантический тип переходности, например: «усыпать дорогу горохом» *barstyti žirniais kelia*. Количество мест в предикате здесь в принципе не ограничивается двумя, и перифразы таких оборотов резко отличаются от перифраз первого типа, являясь пассивными конструкциями, например: «Дорога усыпана горохом» — *Kelias žirniais nubarstytas*.

В русском, соответственно славянском, первичные глаголы могут быть как переходными, так и непереходными и, во всяком случае, не требующими непременно выраженного прямого объекта, например: *играть, брить, стричь, писать, читать* и т. п. Напротив, вторичные, производные приставочные глаголы, если это глаголы переходные, всегда требуют обязательного объекта: *выиграть, выбрить, выстричь, выписать, вычитать; разыграть, расписать; проиграть, пробрить, простричь (плешь), прочесть; переиграть, переписать, перечесть* и т. п. У вторичных переходных глаголов перифразой, или трансформацией, выступает пассивная конструкция: *Нечто выписывается, вычитывается, выбрывается, выигрывается* и т. п. В первичных же переходных глаголах пассивные трансформации нерегулярны и зачастую невозможны, а перифразы неопределены. Ср. с первичным глаголом: *Двигатель делает сто оборотов в минуту* ⇔ ⇔ **Сто оборотов в минуту делаются двигателем* невозможно.

С другой стороны, в литовском первичный глагол означает состояние вещи (точнее, каузированный процесс в вещи) типа «горох сыплется»; поэтому для передачи состояния субъекта-человека прибегают к возвратным глаголам, произведенным от активного глагола, означающего действие субъекта-человека: *kelti* 'поднимать, заставлять подниматься' — субъект-человек; *kilti* 'подниматься' — субъект-вещь; *keltis* 'подниматься' — субъект-человек. Аналогичные отношения существуют в славянском, причем тип первичного глагола состояния типа литов. *kilti*, *birti*, *mirkti* в русском полностью замещен производным возвратным, поэтому все такие литовские глаголы переводятся на русский возвратными: *подыматься*, *сыпаться*, *размачиваться* и т. п. Остатки незамещенных глаголов имеются в ст.-слав. и др.-рус. *сѣдати* — рус. *садиться*, др.-рус. *лѣгати*, *лѣгати* — рус. *ложиться* и др.

В славянских языках развитие вторичных, производных приставочных глаголов тесно связано с развитием категории вида. Собственно говоря, только такие пары, как *выпить* — *выпивать*, и считаются полностью видовыми парами, в то время как пары типа *пить* — *выпить* зачастую, и справедливо, рассматриваются как противопоставления по способу действия и, во всяком случае, как видовые противопоставления низшего, не вполне выработанного типа. Таким образом, развитие славянской переходности стоит в самой тесной связи с развитием видовых отношений.

Аналогично этому в балтийском развитие новой переходности связано с утверждением оппозиций каузирующего—каузированного действия, оппозиций диатез.

Описание предложений действия мы сведем, таким образом, здесь к более ограниченной задаче — описанию предикатов по типам переходности или, еще более конкретно, к классификации типов переходности. Для описания т и п о в п е р е х о д н о с т и (или диатез, или родов глаголов) русского языка будем употреблять следующие три пары признаков.

1. На первое место мы выдвигаем признак *аналитическая/синтетическая переходность* (или диатеза). Эти термины мы будем употреблять по аналогии с аналитическими и синтетическими суждениями в логике. Признаком аналитической переходности характеризуются действия, в самих понятиях о которых содержится понятие объекта, иными словами, действия, объект которых либо отождест-

вляется с самим действием, либо возникает в результате действия и не существует до него. Признаком синтетической переходности характеризуются действия, понятие о которых предполагает объект, существующий «сам по себе», независимый от действия и присоединяемый к нему. В первом случае понятие объекта может быть выделено из понятия действия, во втором случае — только присоединено к нему. Поэтому на поверхностном уровне объекты аналитической переходности могут не выражаться, тогда как объекты синтетической переходности, по-видимому, должны выражаться обязательно. Признак «аналитическая/синтетическая переходность» — это наиболее крупный классификационный признак: почти про всякий переходный глагол (по крайней мере в современном русском языке) можно сказать, обладает ли он аналитической или синтетической переходностью, и большая часть глаголов русского языка может быть разбита по этому признаку на две группы. Как мы полагаем и попытаемся далее показать, это наиболее новый, «молодой» в историческом смысле признак — он отвечает продуктивному семантическому разбиению глаголов, объективно существующему в русском языке нового времени. Примеры синтетической переходности: *убивать зверя, подрезать деревья, выигрывать приз*; примеры аналитической переходности: *петь (песню), играть роль, рожать детей*.

2. Далее две указанные группы глаголов могут быть, в свою очередь, разбиты каждая еще на две группы. *Эффективная переходность* означает, что объект действия подвергается реальному изменению в процессе действия, в том числе создается или разрушается. *Неэффективная переходность* означает, что имеется объект — данный заранее или возникающий в процессе действия, — который лишь участвует в действии, не подвергаясь реальному изменению, так как действие не выходит за пределы субъекта. Признак «эффективная—неэффективная переходность» отвечает более древнему семантическому разбиению, существующему еще и в настоящее время, но, по-видимому, бывшему продуктивным в балто-славянский период, в общеславянском, старославянском и древнегреческом языках.

Пересечение 1-го и 2-го классификационных признаков дает пять основных классов переходности (точнее, переходности—непереходности) в русском языке. Ниже классы приведены под номерами I, II, IV, V, VI.

3. Однако для исчерпывающего описания этих признаков недостаточно. Как уже не раз отмечалось выше, какие-то существенные особенности переходности-диатезы связаны с характером субъекта. Последний накладывает ограничения на вид переходного глагола (*отряд окружил* || *окружал усадьбу*; *забор* — *окружал усадьбу*, но не . . . *окружил*); на выраженность объекта при глаголе (*человек поет песню* || *поет*; *птица поет*, но не . . . *поет песню*; *человек пишет письмо* || *пишет*; *карандаш пишет*, но не . . . *пишет письмо*). Классификационный признак характера субъекта отвечает, несомненно, наиболее древнему семантическому разбиению индоевропейских языков. Возможно, он соответствует разделению имен на активный/неактивный классы, предшествовавшему разделению имен на грамматические роды. Этот признак, несомненно, стоит также в связи с оппозицией внешней диатезы (актива) — внутренней диатезе (медия). Однако на данном этапе исследования мы еще не можем с уверенностью сказать, каково здесь наиболее адекватное семантическое противопоставление. На сегодняшний день у нас несколько «фаворитов» на эту роль: 1) «человек — нечеловек (все остальные субъекты, исключая человека)»; 2) «человек — все вообще (включая человека)»; 3) «одушевленные — неодушевленные»; 4) «живые — неживые»; 5) «активные — неактивные». Мы не можем пока отдать предпочтения ни одному из них. Поэтому признак субъекта, стоящий в конце классификационной иерархии, мы будем использовать не для того, чтобы разбить каждую из четырех групп, полученных на предыдущем этапе классификации, еще на две по признаку субъекта (как следовало бы сделать при идеальной и жесткой классификации), а лишь для того, чтобы с помощью этого признака ввести дополнительно к названным четырем только еще два класса переходности — III и VII. III класс (например, *сажать ребенка на стул*; *будить*; *забавлять*) — класс каузативных глаголов, их субъект — всегда активный и преимущественно это человек. VII класс (например, *сесть*, *лечь*) — специфический каузативный класс: в нем субъектом выступает человек как особая сущность, а объектом — человек как тело (см. анализ на с. 167). Наконец, VIII класс — нейтральная с точки зрения оппозитивных признаков группа глаголов движения (*идти*, *ехать*, *брести* и т. п.).

Предлагаемая классификация имеет еще две существенные особенности. Во-первых, когда глаголы разделены по предлагаемым рубрикам, оказывается, что их глубинные семантические описания соответствуют различным типам толкований слов в толковых словарях, далее мы будем постоянно отмечать эти особенности. Во-вторых, все типы переходности-диатезы в нашей классификации имеют исторические прототипы, они подробно описываются после классификации.

Типы переходности (диатез) в русском языке. I класс — синтетическая эффективная переходность (диатеза): действие выходит за пределы субъекта на объект, внешний по отношению к действию и субъекту; объект подвергается реальному изменению, например: *рыть землю, убивать зверя, чистить зубы*; полнее всего в современном русском языке этот тип переходности реализуется в приставочных глаголах — *вооружить, выполнить, запустить (хозяйство), избаловать, испачкать, исправить, отточить, очистить, подрезать, разорвать, расширить, улучшить, упростить, усилить* и т. п. При аналитическом описании эти глаголы могут быть описаны как действия, результатом которых является состояние объекта: *земля разрыта, зверь убит, зубы вычищены, отряд вооружен, план выполнен, хозяйство запущено*². При дальнейшей редукции описаний состояний могут быть сведены к именным группам: *разрытая земля, убитый зверь, вычищенные зубы, вооруженный отряд* и т. д. И наконец, эти последние (как это фактически делается в толковых словарях) могут быть семантически разложены на общее указание действия (чаще всего здесь выступает глагол *сделать*) и указание качества (в форме прилагательного или существительного): *разрытый* = «сделанный» + «рыхлый»; *убитый* = «сделанный» + «мертвый»; *вычищенный* = «сделанный» + «чистый»; *вооруженный* — «снабженный» + «оружие», т. е. *сделанный рыхлым, сделанный мертвым, сделанный чистым, снабженный оружием* и т. д.

² В свое время А. В. Попов предложил определять такой винительный падеж, «винительный зависимый», трансформацией его в подлежащее страдательного оборота (см.: Попов А. В. Синтаксические исследования. I. Именительный, звательный, винительный в связи с историей развятия заложных значений. Воронеж, 1881, с. 181).

II класс — синтетическая неэффективная переходность: действие не выходит за пределы субъекта, но имеется внешний объект, который участвует в действии; объект не подвергается изменению, например: *видеть человека, слышать крик, искать грибы*; тип реализуется и в приставочных формах, однако чрезвычайно важной особенностью таких глаголов является то, что они, как правило, не имеют при себе соответствующих бесприставочных форм (в отличие от класса I): *забыть, заказать, изучить, объявить, одобрить, осмыслить* и т. п. Опускание прямого дополнения, обязательного при синтетической переходности, означает, что глагол употреблен в специальном значении (и при этом, что, по-видимому, всегда имеет место, перешел в тип аналитической диатезы); *Он теперь видит* = «он прозрел»; *Этот художник ищет* = «предается художественным исканиям». В словарных толкованиях причастий от таких глаголов, в отличие от типа I, употребляются полнозначные глаголы, синонимичные толкуемому [Сазонова 1975]: *забытый* = «случайно оставленный, не замеченный с собой»; «находящийся в забвении»; *изученный* = «хорошо понятый, узнаваемый»; *осмысленный* = «понятый, уясненный» и т. п. Во многих случаях конечным результатом семантического разложения оказывается здесь непосредственное указание на объект — дейксис или (в косвенной речи) анафора, например: *найти гриб* ⇒ «вот гриб, который найден»; *услышать крик* ⇒ *услышанный крик* ⇒ «вот крик, который был услышан»; *одобренное решение* ⇒ «то самое решение, которое было одобрено» и т. п. (другие детали см. в связи с перифразами в гл. VI, 2).

III класс — синтетическая каузативная переходность: действие выходит за пределы субъекта и переходит на объект, внешний по отношению к действию и субъекту; объект подвергается изменению — в нем возбуждается процесс или состояние, например: *сажать ребенка, высаживать цветы в грунт, класть ребенка, класть книгу, выкладывать мозаику, будить, зажигать, забавлять* и т. п. Тип реализуется как в приставочных, так и в бесприставочных глаголах, но в большинстве случаев они имеют морфологические (хотя бы скрытые и пережиточные) приметы каузативности. Конечным результатом семантического разложения является непереходное действие, приписанное объекту, ставшему субъектом: *сажать ребенка* ⇒ «ребенок сидит».

IV класс — аналитическая эффективная переходность: действие выходит за пределы субъекта и переходит на объект, но сам объект создается лишь в процессе действия; на поверхностном уровне объект может не выражаться (имя объекта может опускаться), например: *роет яму = роет, рождает ребенка = рождает, вяжет кружева = вяжет, готовит обед = готовит*; полнее всего этот тип переходности реализуется в бесприставочных глаголах: *играть, рисовать, лепить* и т. п. IV класс наиболее отчетливо и резко противопоставлен I классу. При аналитическом толковании смыслов этих глаголов описания посредством страдательных причастий, как правило, не даются, да и сами причастия здесь — малоупотребительные формы, ср. *игранный, рисованный, лепленный* и т. п. Зато обращает на себя внимание иная особенность русских толковых словарей. Переходные глаголы без приставок (обычно несовершенного вида), типа *играть, рисовать, лепить* и т. п., подаются чаще всего в безобъектном употреблении (без дополнения). Конечно, это правило не абсолютно, но оно, безусловно, преобладающая тенденция: глагол такого типа почти обязательно будет упомянут в его первых, основных значениях как глагол без дополнения либо уже в самом толковании значения, либо в составе примера.

Напротив, переходные глаголы с приставкой — типа *вы- . . ливать, о- . . ливать, за- . . ливать* и т. п., как правило, и на этот раз почти без исключения, подаются в первых значениях как объектные глаголы (с прямым дополнением). Ср., например, по «Словарию русского языка» С. И. Ожегова (9-е изд.): «*Играть*. . . 1. Резвясь, забавляться, развлекаться. Дети играют в саду. 2. во что и на чем. . . И. в футбол. И. на бильярде. 3. кого-что и на чем. . . И. вальс. И. на скрипке. И. Хлестакова. И. пьесу» и т. д.; с другой стороны: «*Выиграть* — 1. что Одержав верх, победить в чем-н. . . В. партию. В. дело. В. войну. 2. что. Приобрести, получить игрой. . . В. много денег» и т. д. Ср. глаголы первого типа: *брить* (*Эта бритва не бреет; Здесь стригут, но не бреют*), *вязать, играть, косить, клеить, крыть* (*Нитрозмаль хорошо кроет*), *лепить, переводить* (*Он славно пишет, переводит*), *петь, писать, резать, стричь, сушить, считать, читать, шить* и др. Ср. глаголы второго типа: *выбривать — выбрить, завязывать — завязать, выигрывать — выиграть, выкашивать — выкосить, выклеивать — выклеить, закры-*

вать — *закрывать* и т. д. — обязательно с дополнением.

Вообще, разумеется, границы между двумя последними типами нерезки. Критерием аналитической эффективной переходности мы можем считать то, что в процессе такого действия возникает некий объект, который может быть в русском языке обозначен как отдельный от субъекта, материальный предмет. Так, *играть* без дополнения может быть квалифицирован и как глагол с неэффективной аналитической переходностью, но приписывать ему эффективную аналитическую переходность заставляет то, что его значение может быть описано не только как «резвясь, забавляясь, развлекаться», но и как «развлекаясь, создавать нечто, что называется игрой».

У к л а с с — аналитическая неэффективная переходность: действие не выходит за пределы субъекта; при этом может быть объект, возникающий в процессе действия, однако такой объект, который составляет не только часть действия (как в IV классе, ср. *играть спектакль, роль*), но как бы часть или принадлежность субъекта, например: *прожить жизнь, петь песню, кусать куски*; тип существует как в приставочной, так и в бесприставочной форме, но в той и другой с ограничениями идиоматического типа: ср. *петь/спеть песню*, но не **жить* (а только *прожить*) *жизнь; откусить кусок*, но *кусать большие (мелкие и т. д.) куски*. В типе неэффективной переходности, т. е. в классах II и V, естественно возникает представление об объекте, являющемся частью субъекта. Но в классе II это часть, присоединяемая к субъекту, а в классе V — чаще часть, выделяемая из субъекта (хотя, с другой стороны, *кусать куски*, по-видимому, относится сюда же). Сюда же, вероятно, нужно отнести выражения свойств различных субъектов, чаще нечеловека: *птица поет, рябина вяжет, лед холодит, огонь жжет* || *жжется, собака кусает* || *кусаются*. Граница в этих случаях с классом IV очень мягкая, ею может служить, по-видимому, то, что здесь возможны параллельные формы на -ся: *печь дымит* || *дымится, собака кусает* || *кусаются, огонь жжет* || *жжется, кран брызжет* || *брызжется*, тогда как в классе IV их нет: *нож режет, краска кроет, карандаш не пишет*. Но случаи типа *рябина вяжет*, но не **вяжется*, должны быть обсуждены особо. Кажется, что в классе V во многих случаях сочетания глагола с субъектом не могут быть сведены к более простым формам, т. е. их семантические описания

являются тавтологическими: *собака кусает* = «собака кусает», так как «собака обладает способностью или свойством кусать» будет не упрощением, а усложнением описания смысла.

VI класс — разновидность V класса, группа глаголов переживания: *тосковать* = «переживать (или чувствовать) тоску»; *радоваться* = «переживать радость»; *стыдиться* = «переживать стыд»; *болеть* = 1. «переживать боль» (*У меня болит. . .*); 2. «переживать болезнь» (*Я болею*); *скучать* = «переживать скуку» и т. п. Если в V классе часто тавтологическим является объект при глаголе (*петь песню*), то здесь тавтологическим оказывается глагол при объекте — «переживать», «чувствовать», в конечном счете «иметь». Поэтому на поверхностном уровне глагол и фактически выступает как производное от имени объекта, а все сочетание предстает как транспозиция имени объекта в глагол: *стыд* → *стыдиться*, *радость* → *радоваться* и т. д. Ср. также разговорное *переживать* = «переживать любые отрицательные эмоции; страдать». Связующим звеном между V и VI классами выступают тавтологические сочетания типа *горе горевать*, они одновременно принадлежат к обоим группам.

VII класс — особая разновидность каузативного класса: производителем действия является (в 1-м значении глаголов) человек как особая сущность, а объектом — человек как тело (см. гл. II, 3, 4): *лечь*, *сесть*, *стать*. Особенностью этих трех глаголов является их только совершенный вид. (Несовершенный вид *ложиться*, *садиться*, *становиться* представляет собой очевидную позднейшую подстройку от каузативного глагола общего типа, т. е. класса III.)

VIII класс — нейтральная группа, глаголы движения. Ядро группы составляют древнейшие непроемные и бесприваочные глаголы: *идти*, *ехать*, *брести* и т. п. В приставочном виде глаголы с этой диатезой переходят в класс II синтетической неэффективной переходности, но чаще всего с косвенным по форме дополнением: *на-ехать на. . .*; *на-брести на. . .*; *на-ступать на. . .*; сюда же *найти что-л.* Семантическим анализом в глубинной структуре этих глаголов вскрываются два яруса: а) глагол согласуется семантически с объектом посредством одной и той же приставки-предлога: *на-брести на. . .*; **на-идти на. . .* При переходе от этого яруса к поверхностному происходит расподобление глагола и

объекта, утрата семантического согласования. Это совершается одним из двух способов: либо устраняется тавтологический предлог, но сохраняется приставка — **наидти на*. . . → *найти кого—что*, либо устраняется тавтологическая приставка, но сохраняется предлог — **изпрыгнуть из окна* → *прыгнуть из окна*. Последний способ относится к тем случаям, где тождество предлога и приставки условное — *при-к*; *вы-из* (ср. безусловное тождество *на-на*); б) более глубокий ярус вырисовывается за первым (за «а») и состоит в сочетании глагола движения с дат. падежом внешнего объекта: *идти к брату* → *идти брату*, в точности как *писать брату*.

Все типы переходности-диатезы приведенной классификации имеют исторические прототипы. В этом факте проявляется общая семиологическая закономерность: современный глубинный тип (а данные типы классифицированы по их глубинной структуре) в каком-либо фрагменте языка есть одновременно прошлое состояние этого фрагмента. При этом для флективных индоевропейских языков справедливо и более частное утверждение: в общем виде (в тенденции, в приближении) корневые элементы слова отражают наиболее древние морфологические закономерности и семантику; элементы, располагающиеся далее от корня «вправо» и «влево», в меру своей удаленности несут все более новые черты строя и семантики.

VIII класс в первом («а») ярусе своей глубинной структуры отвечает старославянскому и современному литовскому типу с согласованием приставки и предлога, ср.: **из-прыгнуть из окна* и ст.-слав. *излѣзъ ис корабль*; **при-идти при брате* и литов. *prieiti prie brolio*. В более глубоком ярусе («б») этот тип отвечает древнерусскому типу с дат. падежом направления, ср.: *иде Киеву*; *пусти дружину свою домови*; *прибѣгъ с пѣлку Смолинъску*. Дат. падеж объекта-направления, в свою очередь, в еще более глубокой структуре может быть представлен как вариант вин. падежа объекта. Эта вариативность выявляется при более отдаленном сравнении древнерусского с другими индоевропейскими языками. В древнеисландском для выражения прямого объекта при переходном глаголе на месте индоевропейского вин. падежа выступает дательный. Но сфера последнего ограничена в этом случае направленностью действия на одушевленный предмет либо инструментальностью, т. е. русским типам «приветствовать, любить, защищать и т. п. кого-л.» в исландском соответ-

ствуют обороты с дат. падежом, так же как в глаголах с инструментальным объектом «толкать», «лить», «делить», «собирать» и т. п. Сюда же можно добавить иные типологические параллели: франц. *aider qn.* с прямым дополнением — рус. *помогать кому-л.*; франц. *servir qn.* с прямым дополнением — рус. *служить кому-л.*, в др.-исл. также дат. падеж. В инструментальном значении ср. рус. *швырять камни // камнями, разбрызгать воду // брызгать водой*³.

! От эволюции групп необходимо отличать эволюцию единиц. Так, соврем. рус. *нести* — *носить*, относящееся к классу II, в общиндоевропейском относилось, по всей вероятности, к классу VIII и имело значение, которое лучше всего описывается словами «передвигаться, имея при себе или перед собой какой-либо предмет» и заставляет отнести этот индоевропейский корень к глаголам движения вместе с «идти», «ехать», «везти» и, по-видимому, «брать». Ср. индоевропейский корень **nek-* // *nok-*: слав. *nesti*, *positi*, балт. *nešti*, латин. *pac-tus sum* 'я достиг', др.-инд. *páśati* 'он достигает'; ср. также и.-е. корень **bher-*: слав. *berq*, рус. *беру*, греч. *φέρω* 'нести, носить' и *φέρωμαι* 'нестись; простираться'; ср. еще слав. *vezq*, рус. *везу*, литов. *veži* и санскр. *vāhāmi* 'везти; ехать'. Латыш. *pāku pācu pākt* 'приходить' и литов. *póksta póko pókti* 'поспевать, созревать', скорее всего, содержат корень **nek-* // **nok-*, хотя и с трудно объяснимой утратой палатализации смычного.

! Класс VII исторически весьма своеобразен (см. гл. XI, 4). Класс VI на глубинном уровне редуцируется к так называемой категории состояния в русском языке и находит в ней свой исторический прототип. Класс V находит прототипы во всех древних индоевропейских языках. С одной стороны, это вин. падеж при однокоренном с ним глаголе: латин. *vitam vivere* '(про)жить жизнь'; греч. *νικῶ νικῶν* 'одержать победу', букв. 'победу победить'; литов. *miega miegoti*, *sapna sapnoti* букв. 'сон спать'. С другой стороны, это неоднокоренный винительный, лишь семантически тавтологичный глагол: греч. *ὄψιν ὄραω* 'видеть сон'⁴. III класс и его исторические прототипы имеют обширную литературу⁵.

³ См.: Десницкая А. В. Переходные и непереходные глаголы в древнеисландском. — Учен. зап. ЛГУ, 1941, № 58, вып. 5.

⁴ Подробнее см.: Потемня А. А. Из записок по русской грамматике, т. 3. М., 1968, с. 332 и след.; Попов А. В. Указ. соч., с. 53.

⁵ См., в частности: Gotlob Z. The grammar of Slavic causatives. — In: American contributions to the 6-th International Congress of Slavists. The Hague, Mouton, 1968.

I, II, IV и V классы в их взаимоотношениях наиболее важны для нашей темы. Здесь, как и в других случаях, генезис в общих чертах выясняется из глубинной структуры современного состояния. Выше мы уже подчеркивали противопоставленность класса I трем остальным: первый класс наиболее полно реализуется в приставочных глаголах типа *выделать* — *выделявать*, тогда как в трех других классах свобода в образовании оппозиций приставочного—бесприставочного глагола (в одном лексическом значении) более или менее ограничена. Эта основная черта глубинной структуры, объединяющей все четыре класса, позволяет объяснить их генезис следующим образом.

На определенном доисторическом этапе балто-славянской общности (общность необязательно понимать при этом как генетическое единство, достаточно понимать ее как весьма близкое сходство языковых систем) основной лексико-семантической оппозицией в глаголе выступало противопоставление эффективной/неэффективной переходности (диатезы). Это именно тот слой, который вскрывается в ближайшем к поверхности ярусе глубинной структуры. Эффективная и неэффективная диатезы выступали в некотором постоянном совмещении (каждая в особом) с определенным и неопределенным видами, что позволяет говорить о балто-славянской системе «вид — диатеза». Далее развитие пошло двумя расходящимися путями. В славянском возобладала оппозиция синтетической/аналитической диатезы, возникшая как новый, более поверхностный слой над оппозицией эффективной/неэффективной диатезы. В балтийском развитие пошло в сторону усиления эффективной/неэффективной переходности и ее превращения в оппозицию «каузативный (и фактитивный) глагол/простой глагол действия или состояния». С формальной стороны процесс в славянском заключался в развитии приставочных форм глагола (при значительной утрате аблаутных соотношений), а это процесс, по самой своей сути связанный с явлениями семантического согласования глагола с объектом и развития семантической категории предела — основной в категории вида. В балтийском процесс заключался в дальнейшем развитии индоевропейских аблаутных противопоставлений (при значительном ослаблении приставочно-предложных соотношений), а это процесс, более тесно связанный с развитием семантической категории субъекта (субъекта каузации

в противопоставлении субъекту каузированного состояния). Одним из центральных источников развития системы «вид — диатеза» на ее балто-славянском этапе выступала оппозиция простых форм претерита-аориста друг другу и остальным формам времени, в особенности основам презенса (настоящего времени и имперфекта), а в сфере лексической семантики — оппозиция группы *лечь, сесть, стать* — *лежать, сидеть, стоять* другим лексико-семантическим группам.

4. ПОД УНИВЕРСАЛЬНОЙ КАТЕГОРИЕЙ «ОДУШЕВЛЕННОСТЬ—НЕОДУШЕВЛЕННОСТЬ», «ЛИЧНОСТЬ—НЕЛИЧНОСТЬ»

а) предложения «Состояния» с аористными (по происхождению) предикатами

В целом, как класс, балто-славянские предложения «Состояния» характеризуются двумя основными чертами: 1) в их субъектах существенно противопоставление субъектов, могущих отождествляться с лицом говорящего «я», всем остальным субъектам (с точки зрения таксономии имен это противопоставление рассмотрено в гл. II, 3); 2) их предикаты основаны на индоевропейских формах прошедшего времени, соответственно чему выделяются два главных предикатных типа — предикаты, основанные на формах перфекта, назовем их «перфектный класс» (тип *Мне холодно*), и предикаты, основанные на формах претерита — аориста и имперфекта, назовем их «аористный класс» (тип *Ребенок сидит*); аористный класс, в свою очередь, тесно связан с формированием видовых различий славянского глагола. Перфектные предикаты тяготеют к «я»-субъектам, т. е. являются маркированными: возможны только формы *Мне не пишется, Мальчику не сидится*, но не формы **Карандашу не пишется, не лежится*. Аористные предикаты являются немаркированными и сочетаются с субъектами как личного, так и неличного класса: *Мальчик не пишет; Карандаш не пишет, не лежит на столе*. Таковы в общих чертах границы класса предложения «Состояния». Рассмотрим теперь более детально два его центра, чтобы убедиться, что первоначально единый длинный семантический компонент с течением времени начинает члениться различными способами, приводя тем самым в соответствие изменяющиеся синтакси-

ческую семантику и таксономию словаря, и что морфология играет при этом лишь роль техники⁶.

Ариадниной нитью в довольно сложном морфологическом материале, который все же необходимо привести для доказательности и полноты картины, будет следующее: балтийские и славянские языки используют унаследованные ими в индоевропейском материале несколько претеритов, главным образом претериты на *-e/-o* (тематические), на *-ē*, на *-ā* для надстройки над каждым из них новых глагольных основ при одном общем корне; новые основы начинают противопоставляться как различные виды в славянском и как различные диатезы в балтийском⁷. Семантические основания для новых противопоставлений заключались в том, что субъект активного действия, выраженного основой настоящего времени, и субъект претерита зачастую были различны — это «лицо, я» и «нелицо, вещь». Данные древнегреческого языка, который имел в своей морфологии те же возможности, но скорее устранил их, служат для оттенения балто-славянской картины.

Перейдем к предложениям состояния с аористными (по происхождению) предикатами, начав с краткой реконструкции парадигм, а затем коснемся реконструкции синтагм и предложений. Нашим исходным материалом является здесь старый аблаутный класс с индоевропейскими корнями типа *TR(T) // TeR(T)*, где в формуле *R* представляет любой сонант, которому в слабой форме корня может соответствовать гласный, ср. греч. *πῆθθ-* // *πῆθ-*, литов. *merkti* 'мочить' — *mirkti* '(начинать) мокнуть (только о вещи)'. Применительно к этому классу проблему можно сформулировать в следующем виде. Каким образом один и тот же индоевропейский корень, допускающий аблаут, например **bhudh-* // **bheudh-*, регулярно порождает три заведомо взаимосвязанных генетически и вместе с тем различных типа оппозиций?

1. Греческий тип — парадигма одного глагола с аблаутом между презенсом с полной ступенью *πῆθθμαι* (с редуцированной ступенью при носовом инфиксе и суффиксе *πῆθθῶμαι*) 'знаю, расспрашиваю' и аористом с редуцированной ступенью *ἔπῆθθην* и нередко с противополож-

⁶ Здесь кратко излагаются результаты нашей реконструкции.

⁷ Под диатезой понимается залог, выраженный в морфологии глагольного слова (а не в строе предложения). Обычно такой залог-диатеза выражает отношение действия к его реальному носителю (а не только к подлежащему предложения).

ными диатезными значениями различных членов парадигмы, ср. $\pi\epsilon\beta\beta\omega$ 'даю знать, извещаю'.

2. Славянский тип — парадигмы двух различных глаголов, сохранивших аблаут лишь в редких случаях и соотносящихся как глагол «определенного» (совершенного) вида — глагол «неопределенного» (несовершенного) вида: (кзз)бзѣти, презенс (кзз)бзѣж, аорист (кзз)бзѣ 'проснуться' — вздѣти, презенс вздѣтъ, аорист вздѣ 'бодрствовать'; часто при наличии еще одного или нескольких глаголов с каузативным или итеративным значением и в этом случае с аблаутом нового происхождения, возникающим как продление краткого гласного — (кзз)воудити, презенс (кзз)воуждѣж.

3. Балтийский тип — парадигмы двух различных глаголов, всегда с аблаутом общеиндоевропейского типа, соотносимых как глагол состояния или действия, протекающего в субъекте (лице или вещи), — глагол каузативный (иногда, как при данном корне, с далеко расходящимися лексическими значениями): $b\ddot{u}sti$, презенс с носовым инфиксом $bu\ddot{u}nda$, претерит $b\ddot{u}do$ 'просыпаться' — $ba\ddot{u}sti$, презенс $ba\ddot{u}dzia$, претерит $ba\ddot{u}d\acute{e}$ '1) наказывать, 2) грозить, 3) настойчиво просить, принуждать'; часто при наличии еще одного или нескольких глаголов, из которых каузативы и итеративы с основами на -i- имеют новый аблаут и вполне отвечают славянским, ср. литов. $b\ddot{u}dyti$ (// $bud\ddot{y}ti$) '1) держать, 2) держать над дымом, коптить', слав. (кзз)воудити, презенс (кзз)воуждѣж '(раз)будить'.

Мы полагаем, что центром развития в этом классе была тематизация⁸ индоевропейских первоначально атематических парадигм. В современной индоевропеистике постулируется существование в праиндоевропейском атематических парадигм с аблаутом между ед. и мн. числами и с так называемыми вторичными (в действительности исторически первичными) окончаниями: ед. ч. $*l\acute{e}ik^w-m$ и т. д., мн. ч. $*lik^w-m\acute{e}$ и т. д. В процессе тематизации эта парадигма автоматически порождает два ряда так называемых поляризованных форм: а) $*l\acute{e}ik^w-om$, $*l\acute{e}ik^w-es$ и т. д.; б) $*lik^w-\acute{o}m$, $*lik^w-\acute{e}s$ и т. д. Парадигмы (а) с полной ступенью корня характеризовались следующей совокупностью категориальных признаков действия: 1) длительное,

⁸ Под тематизацией в исторической индоевропейской лингвистике понимается продление основы, оканчивающейся на согласный, посредством присоединения гласного -o-// -e-.

2) вследствие этого допускающее «определение» в видовом смысле, т. е. возможность получить «предел» и стать «длительным определенным» (совершенным) видом, 3) допускающее «определение» в диатезном смысле, т. е. возможность получить предел перехода действия — синтаксический объект и развить категорию эффективной переходности. Парадигмы (б) с редуцированной с уенью корня характеризовались противопоставленными первым признаками действия: 1) недлительное, неопределенное в смысле длительности, 2) вследствие этого не допускающее «определения» в видовом смысле, немаркированное, 3) не допускающее «определения» в диатезном смысле, т. е. немаркированное, медиальное, точнее, в нашей терминологии, тяготеющее к категории неэффективной переходности. В греческом два ряда парадигм наиболее отчетливо противопоставлены в тематических глаголах, с одной стороны, как «презент» в видовом смысле (собственно презентс и имперфект), с другой стороны, как аорист, ср.: а) имперфект $\acute{\epsilon}\text{-}\lambda\epsilon\iota\omicron\upsilon\omicron\nu$, $\acute{\epsilon}\text{-}\lambda\epsilon\iota\omicron\upsilon\omicron\varsigma$ и т. д.; б) аорист $\acute{\epsilon}\text{-}\lambda\iota\omicron\upsilon\omicron\nu$, $\acute{\epsilon}\text{-}\lambda\iota\omicron\upsilon\omicron\varsigma$ и т. д. Формальное и семантическое распределение основ здесь такое же, как в литовских парах: 1) (pa)lieka — (pa)liko 'оставляет, остается' — 'оставил, остался'; 2) melžia — milžo 'доит' — 'доил, надоил'; 3) merkia — mirko 'кто-то мочит' — 'что-то размокло'.

Из сказанного выше вытекает, что ядром балтийского противопоставления «каузирующее действие — каузированный процесс или состояние» было (в аблаутном классе) противопоставление двух форм: 1) формы с полной степенью вокализма в корне и со значением активного действия, связанного с 1-м лицом, человеком, лицом «я», и 2) формы с редуцированной степенью и со значением непереходного аориста, связанного с 3-м лицом, вещью, лицом «оно»: 1) *leik-/2) *lik-.

Если с этой точки зрения взглянуть на греческий материал, то он проливает свет и на соотношение балтийского (и отчасти славянского) аблаутного класса с глаголами состояния, характеризующимися показателями основы $-i/-\acute{e}$ - (типа $\text{mini} — \text{min\acute{e}ti}$, $\text{манитъ} — \text{манѣти}$ ⁹). Простые аблаутные тематические парадигмы типа lieka/liko (*leik-/*lik-) сменяются в балтийском более новым ти-

⁹ Долгое e (\acute{e}) передается в литовской орфографии буквой e с точкой (\acute{e}), в кириллице — буквой ять (ѣ), в древнегреческой — η .

пом с je/o-презенсом: melžia/milžo (ранее melža/milžo) 'дойти'; lenkia/linko 'гнуть/гнутья' и т. п. В греческом je/o-презенс часто имеет при себе ē-аорист. Суф. -ē- вообще означает состояние, наступающее в следствии действия (ср. καλῶς σχήσειν 'прийти в хорошее состояние' против καλῶς ἔχειν 'находиться в хорошем состоянии') и комбинируется в спряжении с показателем -i-. При этом в одном типе парадигм и презенс и аорист выражают состояние одного и того же субъекта, обычно человека. Примечательно, что субъектом состояния является здесь человек, даже в тех случаях, когда речь идет о физических действиях, вообще говоря допускающих выход за пределы субъекта (ср., например, значение слова τόπτω 'бить, ранишь' в любом достаточно полном словаре), таковы: μαίνομαι, χαίρω, τόπτω — ἐμάνην, ἐχάρην, ἐτόπην ('бесноваться', 'радоваться', 'бить') и т. д. Обычный при суф. -ē- вообще редуцированный вокализм корня стоит здесь в соответствии с семантикой. Именно этот тип обычно сопоставляется с балтослав. *mini-//*mīnē-.

Однако в греческом имеется и другой тип: презенс на -je/o- или -e/o- с полной степенью и со значением действия активного субъекта, подвергающего действию объект, при аористе на -ē со значением состояния д р у г о г о субъекта (отсюда часто просто пассивное значение): δέρω // δείρω 'деру' — ἐδάρη 'нечто ободрано, некто ободран', στέλλω 'строю (к бою)' — ἐστάλη 'нечто выстроено (к бою)' и т. п. В балтийском этому типу нужно поставить в соответствие презенс типа lenkia. Как и в греческом, основа ē-претерита относится равно к обоим типам презенса: linki — linké-jo и lenkia — lenké. В первом случае последующее расширение основы (linké-jo) соответствует значению состояния в этом типе глаголов и отвечает славянскому имперфекту. Во втором случае полная степень вокализма корня, необычная при суф. -ē-, свидетельствует о том, что последний был подстроен к основе je/o-презенса. Однако древнегреческий язык, как правило, стремится избежать наличия двух непереходных аористов при одном корне — e/o-претерита и ē-претерита, тогда как балто-славянский, напротив, поощряет такие параллельные формы, придавая им функциональное различие «действие — состояние». Расхождение связано с различным статусом индоевропейского перфекта в обеих системах: греческий развивает перфект, делая ненужным два аориста; балто-славянский

устраняет его, используя его «обломки» для подстройки вторых претеритов.

Таким образом, в аблаутном классе восстанавливается прогобалто-славянская парадигма (1): презенс $TeRT$ -e/o- — 1-й претерит $TiRT$ -e/o- — 2-й претерит, «аорист состояния» или «первичный балто-славянский имперфект» $TiRT$ -ē // $TiRT$ -ā. Эта парадигма сохранилась лишь в виде фрагментов: 1а) *lenda* 'лезет' — *lindo* 'залез' (1-й ā-претерит, заместивший e/o-претерит) — *lindo* 'сидит залезший' (2-й ā-претерит, переосмысленный как презенс нового глагола состояния *lindo*, *lindojo*, *lindoti*); 1б) то же, но со 2-м претеритом на -ē- *lindē-jo* (расширенном суффиксом и с новым презенсом из индоевропейского перфекта *lindi*, так же как новый глагол состояния *lindi*, *lindējo*, *lindēti*); *kerpa*, *kirpo*, *kirpē-jo* (*kirpēti*); *velka*, *vilko*, *vilkē-jo* (*vilkēti*); 1в) с перестройкой презенса в je/o-презенс и с расхождением субъектов *lenkia*, *linko*, *linkē-jo* (*linkēti*), каждая из трех форм дала начало трем глаголам: переходно-каузативному *lenkia*, *lenkē*, *lenkti* 'гнуть', непреходному с неодушевленным субъектом *linksta*, *linko*, *linkti* '(со)гнуть', непреходному с одушевленным субъектом *linki*, *linkējo*, *linkēti* 'гнуть, кланяться' (сама парадигма сохранилась в балтийском лишь в одном классе литовских глаголов типа *lenda*, *lindo*).

Наличие двух различных претеритов в одной парадигме стало одним из важнейших факторов раздвоения славянских лексем на видовые пары и балтийских лексем — на диатезные пары. Реконструируемая парадигма в целом послужила, как можно предполагать, эпицентром, источником аналогичной организации лексики в безаблаутном классе.

К этому классу принадлежит и один из центральных фрагментов в системе корреляций «вид — диатеза», который, по-видимому, сыграл решающую роль в оформлении, в придании формы семантическому противопоставлению «действие активного (личного) субъекта» — «состояние неактивного субъекта». Это глаголы группы «сесть», «стать», «лечь»: 1) от и.-е. корня **sed-*: основа презенса ст.-сл. **sē-n-d-q*, литов. *sēd-u*; основа претерита-аориста ст.-сл. *sēdъ*, *sēde*, *sēde*, *sēsti* (e/o-претерит), *sējajq*, *sējda*, *sējdati* (ā-претерит), литов. *sēdo* (<**sedā*) (ā-претерит) *sēsti*; основа претерита-«имперфекта» ст.-сл. *sēdē-*, *sēdēхъ* (как аорист к *sēdēti* с позднейшей сигматизацией), *sēdēахъ* (имперфект к тому же), литов. *sēdē-jo*, *sēdēti*;

2) от и.-е. корня *sta-: презенс ст.-сл. sta-n-o, литов. stó-j-u; претерит-аорист ст.-сл. staxъ, sta, sta, литов. — нет; претерит-«имперфект» ст.-сл. stajaxъ, staja (как аорист к stajati), литов. stójo, stóti; претериты от основы на -ē- расходятся: ст.-сл. stojěaxъ // stojaaxъ, литов. stovė-jo; 3) и.-е. корень со значением «лечь, лежать» представлен особыми образованиями в каждой из двух семей — слав. leg-, литов. gul-, но общая утрата исконного корня и значительный параллелизм новообразований снова говорят о компактности всей группы.

В этой группе глаголов отчетливо прослеживаются пути подстройки парадигм, общее направление которых — заполнение места глагола однократного завершаемого действия. В славянском оно занимается производным глаголом с основой на -ā: ст.-сл. sēda-ti, sēdajq — sēsti; stajati, stajq — stati; др.-рус. легати // лѣгати — лечи (<*legti); в литовском в соответствии со славянскими формами на -ā представлены только основы претерита включенные в парадигму базового глагола: sėdu, sėdau, sėsti; stoju, stojau, stoti.

Таким образом, и в этом фрагменте поддается восстановлению протобалто-славянская парадигма с вариативным презенсом и двумя претеритами: 1) аористного и 2) «имперфектного» типа. Два претерита дали в славянском начало двум различным глаголам: соответственно «определенному» («перфективному») и «неопределенному» («имперфективному»), а в балтийском аористный претерит был подавлен в пользу «имперфектного»: старый презенс *stan- // *staj. 1-й претерит *stā-, литов. — нет, ст.-сл. sta, инфинитив stati; 2-й претерит *stājā, литов. sto'o, ст.-сл. staja, инф. stajati 'становиться', литов. stoti. Сюда же относятся pādo, pasti — pādajq, pādati с продлением в корне, как и в sēd-, bēg-. Раздвоение лексем в соответствии с двумя претеритами выступает в этих фрагментах, как и следовало ожидать по системным соображениям, очень отчетливо.

В данном случае в славянском вариативный презенс (и очень часто вообще je/o-презенс) принадлежит одновременно двум различным парадигмам, создавая имбрикацию. Очевидна также роль презенса на -je/o- в дальнейшей перестройке претерита. Поэтому, по нашему мнению, необходимо принять вторичное происхождение балтийского суффикса претерита -ē- < -jā- в глаголах спрезенсом на -je/o-. Это -ē₂- отождествилось с -ē₁-, содержащимся в типах

gulė, gulė-jo, gulė-ti; linkė-jo, linkė-ti; pabėgė-jo, pabėgė-ti, слав. вѣжати < *bėgēti и др. Это — парадигма (2).

В семантическом отношении (в полном соответствии с двойственной формой парадигмы) весь рассмотренный пласт глаголов чреват распадением на две группы — «действий человека» и «состояний предмета»: семантические отношения типа «плавить» — «таять (плавиться)», «лить» — «течь (литься)», «колоть» — «треснуть (колоться)». И это именно тот пласт, который широко развивается в литовском, образуя два противопоставленных лексических класса — тип *telžti* 'размачивать, мочить' — *tilžti* 'размокать, размякать'. Промежуточное положение занимает здесь семантическая группа, в которой человек выступает одновременно как «чисто человеческая сущность» и как «тело»¹⁰, — парные глаголы, из которых один означает действие перехода к состоянию-положению в пространстве, а другой — пребывание в положении-состоянии в пространстве. Таковы семантические отношения типа «сесть» — «сидеть», «лечь» — «лежать», «стать» — «стоять».

В этой группе мы сталкиваемся с категорией «связующего семиологического звена» — такого фрагмента, который одновременно принадлежит двум другим фрагментам. В самом деле, парные глаголы типа «сесть» — «сидеть» (и, как показывает семантическая реконструкция, «нести» — «нести́сь»), с одной стороны, принадлежат к группе «субъективные действия и состояния человека» типа «полюбить» — «любить» и отличаются от последних лишь тем, что обозначают не внутренние действия-состояния, а внешние, материальные. С другой стороны, «сесть» — «сидеть» принадлежат к группе «объективных» действий и семантические отношения в них подобны отношениям «плавить» — «таять», с той лишь разницей, что в последних они охватывают «человека» и «предмет», а в случае «сесть» — «сидеть» место предмета занимает также человек, но уже «человек как тело»: «плавить» значит «„человек как особая сущность“ „заставляет“ „таять“ „предмет“», «сесть» значит «„человек как особая сущность“ „заставляет“ „сидеть“ „человека (себя самого) как тело“». Следовательно, в этом случае семантические отношения «сесть» — «сидеть» выступают

¹⁰ Об этом семантическом противопоставлении см. в разделе о тахсономии словаря (гл. II, 3, 4).

по сравнению с семантическими отношениями «плавить» — «течь», или, напротив, последние по сравнению с первыми как изменение набора семантических признаков — либо добавление, либо устранение некоторых признаков при одном и том же общем их наборе.

Совмещая элементы реконструкции синтагм и парадигм, мы можем представить следующую реконструкцию. В протобалто-славянском существовали два типа синтагм, или простых предложений: 1) один тип состоял из сочетания одушевленного имени с глаголом соответствующей, «одушевленной» диатезы, иными словами, через все сочетание проходил длинный семантический компонент «одушевленность»; 2) второй тип состоял из сочетания неодушевленного имени с «неодушевленной» диатезой, т. е. длинным семантическим компонентом была «неодушевленность». На определенном, позднейшем этапе происходит расподобление синтагмы, утрата семантического согласования имени и глагола, «прерывание» длинного компонента.

Это преобразование происходило двумя путями. При одном пути, славянском, семантический компонент «одушевленность—неодушевленность» сосредоточился в имени, а глагол освободился от этого компонента; в результате создалось лексико-семантическое разделение имен на одушевленные и неодушевленные, в то время как глагол утратил различие «одушевленной» и «неодушевленной» диатез. При втором пути, балтийском, семантический компонент «одушевленность—неодушевленность» сосредоточился в глаголе, в результате создалось противопоставление глаголов по категории «одушевленная, или активная», диатеза (позднее развившаяся в переходно-каузативную) — «неодушевленная» диатеза (позднее развившаяся в переходно-каузативную) — «неодушевленная» диатеза (позднее развившаяся в непереходную), различие же одушевленности—неодушевленности в балтийском имени было утрачено.

Славянский глагол, освобожденный от семы одушевленности — неодушевленности, получил возможность сочетаться с различными субъектами, не изменяя своей формы, следствием чего было появление новых, «метафорических» типов синтагм (простых предложений), в которых одушевленное имя сочетается с «неодушевленным» по происхождению глаголом (типа *Дама тает; Я весь похолодел* и т. п.) и, напротив, неодушевленное имя соче-

тается с «одушевленным» по происхождению глаголом (типа *Солнце садится*; *Море смеется* и т. п.).

Освобожденный от необходимости противопоставлять в своих формах одушевленность—неодушевленность, славянский глагол использовал вторые претериты с их основами на -ā и -ē для создания парных глагольных слов, противопоставленных по категории вида. Поэтому в обеих группах языков первичные противопоставленные пары представляют одно и то же действие с двух различных точек зрения: в балтийском с точки зрения субъекта / объекта (переходности / непереходности) при каком-либо одном фиксированном видовом значении, например литов. *beriu žirnių* 'я (за)сыпаю горох' / *žirniai buga* 'горох (начинает) сыпаться' при фиксированном видовом оттенке начинательности (ср. *barstyti* с видовым оттенком длительности или итеративности; так же *merkėti, no mirkėti*); в славянском с точки зрения полагания предела / снятия предела при каком-либо одном фиксированном переходном или непереходном значении, например ст.-сл. *соупи сыпе/-сыпати, -сыпа* 'сыпать'. В этой двойственности точек зрения на одно и то же действие (хотя сами точки зрения различны) состоит общность славянской и балтийской систем и основание единства их прототипа «вид — диатеза».

В балтийском такую же возможность более широкой сочетаемости, как в славянском глагол, получило имя, освобожденное от семы «одушевленность—неодушевленность». Вследствие этого и в балтийском аналогично создались два «метафорических» типа высказываний. Отсюда следует, что высказывания с семантической структурой типа «Нечто неодушевленное действует активно» и «Некто одушевленный действует пассивно (закрывает действие в самом себе)» в обоих языках являются метафорически производными. Свидетельством первого служит существование более старого типа *Молнией зажгло сарай* рядом с более новым *Молния зажгла сарай*. Свидетельством второго является производный характер «активно возвратных глаголов» — позднейшая подстройка частицы -ся: *Человек поднимается, моется* и т. п., литов. *Žmogus keliasi, plaunasi*. В соответствии с русскими глаголами типа *подниматься* стоят по два литовских: *keltis* — при одушевленном субъекте, более новый и *kilti* — при неодушевленном, более старый, рус. *Человек поднимается*; *Буря поднимается* — лит. *Žmogus keliasi; Puga kyła*.

Если использовать литовские формы, сохранившие более четкие, аблаутные противопоставления, то развитие можно резюмировать следующим образом. Первичные балто-славянские типы простого предложения: I тип — «Некто одушевленный активно действует на объект», основы типа *lenk-*; II тип — «Нечто неодушевленное пассивно действует (закрывает действие в самом себе)», основы типа *link-*. Вторичные типы после утраты семантического согласования между именем и глаголом: Ia тип (формально тождественный I) — «Некто одушевленный активно действует на объект» (*lenkti, lenkia* 'гнет нечто'); Ib тип — «Некто одушевленный пассивно действует (закрывает действие в самом себе)» (*lenktis, lenkiasi* 'гнется'); IIa тип (формально тождественный II) — «Нечто неодушевленное пассивно действует (закрывает действие в самом себе)» (*linkti, linksta* 'гнется'); IIб тип, смешанный — «Некто одушевленный действует подобно неодушевленному» или «Нечто неодушевленное действует подобно одушевленному», от основы типа II (*linkėti, linki*) — «Некто кланяется, выражает пожелания»; так же *byrėti, birenti* (при *berti — birti*), *skylėti* (при *skelti — skilti*) и т. п. К этому развитию можно указать греческие (см. выше) и частичные хеттские аналоги — связь активной диатезы глагола и «одушевленного» типа имени [Laroche 1975].

б) предложения «Состояния» с перфектными (по происхождению) предикатами

Предмет этого раздела — «перфектный центр» в русском синтаксисе. Термин «перфектный центр» мы вводим для обозначения особого фрагмента в синтаксисе русского языка. Он занимает одно из центральных мест и соответствует — по функции и по происхождению — перфекту некоторых других индоевропейских языков. Этот фрагмент охватывает примерно 35 структурных схем предложений, таких, как *Холодно — Мне холодно — В комнате холодно — У меня в комнате холодно — У меня холодно — Мне спится — Мне не работается — Мне дороги || дороге не видно — Мне маму жалко — У меня в комнате намусорено — У меня намусорено — У меня нарвано травы — Нарвано травы — диал. Страховку не выдано — У нас страховку не выдано* (в знач. «Мы не выдали страховку») — *Воды прибывает — Грибов повылезло — Друзей понаехало* и др.

Уже из приведенного перечня видно, что гамма переходящих одна в другую конструкций образует непрерывный ряд — континуум. Объединяет весь континуум достаточно общая формула построения (в частности, предикат без согласования) и общая семантика всех типов. В самой общей форме семантику всего фрагмента можно охарактеризовать как «состояние». В этой семантике состояния выделяются, однако, два центра, или полюса, — состояние объективное, физическое, переходящее в состояние природы («мне холодно» и «холодно в природе») и состояние субъективное, состояние духа, переходящее в безличное состояние духа — долженствование («мне легко, весело, нужно» и «учиться — необходимость»), т. е. в категорию модальности.

Одна из самых характерных особенностей индоевропейского перфекта заключается в его семантике, в той легкости, с которой она преобразуется в другие семантические категории, оставаясь в то же время во многих чертах тождественной самой себе. Пожалуй, никакая другая глагольная категория индоевропейских языков — ни презенс, ни аорист, ни актив или медиум — не отличается ничем подобным: они или преобразуются достаточно однозначно, или исчезают.

Семантика индоевропейского перфекта первоначально означала состояние вне отношения к предшествующему действию, т. е. не результат какого-либо предшествующего действия, и, по-видимому, была генетически связана с более древней, особой группой глаголов. Как увидим дальше, при современном состоянии типологии эта группа глаголов в протоиндоевропейском с достаточной вероятностью может быть поставлена в параллель со «стативными» и «аффективными» глаголами неиндоевропейских языков. Преобразования же семантики перфекта в индоевропейских языках, как это было показано в последнее время Э. Бенвенистом, осуществлялись в двух основных направлениях: 1) при переходном глаголе в сторону категории обладания; 2) при непереходном глаголе в сторону категорий модальности. Именно эти две линии развития и составляют первую сравнительно-историческую параллель к очерченному выше фрагменту в русском синтаксисе. Останемся на них подробнее.

Развитие перфекта переходного глагола в конструкции, выражающие обладание, посессив, отмечено в древнеперсидском и древнеармянском языках. В древнеперсид-

ском посессивная и перфектная конструкции в точности параллельны, причем субъект обладания выражается генитивом-дательным:

посессив: *manā pussa astiy «mihi filius est» букв. 'мне есть сын' ('я имею сына');

перфект: manā krtam astiy «mihi factum est» букв. 'мне есть сделано' ('я имею сделанным').

В армянском при аналогичном параллелизме отличие заключается лишь в том, что субъект обладания выражается генитивом:

посессив: poğa ē handerj «eius est vestimentum» букв. 'его есть одежда' ('он имеет одежду');

перфект: poğa ē gorceal «eius est factum» букв. 'его есть сделано (или: сделанное)'.

Синтаксическое своеобразие армянского перфекта состоит в том, что он имеет прямое объектное управление, показателем чего выступает частица z-: z-gorc gorceal ē poğa 'он сделал эту работу' строится не как «eius facta est orega» 'его есть сделана работа', а как «eius factum est orega» 'его есть сделано работу'. Эта особенность означает, что армянский оборот «его есть сделано» перенял прямое управление от древнего простого перфекта, место которого в синтагме он занял [Бенвенист 1974, 195].

Русский тип *Иголку воткнуто; Страховку не выдано* прямо отвечает последнему армянскому обороту. Русские типы *Мне дороги не видно; Мне маму жалко* частично отвечают переходным перфектам обоих упомянутых языков: по способу оформления субъекта (датель) — древнеперсидскому, по способу оформления объекта (аккузатив) — армянскому. Ниже мы укажем литовские параллели к этим русским оборотам.

Развитие перфекта непереходного глагола в сторону категории модальности отмечено Э. Бенвенистом в готском и древнеанглийском. Он показал, что так называемые древнегерманские перфекто-презенты (которые давно уже рассматриваются как древние индоевропейские перфекты, ставшие в германском презенсами) объединяются общей семантикой, означающей «состояние субъекта и определенное аффективное, умственное или физическое расположение»: ср. готск. wait 'знаю', kann 'я знаком', man 'думаю', mag 'могу', безличные глаголы daug 'полезно', (ga-)pah 'достаточно' и т. д. В этом списке нет ни одного подлинного глагола действия, который означал бы процесс, переходящий на объект. Эти германские перфекто-

презенсы сохранили древнейший семантический слой индоевропейского перфекта [Бенвенист 1974, 145]. По сравнению с ним переходные перфекты древнеперсидского, армянского, русского и литовского языков представляют более поздний исторический слой.

Семантике этих германских перфекто-презенсов как раз и отвечает наиболее полно русская «категория состояния», причем равно в обеих ее предикативных формах — на -о и на личное окончание 3-го лица ед. числа, ср.: *Мне известно, полезно, можно, достаточно, боязно* и т. д., с одной стороны, и *Мне думается, мнится, кажется, верится* и т. д. — с другой.

В литовском существуют конструкции типа *Jo būta* букв. 'его было' (т. е. 'он был'); *Jo eita* букв. 'его хожено' (т. е. 'он шел, ушел'), где предикат представляет собой индоевропейское «страдательное причастие» на -t (-*tos) в средн. роде, а субъект выражен генитивом. Такие конструкции могут быть образованы как от переходных, так и от непереходных глаголов. Отсутствие согласования в таком типе доказывает его идентичность оборотам западной части северо-восточных говоров русского языка (больше всего новгородских), таким, как: *У него уехано; У волков идено; У них еще не ляжено; У отца на другой жененось; У него выпито* и т. д. Род. падеж с предлогом *у* в этих конструкциях, возможно, как указывают некоторые авторы, непосредственно восходит к беспредложному генитиву при страдательных причастиях на -to и -no-. В таком случае имеется полный параллелизм:

рус.	литов.
*его уехано	jo nuvažiuota
*волков идено	vilkų eita
*их еще не ляжено	jų dar negulta и т. д.

Можно высказать предположение, что именно причастия средн. рода на -no // -to в позиции предикатива послужили, возможно, этим посредствующим звеном в оформлении русской «категории состояния».

Рассмотрим, однако, вопрос о замещении перфекта «категорией состояния» с другой стороны — не со стороны синтаксиса, а от морфологии индоевропейского перфекта.

Согласно современным представлениям, в балто-славянском ареале существовала аблаутная парадигма перфекта без удвоения с чередованием полной ступени на -o-

в ед. числе и редуцированной степени во мн. числе, подобная греч. 1 л. ед. ч. οἶδα — 1 л. мн. ч. ἴδμεν (аттич. ἴσμεν) 'знать', μέμνηα — μέμνηεν (*me-mop-a — *mē-mṛ-
 me) 'помнить'. Балто-славянская флексия 3-го лица восходит к индоевропейскому *-ei, mini mṛni(ть) < *mṛ-ei. Расхождения компаративистов, в общем второстепенные, касаются только «залоговой» принадлежности этого протобалто-славянского перфекта (медиопассивный или активный).

Точно так, как это имеет место в аористных парадигмах, рассмотренных выше, два ряда одной парадигмы дают здесь начало двум классам балто-славянских глаголов: 1) тип с редуцированной степенью корня и -i/ē-флексией балт. mini minēti, слав. mṛnitъ mṛnēti; 2) тип со степенью -o- в корне и той же флексией, но со следами иной флексии: ср. более старое причастие gorōšte при новом gorēšte gorēti. Первоначальное распределение основ отражено в расхождении *bij-// *boj-: литов. bijoti, ст.-сл. bojati sę. В то время как славянский глагол имеет флексию -i/ē-, литовский параллелен с žino žinojo žinoti 'знать' и, таким образом, пересекается с корневыми аористами аблаутного класса. Этому пересечению (имбрикации) соответствует и вокализм литовского корня.

Имеется параллелизм балто-славянских глаголов, определенно восходящих к индоевропейскому перфекту и к аористам с перфектным значением, с русской «категорией состояния». Оознавательной чертой последней является конструкция с дат. падежом субъекта типа «Мне + категория состояния» (*Мне больно*).

Наконец, можно отметить в современном русском языке случаи, где имеются две парадигмы презенса при одном инфинитиве, соответственно при старом претерите, — боле-ть болѣ-ти: 1) более новая парадигма боле-ю, боле-ешь, боле-ет со значением «быть больным»; 2) старая бол-ю, бол-ишь бол-ит с двумя значениями — а) «быть больным», б) «причинять боль» (аналогично в украинском). Этому отвечает литов. skaudė-ti, презенс skauda 'болит', претерит skaudė-jo. В обоих случаях первичным выступает перфекто-презенс формы *ToT-ē, над которым надстроены в славянском новый презенс, а в литовском — новый претерит. Аналогичный этому процесс был отмечен для аористов в предыдущем разделе.

Итак, мы можем реконструировать следующую картину. В балто-славянском ареале исчезающий индоевро-

пейский перфект вызвал в жизни целую гамму замещений — различных типов предложений, или синтагм. Все они характеризовались помимо общности семантики еще и одним преобладающим морфологическим признаком: формы предикатива (предикатного слова) в них имели показатель («флексию») -а/ -о, хотя этот показатель и возник различными историческими путями. Формы эти таковы: 1) глагольные формы на *-to//*-по (как бы их ни называть — «страдательные» причастия, «протомедиальные» формы, непосредственно сохранившиеся в балтославянском ареале, и т. д.); 2) наречия-предикаты с окончанием в балт. -а, в слав. -о (литов. Man gera 'Мне хорошо'), отличающиеся от наречий-атрибутов (литов. на -ai, слав. на -ѣ; литов. gerai в отличие от gera, слав. dobro в отличие от dobro); 3) нечленные прилагательные средн. рода с теми же окончаниями, отвечающие индоевропейскому типу несогласованного предложения «Ум хорошо, два лучше»; 4) балтийские презенсы перфекта на -а (этот показатель мы предполагаем отделяющимся и способным присоединяться к другим основам, например: $ig + a > uga$). В этом контексте и оформляются славянская, соответствующая ей литовские предикативы на -а — gaila 'жаль', gera 'хорошо' и т. п.

Таким образом, типологическими параллелями к описанному балто-славянскому и русскому фрагменту грамматики могут быть в других, неиндоевропейских языках факты трех различных типов: 1) такой параллелью может быть какой-либо компактный класс глагольных лексем, семантически соответствующий русской «категории состояния» (а также германским перфекто-презенсам и т. д.). Один такой случай указан Э. Бенвенистом. Это так называемые статические или стивные глаголы в индийском языке туника. Последние к тому же имеют особые формальные показатели: могут спрягаться без местоименных префиксов и требуют префиксов «неотчуждаемого обладания» [Бенвенист 1974, 214]; 2) параллелью может быть всякая «аномалия» в оформлении предложения, когда результат действия оформляется иной субъектно-объектной конструкцией предложения, чем само действие; 3) но, самое главное, ближайшей типологической параллелью будут такие факты, когда между перфектными лексемами и перфектными формами (формами спряжения и предложения) имеется примерно та же степень асимметрии, что и в русском языке.

Именно это обнаруживается в грузинском языке. Ю. Г. Кортава, используя идеи Бенвениста, показал, что в грузинском языке три группы глаголов — чувственного восприятия (*verba sentiendi*), аффекта (*verba affectuum*) и обладания (*verba habendi*) — объединяются в цельную группу «инверсивных глаголов» не только формой (дат. падежом субъекта, инверсией показателей субъекта и объекта, наличием собственных форм только в презенсном ряду), но и семантикой — «состоянием обладания». Далее Кортава показал, почему группа переходных глаголов совпадает с группой «инверсивных глаголов», т. е. приобретает «аффективную конструкцию» предложения, в одной серии времен — так называемой 3-й серии. В 1-й (презенсной) и во 2-й (аористной) сериях переходный глагол, выражающий действие, строит соответственную этой семантике конструкцию — номинативную или эргативную. В 3-й же серии времен («результативной») тот же глагол выражает результат действия, следовательно «состояние обладания», и поэтому закономерно образует конструкцию и формально совпадающую с «аффективной» [Кортава 1978].

Разница между русским и грузинским, кроме, конечно, техники оформления, состоит лишь в том, что в грузинском «результативный перфект» (по-видимому, более нового происхождения) и исконная группа перфектных лексем, «инверсивные глаголы», полностью совпадают по форме. В русском же они лишь сближаются в конструкции предложения: группа исконно перфектных лексем имеет конструкцию типа «Мне холодно», «Мне голову больно», в то время как «результативный перфект» — конструкции «У меня натоплено», «У меня голова болит» (спряжение *болит* — *болеет*, *мнит* — *мнети/мнить* относится, как уже было сказано, к прямым остаткам индоевропейской парадигмы перфекта). Литовский язык сохранил форму предложения, промежуточную между обеими конструкциями: *Man galva skauda* 'Мне голову болит'. Это же промежуточное положение отражено в двух значениях древнерусского (и соответственно украинского) *болѣти*: *болѣж*, *болѣшь*, *болитѣ*, где одно значение «мне больно у меня болит», а другое — «я болею».

Таким образом, сквозь различную и исторически переменную технику оформления проступает достаточно общий, быть может универсальный, тип — предложения состояния.

СЛОИ ГРАММАТИКИ, ИЛИ НЕСКОЛЬКО ГРАММАТИК В СИСТЕМЕ ОДНОГО ЯЗЫКА

...Любая истинная система (хотя бы, например, мироздания) основу своего существования должна таить сама в себе. . .

(Шеллинг. Система трансцендентального идеализма, 1800, I, I)

...Не зная ни забот, ни цели, ни систем,
Я певьем оглашал приют забав и лени. . .

(Пушкин. Чаадаеву, 1821)

1. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Эта глава может служить своего рода заключением к изложенной семиологической грамматике.

Хорошо известен тот факт, что в грамматике многих языков имеются различные формальные классы имен, противопоставленные тем или иным способом — как имена с различными основами или как различные «склонения», например в русском языке *дом*, *конь* (одно склонение) против *путь* (другое склонение); что подобные же разновидности выделяются в глаголе как различные «классы глаголов» или как различные «спряжения», например в русском языке *сажать*, *белишь* против *сидеть*, *белеть*. Каждый такой класс, будь то в имени или в глаголе, может быть назван слоем или пластом в семиологическом смысле. Но еще более существен тот факт¹, что имена определенного формального класса тяготеют к сочетаемости с глаголами определенного формального класса, и, таким образом, понятие слоя или пласта может быть отнесено и к типу предложения.

Слоем или пластом в грамматике мы назовем сочетание (а также предрасположенность к сочетанию, сочетаемость) имени определенного морфологического строения с глаголом или вообще предикатом определенного морфологического строения. Таким образом, понятие слоя грамматики сначала устанавливается на формальной, или морфо-

¹ Обычно не замечаемый; пожалуй, более или менее определенно упоминали об этом только старые грамматики, устанавливая «роды глагола» по аналогии с «родами имени» (см. гл. IX, 1).

логической основе. С этой точки зрения, например, русские предложения *Родник точит холодную воду* и *Цветок источает приятный запах* относятся к разным слоям. В первом предложении глагол является каузативом, произведенным от первичного глагола *течь* по древнему балто-славянскому и индоевропейскому типу с суф. *-и* (из **-ei*) и с аблаутом корневого гласного *-e* // *-o*. Во втором предложении *источать* — глагол позднейшего, славянского образования с приставкой и суффиксом и со значением переходности иного типа.

Теперь чрезвычайно важно обратить внимание на другую сторону, на план содержания и установить следующее основное положение «грамматики слоев»: формальному различию классов слов соответствуют определенные различия в семантике. Так, глагол *точить* в значении «давать течь, испускать жидкость» ограничен в сочетаемости с объектами именами таких предметов, как *вода*, *кровь*, *сок*, тогда как глагол *источать* имеет иную и более широкую сочетаемость — *источать жидкость*, *запахи*, *милости*, *благодаяния*, *любезности*, *комплименты*. Различная сочетаемость с объектами связана с различиями в субъектах: при глаголе *точить* обычен лишь конкретный, предметный субъект, тогда как при глаголе *источать* возможен субъект собирательный — *общество*, *собрание* или переносный (*Сонет источает аромат прошлого*). Точно так же предложения типа *Мне не видно дороги* и *Я не вижу дороги*; *Мальчику забько* и *Мальчик забьнет* принадлежат, как мы видели выше, к разным пластам синтаксиса, различающимся не только морфологией предикатов, но и их сочетаемостью с субъектами и общей семантикой предложения.

Выше мы видели, что развитая категория глагольной переходности (так называемого эффективного синтетического типа), префиксальное и суффиксальное оформление глагольного слова (типа *вы-дел-ать* — *вы-дел-ыв-ать*) выступают как содержание и форма. При тех же глаголах обычны имена термов с различением многих косвенных падежей (винительного, дательного, творительного, предложного). Таким образом, определенное типовое строение и семантика глагольного слова требуют соответствия в именной системе. Тем и другим вместе определяется тип предложений категории «Действие». Но те же частные категории (развитой переходности, многих косвенных падежей) вовсе излишни для предложений категории «Со-

стояние» (типа *Мне холодно*), происходящих от индоевропейской категории перфекта и образующих иной грамматический слой.

Внутри категории предложений «Действия» одни падежи — такие, как предложный, дательный с предлогом, творительный с предлогом, одним словом — предложные, — употребляются при глаголах новейших типов переходности: *приехать к брату, подойти под окно*, другие, прежде всего беспредложные винительный и дательный, употребляются при глаголах старых типов переходности: *видеть брата, писать брату, помогать брату, избегать опасности*. Но глаголы разных типов переходности имеют разное морфологическое строение и даже традиционно описываются в русских грамматиках с помощью различных категорий. Так, глаголы, относимые нами к старым типам переходности-диатезы, такие, как *петь, видеть, сесть/сидеть*, в сущности, что обычно и признается, не имеют категории развитого глагольного вида, а, скорее, категорию «способа действия», чем и различаются их пары *идти / прийти, прийти / приходиться, ходить / приходиться, видеть / увидеть, петь / спеть, петь / запеть, сесть / сидеть*. Напротив, глаголы новых типов переходности-диатезы, такие, как *выделывать — выделывать, запеть — запевать*, несут в себе категорию вида в полном смысле термина. Таким образом, контуры трех грамматических слоев в современном русском языке намечаются достаточно определенно.

Аналогично в английском языке имена *man — men, woman — women, child — children, brother — brethren* образуют один слой в морфологии имени, тогда как имена *brother — brothers, uncle — uncles, human (human being) — humans (human beings)* — другой, более новый по происхождению пласт, и нетрудно сформулировать, пусть самые общие, семантические различия между первым и вторым. Сходным образом проходит различие и в классах английских глаголов, которые, как известно, разделяются на глаголы с изменением основы и без него. Во многих случаях можно также сформулировать те или иные семантические отличия первых (как группы) от вторых. Так, например, глагол *to awake*, имеющий оба ряда форм — 1. *to awake — awoke — awoke* и 2. *to awake — awaked — awaked*, изменяется по первому ряду преимущественно в непереходном значении «пробуждаться» и по второму преимущественно в каузативном значении

‘пробуждать’, и таким образом это различие полностью соответствует регулярному английскому же противопоставлению to rise — rose — risen ‘подниматься’ (непереходный) и to raise — raised — raised ‘поднимать’ (переходный и каузативный), и оно до некоторой степени подобно упомянутому выше различию русских глаголов *течь* — *точить* — *источать*. Когда нельзя установить разницы конкретных семантических компонентов в двух рядах спряжения, то все же почти всегда удается сформулировать те или иные семантические различия, хотя и иного типа. Так, глаголы to mow ‘косить’ и to sew ‘шить’ имеют, подобно to awake, по два ряда форм, но ряд с морфемой -n в форме причастия, более архаический, отличается от ряда с формой на -ed в конечном счете именно семантически, так как употребляется преимущественно в книжном, письменном языке, тогда как второй ряд — в бытовом и разговорном. Таким образом, здесь перед нами в исходной точке семантическое и формальное отличие предикатов бытовых, конкретных действий от действий, более отвлеченных от бытовой обстановки или метафорических, а в конечном счете — различие стилей.

Для описания каждого слоя грамматики требуются такие средства и понятия, которые могут быть вовсе не нужны для другого слоя. Зачастую это различие категоризаций, проводимое исследователем, вполне определенно подкрепляется объективным наличием в самом слое каких-либо формальных средств, отсутствующих в другом слое. Так, архаический пласт английского языка, упомянутый выше, широко использует морфему -(e)n как в имени, так и в глаголе. Причем особенно важно, что это формальное средство как раз не принадлежит только морфологии имени или только морфологии глагола, а именно объединяет их в один слой грамматики, противопоставляя другим слоям. Такие примеры можно умножить. Так, Ф. Ф. Фортунатов показал, что в старославянском языке глагольная флексия 1 лица ед. числа в ее архаической форме в глаголе *вѣдѣ* ‘я узнал’ является «обломком» парадигмы индоевропейского перфекта, т. е. *вѣдѣ* происходит из **vьden*, и что глагольная морфема *-en материально здесь та же самая, что в имени типа *сѣма*, *има*² (сходство с английской морфемой -en здесь, конечно, несущественно).

² Фортунатов Ф. Ф. Несколько страниц из сравнительной грамматики индоевропейских языков. — В кн.: Фортунатов Ф. Ф. *Sāmaveda — Aranyaka — Samhitā*. М., 1875, с. 37.

2. СТЕПЕНИ И УРОВНИ ПРЕДИКАТОВ КАК ОСНОВА СЛОЕВ

Можно утверждать, что в основе «грамматики слоев» лежит некоторая простая грамматика, усложнением и развертыванием которой являются все остальные слои. Эта простая грамматика — не абстракция и может непосредственно наблюдаться, хотя, конечно, на ее роль можно выдвинуть несколько «фаворитов». Мы полагаем, что для индоевропейских языков, в частности для русского, о котором дальше только и пойдет речь, на роль такой грамматики может быть выдвинуто предложение с одностепенным (или «нуль-местным») предикатом первого уровня абстракции. Иными словами, говоря очень суммарно, это грамматика, в которой возможны только предложения «Качества» (Свойства) типа *Снег бел*, предложения «Положения» типа *Снег идет*; *Ребенок сидит* и, может быть, некоторые предложения «Сущности» (тождества) типа *Снег — это вещество* и «Состояния» типа *Мне холодно*.

Дальнейшее упорядочение заключается в развертывании предикатов по мере увеличения их степеней и порядков (уровней). Напомним, что под степенью предиката понимается количество термов (имен) в нем, а под порядком (или уровнем) — порядок его абстракции (или трансформации) от некоторого первичного предиката (см. гл. V, 2). Так, *бел* — предикат 1-й степени и 1-го порядка; *белеть* — предикат 1-й степени и 2-го порядка, так как он является производным от *бел*; *белить* — предикат 2-й степени, так как он требует помимо субъекта второго термина — объекта, и 2-го порядка, так как он является в той же степени производным от *бел*; *(по)беление* — предикат 1-й степени и 3-го порядка, так как он произведен от *белеть*; *побеленность* и *убеленность* — предикаты 1-й степени и 5-го порядка, так как они произведены от предиката 4-го порядка *побеленный*, *убеленный*, который, в свою очередь, произведен от *побелить* / *побелеть*, *убелить*, и т. д. (см. табл. 5). (Сделаем две оговорки: термин «предикат» здесь мы употребляем безразлично, в значении собственно «предикат» и «предикатор», хотя в других отношениях их различие может быть существенно; кроме того, под названием «предикаты» мы представили здесь и собственно предикаты и имена, или термы, так как целью было показать трансформации вообще; впрочем, имена также могут быть предикатами — в предложениях «Сущ-

Таблица 5

Порядок, или уровень, предиката	Степень предиката		
	1-я	2-я	3-я
1-й	бел	—	—
2-й	белеть	белить	(от)беливать что чем
3-й	(по)беление	беление	отбеливание
4-й	(по)беленный	беленный	отбеленный
5-й	(по)беленность	беленность	отбеленность
6-й и т. д.	—	—	отбеливаемость

ности», или тождества, и уже несколькими строками ниже они будут отделены.)

В отдельные ряды таким же образом могут быть выстроены имена, или термы: *бель* — *белизна* — *белость*; *беляк*, *белож* и т. п. Параллелизм «имен предикатов» и имен предметов — характерная черта естественного языка. В нем вообще словообразование разделяется на две большие сферы — глагольную и именную. Однако как раз эта черта составляет существенную трудность при формализации. Допустим, что в формальном языке дело обстоит так, как в естественном, — среди его первичных символов, «примитивов», имеются имена свойств — предикаты в собственном смысле, и отдельно имена классов — имена, или термы. В таком языке, следовательно, не действует «принцип объемности» — отождествления свойства с классом. Тогда уже на втором уровне абстракции, при трансформациях 2-го порядка, должны различаться четыре вида имен:

имена классов классов
имена свойств свойств
имена свойств классов
имена классов свойств.

Поэтому некоторые авторы отказываются от такого удвоения, принимают «принцип объемности», и, например, Карнап видел даже в этом отказе особое достоинство своего метода [Карнап 1959, 11, 182]. Однако в естественном языке подобное удвоение в порядке вещей, в чем можно убедиться хотя бы на следующем простом примере из рус-

ского языка. Положим, имеется имя свойства *бел* и отдельное от него имя класса белых предметов; в действительности в русском языке таких имен несколько в соответствии с другими различиями классов белых предметов: *беляк*, *белок* (значение приводимых слов подробнее описывается ниже). Тогда, хотя бы в соответствии с приведенным выше перечнем Карнапа, на втором уровне абстракции имеются: имена классов классов — *бельё* и *бёлье* (собирательные); имена свойств свойств — *бель* (абстракция свойства, то же, что *белизна*); имена свойств классов — *бели* (в действительности употребительное в другом значении — как медицинский термин), *белизна* + +род. падеж (описательная конструкция, например *белизна снегов*); имена классов свойств — «виды белого», *бели* (фактически используется в другом, указанном значении).

Конечно, естественный язык не проводит такие абстракции последовательно и симметрично по всем линиям; например, указать имена классов свойств и свойств классов труднее, что видно и из примера, и выглядят они зачастую довольно натянуто. Но впечатление натянутости возникает только оттого, что мы стремимся произвести их — для наглядности — от одного и того же корня. В действительности язык использует производство от разных корней (супплетивизм) или описательные конструкции. Так, выражение *виды белого* вполне в норме русского языка, а между тем оно не что иное, как имя классов свойств. Выражение *белизна снегов, гор, саней, одежд* — не менее естественно, а между тем это имя свойств классов. Некоторые языки вполне легко образуют абстракции такого рода от первичного имени свойства, ср. франц. *les blancheurs* букв. 'белизны, белости' от *blanc* 'белый'. По-видимому, неразличение свойства и класса было навечно Карнапу, по крайней мере отчасти, чертами естественного английского языка. Последний, как известно, легко отождествляет имя свойства и имя предмета, например *white* 'бел' и 'белый человек', и излюбленный пример Карнапа *human* в значении свойства и соответствующего ему класса «человеческое существо» — как раз пример такого рода.

Напротив, в некоторых отношениях естественный язык может быть более последователен, чем формальный, и идти дальше по некоторым линиям абстракции. Так, флективные языки типа русского или испанского в аб-

стракции свойства различают гораздо больше последовательных порядков, чем формальные языки карнаповского типа. В русском можно установить следующие последовательные ряды (на примере производных от корня имени *бел*): 1. *бель* «все, что бело, белая вещь, в которой белизна главное качество», одновременно оно же может иметь значение «белизна» (словарь В. И. Даля), т. е. это слово, второго порядка абстракции, одновременно способно обозначать абстракцию свойства и предметы, обычно неисчисляемые, или вещества, наделенные этим свойством; ср. также: *мель*, *чернь*, *темень*; 2. *белота*, *белина* в значении уже не предмета, а только качества, но качества, присущего лишь некоторым белым предметам; словарь И. И. Срезневского упоминает его в таком ряду: *Бѣлота*, *чрънота*, *роусость* (Изборник 1073 г.); 3. *белизна* в значении белого цвета, присущего любым белым предметам без ограничения, но еще качественного характера: «*Белизна* — яркий, чистый белый цвет чего-н.» (словарь С. И. Ожегова); 4. *белость* в значении чистой абстракции свойства *бел* без примеси каких-либо качественных признаков, употребительно, например, в языках логики и философии (ср. аналогичный испанский ряд *blanqueza*, *blancor*, *blancura*, *lo blanco de*).

Вообще, при выявлении рядов трансформаций, на которые способен естественный язык, необходимо учитывать его наддиалектную и всевременную структуру: форма, отсутствующая в одном диалекте или в литературном языке, может быть представлена в другом диалекте или была представлена в прошлом³. Носители литературного языка наших дней привыкли, например, к тому что слово *белье* означает «изделия из ткани для нижней одежды и хозяйственных надобностей» (словарь С. И. Ожегова). Но с точки зрения русского языка вообще это лишь, так сказать, «диалектное» употребление. Словарь В. И. Даля, который вообще очень удобен для таких наблюдений, определяет это слово — именно с точки зрения наддиалектной структуры — более полно: «*Белье* — все, что обычно в домашнем хозяйстве делается из белой тканины, из холста, полотна и т. д., но вообще белое и для стирки». Точно так же *беляк* известно в литературном языке только в зна-

³ Об общем принципе абстракции естественного языка как континууме диалектных, наддиалектных, синхронных и исторических явлений, впервые выдвинутом Р. И. Аванесовым, см.: [Степанов 1975, 125].

чении «заяц, меняющий зимой окраску на белую» (словарь С. И. Ожегова), а в русском языке вообще это еще и «чистячок, опрятный человек; щеголек; нерабочий, белоручка; белая пена, волна, барашки; белая известковая почва» и др. (словарь В. И. Даля). Таким образом, «принцип объемности», отождествления свойства с классом при формализации будет скорее затруднять, чем облегчать дело.

Но и при таком понимании уровня и степени предиката, как только что сказано, уровни и в особенности степени не могут, конечно, увеличиваться беспредельно. Уже трехместные предикаты довольно редки, а четырех- или пятиместные составляют, скорее, исключения. Дело, однако, обстоит, по-видимому, так, что, набрав некоторое количество предикатов одного типа, язык как бы оставляет этот уровень и переходит к следующему, где тот же — до некоторой степени — процесс повторяется сначала. На основе подобных наблюдений можно перейти к поискам формальных аналогов.

3. ФОРМАЛИЗАЦИЯ

Невольно напрашивается мысль, что имеется какая-то аналогия, пока еще не до конца ясная, между изложенным представлением о слоях в грамматике и «теорией типов» Рассела. «Основной принцип, — пишет Х. Карри, — этой теории состоит в том, что логические понятия (высказывания, индивиды, пропозициональные функции) располагаются в иерархию „типов“ и что функция может иметь в качестве своих аргументов лишь понятия, которые предшествуют ей в этой иерархии» [Карри 1969, 47].

Выдвинутая для разрешения логических и синтаксических парадоксов, эта теория может, однако, рассматриваться и как замечательное выражение некоторых процессов семиозиса в естественных языках [см.: Степанов 1971, 123]. Сам Рассел так формулировал основное положение своей теории: «. . . Всякое выражение, которое имеет референцию ко „всем“ (all) некоторого типа, должно, если оно что-либо обозначает, обозначать нечто более высокого типа, чем тот тип, „все“ из которого это выражение имеет своей референцией. Там, где „все“ какого-либо типа берется в качестве объекта референции, имеется кажущаяся перемешанная (an apparent variable), принадлежащая к этому

типу. Таким образом, любое выражение, содержащее кажущуюся переменную, является выражением более высокого типа, чем эта переменная. Это фундаментальный принцип теории типов» [Russell 1956, 102].

Замечательным положением «теории типов» является то, что абстракции устанавливаются не по линии имен или предикатов, а по линии предложений, пропозициональных функций, через посредство предложения. «Тип определяется как область значений (the range of significance) пропозициональной функции, т. е. как набор аргументов, для которых данная функция имеет значимости (values) (т. е. имеет значимости «истина», «ложь». — Ю. С.)» [Там же, 75]. Тип в смысле Рассела является формальным аналогом, логическим экспликатом для понятия «слой грамматики», определенного выше и выступающего в качестве экспликанда.

С точки зрения лингвиста, в «теории типов» Рассела имеется два пункта, на которые нужно обратить особое внимание. Первый из них касается термина «переменная», второй — термина «все». Перевод термина «apparent variable» на русский язык, вообще говоря, не простое дело: при переводе неизбежно подчеркивается один какой-либо оттенок значения, тогда как в оригинале они присутствуют все. В эпоху, когда создавалась теория Рассела (1908), термин «apparent variable» («кажущаяся переменная») противопоставлялся термину «real variable» («реальная переменная») и оба термина были в ходу. В настоящее время они неупотребительны, вместо первого из них используется термин «связанная переменная» (bound variable), и ему противопоставляется «свободная переменная» (free variable). Поэтому термин «кажущаяся переменная» вызывает теперь иные ассоциации. В самом деле, философский словарь А. Лаланда, который начал составляться в эпоху Рассела, дает иное объяснение: «В пропозициональной функции x является кажущейся переменной, если истинность высказывания, получающегося при замене x постоянной, не зависит от различных смыслов, приписываемых x ; например, в выражениях „ x — человек. $\supset x$ — смертен“ (т. е. „Если x — человек, то x — смертен“); в математике $(x + y)^2 = x^2 + y^2 + 2xy$. Напротив, x называется реальной переменной, если, придавая ему различные значения, получают истинное высказывание в одних случаях и ложное в других; например, в выражениях „ x — музыкант“; „ $x \supset ab$ “; „ $5x - 4 = 21$ “. Уравнения с логической

точки зрения содержат реальные переменные. . . Иногда (например, Рейхенбах) (также в словаре: [Кондаков 1971, 457]. — Ю. С.) употребляют термин „связанная переменная“ вместо „кажущаяся переменная“ и „свободная переменная“ вместо „реальная переменная“. Но у этих терминов тот недостаток, что они вызывают в сознании совсем другой смысл. Кажущаяся переменная „свободна“ в том смысле, что ей может быть свободно приписано любое значение; реальная переменная, напротив, определена формулой, в которую она входит» [Lalande 1972, 1188].

Таким образом, кажущаяся переменная не определена выражением, в которое она входит, т. е., выражаясь лингвистически, ее значение не ограничено сочетаемостью с другими членами данного выражения, не связано ими, и именно поэтому кажущаяся переменная связана лишь квантором общности («все») или квантором существования («существует такой x , что. . .»). Тем самым мы подошли ко второму пункту — слову «все».

Можно сказать, что подчинение квантору общности, «все x » (а именно эта сторона играет особую роль в «теории типов»), является как раз следствием свободы кажущейся переменной от связи с другими членами выражения. Если выражение «Если x — человек, то x — смертен» имеет своей референцией всех людей, то именно потому, что предикат «смертен» не ограничен сочетаемостью с какими-либо x , с определенным человеком или некоторыми людьми. Напротив, выражение « x — музыкант» имеет ограниченную референцию (не может быть эквивалентно выражению «все x », где x — люди) потому, что предикат «музыкант» имеет ограниченную сочетаемость, он сочетается с некоторыми x и не сочетается с другими, тем самым x и предикат связывают друг друга. Неограниченная (в пределах данного класса) сочетаемость и референция ко «всем» — это в некотором смысле одно и то же, один и тот же длинный семантический компонент высказывания-предложения: референция ко «всем» является свойством с у б ъ е к т а такого предложения, а неограниченная — в пределах данного класса — сочетаемость с субъектами является свойством п р е д и к а т а этого предложения.

Таким образом, понятие типа, как оно было определено Расселом выше, является, кроме всего прочего, аналогом длинного семантического компонента, проходящего через

все высказывание, своего рода аналогом гармонии, согласования между субъектом и предикатом одного типа. Понятие типа Рассела устанавливает всеобщую сочетаемость субъектов и предикатов в пределах данного типа и запрет на сочетаемость между субъектом и предикатом разных типов.

Это обстоятельство обнаруживает полный лингвистический аналог понятия типа — явление дистрибуции аллофонов на одном уровне и соответствующих им фонем на более высоком уровне. В самом деле, фонема как единица более высокого (иногда говорят «эмического») уровня вводится только тогда, когда ею может быть покрыто в с ё множество соответствующих аллофонов предшествующего уровня; если это множество распадается на два непересекающихся класса дополнительной дистрибуции, то нельзя ввести одну фонему для одного класса и другую — для другого. Но зато фонема снимает все ограничения на сочетаемость, связывающие аллофоны. Если каждый аллофон определяется ограниченной сочетаемостью — с какими-либо определенными звуками, соседствующими с ним в речевой цепочке, то фонема не знает этих ограничений. По аналогии можно сказать, что фонема — это «все» некоторого низшего класса, класса аллофонов. На своем, фонемном, уровне фонема вступает в иную сочетаемость — с единицами этого уровня.

Хотя, таким образом, с лингвистической точки зрения наиболее полным языковым аналогом типа Рассела является не семантическая, а формальная организация языка, однако приложимость и полезность понятия типа для семантики естественного языка все же достаточно велики. Лучшего формального аналога для данной цели мы не знаем. В самом деле, из «теории типов» вытекают, в частности, следующие важные следствия для семантики. Положим, дано предложение «Все мои утверждения ложны», но данное — также мое утверждение; следовательно, оно ложно, и, значит, «Не все мои утверждения ложны». Этот парадокс снимается «теорией типов», так как она запрещает как логически неправильные употребления кажущейся переменной «из-под» квантора общности в предикате того же предложения. Выражение «„Все {мои утверждения} ложны“ есть мое утверждение» логически неправильно и запрещено. В общем виде: « $n + 1$ -й логический тип будет состоять из предложений порядка n , который, в свою очередь, содержит предложения порядка

п—1, но не более высокого, в качестве кажущихся переменных» [Russell 1956, 76].

«Теория типов» может быть применена в качестве логического аналога не только к предложениям, но и по отдельности к именам (термам) и предикатам. Переход к такому применению разъясняется следующим примером. Положим, дано три предложения: 1. «Сократ есть философ»; 2. «Философ есть человек»; 3. «Человек есть животное». Каждое из них логически и лингвистически приемлемо. Но предложение 4. «Сократ есть животное» неприемлемо или, во всяком случае с лингвистической точки зрения, не является нормативным и вызывает иные смысловые ассоциации, чем должно было бы вызывать логическое заключение от 1-го к 3-му. Дело в том, что каждое из трех предложений является предложением «условного тождества», а в них субъекты и предикаты должны относиться к одному уровню (порядку) или к непосредственно соседствующим уровням. В предложении 4 это языковое требование нарушено.

После этого ясно, что понятие типа определенным образом отвечает иерархии Словаря, как она изложена в гл. II настоящей книги. Понятию типа соответствует в иерархии Словаря наличие единиц одного и того же уровня или непосредственно соседствующих уровней. Так, образуют один тип индивидуное и индивидуное имя; один тип — индивидуное и общее; один тип — общее и метаимя; не образуют типа индивидуное и метаимя, например: 1. «*Рубашка* — одежда из легкой ткани»; 2. «*Одежда* — совокупность предметов, которыми покрывают тело»; невозможно: 3. «*Рубашка* — совокупность предметов, которыми. . .» и т. д. Слова *рубашка* и *одежда* принадлежат к одному типу, слова *рубашка* и *совокупность* — к разным (с некоторой точки зрения можно также считать, что слова *рубашка* и *одежда* тоже не принадлежат к одному типу). Но, конечно, в этом направлении остается еще многое исследовать.

ЛИТЕРАТУРА

- Айдукевич 1958 — *Айдукевич К.* Проблема обоснования аналитических предложений (Резюме [на рус. яз.]). См.: *Ajdukiewicz* 1958.
- Амстердамский 1967 — *Амстердамский С.* Об объективных интерпретациях понятия вероятности. — В кн.: Закон. Необходимость. Вероятность. Пер. с польск. М., 1967.
- Апресян 1972 — *Апресян Ю. Д.* Об одном правиле сложения лексических значений. — В кн.: Проблемы структурной лингвистики. 1971. М., 1972.
- Апресян 1974 — *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
- Аристотель 1934 — *Аристотель.* Метафизика. Пер. и примеч. А. В. Кубицкого. М.—Л., 1934.
- Аристотель 1939 — *Аристотель.* Категории. Пер. А. В. Кубицкого. М., 1939.
- Аристотель 1976; 1978 — *Аристотель.* Соч. в 4-х т., т. 1. М., 1976; т. 2. М., 1978.
- Арутюнова 1974 — *Арутюнова Н. Д.* Семантическое согласование слов и интерпретация предложения. — В кн.: Грамматическое описание славянских языков. Концепции и методы. М., 1974.
- Арутюнова 1976а — *Арутюнова Н. Д.* Логические теории значения. — В кн.: Принципы и методы семантических исследований. М., 1976.
- Арутюнова 1976б — *Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М., 1976.
- Асмус 1969 — *Асмус В. Ф.* Логика отношений в работах Шарля Серрюса. — В кн.: Асмус В. Ф. Избр. философские труды, т. 1. М., 1969.
- Афанасьева-Эренфест 1928 — *Афанасьева-Эренфест Т. А.* Геометрическая интуиция и физический опыт. — Изв. Крымского пед. ин-та им. М. В. Фрунзе, Симферополь, 1928, т. 2, отд. 5.
- Ахманов 1960 — *Ахманов А. С.* Логическое учение Аристотеля. М., 1960.
- Ахманова 1957 — *Ахманова О. С.* Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957.
- Ахманова, Тер-Мкртчян 1976 — *Ахманова О. С., Тер-Мкртчян С. А.* Научное определение как лингвистическая и семиотическая проблема. — В кн.: Проблематика определений терминов в словарях разных типов. Л., 1976.
- Балли 1955 — *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. Пер. с франц. М., 1955.
- Бенвенист 1974 — *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. Пер. с франц. М., 1974.
- Бережан 1973 — *Бережан С. Г.* Семантическая эквивалентность лексических единиц. Кишинев, 1973.
- Богуславский 1979 — *Богуславский И. М.* О соотношении семантических и синтаксических свойств некоторых ограничительных частиц в русском языке. Автореф. канд. дис. М., 1979.

- Бродский 1973 — *Бродский И. Н.* Отрицательные высказывания. Л., 1973.
- Брудный 1964 — *Брудный А. А.* К проблеме семантических состояний. — В кн.: Сознание и действительность. Фрунзе, 1964.
- Будагов 1963 — *Будагов Р. А.* Сравнительно-семасиологические исследования. Романские языки. М., 1963.
- Вавилов 1931 — *Вавилов Н. И.* Линнеевский вид как система. — Труды Бюро по прикладной ботанике, генетике, селекции, 1931, № 26, вып. 3.
- Введенский 1923 — *Введенский А. И.* Логика как часть теории познания. М.—Пг., 1923.
- Виноградов 1959 — *Виноградов В. В.* Предисловие. — В кн.: Покровский М. М. Избр. работы по языкознанию. М., 1959.
- Виноградов 1972 — *Виноградов В. В.* Русский язык (грамматическое учение о слове). 2-е изд. М., 1972.
- Виноградов 1975 — *Виноградов В. В.* Избр. труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975.
- Витгенштейн 1958 — *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. Пер. с нем. М., 1958.
- Войшвилло 1967 — *Войшвилло Е. К.* Понятие. М. 1967.
- Войшвилло 1976 — *Войшвилло Е. К.* Семантическая информация. Понятия экстенсивной и интензивной информации. — В кн.: Кибернетика и современное научное познание. М., 1976.
- Гак 1968 — *Гак В. Г.* Проблемы лексико-грамматической организации предложения (на материале французского языка в сопоставлении с русским). Автореф. докт. дис. М., 1968.
- Гак 1977 — *Гак В. Г.* Сравнительная типология французского и русского языков. Л., 1977.
- Гегель 1959 — *Гегель.* Феноменология духа. — Соч., т. 4. М., 1959.
- Гегель 1974 — *Гегель.* Наука логики. — В кн.: Гегель. Энциклопедия философских наук, т. 1. М., 1974.
- Гегель 1975 — *Гегель.* Философия природы. — В кн.: Гегель. Энциклопедия философских наук, т. 2. М., 1975.
- Грамматика 1970 — *Грамматика современного русского литературного языка.* М., 1970.
- Гринберг 1970 — *Гринберг Дж.* Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов. — В кн.: Новое в лингвистике, вып. 5. М., 1970.
- Гюйо 1899 — *Гюйо М.* Происхождение идеи времени. С предисловием А. Фулье. Пер. с франц. М., 1899.
- Демидов 1978 — *Демидов В.* Новый ключ к старым тайнам. — Наука и жизнь, 1978, № 8.
- Джаукян 1978 — *Джаукян Г. Б.* Общее и армянское языкознание. Ереван, 1978.
- Дубровский 1971 — *Дубровский Д. И.* Психические явления и мозг. М., 1971.
- Дьяконов 1979 — *Дьяконов И. М.* Предисловие. — В кн.: Фридрих И. История письма. Пер. с нем. М., 1979.
- Ельмслев 1960 — *Ельмслев Л.* Прологомены к теории языка. Пер. с англ. — В кн.: Новое в лингвистике, вып. 1. М., 1960.
- Засорина 1965 — *Засорина Л. Н.* О местоименных предикатах в русском языке. — В кн.: Вопросы общего языкознания. Изд-во ЛГУ, 1965.
- Звегинцев 1960 — *Звегинцев В. А.* История языкознания XIX—XX вв. в очерках и извлечениях, ч. 1. М., 1960.

- Звегинцев 1976 — *Звегинцев В. А.* Предложение и его отношение к языку и речи. М., 1976.
- Золотова 1976 — *Золотова Г. А.* О синтаксических свойствах имен качества. — В кн.: Синтаксис и стилистика. М., 1976.
- Золотова 1979 — *Золотова Г. А.* К вопросу об объекте синтаксических исследований. — Изв. АН СССР. Сер. литер. и языка 1979, т. 38, № 1.
- Илья 1979 — *Илья Л. И.* Пособие по теоретической грамматике французского языка. М., 1979.
- Иллич-Свитыч 1964 — *Иллич-Свитыч В. М.* Генезис индоевропейских рядов гуттуральных в свете данных внешнего сравнения. — В кн.: Проблемы сравнительной грамматики индоевропейских языков. Научная сессия. Тезисы докладов. Изд-во МГУ, 1964.
- Кант 1964 — *Кант И.* Критика чистого разума. — Соч. в 6-ти т., т. 3. М., 1964.
- Караулов 1976 — *Караулов Ю. Н.* Общая и русская идеография. М., 1976.
- Каринский 1956 — *Каринский М. И.* Классификация выводов. — В кн.: Избр. труды русских логиков XIX века. М., 1956.
- Карнап 1959 — *Карнап Р.* Значение и необходимость. Исследование по семантике и модальной логике. Пер. с англ. М., 1959.
- Карпов 1856 — *Карпов В. Н.* Систематическое изложение логики. СПб., 1856.
- Карри 1969 — *Карри Х.* Основания математической логики. Пер. с англ. М., 1969.
- Кибрик 1979 — *Кибрик А. Е.* Подлежащее и проблема универсальной модели языка. — Изв. АН СССР. Сер. литер. и языка, 1979, т. 38, № 4.
- Клаус 1960 — *Клаус Г.* Введение в формальную логику. Пер. с нем. М., 1960.
- Климов 1973 — *Климов Г. А.* Очерк общей теории эргативности. М., 1973.
- Климов 1976 — *Климов Г. А.* О некоторых задачах историко-типологических исследований. — ВЯ, 1976, № 5.
- Климов 1977 — *Климов Г. А.* Типология языков активного строя. М., 1977.
- Колшанский 1979 — *Колшанский Г. В.* Коммуникативная грамматика и лингвистическая интерпретация категорий субъекта и предиката. — Изв. АН СССР, СЛЯ, 1979, т. 38, № 4.
- Комлев 1969 — *Комлев Н. Г.* Компоненты содержательной структуры слова. М., 1969.
- Кондаков 1971 — *Кондаков Н. И.* Логический словарь. М., 1971.
- Кортава 1978 — *Кортава Ю. Г.* Глаголы обладания в грузинском языке. — В кн.: Проблемы внутренней и внешней лингвистики. М., 1978.
- Крушевский 1883 — *Крушевский Н. В.* Очерк науки о языке. Казань, 1883.
- Кубрякова 1978 — *Кубрякова Е. С.* Части речи в овомасиологическом освещении. М., 1978.
- Лайонз 1978 — *Лайонз Дж.* Введение в теоретическую лингвистику. Пер. с англ. М., 1978.
- Лекомцев 1974 — *Лекомцев Ю. К.* Введение в формальный язык лингвистики (система различения и синтаксис). Автореф. докт. дис. М., 1974.

- Лекомцев 1979 — *Лекомцев Ю. К.* Дискретные лексические поля и структура семантических единиц (опыт формальной теории). — Изв. АН СССР. Сер. литер. и языка, 1979, т. 38, № 3.
- Лекторский и др. 1969 — *Лекторский В. А., Садовский В. Н., Юдин Э. Г.* Комментарии. — В кн.: Пиаже Ж. Избр. психологические труды. М., 1969.
- Леонтьев 1969 — *Леонтьев А. А.* Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М., 1969.
- Локк 1960 — *Локк Дж.* Опыт о человеческом разуме. — Избр. философские произведения, т. 1. М., 1960.
- Ломтев 1969 — *Ломтев Т. П.* Парадигматика предложений на основе конвертируемости отношений. — В кн.: Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. М., 1969.
- Ломтев 1972 — *Ломтев Т. П.* Предложение и его грамматические категории. М., 1972.
- Ломтев 1976 — *Ломтев Т. П.* Общее и русское языкознание. М., 1976.
- Лосев 1962 — *Лосев А. Ф.* Категории. — В кн.: Философская энциклопедия, т. 2. М., 1962.
- Лосев 1968 — *Лосев А. Ф.* Введение в общую теорию языковых моделей. — [Учен. зап.] МГПИ им. В. И. Ленина, 1968, № 307.
- Марков 1951 — *Марков А. А.* Теория алгорифмов. — Труды матем. ин-та АН СССР им. В. А. Стеклова, 1951, т. 38.
- Марков 1954 — *Марков А. А.* Теория алгорифмов. — Труды матем. ин-та АН СССР им. В. А. Стеклова, 1954, т. 42.
- Мартынов 1966 — *Мартынов В. В.* Кибернетика, семиотика, лингвистика. Минск, 1966.
- Мартынов 1974 — *Мартынов В. В.* Семиологические основы информатики. Минск, 1974.
- Мартынов 1977 — *Мартынов В. В.* Универсальный семантический код. Минск, 1977.
- Мельников 1977 — *Мельников Г. П.* Теория знака и особенности языкового знака. — Изв. Северо-Кавказ. науч. центра высшей школы. Обществ. науки, 1977, № 3.
- Мельников 1978 — *Мельников Г. П.* Системология и языковые аспекты кибернетики. М., 1978.
- Мещанинов 1948 — *Мещанинов И. И.* Глагол. М.—Л., 1948.
- Мещанинов 1975 — *Мещанинов И. И.* Проблемы развития языка. Л., 1975.
- Миалль 1914 — *Миалль Дж. Ст.* Система логики силлогистической и индуктивной. Пер. с англ. 2-е изд. М., 1914.
- Морковкин 1970 — *Морковкин В. В.* Идеографические словари. М., 1970.
- Морковкин 1976 — *Морковкин В. В.* Смысловое членение универсума и классификация лексики. — В кн.: Проблематика определенных терминов в словарях разных типов. Л., 1976.
- Москальская 1974 — *Москальская О. И.* Проблемы системного описания синтаксиса (на материале немецкого языка). М., 1974.
- Москальская 1977 — *Москальская О. И.* Вопросы синтаксической семантики. — ВЯ, 1977, № 2.
- Неклассическая логика 1970 — Неклассическая логика. М., 1970.
- Никитина 1978 — *Никитина С. Е.* Тезаурус по теоретической и прикладной лингвистике. М., 1978.

- Новиков 1973 — *Новиков Л. А.* Антонимия в русском языке (Семантический анализ противоположности в лексике.) М., 1978.
- Новоселов 1970 — *Новоселов М.* Суждение. — В кн.: *Философская энциклопедия*, т. 5. М., 1970.
- Ожегов 1972 — *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. 9-е изд. М., 1972.
- Падучева 1969 — *Падучева Е. В.* Семантический анализ отрицательных предложений в русском языке. — В кн.: *Машинный перевод и прикладная лингвистика*, вып. 12. М., 1969.
- Падучева 1974 — *Падучева Е. В.* О семантике синтаксиса. М., 1974.
- Пиаже 1932 — *Пиаже Ж.* Речь и мышление ребенка. Пер. с франц. М.—Л., 1932.
- Пиаже 1969 — *Пиаже Ж.* Логика и психология. — В кн.: *Пиаже Ж. Избр. психологические труды*. Пер. с франц. М., 1969.
- Покровский 1959 — *Покровский М. М.* Избр. работы по языкознанию. М., 1959.
- Порфирий 1939 — *Порфирий.* Введение к категориям финикийца Порфирия, ученика ликополитанца Плотина. — В кн.: *Аристотель. Категории*. М., 1939.
- Потебня 1926 — *Потебня А. А.* Мысль и язык. Харьков, 1926.
- Потебня 1958; 1968 — *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике, т. 1. М., 1958; т. 2. М., 1968.
- Ревзин 1972 — *Ревзин И. И.* [Рец. на кн.:] Маркус С. Теоретико-множественные модели языков. Пер. с англ. М., 1970. — ВЯ, 1972, № 3.
- Савченко 1973 — *Савченко А. Н.* К вопросу о происхождении эргативной конструкции предложения. — *Иберийско-кавказское языкознание*, Тбилиси, 1973, т. 18.
- Сазонова 1975 — *Сазонова И. К.* Семантический фактор в формировании вторичного лексического значения (на материале страдательных причастий прошедшего времени совершенного вида). Автореф. канд. дис. М., 1975.
- Серебренников 1976 — *Серебренников В. А.* Сводимость языков мира, учет специфики конкретного языка, предназначенность описания. — В кн.: *Принципы описания языков мира*. М., 1976.
- Синтаксис и стилистика 1976 — *Синтаксис и стилистика*. М., 1976.
- Слицин 1970 — *Слицин Я. А.* Об итерированных модальностях в современной логике. — В кн.: *Неклассическая логика*. М., 1970.
- Смирнова 1962 — *Смирнова Е. Д.* К проблеме аналитического и синтетического. — В кн.: *Философские вопросы современной формальной логики*. М., 1962.
- Степанов 1961 — *Степанов Ю. С.* Подлежащее в старых романских языках (Глава из сравнительно-исторического синтаксиса). — *Вестн. МГУ*, 1961, № 4.
- Степанов 1964 — *Степанов Ю. С.* О предпосылках лингвистической теории значения. — ВЯ, 1964, № 5.
- Степанов 1965 — *Степанов Ю. С.* Французская стилистика. М., 1965.
- Степанов 1971а — *Степанов Ю. С.* Семантика. М., 1971.
- Степанов 1971б — *Степанов Ю. С.* От имени лица к имени вещи — стержневая линия романской лексики. — В кн.: *Общее и романское языкознание*. М., 1971.

- Степанов 1973а — *Степанов Ю. С.* Современные связи лингвистики и логики (категории функции, пропозициональной связки, синтаксического отрицания). — ВЯ, 1973, № 4.
- Степанов 1973б — *Степанов Ю. С.* Семиотическая структура языка (три функции и три формальных аппарата языка). — Изв. АН СССР. Сер. литер. и языка, 1973, т. 37, № 4.
- Степанов 1975а — *Степанов Ю. С.* Основы общего языкознания. 2-е изд., перераб. М., 1975.
- Степанов 1975б — *Степанов Ю. С.* Методы и принципы современной лингвистики. М., 1975.
- Степанов 1977 — *Степанов Ю. С.* Номинация, семантика, семиология (Виды семантических определений в современной лексикологии). — В кн.: Языковая номинация. Общие вопросы. М., 1977.
- Степанов 1979 — *Степанов Ю. С.* Иерархия имен и ранги субъектов. — Изв. АН СССР, СЛЯ, 1979, т. 38, № 4.
- Степанов — Эдельман 1976 — *Степанов Ю. С., Эдельман Д. И.* Семиологический принцип описания языка. — В кн.: Принципы описания языков мира. М., 1976.
- Степанова 1972 — *Степанова Л. Н.* Категория рода и лексические дублиеты в испанском языке. Автореф. канд. дис. М., 1972.
- Столл 1968 — *Столл Р.* Множества. Логика. Аксиоматические теории. Пер. с англ. М., 1968.
- Сукаленко 1976 — *Сукаленко Н. И.* Двужычные словари и вопросы перевода. Харьков, 1976.
- Толикина 1976 — *Толикина Е. Н.* Термин в толковом словаре (к проблеме определения). — В кн.: Проблематика определений терминов в словарях разных типов. Л., 1976.
- Тондл 1975 — *Тондл Л.* Проблемы семантики. Пер. с чеш. М., 1975.
- Уфимцева 1974 — *Уфимцева А. А.* Типы словесных знаков. М., 1974.
- Фреге 1978 — *Фреге Г.* Понятие и вещь. Пер. с нем. — В кн.: Семиотика и информатика, вып. 10. М., 1978.
- Фрумкина 1978 — *Фрумкина Р. М.* Соотношение точных методов и гуманитарного подхода: лингвистика, психология, психолингвистика. — Изв. АН СССР. Сер. литер. и языка, 1978, т. 37, № 4.
- Целищев 1976 — *Целищев В. В.* Логика существования. Новосибирск, 1976.
- Чобану 1976 — *Чобану А. И.* Синтаксис полусвязочных глаголов в молдавском языке, ч. 1. Кишинев, 1976.
- Шведова 1970 — *Шведова Н. Ю.* Простое предложение. — В кн.: Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
- Шведова 1973 — *Шведова Н. Ю.* О соотношении грамматической и синтаксической структуры предложения. — В кн.: VII Международный съезд славистов. Славянское языкознание. Доклады советской делегации. М., 1973.
- Шмелев 1964 — *Шмелев Д. Н.* Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964.
- Шмелев 1976 — *Шмелев Д. Н.* Синтаксическая членность высказывания в современном русском языке. М., 1976.
- Якушин 1979 — *Якушин Б. В.* «Семантический треугольник» в парадигмах Г. Фреге, Ф. де Соссюра в свете коммуникативно-

- кибернетического подхода. — Изв. АН СССР, СЛЯ, 1979, т. 38, № 3.
- Яновская 1972 — Яновская С. А. Проблемы введения и исключения абстракций более высоких (чем первый) порядков. — В кн.: Яновская С. А. Методологические проблемы науки. М., 1972.
- Ярцева 1972 — Ярцева В. Н. О синтаксической роли прямого дополнения в языках разных типов. — В кн.: Члены предложения в языках разных типов. Л., 1972.
- Ajdukiewicz 1958 — Ajdukiewicz K. Le problème du fondement des propositions analytiques. — *Studia Logica*, 1958, t. 8.
- Battro 1973 — Battro A. M. Piaget: dictionary of terms. New York, 1973 (англ. пер. книги: Battro A. M. Dictionnaire d'épistémologie génétique. Dodrecht, 1966).
- Church 1964 — Church A. The need for abstract entities in semantic analysis. — In: The structure of language. Readings in the philosophy of language. Ed. by J. Fodor and J. Katz. Englewood Cliffs, Prentice Hall Inc., 1964.
- Couturat 1901 — Couturat L. La logique de Leibniz. Paris, 1901.
- Harris 1976 — Harris Z. S. On a theory of language. — *The Journal of Philosophy*, 1976, vol. 73.
- Hatcher 1948 — Hatcher A. G. From «ce suis je» to «c'est moi» (the ego as subject and as predicative in Old French). — *Publications of Modern Languages Association*, 1948, vol. 63, N 4.
- Hjelmslev 1948 — Hjelmslev L. Le verbe et la phrase nominale. — In: *Mélanges J. Marouzeau*. Paris, 1948.
- Lalande 1972 — Lalande A. Vocabulaire technique et critique de la philosophie. Paris, 1972.
- Laroche 1975 — Laroche E. Noms d'action en indo-européen d'Anatolie. — In: *Mélanges linguistiques offerts à E. Benveniste*. Paris, 1975.
- Martin 1978 — Martin R. M. Semiotics and linguistic structure. A primer of philosophic logic. Albany, State Univ. of New York Press, 1978.
- Mates 1961 — Mates B. Stoic logic. Berkeley and Los Angeles, Univ. of California Press, 1961.
- Miller 1971 — Miller G. A. Empirical methods in the study of semantics. — In: *Semantics 1971*.
- Piaget — см.: Battro 1973.
- Quine 1970 — Quine W. V. O. Word and object. Cambridge, The M. I. T. Press, 1970.
- Rescher 1968 — Rescher N. Topics in logic. Dodrecht, 1968.
- Russell 1956 — Russell B. Logic and knowledge. Essays 1901—1950. London, 1956.
- Sánchez 1754 — [Sánchez de las Brosas F.] *Sancti Minerva seu de causis linguae latinae*. Amsterdam, 1754.
- Schwyzler 1966—1968 — Schwyzler E. Griechische Grammatik. Bd 1. Allgemeiner Teil. Lautlehre. Wortbildung. Flexion. München, 1968; Bd 2. Syntax und syntaktische Stilistik. München, 1966.
- Searle 1971 — Searle J. R. The problem of proper names. — In: *Semantics 1971*.
- Semantics 1971 — Semantics. An interdisciplinary reader in philosophy, linguistics and psychology. Ed. by D. D. Steinberg and L. A. Jakobovits. Cambridge, Univ. Press, 1971.

- Serrus 1945 — *Serrus Ch. Traité de logique*. Paris, 1945.
- Słownik 1975 — *Słownik i semantyka. Definicje semantyczne*. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1975.
- Steele 1978 — *Steele S. Word order variation: a typological study*. — In: *Universals 1978*.
- Stepanov 1974 — *Stepanov Ju. S.* [Степанов Ю. С.] Some burning issues of contemporary semiotics. — *Linguistics, The Hague, Mouton, 1974, N 141*.
- Universals 1978 — *Universals of human language*. Ed. by J. H. Greenberg, vol. 4. *Syntax*. Stanford, California, Stanford Univ. Press, 1978.
- Vendler 1971 — *Vendler Z. Singular terms*. — In: *Semantics 1971*.
- Verkuyl 1972 — *Verkuyl H. J. On the compositional nature of the aspects*. Dordrecht, 1972.
- Wierzbicka 1969 — *Wierzbicka A. Dociekania semantyczne*. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1969.
- Wierzbicka 1972 — *Wierzbicka A. Semantic primitives*. Frankfurt a. M., 1972.
- Wundt 1893 — *Wundt W. Logik. Eine Untersuchung der Prinzipien der Erkenntnis und der Methoden wissenschaftlicher Forschung*. Stuttgart, 1893.

КРАТКИЙ СЕМИОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ- УКАЗАТЕЛЬ*

Абстракция (в семиологии) — 1. *Семиозис абстракции* — один из двух основных видов семиозиса, противопоставляется *метасемиозису* 13, 15; 2. А. как отражение в *Семантике* предметов и особой объективного мира, например родо-видовые отклонения 76; 3. А. как отражение в *Словаре субъектов и предикатов предложений* — денотатные и сигнификатные группировки; индивидуальные имена, общие имена, метаймена; А. классов 31, 83, 153; А. признаков (свойств) 31, 188, 336; А. отожествлений свойства с классом — см. *принцип объемности*; А. метод — см. *метод абстракции*.

Алгебраические модели — их сходства и отличия от *семиологической грамматики* 26.

Антонимия — противоположенность, А. денотатная (ситуативная) 62; А. сигнификатная (смысловая) 63, 230.

Вербализация — вид *трансформации*, превращение в целом *предложения* в *предикат*, например «Солнце встает → Это — (Солнце встает)» (как ответ на вопрос: «Что происходит?») 197.

Выражение — факт языка, оформленный по его *правилам*, — слово, словосочетание, *предложение*; В. при *формализации* 24, 29, 213.

Геративная грамматика — как отличная от *семиологической* 9, 18³ 35, 144.

Глагол — *предикатор* особой формы, являющийся *отдельной лексемой* данного языка, изменяющейся по категориям лица, времени, залога и т. д.;

* В словарь включены важнейшие термины; даются отсылки на страницы, содержащие основные упоминания. Термины, выделенные курсивом, определяются в этом же словаре, и их определения связаны.

- Serrus 1945 — *Serrus Ch. Traité de logique*. Paris, 1945.
- Słownik 1975 — *Słownik i semantyka. Definicje semantyczne*. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1975.
- Steele 1978 — *Steele S. Word order variation: a typological study*. — In: *Universals 1978*.
- Stepanov 1974 — *Stepanov Ju. S.* [Степанов Ю. С.] Some burning issues of contemporary semiotics. — *Linguistics, The Hague, Mouton, 1974, N 141*.
- Universals 1978 — *Universals of human language*. Ed. by J. H. Greenberg, vol. 4. *Syntax*. Stanford, California, Stanford Univ. Press, 1978.
- Vendler 1971 — *Vendler Z. Singular terms*. — In: *Semantics 1971*.
- Verkuyl 1972 — *Verkuyl H. J. On the compositional nature of the aspects*. Dordrecht, 1972.
- Wierzbicka 1969 — *Wierzbicka A. Dociekania semantyczne*. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1969.
- Wierzbicka 1972 — *Wierzbicka A. Semantic primitives*. Frankfurt a. M., 1972.
- Wundt 1893 — *Wundt W. Logik. Eine Untersuchung der Prinzipien der Erkenntnis und der Methoden wissenschaftlicher Forschung*. Stuttgart, 1893.

КРАТКИЙ СЕМИОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ- УКАЗАТЕЛЬ*

Абстракция (в семиологии) — 1. *Семиозис абстракции* — один из двух основных видов семиозиса, противопоставляется *метасемиозису* 13, 15; 2. А. как отражение в *Семантике* предметов и особой объективного мира, например родо-видовые отклонения 76; 3. А. как отражение в *Словаре субъектов и предикатов предложений* — денотатные и сигнификатные группировки; индивидуальные имена, общие имена, метаймена; А. классов 31, 83, 153; А. признаков (свойств) 31, 188, 336; А. отожествлений свойства с классом — см. *принцип объемности*; А. метод — см. *метод абстракции*.

Алгебраические модели — их сходства и отличия от *семиологической грамматики* 26.

Антонимия — противоположенность, А. денотатная (ситуативная) 62; А. сигнификатная (смысловая) 63, 230.

Вербализация — вид *трансформации*, превращение в целом *предложения* в *предикат*, например «Солнце встает → Это — (Солнце встает)» (как ответ на вопрос: «Что происходит?») 197.

Выражение — факт языка, оформленный по его *правилам*, — слово, словосочетание, *предложение*; В. при *формализации* 24, 29, 213.

Геративная грамматика — как отличная от *семиологической* 9, 18³ 35, 144.

Глагол — *предикатор* особой формы, являющийся *отдельной лексемой* данного языка, изменяющейся по категориям лица, времени, залога и т. д.;

* В словарь включены важнейшие термины; даются отсылки на страницы, содержащие основные упоминания. Термины, выделенные курсивом, определяются в этом же словаре, и их определения связаны.

противопоставляется другим предикаторам — предикативам, выражениям *кванторов* и т. д. 65, 115, 119.

Глубинная структура, или глубинная семантика предложения, — описание смысла предложения другими словами, пересказ, перифраза, при условии, что эта перифраза выполнена в определенной системе, применяемой ко всем другим перифразам и позволяющей сопоставлять их поэлементно друг с другом; перифраза вне системы есть также Г. с., но грубая и приближительная 33, 178—179, 207, 311.

Грамматика — 1. Часть конкретного языка, характеризующаяся: а) используемой в этом языке частью универсальной таксономии предложений, предикатов и имен, б) их «техникой оформления», морфологией, в) правилами трансформаций и перифраз; совокупность слов грамматики; 2. Часть Языка как универсальной принадлежности человека, характеризующаяся таксономией имен, предикатов и предложений; категориями, правилами, а также операциями; 3. Описание Г. в 1-м и 2-м значениях, см.: семиологическая грамматика.

Денотат — 1. Предмет обозначения, референт, экстенционал; 2. Опознавательное отражения предмета обозначения в сознании, противопоставляется сигнификату; совокупность Д. образует предметную область, совокупность последних — экстенциональную сферу Семантики, Д. предложения — см.: трансформация 11, 47, 113, 214.

Длинный семантический компонент — общий семантический признак имен и предиката одного предложения 178, 204—205, 250 и след., 311, 341; способы прерывания, контраста Д. с. к. являются основной характеристикой типа предложения в 1-м значении, см. также: семантическая сочетаемость; категории; формализация Д. с. в. посредством теории типов Рассела 341.

Заглавная буква — как способ отличения на письме имен и других выражений метаязыка или эпитетов, когда они совпадают во внешней форме со словами конкретного языка 4, 125.

Знак — достаточно однозначно выделяемая единица семиологической системы, конкретный язык есть совокупность знаков и правил; знаки здесь — единицы лексики и морфологии данного языка; в Языке вообще знакам соответствуют категории.

Имбрикация — наложение структурных схем предложений друг на друга, перекрывание, так что одно какое-л. предложение-высказывание может быть отнесено более чем к одной схеме 154—155 (примеры), 207, 244.

Имя — единица Языка, соответствующая со стороны Семантики отражению отдельного предмета, объекта или явления объективного мира, со стороны Синтаксиса — субъекту или объекту высказывания, предметной постоянной или переменной в пропозициональной функции, месту в предикате, в структурной схеме предложения, в конкретном языке И. является словом, оформленным в соответствии с И. вообще и с правилами лексики и морфологии данного языка; см. также: таксономия имен, именование, индивидуальное и., общее и., метаймя 4, 30, 49, 57, 118.

Именование как отношение имени к объекту — 10, 48, 104, 114, 135.

Индивид — объект, который — в рамках данной семиологической системы или ее самостоятельного фрагмента — не является множеством; в Словаре имеется несколько таких систем с разным понятием И. в каждой из них («Вещи», «Растения», «Животные», «Люди», «Метаймена») 172; в сфере грамматики разные И. могут отличать разные слои грамматики 231, 256, 335.

Индивидуальное имя — имя, обозначающее индивид, 71 и след.; иногда то же, что собственное имя; при формализации аналогом И. и. выступает индивидуальная постоянная; имеются разные подходы к проблеме И. и. 32, 72, 78 и след., 85 и след., 94.

Интенционал — смысл, сигнификат; термин И. восходит к термину «со-

держание понятия» (из латин., букв. 'внутреннее натяжение') 11, 12, 32, 102—103, 218.

Интенциональная сфера Семантики — одна из двух сфер Семантики; противопоставляется *экстенциональной* 12, 215—216, 249, 323.

Категории — 1. Универсальные элементы Семантики, в большинстве случаев совпадающие с таковыми Синтаксиса, например «одушевленность — неодушевленность», «активность — неактивность» 264 и след.; К. принадлежит одновременно *экстенциональной* (предметной) сфере Семантики и ее *интенциональной* (понятийной) сфере, т. е. одновременно являются обобщениями фактов объективной действительности и категоризацией сферы понятий средствами языка 36 и след.; 2. Универсальная *таксономия предикатов*, разработанная Аристотелем, — «Категории» Аристотеля 116, 121; трудность именования К. 104, 122, 271—272, 305; К. с психологической точки зрения 36 и след., 139.

Кванторы — *предикаты*, применяемые не к именам, а к целым предложениям 169; выражения К. (формы К., *предикаторы* К.) различны; см. также *отрицание*; К. общности 173; К. существования 171; К. существования и предложения существования 156, 301.

Конверсия — вид *перифразы* 179, 199, 210; вид *антонимии* 63—64.

Лексема — то же, что *слово* в 1-м значении, 49, 119.

Лексика — техника *Словаря* и Семантики, а также Синтаксиса; см. *слово*; словарный состав конкретного языка; единицы Л. — *слова* и словосочетания — по отношению к универсальной *таксономии* Словаря выступают как особые в каждом конкретном языке группировки универсальных семантических признаков 6—7, 49, 59, 77—78, 83, 278.

Локация — соотношение *пропозиции* или *предложения* в целом с говорящим (с «я»), с моментом речи и местом речи 242 и след.; см. также *модальность*; «я»; *тип предложения*.

Метаязык — имя в том слое грамматики естественного языка, который выступает как *метаязык* по отношению к другой части того же языка, например в русском языке слова «совокупность», «множество»; аналогично в формальных языках 48, 70, 74, 95—96.

Метасемиозис — см. *семиозис*.

Метатеория — совокупность содержательных утверждений, сопровождающих один из двух основных видов *семиозиса*, *метасемиозиса*, в искусственных языках науки; противопоставляется *эпитеории* 21, 27.

Метаязык — способ реализации *метасемиозиса* — язык, используемый (или специально созданный) для рассуждения о каком-л. другом языке или для его точного описания; последний в таком случае называется языком-объектом и становится «планом содержания» для М.-я. 21—22; М.-я. влечет формализацию; противопоставляется *методу абстракции*; см. также: *метатеория*; *эпитеория* 21—22, 96.

Метод абстракции — способ реализации *семиозиса абстракции*, соответствующий *метаязыку* в *метасемиозисе* 15 и след., 27; основной метод в *семантической грамматике*; М. а. сопутствует *эпитеории*; см. также: *метаязык*, *метатеория*.

Мир — «действительный мир», «возможный мир» как логические и семиологические понятия 212, 223—225, 233—234, 279.

Модальность — «квазипредикат», утверждение действительности, необходимости, возможности, желательности и т. п., сопровождающее *предикат предложения-высказывания* 238; М субъективная 244 и след.; М. объективная 226, 244; языковые формы, *предикаторы*, М. как «квазипредикаты» — модальные глаголы 166, 245; модальная рамка 242, 265.

Морфология — техника Синтаксиса, а также Семантики, одно из средств грамматики конкретного языка 6—7, 278, 296

Номинализация — вид *трансформации*, превращение *предложения* в сло-

восочетание, соответствующее имени, например «Лес шумит → шум леса» 195.

Общее имя — имя, обозначающее неопределенный объект; противопоставляется индивидуальному И, *метаимени* 94, 343; при формализации О. и. — то же, что предметная переменная 15, 105, 124; О. и. денотатное 58; О. и. сигнификатное 58, 70, 300; неопределимость О. и. типа «кошка», «яблоко», «роза» 88; расхождения в понимании О. и. 15, 70.

Объект — 1. В *Семантике* то же, что *денотат имени*; 2. В *Синтаксисе* то из имен, связанных предикатом предложения, которое не является субъектом; таким образом, определение О. в синтаксическом смысле зависит от определения субъекта 116, 180.

Объемности принцип — см. *принцип объемности*.

Операция — *правило*, рассматриваемое с точки зрения психологии 43, 235.

Отрицание — как квантор см. *квантор*; перемещение («плавание») О. в предложении 171—173; см. также: *антонимия*.

Переменная как имя в пропозициональной функции, или *структурной схеме предложения*, 15, 17, 29, 52, 105, 147, 170, 339 и след.

Перифраза — 1. Отношение между двумя предложениями или вообще *выражениями*, при котором сходны или тождественны их *денотаты* или *референты*, но различны *сигнификаты* или *смыслы*, например «Петр продал машину Ивану ↔ Иван купил машину у Петра»; 2. То же, что *глубинная структура предложения*; П. имеют формальным аналогом «отношения следования» или «нестройной импликации»; см. также: *эмпатия*, *тождество*; *синонимия* 13, 138, 145, 148, 201, 220, 236, 300.

Подлежащее — субъект предложения, выраженный какой-л. специальной субъектной формой имени — именительным (номинативным) падежом в номинативных языках, эргативным падежом в эргативных языках и др.; таким образом, П. есть частный вид субъекта предложения — субъект, определяемый одновременно синтаксически и морфологически, 55, 172, 173 и след., 180, 263, 300.

Правило — 1. Отношение между двумя или более *выражениями*; поскольку в определении последнего входит термин П., оба определения образуют круг; при формализации выход из него видят в указании некоторого количества первичных неразложимых выражений (например, букв алфавита в формальных языках); 2. Предписание о выполнении П. в 1-м значении; 3. То же, что *операция*; *перифразы* и *трансформации* могут рассматриваться как П.; 4. В *семиологической грамматике* — инструкция о составлении предложения из предикатного и имен, аналог типа предложения; в таком смысле П. входит в определение *Языка* 9, 29—30.

Прагматика — раздел *семиологии*, см.: *локация*; *модальность*.

Предикат — часть предложения, характеризующаяся главным образом с точки зрения *Семантики* и ее универсальных категорий; П. есть логическая функция, определенная в двух отношениях: 1) по собственной семантике (например, «Качество», «Состояние», «Действие» и т. д.), 2) по предметной области допустимых в ней термов, или имен (например, «Вещи», «Люди» и т. д.); последние в свою очередь определяют в *таксономии имен* и определяют П. благодаря явлению *семантической сочетаемости*; таким образом, П. определяется в принципе так же, как *пропозициональная функция*, но более обобщенно; см.: *таксономия предикатов*; *предикатор*; 47, 94, 120; степень П. 106, 187, 256; уровень (порядок) П. 256, 335.

Предикатив — предикатор с глагольной функцией, не являющийся глаголом, например в русском языке краткое прилагательное 49, 152; нейтрализация денотатно-сигнификатных различий в П. 66.

Предикатор — конкретно-языковая форма предиката, чаще всего морфологическая 118, 135—138; основные П. — *глаголы*, *предикативы*, *выраженч*

кванторов, выражения отрицания, союзы, предлоги; П. могут быть также имена 94, 203, 300.

Предикация (малоупотребительный термин) — то же, что 1. *Пропозиция* или 2. Акт создания последней, предцирование, 217—248.

Предложение — основная единица *Синтаксиса* и *Языка* вообще; П. оформляется в соответствии с универсальными *правилами Синтаксиса* и *Семантики* и правилами *конкретного языка*; см.: *тип предложения*; *предложение-высказывание*; *пропозициональная функция*; *пропозиция*.

Предложение-высказывание — предложение в конкретном акте использования языка, в акте речи 4, как термин логики 137.

Предметная область — 1. Сфера объективного мира, применительно к которой определяются имена; см.: *экстенциональная сфера*, 2. То же, что *тематический класс*.

Принцип объемности — отождествление свойства с классом; П. о. в формальных языках 19, 107, 213, 218; несоответствие П. о. некоторым чертам естественных языков 336.

Прониминализация — вид трансформации, замещение части предложения местоимением 38.

Пропозициональная функция (в *семиологии*) — логическая функция, определенная 1) по ее *предикату*, 2) по области определения ее термов, или имен; П. ф. определяется в принципе так же, как *предикат*, но с большей конкретностью; то же, что *структурная схема предложения*, *тип предложения* во 2-м значении 136, 143, 170; П. ф. с точки зрения психологии как *операция* над символами, замещающая операцию над предметами, 235 и след.

Пропозиция — 1. Общая часть нескольких связанных в системе языка (не в акте речи) *предложений* — утвердительного, отрицательного, побудительного, вопросительного; истинного и ложного; одна и та же П. в одном предложении может выступать как «истина», в другом — как «ложь»; таким образом, П. лежит в *интенциональной сфере Семантики*, в то время как «истина» — «ложь», «утверждение» — «отрицание» (последнее, по-видимому, не всегда) — в *экстенциональной сфере*; 2. (Редко) то же, что *предикация*, 30, 137.

Референт — 1. *Денотат*, *экстенционал*, обычно применительно к анализу *предложения*; 2. Не распространено, но может оказаться полезным понимание Р. как ситуации или факта, обозначаемых предложением, в то время как денотат предложения будет лишь структурированной частью последних; Р. противопоставляется *сигнификату*, *смыслу*; см. также: *трансформация*; *перифраза* 11, 165, 220—221.

Род и вид (в *Семантике*) — абстракция отношений особей в объективном мире 47, 60; Р. и в. действуют полностью только в понятийной (*интенциональной*) сфере *Семантики* 78, 100, 130; в предметной (*экстенциональной*) сфере их аналогом выступают отношения «часть—целое», «предмет—его назначение» и др. 78; Р. и в. противопоставляются отношениям *тематического класса*.

Семантика — универсальная принадлежность *Языка* наряду с *Синтаксисом*; все содержание, информация, передаваемые языком в целом или какой-л. его единицей или выражением; единицы (элементы) С. в Языке — *категории*, универсальные семантические признаки, в конкретном языке — комбинация последних, выступающие в форме единиц *лексики* (*лексем*) и *морфологии* данного языка; см.: *Словарь*; *интенциональная*, *экстенциональная сферы*; *денотат*; *сигнификат*.

Семантическая сочетаемость — способность имен и предикатов взаимно сочетаться друг с другом 101, 166—167, 341; С. с. обусловлена *экстенционально* (связями предметов объективной действительности) и *интенционально* (связями понятий) 254, 256; в конкретном языке на С. с. накладываются ограничения, вытекающие из свойств (в частности, *правил*) *лексики* и *морфологии* данного языка 323, 332; см. также *длинный семантический компонент*.

Семантический компонент — см. *длинный семантический компонент*
Семантическое следование — связь двух или более перифраз в тексте, например «Прошел дождь ⇒ Сыро» 208—209; С. с. как формальный аналог *перифраз* в виде «правила следования», «нестрогой импликация» 220.

Семиозис — процесс возникновения или целенаправленного создания семиологической системы на основе какой-л. уже существующей системы низшего типа; в *семиологии* С. приобретает два основных вида: а) *метасемиозис*, при котором исходная система (*язык*) становится «планом содержания» для новой системы (*языка*), выступающей в роли «плана выражения» как *метаязык*; б) *семиозис абстракции*, при котором исходная система-язык становится средством выявления некоторой иной семиологической системы (которая может быть также языком), «планом выражения» для последней; см. также *метод абстракции* 21—22, 27.

Семиологическая грамматика — раздел *семиологии*, изучающий главным образом *грамматику* и применяющий для этого методы, основанные на *семиозисе*, главным образом *метод абстракции*.

Семиология — наука о знаковых системах (иначе называемая *семиотикой*), см. также: *семиологическая грамматика*.

Семиотика — иное название *семиологии*.

Сигнификат — 1. *Смысл выражения*, противопоставляется *референту*, *референции*, *денотату*; в выражении, являющемся *словом* или словосочетанием, С. — понятие; 2. Не распространено, но может оказаться полезным, особенно применительно к *предложению*, понимание С. лишь как структурированной части смысла, ср. *референт* 219; см.: *смысл*; *синонимия*; *пропозиция*, *эмпатия* 11, 47, 57, 94, 113.

Синонимия — 1. Семантическое сходство (близость) *выражений* или а) по *смыслу*, *сигнификату* — *интенциональная* С. (основной вид С.), см.: *перифраза*; или б) по *денотату*, *референту* — *экстенциональная* С., см.: *трансформация*, 2. Семантическое тождество *выражений* по тем же двум параметрам; интенциональное семантическое тождество требует структурного совпадения *интенционалов* — «интенционального изоморфизма» 64, 106.

Синтаксис — универсальная принадлежность *Языка* наряду с *Семантикой*; совокупность общих правил построения *предложения* и *предложения-высказывания* — основных единиц С.; см.: *тип предложения*; *категория*.

Словарь — универсальная таксономия *Семантики* *Языка*; ее техникой в каждом конкретном языке выступает *лексика* (а также *морфология*).

Слово — 1. *Лексема*, единица конкретного языка, представляющая в плане *Семантики* группировку универсальных семантических признаков и в плане выражения характеризующаяся цельюоформленностью по правилам *лексики* и *морфологии* данного языка 49, 102, один из видов *знаков*; слово в этом значении иногда называется «абстрактное слово», 2. То же, что *слово* в 1-м значении, но в любом отдельном случае его употребления в *предложении-высказывании*, иногда называемое «конкретное слово».

Слой грамматики — часть *грамматики* конкретного языка, характеризующаяся, во-первых, типом *предикатов*, их степенью и порядком, и входящих в них *имен* со стороны как *Семантики*, так и техники оформления — *морфологии* и *лексики*; во-вторых, *правилами трансформаций* и *перифраз*, в одном языке может быть несколько таких слоев, образующих его *грамматику* в целом 222, 253, 256, 313, 331; С. г. имеет формальным аналогом «тип» в смысле Рассела, см.: *теория типов Рассела*.

Смысл — 1. *Сигнификат*, *интенционал*, обычно применительно к анализу *предложения*; 2. Не распространено, но может оказаться полезным понимание С. как общего семантического, интенционального содержания *предложения* и название сигнификатом только структурированной части С. 219; см.: *сигнификат*; *денотат*; *референт* 11 и след.

Сочетаемость семантическая — см.: *семантическая сочетаемость*.

Структурная схема предложения — то же, что *тип предложения* во 2-м значении 136, 148, 160 и след.

Субъект — 1. Любое из *имен*, связанных *предикатом* предложения, например «ночь», «я», «там» в предложениях русского языка «Ночь светла», «Я пишу письмо», «Там светло», в *пропозиции* (логической абстракции предложения) *С* может быть любое из *имен-термов*, поэтому обычно *С* отождествляется на основании языковой формы — как первое по порядку *имя* при нейтральном порядке слов 52 и след., 180, 263, типы *С* характеризуются через типы предложений; частный случай, вид *С*. — *подлежащее*, см *тип предложения*. 2 То же, что *субъект речи*, говорящий, см : «я»; *локация*.

Таксономия — классификация в *семиологической грамматике*.

Таксономия имен — универсальные разделы *Словаря*, *Т. и.* строится в двух планах: а) *экстенциональном* (предметном) как отражение предметов и особой объективного мира («Вещи», «Растения», «Животные», «Люди») 71 и след.; б) *интенциональном* (понятийном) как отражение понятий («Индивидуальные имена», «Общие имена», «Метаимена») 85 и след., ряд группировок отражает субъектно-предикатное строение *предложения* («Денотатные группировки», «Сигнификативные группировки») 50 и след.

Таксономия предикатов — универсальная классификация *предикатов*, состоящая из трех основных разделов: а) базовые предикаты, основанные на категориях, установленных Аристотелем («Сущность», «Качество», «Действие» и т. д.) 149 и след.; б) *кванторы* (а также отрицание, союзы, предлоги) 169 и след.; в) *модальности* («квазипредикаты») 238 и след.

Таксономия предложений — классификация *предложений*, основанная на *таксономии предикатов* (предложения «Сущности», т. е. тождества, «Качества», «Действия» и т. д.) и *субъектов* («я»-предложения и т. д.).

Тематический класс — группа слов, обозначающих объекты, принадлежащие одной типовой ситуации, например: «жилище», «завод», «армия», «лес», «театр» и т. п.; слова в *Т. к.* объединяются по принципу «часть—целое»; *Т. к.* противопоставляется *роду и виду* 61, 78.

Теоретико-множественные модели — их отличия и сходства с *семиологической грамматикой* 26.

Теория типов Рассела — как формальный аналог *слоя грамматики* 339 и след.

Тип предложения — 1. Единица в типологии языков, основное строение предложения в языке данного типа — номинативный *Т. п.*, активный *Т. п.*, эргативный *Т. п.* 285 и след.; 2. Единица в *таксономии предложений* в *семиологической грамматике*, *структурная схема предложения*, *пропозициональная функция* в языковом оформлении.

Тип языка — как соотношение *таксономий Словаря* и *Синтаксиса* 284.

Трансформация — отношение между двумя *выражениями*, при котором сходны или тождественны их *смыслы*, *сигнификаты*, но имеются различия в *денотате* или *референте*, например «бегать → бегание», «Петр продал машину Ивану → Машина продана Петром Ивану» (превращение активного залога в пассивный); *Т.* противопоставляется *перифразе*; виды *Т.* — *вербализация*, *номинализация*, *прономинализация* 13, 138, 181, 217 и след., 236.

Форма — разделяется на внутреннюю и внешнюю: а) внутренняя *Ф.* — взаимное ограничение всех единиц системы, см : *Ф. имени*, *Ф. предложения*; б) внешняя *Ф.* — семиологическая система более низкого типа, чем та, формой которой она выступает, например последовательность звуков речи как *Ф. предложения-высказывания*.

Форма имени — а) (внутренняя *Ф.*) место имени в иерархии *таксономии Словаря*; место имени (как термина) в *предикате предложения* 97, 231, б) (внеш-

няя) единица лексики, лексема, слово; специальный случай Ф. п. — «внутренняя Ф.» в смысле Цотебни 98.

Форма предложения — а) (внутренняя Ф.) место предложения между тавтологией и противоречием 229 и след., 250; б) (внешняя Ф.) высказывание в речи; промежуточным явлением Ф. п. выступает тип предложения.

Функтор — языковое, главным образом грамматическое, средство предикации во 2-м значении или трансформации; предикаторы, а также продуктивные аффиксы являются Ф. 137, 184 и след.

Функция — значение функтора; см. также: пропозициональная функция 137, 184 и след.

Экземплификация — способ исключения абстракций для отдельных, но практически важных случаев 23—24.

Экстенционал — денотат, референт, предмет обозначения или класс предметов; термин Э. восходит к термину «объем понятия» (из латин., букв. 'растяжение'); противопоставляется интенционалу 11—12, 32, 102—103, 218.

Экстенциональная сфера Семантики — одна из двух ее сфер, противопоставляется интенциональной; см. также: объект; денотат; референт 12, 58 и след., 71 и след., 86 и след., 215.

Эмпатия — явление интенциональной сферы Семантики, сигнификата и смысла предложения — «изображение» говорящим факта, ситуации с точки зрения разных лиц (иногда предметов), названных в разных именах-термах предложения, например: «Иван женился на Марье» (Э. на стороне Ивана) — «Марья вышла замуж за Ивана» (Э. на стороне Марьи); см.: перифраза, конверсия 64, 210.

Эпитеория — совокупность содержательных утверждений, сопровождающих один из двух основных видов семиозиса в семиологии — семиозис абстракции; противопоставляется метатеории 21, 27.

«Я» — 1. Как принцип прагматики — см.: локация; прагматика; 2. Как субъект особого типа предложений 55, 165, 321; 3. Как одно из оснований модальности и локации 241 и след., 245.

Язык — универсальная принадлежность человека, семиологическая система, возникшая путем естественного семиозиса и служащая средством социализации человека, общения людей и познания; как семиологическая система Я. есть совокупность категорий и правил; в этом смысле слово Язык пишется в этой книге с прописной буквы (см. также: заглавная буква); язык конкретный — то же, что отдельный я., исторический я., национально-исторический я.; в этом смысле слово язык пишется со строчной буквы; конкретный я. в семиологической грамматике понимается как совокупность знаков и правил. Между я. и Я. посредствует тип языка как реализация определенной части универсальной таксономии Семантики (Словаря) и универсальной таксономии Синтаксиса. Т. о. Я. вообще может быть определен как система возможностей Семантики и Синтаксиса, ограниченная лишь или действительным или возможным миром и особенностями категоризаций у человека 40, 223—225, 284.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I Предмет и метод	3
1. Предмет	3
2. Метод	15
3. Стиль	22
4. Формализация. Отношение к логике и математике	25
5. Психологическая реальность. Отношение к психологии	34
Глава II Имена, или термины	45
1. Вводные замечания к таксономии	45
2. Детотатные и сигнификатные группировки	50
3. Основная таксономия — «Вещи», «Растения», «Животные», «Люди»	71
4. Индивидуные имена, общие имена, метаимена	85
5. Формализация	97
6. Психологическая реальность	109
Глава III Предикаты, или отношения	114
1. Вводные замечания к таксономии	114
2. Основная таксономия предикатов. 10 категорий Аристотеля	121
3. Формализация	135
4. Психологическая реальность	139
Глава IV Предложения, или пропозициональные функции	143
1. Вводные замечания к таксономии	143
2. Основная таксономия по предикатам. 10 категорий — 10 типов предложений	149
3. Основная таксономия по субъектам. «Я»-предложения; «он»-предложения; «оно»-предложения	162
4. Предложения с кванторами и отрицанием: с квантором общности; с квантором существования; с отрицанием	169
5. Подлежащее и сказуемое (субъект и предикат). Их семно-логический грамматический анализ	173
Глава V Трансформации	181
1. Вводные замечания	181
2. Трансформации имен и предикатов	183
3. Трансформации предложений	189
Глава VI Перифразы	201
1. Вводные замечания	201
2. Перифразы имен и предикатов	203
3. Перифразы предложений	207
Глава VII Формализация и психологическая реальность	212
1. Вводные замечания	212
2. Элементы формализации по системе А. Черча	213

3. «Описание возможностей», «описание состояний» и форма предложения	221
4. Психологическая реальность	234
Глава VIII Модальность	238
1. Вводные замечания. «Квазипредикаты». Модальность. Локация. Прагматика	238
2. Некоторые типы модальностей.	244
3. Формализация	248
Глава IX Семантическое согласование и контраст	250
1. Вводные замечания. Подходы к изучению	250
2. Семантическое согласование, длинный семантический компонент и контраст	257
3. Классификация длинных семантических компонентов по форме и по содержанию: универсальные категории «временность—вневременность», «постоянство—непостоянство», «отчуждаемость—неотчуждаемость» и др.	262
Глава X Эволюция	277
1. Вводные замечания. Эволюция. Прогресс. История	277
2. Изменение семантического согласования и контраста как звено эволюции. Три универсальные семантические модели высказывания — активная, эргативная, номинативная	285
3. Обобщение. Изменение длинного компонента как общий семиологический принцип коммуникации	291
Глава XI История	296
1. Вводные замечания. Морфология как техника и как предмет истории	296
2. Под универсальной категорией «временность—вневременность». Предложения тождества («Сущности»)	299
3. Под универсальной категорией «активность—неактивность». Предложения «Действия». Типы переходности	300
4. Под универсальной категорией «одушевленность—неодушевленность», «личность—неличность»	314
а) предложения «Состояния» с аористными (по происхождению) предикатами	314
б) предложения «Состояния» с перфектными (по происхождению) предикатами	324
Глава XII Слой грамматики, или несколько грамматик в системе одного языка	331
1. Вводные замечания	331
2. Степени и уровни предикатов как основа слоев	335
3. Формализация	339
Литература	344
Краткий семиологический словарь-указатель	351